

Казахский национальный педагогический университет им. Абая

УДК 94 (1-77) (574)

На правах рукописи

АУАНАСОВА КАМИЛЛА МУСИРОВНА

**Перспективы и развитие идеи евразийства
в современной истории Казахстана**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история
(История Республики Казахстан)

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук
Кенжебаев Г.К.

**Республика Казахстан
Алматы, 2010**

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
1 Евразийская традиция: истоки, становление и основные этапы развития	20
1.1 Истоки евразийской традиции.....	20
1.2 Становление евразийства как особой формы цивилизационного развития.....	40
1.3 Исторический аспект евразийского единства.....	66
1.4 Современные цивилизационные теории и евразийская модель.....	92
2 Евразийство и его идеи в историческом наследии Л.Н. Гумилева	110
2.1 Развитие исторических взглядов евразийцев в трудах Л.Н. Гумилева.....	110
2.2 Развитие евразийского наследия Л.Н. Гумилева в конце XX века....	139
3 Эволюция основных направлений евразийства и Евразийский Союз	157
3.1 Евразийские течения в России и странах СНГ.....	157
3.2 Интеграционные процессы и евразийский вектор развития постсоветского пространства.....	178
4 Идея евразийства Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева: развитие и перспективы	200
4.1 Современное евразийство: роль евразийской инициативы Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева в современной истории Казахстана и стран СНГ.....	200
4.2 Возникновение неоевразийства: историко-социальный аспект.....	221
4.3 Современное евразийское измерение межгосударственных отношений Республики Казахстан и Российской Федерации.....	241
4.4 Современные дискуссии вокруг евразийства	266
Заключение	284
Список использованных источников	293

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Евразийский регион с глубокой древности является местом плодотворного историко-культурного, социально-экономического и политического взаимодействия, которое имеет глубокие традиции и опирается на тысячелетний исторический опыт. В настоящее время эти традиции продолжают развиваться на качественно новом уровне современными независимыми государствами.

Казахстан, находясь на стыке Востока и Запада, Азии и Европы, исторически сложился как уникальное государственно-территориальное образование, вобравшее в себя ценности различных народов и цивилизаций. Синтез политических, экономических, исторических, культурно-философских традиций различных этносов, возникший вследствие взаимодействия и взаимообогащения восточной и западной цивилизаций на казахской земле, позволяет современникам рассматривать евразийскую модель, как одну из наиболее приемлемых геополитических перспектив.

Согласно определению термина «Евразия», как территории, состоящей из двух частей света Европы и Азии, Казахстан является «сердцем» Евразийского континента и в своем историческом, культурологическом и общецивилизационном смысле идентифицирует себя с евразийской общностью.

Территория нынешнего Казахстана отнесена учеными к срединному Евразийскому континенту, ее южному району, простирающемуся от Алтая до Копетдага, являя собой совершенно уникальное по разнообразию горной, пустынной, лесной ландшафтных зон пространство, отдаленное от морей и океанов, Казахстан сочетал в себе взаимодействие кочевой и земледельческой культур. Их гармоничное развитие на протяжении нескольких тысячелетий предопределило целостность тесных экономических взаимоотношений между народами на территории Евразии. В свою очередь это породило опыт взаимного сотрудничества, поиска компромисса и сохранения коллективной безопасности.

В мировом историческом процессе в настоящее время происходит сложный и неоднозначный процесс смещения мировых центров сил. На передовые позиции в мировой политике и экономике вступает евроазиатское пространство, которое приобретает новое, глобальное измерение.

Казахстан как страна, находящаяся в центре Евразии, стремится участвовать в создании новой многополярной мировой политической системы, целями которой являются обеспечение безопасности и высокая степень интеграции. Как отмечает Первый Президент РК Н.А. Назарбаев: «Казахстан – уникальное государство в Азии, в котором переплетаются европейские и азиатские корни. Представители разных народов составляют единство в многообразии. Сочетание разных культур и традиций позволяет нам впитывать лучшие достижения европейской и азиатской культур», Востока и Запада. Место Казахстана особенное – страна расположена «в сердце евроазиатского материка», волею судьбы занимая «срединное положение» между Россией и

Китаем. «Феномен нашей республики, – подчеркивает Н.А. Назарбаев, – заключается и в том, что мы являемся одновременно членами и европейских, и азиатских региональных международных организаций, ... мы понимаем суть своего геополитического положения и, более того, готовы к тому, чтобы стать центром по укреплению безопасности» [1].

Именно поэтому в Казахстане особое значение придают председательству в этом году нашей страны в ОБСЕ. Как страна-председатель ОБСЕ Казахстан стремится к тому, чтобы самый большой материк планеты, Евразия, стал общим пространством мира и взаимопонимания народов. Президент подчеркивает, что «Европа и Азия – единый континент. Сегодня эта идея обретает резонанс и в рамках ОБСЕ. Я убежден, что XXI век станет эпохой новых интеграционных союзов и больших региональных объединений. Прежде всего – на евразийском пространстве. Не думаю, что теперь это займет много времени» [2].

С момента обретения республикой независимости лидером Казахстана Н.А. Назарбаевым постоянно генерируются интеграционные инициативы, свидетельствующие о непрекращающемся поиске Казахстаном оптимальных вариантов многостороннего межгосударственного сотрудничества в рамках региона.

Региональная интеграция становится одним из основных трендов развития современного мира. При этом региональные формы объединения стран могут быть устойчивыми в том случае, если они опираются как на закономерности экономического и социального развития XXI века, так и на мощные цивилизационные факторы. Для постсоветских стран, которые являются евразийскими по своей истории, таким фактором является принадлежность к евразийской цивилизации и евразийскому пространству. И это не только объединяет культурно-исторические традиции евразийских стран и народов, не только означает общность географического пространства, но и предопределяет возможность формирования нового влиятельного геополитического центра современного мира XXI века.

В марте 1994 года, выступая в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, глава нашего государства впервые озвучил идею евразийства, выраженную в создании нового интеграционного объединения – Евразийского союза. По сути, именно она стала отправной точкой для развития всех последующих интеграционных форм на постсоветском пространстве. На сегодняшний день практическое наполнение евразийская идея обрела в таких весомых организациях, как ЕврАзЭС, а также в ШОС, СВМДА, Таможенный Союз.

В начале 1990-х годов идея евразийства, выдвинутая Президентом Н.А. Назарбаевым, была призвана, прежде всего, обеспечить государственную и национальную безопасность нашего государства на евразийском пространстве, исходя из исторически сложившегося геополитического соседства с одним из крупных государств мира – Россией, с которой Казахстан имеет самую протяженную в мире сухопутную границу. Дальновидная и мудрая по-

литика евразийской интеграции, проводимая Президентом Н.А. Назарбаевым таким образом, обеспечивает международную безопасность Казахстана, военно-стратегическое и экономическое партнерство с Российской Федерацией и другими странами, высокий уровень взаимовыгодного и разностороннего сотрудничества. Об этом свидетельствует современный формат, содержание и глубина двусторонних отношений Казахстана и России, которые сегодня являются эталоном интеграции на всем постсоветском пространстве.

Диссертационная работа посвящена исследованию идеи евразийства, которой пронизана вся новейшая история Казахстана, ее роли в интеграционных процессах на современном этапе. По своему историко-политическому значению идея евразийства стала играть существенную роль в современной истории не только Казахстана, но и других стран евразийского региона, потому что евразийская идея формирует гармоничные международные отношения, так как в исходном пункте она признает глубинную идентичность и равноценность народов, населяющих просторы Евразии.

На наш взгляд, глубокая философия идеи евразийства Главы государства состоит в осознании неразрывности как результата совместной деятельности народов, населяющих евразийское пространство. Без продолжения этой неустанной поддерживающей деятельности евразийский ресурс может быть исчерпан. И тогда останется неизменным только пространственный ресурс, то есть географическая составляющая, в виде евразийского субконтинента, как единой платформы расселения народов. Исторический ресурс может быть законсервирован в виде исторической памяти о ближайшей новейшей и более отдаленной истории. Разрыв пространственно-исторической взаимосвязи уничтожит евразийскую модель как одну из эффективных стратегий для сохранения не только Казахстана и России, но и других объектов геополитики в глобальном мире как самостоятельных и суверенных государств.

Эволюция идеи евразийства берет свое начало с 1920-х годов прошлого столетия, первого периода теоретического осмысления евразийства как научной концепции, которое понимается нами как классическое. Пройдя несколько промежуточных этапов, евразийство продолжило как неоевразийство. А с 1990-2000 годов оно трансформировалось в новое казахстанское евразийство.

Идея евразийства глубоко исторична по своей сути. Евразийство имеет глубокие российские исторические корни. Евразийство пережило историческую эпоху, возникшее в среде русской эмиграции в 1920-х годах, оно породило уникальное учение, вобравшее в себя разнообразный по научным областям знаний подход к пересмотру основных представлений хода русского исторического развития, ставшее своего рода ответом русской эмиграции на создание СССР. Его основателями были талантливые ученые: Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Флоровский, Г.В. Вернадский, Л.П. Карсавин, В.Н. Ильин, Н.Н. Алексеев и др.

Духовным наследником этого поколения евразийцев стал выдающийся мыслитель, историк и тюрколог XX века Лев Николаевич Гумилев. Именно

евразийцы и Л.Н. Гумилев стали пионерами исследования феномена кочевой цивилизации. Их разработки стали ценной теоретической базой в разрушении стереотипных оценок культур восточных кочевых народов.

Пережив более чем 70-летний период, классическое евразийство претерпело существенные концептуальные изменения, переродилось в новом формате – казахстанском, инициатором которого является Глава нашего государства – Н.А. Назарбаев. Так, протянулась историческая нить от классиков евразийства - Н.С.Трубецкого, П.Н. Савицкого и других до выдающегося теоретика и практика нашей истории Н. Назарбаева.

Евразийский лидер Н.А. Назарбаев придал евразийскому теоретическому учению зримое воплощение в реальной жизни, а также внес в евразийское мировоззрение огромный теоретический и практический вклад, сочетав его с новаторским экономическим, социальным, стратегическим подходом, неразрывно связав евразийство с демократией, императивом развития гражданского общества, социальной динамикой.

Речь идет не просто об адаптации евразийских идей к конкретным условиям современного Казахстана и Центральной Азии, но о развитии универсального содержания этого учения. Таким образом, созданная евразийцами историческая концепция методологически выливается в русло современного евразийского диалога Восток - Запад, инициированного лидерами Казахстана и России, в основе которого лежит взаимовлияющий, взаимосвязующий, цивилизационный фактор.

Новый подход к изучению и осмыслению истории Евразии в доктрине Президента Республики Казахстан в контексте интеграционных процессов на Евразийском пространстве наполняет ее практическими перспективами, позволяет актуализировать некоторые проблематичные и малоосвещенные вопросы истории евразийского пространства.

Обращение к евразийству, как к оригинальному научному направлению в русской эмиграции, вызвано в современном Казахстане не только поиском решений насущных геополитических, политических, социально-культурных проблем, но также стремлением восполнить наши знания о евразийском наследии. Всестороннее изучение этого наследия – наиболее актуальная проблема для гуманитарной науки.

В своей лекции «К экономике знаний через инновации и образование», прочитанной 26 мая 2006 года в ЕНУ им. Л.Н. Гумилева Глава нашей страны Н.А. Назарбаев высказался так: «Евразийская идея как теория была рождена в прошлом веке. Но уверен, что евразийская идея как практика организации новой жизни будет воплощена в этом веке. Евразийство – одна из главных идей XX века. И вы это сами поймете и увидите. Три кита Евразийской идеи, практически реализованные по инициативе Казахстана, – это ЕврАзЭС, СВМДА, и ШОС. И это – три разных практических выражений одного неразрывного Центра, Единой Евразийской Идеи» [3].

Специфика темы диссертации заключается в попытке рассмотреть идею евразийства, выдвинутую Президентом Н.А. Назарбаевым в контексте ис-

торической общности евразийских народов – одной из идей классического евразийства, возникшего в первой половине XX века, как уникальной концепции межнационального взаимодействия, экономического, культурного, конфессионального разнообразия евразийских народов. Особенность исследования заключается в изучении трансформации основных положений евразийства, возникшего в среде русской эмиграции и получившего свое духовное развитие на всем евразийском пространстве, благодаря активной евразийской политике, проводимой казахстанским Президентом.

Важно отметить, что евразийская идея Главы Казахстана по своим теоретическим и практическим аспектам представляет собой оригинальную концепцию, во многом отличную как от классического евразийства, так и его современных неоевразийских направлений.

В данной работе автор нацелен исследовать не только общие тенденции в теоретическом содержании классического и современного казахстанского евразийства, но и его кардинальные отличия, а также новые результаты практической реализации евразийского взаимодействия на этапе новейшей истории.

То, что идея евразийства не отождествляется с какой-либо одной страной, что оно принципиально многосубъектно, имеет для мировой политики XXI века принципиальное значение. Идея евразийства нацелена на такое единство и целостность, которые бы не подавляли и не ассимилировали уникальность народов, а, напротив, питались их разнообразием. Ведь фундаментальной особенностью современной Евразии является этнокультурное богатство и соединение в одной модели элементов тюркской, исламской, славянской и западноевропейской цивилизаций.

В нашем регионе, и, даже более конкретно, в нашей стране, переплетаются и взаимопроникают традиции Востока и Запада, происходит реальный диалог культур и цивилизаций. Во всестороннем и активно развивающемся диалоге, на основе идеи евразийства, основополагающим фактом становится то, что Евразия не только была колыбелью некоторых крупнейших мировых цивилизаций, но и служила мостом между ними.

Многие современные ученые и политики воспринимают сегодня ЕвразЭС как сообщество народов, связанных миллионами сформировавшихся на протяжении веков нитей. Зарождение и развитие ЕвразЭС подтверждает правомерность и возможность существования цивилизации, основанной не только на западных ценностях, но и на достижениях восточной цивилизации, как духовных, так и культурологических.

В основе экономической модели Евразии должна лежать гибкость экономических отношений и признания, наряду с ними, не меньшей значимости для общества других видов детерминизма - географического, социокультурного и этнического. И хотя мы живем в постиндустриальную эпоху, сама жизнь сопряжена помимо индустрии и экономики и с другими сферами: нравственными, культурологическими, аграрными, а также национальными отношениями. Можно сказать, что соотношение экономического и внеэко-

номического фактора составляет важную часть сути евразийства с экономической точки зрения. Сегодня Европа и Азия переживают процессы тесного демографического, культурного и экономического сближения и переплетения, образуя тем самым глобальное новоевразийское сообщество. Создание Евразийского экономического сообщества, которое должно сочетать в себе все достижения как Запада с его логико-аналитическими установками, так и Востока, где преобладают традиционно-образные подходы, является адекватным ответом на глобальные вызовы человечества. Такое сообщество с гибкой экономической моделью, без закостенелых подходов в вопросах экономических трансформаций, может стать весьма привлекательным и для других государств, в том числе и для тех которые ранее не входили в состав СССР.

Президент Республики Казахстан, выступая в июне 2008 года на Открытой 17-й ежегодной сессии Парламентской ассамблеи ОБСЕ, так изложил свой взгляд на развитие Евразии: «Европа и Азия – единый субконтинент, переплетенный множеством исторических, экономических связей. Без объединения усилий нельзя эффективно бороться с современными вызовами, обеспечить безопасность. Я верю, что по примеру Европейского союза мы в будущем придем к созданию Евразийского союза. Этого требует благополучие нашего большого континента Евразия».

В экономической сфере создаются реальные механизмы интеграции в рамках ЕврАзЭС. Одним из главных достижений ЕврАзЭС на сегодняшний день является создание Таможенного Союза, в который вошли Казахстан, Россия и Беларусь. В военно-политической сфере эффективно работают организации по региональной безопасности - ОДКБ, ШОС и СВМДА. Сегодня ОДКБ вступает в новый этап своего развития: созданы Коллективные силы оперативного реагирования, Объединенная система ПВО, Антитеррористический центр СНГ. ШОС, созданная на основе Соглашения 1999 года об укреплении доверия в военной области между Казахстаном, Россией, Кыргызстаном, Таджикистаном и Китаем, приобрела репутацию эффективной платформы для взаимодействия не только в сфере безопасности и трансграничных связей, но и в области образовательных, социальных и культурных проектов. Что касается СВМДА, то оно дало старт целенаправленному процессу формирования перспективной системы безопасности в Азии.

Таким образом, Казахстан сегодня фактически позиционируется в мире не только как азиатская страна, но и как потенциально европейская, точнее, азиатско-европейская.

Изучение истории евразийства и ее новая интерпретация представляет важную научную ценность для исторической науки, поскольку позволяет лучше понять особенности исторических процессов современного Казахстана.

Степень научной разработанности темы. Несмотря на широкое обсуждение проблематики евразийства, крупных исследовательских работ по выбранной теме в отмеченных масштабах практически нет, либо они имеют уз-

кое направление и иную гуманитарную отрасль. Объем же исследований, так или иначе, касающихся феномена евразийства, является весьма значительным.

Анализ евразийства начался практически одновременно с его появлением, в 20-е годы XX века. Евразийское учение было замечено в научных кругах практически сразу после первых публикаций евразийских авторов. Широко рассматривались, естественно, в критическом плане, идеи евразийства в 1927-1928 годах, статьи евразийцев, опубликованные в первых коллективных сборниках «Исход к Востоку», «На путях», работы кн. Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского, Л.П. Карсавина и др. [4]. Поскольку евразийцы принадлежали к числу эмигрантов, то их работы, наряду с работами П.Н. Милюкова, А.А. Кизеветтера, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова [5] и других представителей русской философской эмиграции, стали объектом пристального внимания представителей зарождающейся советской философии.

В коллективном труде «Против новейшей критики марксизма», где довольно много места уделяется критике марксизма русскими эмигрантами и в частности евразийцами, автор одной из статей сборника Н. Иванов (Омский) дает однозначную, резко политизированную оценку философствующим евразийцам. «Евразийцами мы называем сторонников существующего за рубежом с 1921 г. политического направления — евразийства. Это направление зародилось в среде белой эмиграции. Круг активных организаторов и пропагандистов евразийства рекрутировался исключительно из числа наиболее правой части, кочующей по Европе массы белой эмиграции. К евразийцам примкнула высланная из СССР часть реакционной профессуры» [6]. После такой оценки понятие евразийства практически исчезло из советской политической, научной литературы.

Однако интерес к евразийству и его изучению в научной среде не пропал, а был продолжен на более высоком уровне научной притязательности и жарких дискуссий.

Особое место в исследовании творчества евразийцев, вне всякого сомнения, принадлежит великому русскому ученому Л.Н. Гумилеву, называвшему себя «последним евразийцем» и выразившим незадолго до смерти твердую уверенность в том, что если России суждено возродиться, то только через евразийство. Л.Н. Гумилев в своей концепции обозначил Евразийский Восток не как периферийную территорию по отношению к Западной цивилизации, а как самостоятельный и динамичный центр этногенеза, культуры, истории общественного развития [7].

Лев Гумилёв предложил комплекс оригинальных методов изучения этногенеза, заключающихся в параллельном изучении исторических сведений о климате, геологии и географии вмещающего ландшафта и археологических и культурных источников. Основу его исследования составила оригинальная пассионарная теория этногенеза, с помощью которой он пытался объяснить закономерности исторического процесса.

Теория Л.Н. Гумилёва не является общепризнанной, и ряд авторов подвергает её жёсткой критике. Одной из основных претензий к ней является ее несоответствие критериям научности эмпирической теории. Некоторые авторы причисляют теорию Л.Н. Гумилева так называемой Фолк-истории.

В историографии зарубежных стран историческая мысль русского зарубежья рассматривалась в рамках россиеведческого направления. До второй мировой войны публикациями о евразийстве пестрели многие исторические, философские, социологические журналы Лондона, Парижа, Берлина, Праги, Белграда, Нью-Йорка, Буэнос-Айреса. В послевоенные годы интерес к евразийству ослабел, но не иссяк: в зарубежной печати продолжали публиковаться работы, посвященные этому общественно-политическому, идеологическому феномену [8].

Большой вклад в становление и развитие идеи евразийства внес выдающийся поэт, публицист и общественный деятель Олжас Сулейменов. В середине 1970-х годов вышла в свет его книга «Аз и Я» [9]. Автор в ней поднял ряд «евразийских» вопросов, связанных со значимостью тюркского влияния на русскую культуру, историю, язык. Одной из центральных тем, которая была поднята в поэзии О.Сулейменова, является общность тюрко-славянского этноисторического пространства, единство культурно-эстетических систем Степи и Руси и в целом огромного субконтинента Евразии.

В академической среде «Аз и Я» вызвала огромный резонанс, появились отрицательные отзывы и обвинения в инакомыслии [10]. Книга была запрещена и изъята по указанию цензурного ведомства из библиотек и продажи не только в Казахстане, но и по всему Союзу. И только в августе 1989 года имя и все творчество О.Сулейменова были реабилитированы. Важно отметить, что его взгляды оказали определенное влияние на формирование евразийского мировоззрения Н.А. Назарбаева, который отмечает: «Не скрою, во многом, именно творчество О.Сулейменова, подвигло меня на изучение и развитие идей евразийства...» [11].

В конце 80-х начале 90-х годов XX века был отмечен новый всплеск интереса к евразийству: началось широкое научное обсуждение проблем евразийства преимущественно в философском аспекте в журналах «Вопросы философии», «Философские науки» [12].

С 1992 года выходят многочисленные статьи, сборники, посвященные этому течению. Современные исследователи крайне неоднозначно оценивали перспективы евразийства. В 1992 году в журнале «Начала» был опубликован фрагмент докторской диссертации немецкого историка О. Босса. Полноценное исследование, которое представляет собой монография Отто Босса «Die Lehre der Eurasier: Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des XX Jahrhunderts», отличаются не только большим объемом, но и более широкий круг рассматриваемых проблем. Усилия О.Босса в основном сконцентрированы на политологической проблематике – исторические, культурологические, религиозные проблемы, проблема генезиса евразийства и многие другие им не рассмотрены [13].

В 1993 году в «Вопросах философии» появилась публикация большой статьи Леонида Люкса «Евразийство». По мнению обоих исследователей, во-первых, евразийство не было случайным направлением в русском зарубежье, а явилось реакцией, вызванной тревогой эмиграции за судьбу России; во-вторых, оно было наиболее интересным и самобытным течением русской мысли послереволюционных лет [14].

Среди французских авторов, занимавшихся евразийством, стоит назвать работы М. Ларюэль, статьи Ш. Буржуа и Г. Шкявера [15]. Итальянские авторы представлены работами слависта Е. Ло Гато [16]. Заметный интерес к социокультурной концепции евразийства проявили польские, чешские и хорватские авторы [17].

Из книг, опубликованных в последние годы на английском языке, назовем работы, М. Седжвика, М. Хонера, Р.Г. Вессона и др. [18]. Стоит отметить, что в целом для многих из англоязычных авторов концепция евразийства остается противоречивой и малоисследованной темой. Определенный интерес в контексте изучения геополитических признаков современного евразийства заслуживают крупные научные исследования А.Дж. Тойнби, К. Хаусхофера, С. Хантингтона, З. Бжезинского [19].

Нельзя не отметить и книгу М.Б. Олкотт «Казахстан: непройденный путь», которая посвящена исследованию международного положения нашей страны, ее внешней политике, и месту в современной геополитике [20]. Интересной представляется научная интерпретация истории евразийских народов в книге Э. Каррер д'Анкос «Евразийская империя. История Российской империи с 1552 г. до наших дней». В ней известный автор исследует предпосылки формирования евразийских начал в истории народов, населявших Российскую империю, и освещает их дальнейшую трансформацию в едином русле исторического хода с известной доминантой метрополии в отношении колониальной периферии [21].

Другой современный автор – индийский исследователь евразийства Мадхаван К. Палат считает, что евразийская идеология способна заполнить идеологический вакуум, установившийся после распада Советского Союза [22]

Исследованию различных аспектов евразийского учения посвящено большое число диссертационных работ, защищенных в России и Казахстане в различные годы, преимущественно философско-политологического характера. Среди них можно отметить работы А.Г. Горяева [23], А.И. Гарлика [24], Г.Т. Койшыбаева [25], О.А. Курамысова [26], А.А. Абикенова [27], С.К. Кушкumbaева [28], и др.

Первой диссертационной работой, посвященной евразийству, стала диссертация Р.А.Урхановой «Евразийство как идейно-философское течение в русской культуре XX века». Автор рассматривает истоки евразийского учения, определяет место этого учения в истории евразийской мысли. Основное содержание исследования Р.А.Урхановой составляет анализ ключевой проблемы евразийской историософии «Восток-Запад-Россия», основ евразийской культурологии, этапов ее развития. Особое внимание уделяется критике

западной культуры в евразийстве. Одним из выводов исследования является мысль о том, что «рефлексия по поводу извечной для русского сознания проблемы «Россия-Европа» важна для евразийцев не сама по себе», а имеет смысл в русле образования культурного, религиозного, исторического своеобразия» [29].

Заслуживает внимания и диссертация А.Т. Горяева «Евразийство как явление культуры России: историко-философский аспект», в которой, по словам автора, в центр исследования сознательно выносятся анализ концептуальных основ евразийства в целом, а не отдельных ее аспектов, представляющих интерес.

Анализ евразийства, как особого культурного явления в истории России, проводился с учетом той значимости интересов, которую данная проблема приобретает в современных условиях [23]. В диссертационном исследовании А.И. Гарлика «Идеи евразийства в контексте современного развития России» осуществляется попытка раскрытия сущности евразийства в политическом аспекте, а также в сопоставительном анализе евразийского, западно-либерального, славяно-евразийского видения перспектив развития России [24].

Уровень восприятия евразийской концепции позволяет расширить исторические масштабы, демонстрируя актуальность в современном обществе национальных, экономических, политических, религиозных проблем, сформулированных еще в 1920-х годах, присущих большинству мировых держав и решаемых сегодня в нашей республике. Содержание термина размывается и обобщается в связи с весьма субъективным восприятием процессов глобализации, схематизации и унификации. Вновь соединяются разнородные элементы в структуре современного евразийства, снимая противоречие Восток-Запад, и ориентируясь на интеграцию с наилучшим прагматичным вариантом развития государств, наций и общества.

В то же время интерес к евразийству проявляют и ученые Казахстана, Кыргызстана, Белоруси, Узбекистана и Таджикистана. Их научное восприятие и анализ евразийства преимущественно отражаются в статьях и докладах международных конференций, симпозиумов, «круглых столов».

Официально началом возникновения современной идеи евразийства принято считать 1994 год, когда Президент РК Н.А. Назарбаев озвучил концепцию «Евразийского Союза». Впервые в истории евразийской мысли Президент независимого государства, политик такого масштаба, выступил с провозглашением евразийской доктрины как исторического пути постсоветского пространства. Труды и выступления Н.А. Назарбаева составляют глубокий исторический, философский, политико-экономический пласт современного неоевразийства [30-54].

Большой материал научных исследований составляют труды и публикации казахстанских ученых, государственных и общественных деятелей, в той или иной мере затрагивающих изучение евразийской идеи в различных ретроспективных и современных ракурсах. Среди них можно отметить труды: Ж.М. Абдильдина [55], М.Ж. Жолдасбекова [56], А.Н. Нысанбаева [57], С.А.

Абдыманапова [58], Е.М. Арынова [59], С.В. Селиверстова [60] и др. В большинстве своем указанные труды и публикации носят историко-культурологический, политологический характер и объединены общими принципами интерпретации евразийского наследия с позиций исторической взаимосвязи и взаимопроникновения культур и социальных основ.

Совершенно особым взглядом на евразийство отличается основатель политической партии «Евразия», современный российский неоевразийский идеолог А.Г. Дугин [61]. Он помещает евразийство в широкий исторический контекст, считая его не просто российским явлением, а явлением мирового порядка.

Несомненный интерес представляет его книга «Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева», в которой автор описывает содержательную сторону евразийской политики Президента Казахстана, определяет идеологические мотивы и характеристики евразийской инициативы и роли личности Президента в контексте исторической силы, духа Великой степи. А.Г. Дугин отмечает, что евразийское мировоззрение Президента Казахстана – своеобразная методология, доктрина, теория истолкования истории и проект будущего миропорядка в целом [62].

Для исследования евразийства и неоевразийства большой интерес представляют работы российских авторов Н.Н. Алеврас [63], В.Я. Пашенко [64], Б.С. Ерасова [65], А.Г. Дугина [61], А.С. Панарина [66], Г.А. Югай [67], И.Б. Орловой [68] посвященные вопросам нынешних культур, философским спорам о судьбе России, интеграции бывших советских республик и т.д.

Другие представители современных евразийцев, идентифицирующих себя как «академические евразийцы», Ф.И. Гиренок [69], Бе Гю Сонг [70], Син Бон Сик [71] считают евразийство, прежде всего, стратегией выживания для России в новом постиндустриальном обществе. Данные авторы крайне мало исследуют классическое евразийство и заостряют внимание на геополитических перспективах современной России. Они указывают, что евразийство в его классическом варианте явилось совершенно законченной формой самобытного и новаторского идейно-политического течения, предопределенного всем предыдущим ходом исторического развития идейно-политической мысли.

Представляет интерес библиографический указатель «О Евразии и евразийцах», в котором собрано полное библиографическое описание работ евразийцев с подробным историографическим обзором. [72]

За последние годы в периодических изданиях Казахстана опубликован ряд статей, связанных с повышенным вниманием к евразийской тематике. Большой интерес представляет публикация Э. Каррер д'Анкос в газете «Нью-Йорп» «Евразиец на пути в Европу», посвященная анализу международной деятельности Президента Н.А. Назарбаева, его исторической роли в укреплении связей между Востоком и Западом, его высокой миссии в современной истории евразийского региона, в частности, и Центрально-азиатского в целом [73]. Высокую оценку деятельности Казахстана, председательствующего

в ОБСЕ, дает в своей статье и Габриель Арсене в газете «Найн о' клок» [74]. Внимания заслуживает и публикация французского автора Пьера Сегийона «Казахстан – стержень Евразии», в которой автор отмечает евразийский дух интеграционных процессов, инициированных Президентом Казахстана и их большие перспективы в деле укрепления региональной безопасности и экономического роста [75].

Эту мысль поддерживают и другие авторы. Так, в частности, в статьях Ордвей Джона и британского политика и писателя Джонатана Айткена «Нурсултан Назарбаев и созидание Казахстана», речь идет о созидательной роли Казахстана в быстроменяющемся мире, его прогрессивных антивоенных инициативах, укреплении мира и доверия между странами не только на евразийской площадке и Центральной Азии, но и в Европе [76].

Автор при изучении темы опирался на исследования, освещающие интеграционные процессы в Евразии и в других регионах мира. Это труды известных политиков и политологов-международников стран СНГ: К.К. Токаева [77], М.М. Тажина [78], Д.Н. Назарбаевой [79], Т.А. Мансурова [80], Н. Исингарина [81], А.Д. Джекшенкулова [82] и др.

В целом, несмотря на обширность имеющейся литературы, всесторонне комплексное изучение исторической концепции евразийства в Казахстане и в других странах-участницах Евразийского сообщества, отсутствует. Это повышает интерес общественности и ставит перед учеными новые задачи исследования евразийства и его сущностного содержания на современном этапе.

Основная цель исследования - исследовать развитие современной идеи евразийства в контексте историко-культурной связи с классическим евразийством, изучить перспективы и роль идеи евразийства в современной истории Казахстана и интеграционных процессах на территории СНГ.

Достижение указанной цели предполагает последовательное решение следующих взаимосвязанных **задач**:

- рассмотреть истоки евразийства, его основные этапы развития и цивилизационную составляющую;
- проследить эволюцию евразийских идей в историческом наследии Л.Н. Гумилева;
- выявить специфику общей ментальной, культурной и концептуальной среды в Казахстане и ряде других стран, в которых формируются и развиваются евразийские идеи сегодня;
- изучить основы и развитие евразийства в современной казахстанской историографии;
- раскрыть основные характеристики и направления современного неоевразийства;
- определить факторы, влияющие на формирование и трансформацию идеи евразийства в Казахстане и проанализировать ее роль в государственной политике Республики Казахстан;
- исследовать развитие и перспективы идеи евразийства Президента РК

Н.А. Назарбаева на современном этапе;

- изучить идею евразийства и ее роль в становлении и развитии региональной интеграции, системы региональной безопасности;

- провести всесторонний анализ форм участия РК в институтах евразийских интеграционных объединений;

- осветить процесс реализации евразийской инициативы в современной истории Казахстана и оценить роль казахстанского фактора в создании ЕврАзЭС и Таможенного Союза;

- описать и обозначить позицию Казахстана в вопросах дальнейшей институализации в рамках СНГ;

- проанализировать евразийское измерение межгосударственных отношений Республики Казахстан и Российской Федерации;

- осветить содержание современных дискуссий о сути и перспективах идеи евразийства.

Территориальные рамки исследования обусловлены областью развития и применения евразийской идеи – исторически сложившимся цивилизационным пространством бывшего СССР, затем СНГ, который называется субконтинентом Евразия. Ввиду поставленной цели и задач область исследования фокусируется, прежде всего, на территории современного Казахстана.

Хронологические рамки диссертационного исследования обусловлены в широком плане формированием становления, развития и перспектив евразийской идеи как единого процесса. Начальной точкой взят период 1920-х годов – времени зарождения евразийской классической мысли. Верхняя же граница охватывает период наибольшего внимания к проблеме евразийства и включения ее в стратегические задачи суверенного Казахстана, обусловленный современной актуализацией евразийской идеи, в контексте поиска эффективных решений стратегического развития Казахстана в условиях вызовов современности, и потребности устройства евразийского пространства, как гаранта международной геополитической стабильности.

Объектом исследования является феномен идеи евразийства, исторического, философского и политического учения в его классической и современной стадии.

Предметом исследования являются развитие и перспективы идеи евразийства, представленной Первым Президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым на основе всего спектра подходов к исследованию и его критической оценке с определением значения евразийства в исторической, социально-политической, экономической и духовной сфере Казахстана и стран СНГ.

Теоретико-методологической основой диссертации являются основные научные парадигмы, представленные в трудах классиков евразийства и идеи евразийства Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева. Так же теоретико-методологическая база исследования образуется посредством использования общенаучных методов, применяемых в исторических исследованиях. В первую очередь, метода сравнительного анализа, а также историко-системного анализа и синтеза. Историко-системный анализ позволил систе-

материя и оценить данные касательно классического этапа в становлении евразийства, накопленные в отечественной литературе с 90-х гг. XX века по настоящее время. Метод сравнительного анализа позволил сопоставить основные положения классического евразийства с принципами и положениями современного евразийства.

Основным используемым методом является исторический подход в сочетании с объективностью, системностью, трактовкой и интерпретацией накопленных и исследованных фактов. В качестве главного принципа изучения евразийства используется его системное изучение с привлечением таких дисциплин, как история, философия, политология, геополитика, культурология, экономика и др.

В данной работе идея евразийства исследуется с точки зрения ее исторического, политического и социокультурного аспекта.

Источниковая база исследования базируется на широкой источниковой основе. В этой связи необходимо выделить несколько групп источников.

Первую группу источников составляют работы представителей классического евразийства, написанные в 20-30 годах XX века. К этой же группе относятся и работы ранних критиков евразийства.

В качестве **второй группы источников** автор выделил архивные материалы и текущий архив Министерства Иностранных Дел Республики Казахстан, который не носит секретного характера и включает информационно-аналитические справки.

Третью группу источников составили труды Главы государства Н.А. Назарбаева, как основателя современной идеи евразийства, мыслителя и политика и бесспорного лидера евразийской интеграции в современной истории Казахстана и стран СНГ.

Следующая, **четвертая группа источников**, состоит из работ современных исследователей и критиков классического евразийства и неоевразийства.

Пятую группу источников составляют труды некоторых видных государственных деятелей, а также мемуарная литература.

Шестую группу источников составляют материалы изучения общественного мнения относительно нового евразийства во внешней политике Республики Казахстан и Российской Федерации на современном этапе.

Седьмую группу источников составляют официальные документы СНГ и ЕврАзЭС. К этой же группе относятся документы Таможенного Союза, принятые позже и раскрывающие этапы становления и развития региональной интеграции.

Восьмую группу источников представляют электронные версии документов администрации президента РК и РФ, и МИД-а этих стран. Важную ценность представляют пресс-релизы этих органов по ключевым вопросам региональной интеграции и сотрудничества между РК и РФ, которые позволяют раскрыть первую реакцию официальных органов.

Девятая группа источников – это материалы таких информационных агентств как «Хабар», «ИТАР-ТАСС», «РИА-Новости», а также публикации

периодической печати Казахстана России и других стран СНГ.

Научная новизна диссертационного исследования определяется тем, что диссертационное исследование является одним из первых исследований в казахстанской исторической науке, где систематизирован накопленный теоретико-эмпирический материал и на этой основе произведен комплексный анализ развития и перспектив идеи евразийства в новейшей истории Казахстана.

В результате исследования изучены основные положения классического евразийства, освещена эволюция и трансформация основных евразийских идей, место евразийской модели в системе современных цивилизационных теорий, история формирования и развития идеи евразийства, сформулированной в евразийской концепции Президента Н.А. Назарбаева, результаты ее практического воплощения, а также представлены исторические описания и систематизация различных направлений современного неоевразийства.

Проведенное исследование позволяет получить цельное представление об истории евразийской мысли, ее эволюции и развитии в современных условиях на примере Казахстана и стран СНГ.

Автором исследования рассмотрен вопрос о месте евразийской идеи Н.А. Назарбаева среди современных направлений неоевразийства, ее роли в развитии современного Казахстана, проблемах и перспективах. В работе освещен вопрос исторического наследия классического евразийства, его преемственности и отличиях от современного неоевразийства, исследованы положения и программы многих течений современного евразийства, прежде всего, евразийской концепции Н.А. Назарбаева.

Таким образом, в диссертационном исследовании проведен широкий анализ исторического процесса становления казахстанской модели евразийского созидательного сообщества стран и народов евразийского региона.

Практическая значимость исследования обусловлена его актуальностью и прикладным характером, состоит в сочетании теоретического и практического аспектов. Практический аспект позволяет напрямую выработать рекомендации для более успешного развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве в рамках Евразийского Союза, и проведении более эффективной внешней политики Республики Казахстан.

Основные положения и выводы диссертации могут быть введены в систему исторического образования, историю и теорию интеграции. Теоретические и эмпирические результаты исследования могут быть использованы в процессе преподавания дисциплин по новейшей истории Казахстана, политологии, международным отношениям, а также при разработке специализированных учебных курсов.

Основные положения, выносимые на защиту, определяются наиболее существенными результатами, полученными в ходе данного исследования:

1. Евразийство, как уникальное течение русской философской мысли, возникло во многом благодаря политическим переменам начала XX века. Евразийцы пытались обосновать «азиатский» облик России и связанную с

этим ее уникальность. Они изучали не только географическую общность евразийских народов, но и историческое, экономическое и культурное взаимодействие, взаимообогащение евразийских народов, особенно славянских и тюркских.

2. Евразийство как особая форма цивилизационного развития занимает определенное место в системе современных цивилизационных теорий.

3. Евразийские идеи в этнологической концепции Л.Н. Гумилева – одна из основных составляющих, научно-обоснованного неоевразийского направления.

4. Современное неоевразийство является вполне закономерным развитием и трансформацией классических евразийских идей в актуальной ситуации.

5. Современная идея евразийства играет существенную роль в новейшей истории не только Казахстана, но и других стран евразийского региона, так как она признает глубинную идентичность народов, населяющих просторы Евразии, и формирует равные и уважительные отношения стран евразийского региона.

6. Современное евразийство, представленное различными течениями, имеет общую идейную базу, но в тоже время очень сильно разнится с классическим евразийством.

7. Формирование современной модели евразийской интеграции опирается на идею создания Евразийского Союза Государств, которая могла бы стать антитезой вызовам глобализации

8. Идея евразийства Президента РК Н.А. Назарбаева – самостоятельное, уникальное видение современных исторических и интеграционных процессов на территории Евразии.

9. Казахстанское евразийство отличается от классического, прежде всего, отсутствием антизападного мотива, отличающего евразийство 1920-х годов. Благодаря усилиям казахстанского Президента, актуальное евразийство сегодня – это не отдаление от Европы, а, наоборот, активное взаимодействие с Европой на новом межгосударственном уровне.

10. Современное евразийство казахстанского формата от классического евразийства отличает акцент на экономический прагматизм, позволяющий реализовать экономический интерес всем странам участницам в равной степени.

11. Идея евразийства Н.А. Назарбаева – это идея межцивилизационного, межконфессионального и культурного сотрудничества, актуализирующего идеи мира, толерантности и гармоничного взаимодействия в качестве единственно возможного способа существования человека в XXI столетии.

12. Евразийская инициатива создания ЕврАзЭС, Таможенного Союза является результатом практической реализации идеи евразийства казахстанского лидера Н.А. Назарбаева, имеет обоснованные перспективы и способствует продвижению евразийского движения.

Апробация результатов исследования. Основные идеи и результаты диссертационного исследования нашли свое отражение в 35 научных публи-

кациях и материалах международных научно-практических и научно-теоретических конференций.

Структура исследования обусловлена логикой достижения поставленной цели и задачами исследования, и состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников.

1 ЕВРАЗИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ: ИСТОКИ, СТАНОВЛЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

1.1 Истоки евразийской традиции

Евразийство – крупнейшее течение русской научной и общественной мысли XX века. Евразийство сложилось в среде русской эмиграции в 1921 году, и на 1920-е годы приходится период его наибольшего расцвета. Ученые и специалисты из разных областей знаний были объединены несколькими генерирующими идеями, где одним из главных было представление о России как особом культурном, историческом и географическом мире, не принадлежащем ни к Европе, ни к Азии, но представляющем собой совершенно самостоятельный культурно-исторический тип, «срединную цивилизацию».

Основателем евразийской концепции был талантливый мыслитель и всемирно известный филолог Н. Трубецкой (1890-1938). Среди тех, кто внёс активный вклад в развитие этой концепции, выделялись историки Г. Вернадский (1887-1973), А. Карташёв (1875-1960), Э. Хара-Даван, специалисты по философии истории Л. Карсавин и Г. Флоровский, культуролог П. Сувчинский, правовед и философ Н. Алексеев (1879-1964), государствовед М. Шахматов (1888-1943), географ и экономист П. Савицкий (1895-1968).

Имя П.Н.Савицкого неразрывно связано с евразийством. Практически все крупные деятели движения в разное время отходили от участия в нем. П.Н.Савицкий был верен евразийству всю жизнь. Талантливый экономист, географ, ученик П.Б. Струве, знавший несколько европейских языков, он попал за границу в 1920 г., вместе с остатками армии Врангеля. После недолгого пребывания в Турции и Болгарии П.Н. Савицкий обосновался в Чехословакии, обретя там вторую родину. Он преподавал в целом ряде учебных заведений: Русском юридическом факультете, Русском институте сельскохозяйственной кооперации, Русском народном университете, активно сотрудничал в эмигрантских периодических изданиях, являлся членом Русского исторического общества, входил в Совет Русского заграничного исторического архива. Но главным делом жизни для него было теоретическое обоснование евразийской доктрины.

В центре научных интересов П.Н. Савицкого находились проблемы пространственно-климатических особенностей России, условий ее экономического развития, взаимосвязей и взаимовлияния культур Востока и Запада. Решение этих вопросов сопровождалось обращением непосредственно к истории России, ее государственности на протяжении всех веков существования, а также к причинам революции 1917 г. и установления советского строя.

Название «евразийство» происходит от географического наименования континента Евразия. Это название было предложено П.Н. Савицким и связано со стремлением евразийцев объяснить историческое и культурное своеобразие, особый путь России из особенностей ее местоположения и месторазвития. Россия занимает основное пространство земель Евразии.

Тот вывод, что земли ее не распадаются между двумя материками, но составляют скорее некоторый третий и самостоятельный материк имеет не только географическое значение. Поскольку мы приписываем понятиям Европы и Азии также некоторое культурно-историческое содержание, мыслим, как нечто конкретное круг европейских и азиатско-азиатских культур, обозначение Евразии приобретает значение сжатой культурно-исторической характеристики [83].

Центрами деятельности евразийцев были Прага, София, Берлин, Белград, Париж, Харбин. Евразийцы организовывали публичные лекции, чтения, диспуты, собиравшие большую аудиторию. Солидную популярность среди русских эмигрантов и европейских интеллектуалов имели «Евразийские семинары». Много сил евразийцы отдавали научным изысканиям, писали статьи, издавали журнал «Вёрсты», газету «Евразия», альманахи «Евразийские временники» и «Евразийские хроники».

При анализе статей ведущих представителей евразийства, помещавшихся в другом евразийском неперидическом издании «Утверждение евразийцев» (всего с 1921 по 1931 гг. вышло 7 сборников) следует учитывать, что они формировались по вполне определенному плану, которым предусматривалась целостность издания и, соответственно, место в сборнике той или иной статьи того или иного автора.

Все представители классического евразийства, исходя из своего научного познания и опыта, обращались к проблематике истории, философии, культуры, связанной с диалектикой Востока и Запада в русской и мировой истории и культуре. Контуры евразийской концепции были заложены в книге князя Н.С. Трубецкого. «Европа и человечество», вышедшей в Софии в 1920 г. Уже в следующем году там же вышел сборник «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев», включавший вступление и десять статей четырех авторов: географа и политического мыслителя П.Н. Савицкого, возглавившего новое движение, искусствоведа П.П. Сувчинского, философа Г.В. Флоровского, вскоре принявшего священство и ставшего видным богословом, лингвиста и этнографа Н.С. Трубецкого. Эти авторы стояли у истоков евразийства, как движения и как особой концепции о месте России между Востоком и Западом.

Особость России-Евразии объяснялась концепцией месторазвития, которая утверждала географическое, культурное и этнографическое единство и особую миссию народов, проживающих на этой территории.

Русская нация, по мнению евразийцев, объединила различные народы в единую многонародную евразийскую нацию, а Евразию – в единое государство – Россию. Евразийцами утверждалась особая срединная евразийская культура, которая не сводилась ни к европейской, ни к азиатским культурам, а представляла собой синтез «русского» и «туранского» начал.

Евразийская критика западноевропейской культуры была обусловлена личным негативным опытом и объективными историческими событиями, и во многом была справедливой, но при утверждении российской специфики

они порой впадали в крайности, утверждая, что без татарщины не было бы России [83].

Историческая концепция, разрабатывавшаяся евразийцами, в частности новый взгляд на монголо-татарское иго, служила подтверждением верности их взглядов. Татарские истоки русской государственности также выводились из географических и исторических факторов.

Первый евразийский сборник, вышедший в 1921 году в Софии получил широкий резонанс в среде русской эмиграции, отличаясь нестандартностью подхода ко многим устоявшимся, традиционным взглядам на прошлые, настоящие и прогнозируемые будущие судьбы России, выгодно выделяясь искренностью и воодушевлением, на фоне многих пессимистических умонастроений.

В многочисленных периодических и непериодических изданиях евразийцев выездных школах, конференциях и съездах участвовали многие известные деятели эмиграции, а позднее, когда евразийство оформилось в политическую структуру со своими территориальными организациями, расположенными почти по всей Европе, оно стало одним из крупнейших идеологических явлений первой волны русской эмиграции. Идеи этого движения ставшие популярными особенно среди молодого поколения, находившегося вдали от Родины, были в центре широкой полемики в печати.

Евразийство зародилось в обстановке глубокого мировоззренческого кризиса, связанного с утерей идейно-психологических ориентиров, охватившего большую часть русской интеллигенции в эмиграции. «Статьи, входящие в состав настоящего сборника, сложились в атмосфере катастрофического мироощущения» – писали авторы в предисловии к первому евразийскому сборнику [84]. Осознание не только величайшего социального катаклизма, связанного с крушением прежней России отличает евразийство от преобладавших в эмигрантских кругах настроений упадничества и бесперспективности.

Евразийцы призвали воспринять революцию как логическое завершение периода развития страны и предлагали принять действенное участие в осмыслении и претворении в жизнь собственно российских культурно-идеологических оснований.

В 1922 году в Берлине вышел второй евразийский сборник «На путях. Утверждение евразийцев», в котором число авторов значительно увеличилось. В дальнейшем евразийцы выпустили три книги непериодического издания «Евразийский временник» и двенадцать выпусков «Евразийской хроники» - издания, преследовавшего в основном тактические цели политико-пропагандистского характера. Отдельными изданиями были опубликованы программно-декларативные работы, где предлагалось «систематическое изложение» евразийской идеологической установки. Евразийским издательством публиковались тематические сборники и отдельные монографии, как самих представителей евразийского движения, так и идейно близких авторов.

Во второй половине 1920-х годов у некоторых активистов евразийства выявилось стремление политизировать его. В конце 1920-х годов движение

пережило затяжной и тяжелый кризис, который привел к его расколу. Против политизации движения выступили его основатели и главные теоретики - Н. Трубецкой, Г. Флоровский, Л. Карсавин. Один за другим они покидали движение, разорвав с ним связи и даже подвергнув критике его концептуальные выводы. Главным идеологом в этот сложный период для евразийства выступил П. Савицкий, мировоззренческие представления которого в целом ряде моментов заметно отличались от позиций Н. Трубецкого и Г. Вернадского.

Взгляды П.Савицкого, выстраиваясь на базе геософии, то есть на механическом подчинении истории географическим факторам, были эклектичными и схематизированными. Вместе с тем изменение состава движения привело к его расколу, которому способствовало также проникновение агентов ОГПУ в среду евразийцев. Внешним толчком, вскрывшим давно уже накапливавшиеся противоречия между его участниками, стало издание газеты «Евразия». Ее выпуск был организован в конце 1928 года представителями парижской группы. В состав редколлегии вошли Л.П. Карсавин, П.П. Сувчинский, П.Н. Малевский-Малевич, Д.П. Святополк-Мирский, С.Я. Эфрон, П.С. Арапов, В.П. Никитин, А.С. Лурье. Откровенно пробольшевистский тон газеты вызвал протест Н.Н. Алексеева, П.Н. Савицкого, В.Н. Ильина, заявивших о своем разрыве с изданием, в котором они поначалу принимали участие. Все больше тяготился своим участием в движении и Н. Трубецкой, практически отошедший от него в 1930-е годы.

Предпринятая в начале 1930-х годов попытка придать движению новый импульс путем организации съезда сторонников евразийской идеологии и активной публикаторской деятельностью не принесла ожидаемых плодов. В 1931 году в Париже был выпущен сборник «Тридцатые годы. Утверждение евразийцев», где подводились основные итоги прошедшего десятилетия в развитии евразийства. В определенном смысле сборник ознаменовал собой и завершение деятельности евразийцев, как организованного идейного течения, в котором произошел раскол, связанный с дискредитацией некоторых его лидеров советскими спецслужбами.

В Европе внимание общественности переключилось на проблемы усиления советского государства, в дальнейшем и на проблемы европейского фашизма.

В 1930-е годы евразийство продолжало существовать, однако играло уже меньшую роль в общественной жизни эмиграции.

После II мировой войны, в связи с арестом советскими карательными органами ряда видных евразийцев, евразийство как организованное политическое движение прекратило существование, но его идеи отнюдь не утратили своего значения.

В годы своей деятельности евразийство по-разному было воспринято в эмигрантских кругах. Часть эмигрантов увлеклась новыми идеями. Однако многие выступили с критикой основных положений евразийства. Стимулом для критических выступлений было стремление евразийцев найти свой вы-

ход из создавшейся в России ситуации, что приводило к отрицанию смысла политической борьбы их оппонентов.

Если монархисты не признавали евразийцев, поскольку они выступали против реставраторства дореволюционных порядков, то либералы западнической ориентации критиковали их потому, что видели в их взглядах угрозу собственным идеалам. По сути, евразийцы оценили как неудачу попытку приложения либералами к России парламентской модели, выработанной по западным образцам. Неудивительно поэтому, что среди критиков евразийства оказались П.Н. Милюков и А.А. Кизеветтер. Для П.Н. Милюкова, признававшего универсальные законы исторического развития, противопоставление России-Евразии Западу было неприемлемо. С этих же позиций подходил к евразийской концепции и А.А. Кизеветтер. Он определил евразийство как «настроение, вообразившее себя системой», указывая тем самым как на его психологические мотивы, так и на научную несостоятельность [85]. Она определялась общим неверным утверждением об отсутствии общечеловеческих ценностей, что вело к целому ряду неточностей и ошибок в их построениях. Правда, при этом А.А. Кизеветтер приписывал евразийцам несвойственную им мысль о том, что в основе национальных своеобразий лежат взаимно-враждебные, исключаящие друг друга начала различных культурных миров. Специальное внимание А.А. Кизеветтер уделил доказательству отличия славянофильства и евразийства.

Более сложным было отношение деятелей религиозного возрождения XX века и тех, кто примыкал вначале к евразийству [86].

Если С.Н. Булгаков почти сразу увидел в евразийстве возвращение к презираемому им народничеству и прагматический подход к религии, метко названный им православизмом, то Н.А.Бердяев на начальном этапе развития движения отмечал его положительные черты и общность некоторых их оценок со своими собственными. Такими чертами были неприятие вульгарного реставраторства, понимание русского вопроса как культурно-духовного, чувство утраты Европой культурной монополии и надежда на возвращение народов Азии в мировой поток истории, наконец, его пореволюционный характер.

Однако он видел и зловердые и ядовитые стороны евразийства, которые коренились в мировоззрении его сторонников. «Евразийцы реалисты в понимании национальности и номиналисты в понимании человечества», - писал он, определяя мировоззренческие основы их взглядов. «Но номиналистическое разложение реальных единств нельзя произвольно остановить там, где хочешь. ... Если человечество или космос не есть реальность, то столь же не реальны и все остальные ступени» [87]. В номиналистическом подходе крылась опасность отказа от христианства в угоду языческому партикуляризму. Позже он определил его как натуралистический монизм, при котором государство понимается как функция и орган Церкви и приобретает всеобъемлющее значение, организуя все стороны жизни человека. Конструирование такого «совершенного» государственного устройства, не оставляющего про-

странства для свободы и творчества человеческого духа, Бердяев охарактеризовал как «эватический утопизм евразийцев». Он заметил, что эмоциональная направленность евразийства, являющегося реакцией «творческих национальных и религиозных инстинктов на произошедшую катастрофу», может обернуться русским фашизмом.

Г.В. Флоровский, являвшийся одним из основателей движения, сначала выступил с критикой оппонентов евразийцев, хотя и не ставил при этом задачи защиты последних. Позже он четко сформулировал свое понимание значения евразийства, отметив, что в нем - «правда вопросов, не правда ответов, правда проблем, а не решений». Отправляясь от признания факта революции и необходимости ее духовного преодоления, евразийцы пришли к ее оправданию. Главную причину этого Г.В. Флоровский видел в преклонении евразийцев перед социальной стихией и, как следствие, подчинении исторической необходимости.

С таким видением исторического процесса соединилось в евразийском сознании жуткое, хотя и мечтательное, упоение властью. Стремление спасти социальные достижения революции привело евразийцев к идее создания нового направления, партии. «Иссякнувший пафос творчества, - писал Г.В.Флоровский, - подменяется пафосом распределения и «водительства», максимализмом власти, не только дерзновенной, но и дерзостной. И в евразийстве, при всех декларациях о «внепартийности», копится и возгревается дух человеконенавистнической нетерпимости, дух властолюбия и порабощения» [88]. Вполне понятно, что при таком подходе в «феноменологии» евразийства не нашлось места для церкви, в которой лежат истоки духовного творчества и свободы.

Рассматривая обоснование евразийцами самобытности русской культуры, Г.В. Флоровский подчеркивал свойственный им морфологический подход к проблеме, который приводил их к признанию подчиненности истории народов роковому процессу развития всеединства. Попытка разделить Россию и Европу необоснованна, поскольку они находятся внутри единого культурно-исторического цикла.

П.М. Бицилли, участвовавший в одном из евразийских сборников, определил свое двойственное отношение к евразийцам в названии своей критической статьи «Два лика евразийства». «Ясным ликом» он считал отстаивание единства русской нации и государственности, которую нельзя искусственно расчлнить в угоду «самоопределения народностей», и связанное с этим провозглашение принципа федерализма. Второй лик – «соблазнительный, но и отвратный» – виделся П.М. Бицилли в стремлении евразийства стать единственной партией, что неминуемо должно привести к диктатуре. Ссылки на то, что этому будет препятствовать евразийская православная идеология, представлялись ему неубедительными. Напротив, такое положение вещей могло лишь привести к сохранению подчинения церкви государству.

Основная дискуссия вокруг евразийства шла в 1920-е годы. В 1930-х годах вместе с распадом движения постепенно угасли и споры о нем. В различ-

ные годы советской власти периодически возникали попытки ученых возродить интерес и уникальность евразийских идей, которые не находили должной поддержки, критиковались, а нередко и пресекались самым жестким образом партийным руководством научных организаций, институтов и т.д. Некоторые идеи евразийцев были продолжены другими исследователями.

Прежде всего, выдающимся ученым, этнологом Л.Н. Гумилевым (1912-1992). Наиболее ярким и значительным научным вкладом в евразийство стали труды Л.Н. Гумилева. В 1965 году вышла его работа «По поводу предмета исторической географии», в которой он впервые изложил свою теорию этноса. В 1976 году он закончил написание своей книги «Этногенез и биосфера Земли». В 1989 году вышло в свет его произведение «Древняя Русь и Великая степь». Л.Н. Гумилев принимал основные историко-методологические выводы евразийцев. Большое внимание он уделял протоистории «кочевых империй» Востока открытию колоссального этнического и культурного наследия автохтонов Древней Евразии, вполне сопоставимого с величайшими культурами древности - это, прежде всего наследие хунну, тюрков монголов. В теории «этнической комплиментарности» он развил тюркофильский подход.

О глубокой изученности идей евразийства свидетельствуют многие статьи и труды ученого. Характерна в том смысле и его ранняя статья Л.Н. Гумилева о Н. Трубецком в «Нашем наследии», написанная с хорошим знанием вопроса. Однако интерпретация взглядов Н. Трубецкого довольно своеобразна. Л.Н. Гумилев выделяет в евразийской концепции те положения, которые близки его собственным, и придает им свой смысл. По его мнению, употребляемое Н. Трубецким слово «лик» можно заменить понятием «этнос», а вместо «многонародная личность» использовать понятие «суперэтнос». Излагая взгляды Н. Трубецкого на значение монгольского ига в русской истории, он дополняет их результатами своих изысканий. Вторым планом изложения при этом является полемика с «русофилами».

Главный вывод, к которому пришел Л.Н. Гумилев, заключается в признании того, что «евразийская концепция этнокультурных регионов и химерных целостностей в маргинальных (окраинных) зонах оказалась пригодной для интерпретации всемирно-исторических процессов. Там, где сталкиваются два и более суперэтноса, множатся бедствия и нарушается логика творческих процессов. Возникает подражание (мимесис) как противник оригинальности, и таким образом нарушается принцип «познай себя» или «будь самим собой». «Напротив, этносы, живущие на своих территориях-родинах, поддерживающие свою традицию – «отечество», уживаются с соседями розно, но в мире». Из этого вывода вполне логично выведен другой: «... любой территориальный вопрос может быть решен только на фундаменте евразийского единства» [89].

Евразийцы как представители послереволюционной, насильственной эмиграции, стали еще одним проявлением русского Ренессанса, и в этом продолжилась их связь с родиной и российской традицией, но в то же время в их способности к синтезу, в отстаивании ценности разнообразия, индивиду-

ального ощутилась постмодернистская тенденция, футуристическая направленность их учения. Для понимания смысла и самобытности этого явления русской мысли, необходимо рассмотреть истоки евразийства.

Как и любое, более или менее значимое учение, евразийство не было изолировано, хотя и возникло в русской эмиграции. Оно продолжало традиции дореволюционной российской историографии.

Евразийство возникло не на пустом месте, оно развилось в русле самобытной и яркой традиции. Своими предшественниками евразийцы считали ту традицию общественной и философской мысли России, для которой «...следует считать характерным отрицание европейской культуры, как общечеловеческой, – пишет К.И. Флоровская, – в частности – утверждение ее непригодности для пересадки на русскую почву; раскрытие самобытности русской культуры и ее независимости от культуры европейской, ввиду того, что русская культура имеет своими истоками византийское православие и родовое самодержавие. К этому направлению следует причислить славянофилов, Ф.М. Достоевского, К.Н. Леонтьева, Н.Я. Данилевского и, в особых поворотах, Д.И. Менделеева, В.О. Ключевского и многих других» [90]. «Если и можно и должно кого-либо считать идеологическими предшественниками евразийцев, то это именно этих людей, так или иначе в своих утверждениях совпадавших с теми или иными утверждениями евразийцев»- заключает К.И. Флоровская [90].

Большинство исследователей считает, что возникновение евразийства было исторически предопределено, так как ему предшествовали мощные традиции русской и мировой культуры. Можно выявить ряд «предевразийских» принципов в работах ряда выдающихся мыслителей, писателей, ученых, естествоиспытателей, историков, философов, что может служить подтверждением глубины истоков евразийства. Сами евразийцы ссылались на Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, славянофилов как на своих предшественников.

Некоторые исследователи истоков евразийского движения находят гораздо более ранних предшественников. Так, согласно точке зрения Н.И. Толстого, истоки евразийства можно обнаружить уже в XVI веке в Польше, в движении сарматистов. Работа польского историка Матвея Миховского «Трактат о двух сармациях» сообщает о существовании двух сармаций – европейской и азиатской. Европейская сармация – это современная ему Польша и прилегающие к ней земли, а азиатская – это Московия [91]. Другой исследователь – С.М.Половинкин самым отдаленным источником, упоминаемым самими евразийцами, считает «Послания старца Филофея» (первая треть XVI века) [92].

Также существует мнение, на которое указывает И.Б. Орлова [93], что первым государственным деятелем, на практике реализовавшим евразийские идеи, был князь Александр Невский. На подобный факт указывает Г.В. Вернадский, считавший Александра Невского одним из мудрых политиков, су-

мевших оградить православие Руси от латинства римского папы и от мусульманства Орды [94].

В исследованиях, сравнивающих взгляды славянофилов и евразийцев, выделяются три точки зрения. Во-первых, «евразийским народом является именно и только русский народ; остальные, населяющие Россию народы, – это в основе своей либо европейские, либо азиатские, обретающие черты лишь в «магнитном поле» России». Следовательно, эта точка зрения не разрывает связь между евразийством и славянофильством. Во-вторых, исследователи не исключают евразийство из состава славянофильских идей. Придерживаясь мнения Г. Флоровского, эти авторы считают что евразийство – это «соблазн», поэтому евразийцы отвергают не только западничество, но и «славянофильскую альтернативу» [95]. В-третьих, некоторые исследователи придерживаются мнения, что евразийцы увидели в славянофильстве высшее достижение русской социальной философии.

Отношение же самих евразийцев к наследию славянофилов было двойственным, тогда как к западничеству – однозначно негативным. П.Н. Савицкий отмечает, что евразийцы «в целом ряде идей являются продолжателями мощной традиции русского философского и исторического мышления», к которому можно отнести и славянофилов. Как продолжатели ряда славянофильских идей, евразийцы широко используют понятие «соборность», идеи органического единства, объемлющего церковь, общество и человека. Кроме того, поиск альтернативы советской власти и социализму при понимании невозможности восстановления монархического строя и неудовлетворенности европейским капитализмом побудил евразийцев сохранить славянофильскую идею особенного развития России и искать основания не в синтезе с Западом, а в синтезе с Востоком.

Таким образом, это стало вариантом романтического сознания, но опирающегося на объективную географическую, историческую и ментальную связь с Востоком. Следует, однако, отметить, что евразийцы всегда отделяли себя от славянофилов, говоря о том, что славянофильские идеи (но отнюдь не сам его дух) отчасти устарели. Многие славянофильские утверждения середины XIX в. евразийцы решительно пересмотрели.

Предшественником географической концепции П.Н. Савицкого был географ и общественный деятель панславистского направления В.И. Ламанский (1833-1914), основы геополитики России можно найти и в трудах Д.И. Менделеева. Таким образом, евразийство, несмотря на известные различия, продолжало, в общем, уже сложившуюся и достаточно развитую традицию славянофильской и почвеннической (постславянофильской) мысли (К.Н. Леонтьев, Н.Я. Данилевский). Основополагающим для концептуальных построений евразийцев явилось понятие Евразии, как «месторазвития» населяющих ее народов. Занимающий срединное положение между собственно Европой и Азией евразийский материк обладал природноклиматическими особенностями, превращавшими его в «континент-океан», обеспечивающий единое хозяйственное, культурное и политическое развитие живущих здесь народов,

его пространственная ограниченность и связанность степью определяла общность их исторических судеб и сформировавшихся под влиянием среды этнопсихологических черт, религиозных взглядов и чувств, языков.

«Естественные условия равнинной Евразии, – писалось в программном заявлении евразийцев, – ее почва и особенно степная полоса, по которой распространилась русская народность, определяют хозяйственно-социальные процессы евразийской культуры. Все это возвращает нас к основным чертам евразийского психологического уклада – к осознанию органичности социально-политической жизни и ее связи с природою, к «материковому» размаху, к «русской широте» и к известной условности исторически устаивающихся форм, к «материковому» национальному самосознанию в безграничности, которое для европейского взгляда часто кажется отсутствием патриотизма, т.е. патриотизма европейского. Евразийский традиционализм... является верностью своей основной стихии и тенденции и неразрушимою уверенностью в ее силе и окончательном торжестве» [96].

Историческая концепция евразийства, существенное место в которой отводилось истории кочевых народов Евразии, монголо-татарского ига и его оценке, имела предшественника в лице консервативного мыслителя первой половины XIX века М.Л. Магницкого (1778-1855), который в полемике с Н.М. Карамзиным говорил и о положительных сторонах последнего явления.

Необычному пониманию России как Евразии соответствовало особое видение ее истории, которое предлагалось евразийцами. Их историческая концепция строилась на борьбе «леса» и «степи», которая разрешалась рядом попыток создать единое евразийское государство. Причем истоки единства России-Евразии восходили, по мысли Г. Вернадского, П. Савицкого, Н. Трубецкого, не к Киевской Руси, а к империи Чингисхана, сыгравшей важную роль в государственном строительстве и сохранении православной религии в условиях идейной и военной угрозы Запада. Ее прямым наследником стало Московское государство. «Это Московское государство, органически выросшее из северо-восточной Руси и еще до окончательного своего оформления решившее в лице Александра Невского ценой татарского ига предпочесть верность своему исконному Православию окатоличению, теперь заступило место монголов и приняло на себя, их культурно-политическое наследие» [94].

Таким образом, кочевые народы рассматривались евразийцами как деятельный субъект русского исторического процесса, а за татарским игом признавалось определенное положительное значение.

Напротив, европеизация России, начатая Петром и продолженная его преемниками, привела к извращению евразийской самобытности России, замутнению национального самосознания интеллигенции, бездумно воспринимающей западные образцы, что привело к расколу культуры на «низы» и «верхи», а в конечном итоге – к революции.

Однако разбушевавшаяся социальная стихия способствовала очищению подлинной сути евразийского духа России от поверхностного европейского

налета. По утверждению евразийцев, наступающий период должен раскрыть общечеловеческую миссию России-Евразии, которая станет центром притяжения неевропейских народов против колониального засилья европейских стран. «И не случайно и не ошибочно, – писалось в программе евразийцев 1926 года, – что, выходя из революции, Россия отворачивается от Европы и поворачивается лицом к Азии. До войны и революции русские интеллигенты старались растворить Россию в Европе и сделать Россию аванпостом европейской борьбы с «желтой опасностью». А ныне оказывается, что «цветная опасность» направлена не на Россию и угрожает Европе совсем на иных путях. Она уже колеблет колониальные империи европейских держав, оставляя Россию-Евразию, как неподвижный центр, вокруг которого закипает борьба и на который склонны опереться своими тылом неевропейские культуры» [96].

Евразийство несло в себе оригинальный сплав, синтез традиций русской мысли, оно было продуктом своего времени, своей исторической эпохи. «Катастрофическое» мироощущение эмигранта, насильственно вырванного из привычных условий стихией революции, безусловно, наложило отпечаток на это учение. Выразилось это, прежде всего, в особо пристальном анализе причин, истоков, смысла русской революции.

Хочется подчеркнуть, что евразийцы одни из немногих в пореволюционной эмигрантской мысли смогли подняться выше своей личной трагедии и попытались принять свершившееся в России и с Россией как данность, причем не в плане сменовеховского «восприятия и преодоления» большевизма, а скорее с претензией на конкуренцию с ним в идеологическом плане (одно это показывает насколько была наивна политическая программа евразийцев).

Повлияли на евразийство и современные им политические тенденции, находящиеся в начале 1920-х гг. еще в стадии становления и неосознанные обществом (фашизм, тоталитаризм), но отраженные ими в учениях об идеократическом государстве, идее-правительнице и симфонической личности.

В теоретическом обосновании единства культуры народов Евразии важную роль с приходом в движение Л.П. Карсавина стала играть его концепция всеединства, получившая в этот период теоретическое обоснование в понятии «симфонической личности». В отличие от рационалистической традиции Запада, формирующей представление о личности как индивиде, Л.П. Карсавин указывал, что реальность личности проявляется лишь в многообразии ее деятельности и связей с другими личностями. Поэтому личность может рассматриваться лишь как симфония множественности, входящая в целостную иерархию более сложных симфонических личностей – социальных групп, народов, культур. Своего совершенства симфоническая личность может достичь лишь в церкви.

Надо отметить, что любые попытки соотнести евразийство с фашизмом не имеют под собой никакой почвы (хотя можно отметить типологическое родство с таким течением западно-европейской мысли, как «консервативная революция») [97], так как евразийства нет без православия: «Евразия пони-

мается нами как особая симфонически личная индивидуация Православной Церкви и культуры. Основание ее единства и существо его в Православной Вере...» [96].

Несмотря на критику европоцентризма, результатов европейского влияния на Россию, сами евразийцы не избежали этого явления. Идеи евразийцев невольно были связаны с развитием мировой общественной мысли и отражали кризис западной цивилизации. Свидетельством тому служит почти одновременный выход трудов Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» (1920) и О. Шпенглера «Закат Европы» (1921), одной из главных целей, которых была критика европоцентризма. Как отмечает Р. Пайпс, создавая идеологию русского национализма, евразийцы заимствовали идеи у Западной Европы, «чтобы с их помощью возвысить Россию за западно-европейский счет» [98].

Как уже отмечалось, евразийство – многоплановое, комплексное учение. Сами евразийцы географический фактор ставили далеко не на первое место. Более важным для них было учение о симфонической личности, идеоправительнице и правящем отборе, то есть человек и идеи, двигающие им. Под евразийской традицией сегодня понимают комплекс теоретических построений, прежде всего в историко-культурологическом плане, который составлял основу исторического евразийства и определял специфику его мировоззрения и представлений о сущности Евразии. Элементы евразийской традиции могли варьироваться как во времени, так и у разных его представителей, но обязательными ее составляющими выступают следующие положения.

В виде тезисов основы евразийства можно изложить следующим образом [99]:

1. Россия является особым географическим миром, отличным как от Европы, так и от Азии. Об этом неоспоримо свидетельствуют ее географические особенности: наличие четко выделяющихся природных зон, расположенных подобно горизонтальным полосам флага, в отличие от Европы и Азии, где их расположение – «мозаически-дробное». Уральский горный хребет лишь условно разделяет эту горизонтально расположенную систему, так как никакого принципиального изменения в ней за его рубежом не происходит. Поэтому утверждение, что Европа продолжается до Урала, где начинается Азия, не имеет никакого научного основания. Напротив, география, а также почвоведение, неоспоримо свидетельствуют о существовании особого географического мира, приблизительно совпадающего с территорией Российской империи. Этот мир П.Н. Савицкий назвал Евразией.

2. Все народы мира живут во взаимодействии с географической средой; воздействуют на нее, но и сами испытывают ее воздействия. Поэтому понимание истории народа немислимо без уяснения понятия месторазвития – совокупности естественных условий (особенности ландшафта, почвы, растительности, климата и т.п.), в которых разворачивается история данного народа. Влиянием месторазвития обусловлен ряд черт психологии, культуры, «менталитета» этноса. При этом разные народы, не связанные общностью происхождения, но длительное время сосуществующие в пределах одного

месторазвития, могут становиться ближе друг к другу, чем народы изначально родственные, но развивающиеся в разных месторазвитиях. Поэтому, несмотря на очевидные различия между ними, русский народ может быть ближе к другим народам России: тюркским, финно-угорским и д.р., чем к славянам, привязанным к европейскому месторазвитию. Это важный пункт, различающий евразийство и славянофильские утопии.

3. Существует особый туранский этнопсихологический тип, присущий кочевым народам Азии. Для него, в частности, характерны: приоритет духовного над материальным, стремление к четко очерченным и не допускающим «разброда и шатания» границам мировоззрения, устойчивым ценностям и формам самосознания. Эти черты в равной степени присущи и русскому народу, что позволяет говорить об общности ряда черт этнической психологии русских и туранцев, а так же о туранском элементе в русской культуре (Н.С. Трубецкой).

4. Помимо генетического родства языков существует еще родство иного порядка, обусловленное не общим происхождением, а длительным соседством и взаимодействием языков. В результате такого взаимодействия складываются языковые союзы. Ряд сходных черт в языках русском с одной стороны и финно-угорских, тюркских, иных языках народов Евразии – с другой, говорит о существовании особого Евразийского языкового союза (Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон).

5. Киевская Русь являлась нежизнеспособным государственным образованием, так как у русских князей не было представления о единой государственности, без которой самостоятельность Руси была невозможна, и они не ставили себе никаких широких исторических задач. Располагаясь на западной окраине Евразии, Киевская Русь была ограничена узкой территорией, она была протянута в меридиональном направлении. Но власть над всей Евразией неминуемо должна была сосредоточиться в руках того народа, который будет действовать в направлении параллелей, так как прямоугольник степей, протянутый на громадные расстояния от Карпат до Хингана, обеспечивал безусловное господство над всем континентом. Те народы, которые занимали степи, были безраздельными властителями всей Евразии. Естественно, что это были кочевые народы – вначале скифы, затем гунны. С исчезновением последних вопрос о господстве над степью, а, следовательно – над всей Евразией оставался открытым. Задача состояла в том, чтобы мощным колониационным движением по линии Восток – Запад объединить Евразию. Русичи не могли и не хотели исполнить эту задачу. В то же время монголы, переживавшие период пассионарности (термин Л.Н. Гумилева), были способны к этому. И они объединили континент под своей властью. Слишком наивно было бы полагать, что колониационное движение монголов было вызвано волей отдельных лиц – оно совершалось с неизбежностью исторического закона. «Природа не терпит пустоты». Огромные пространства Евразии должны были быть заполнены. Эту необходимую роль взяли на себя монголы.

6. Для России монгольское иго было не злом, а благом. Русские книжники осознавали нашествие монголов не как беспричинное бедствие, а как Божью кару за грехи междоусобных войн. На это обстоятельство не обращают должного внимания. Наказание посылается Богом не ради наказания как такового, а для исправления. И именно такова роль наказания Руси монгольским игом. Оно служило к исправлению Руси и свое назначение выполнило. В горниле монгольского ига развилось и окрепло национальное чувство восточных славян, превратившее их затем в русскую нацию. При этом следует помнить, что монголы отличались веротерпимостью. Чингисхан и его ближайшие наследники требовали политического подчинения, но не касались области веры. И монголы были далеко не однородны по религиозному признаку: кроме мусульман, буддистов, приверженцев разных форм шаманизма и язычества, среди них были и христиане. Всегда умалчивали о том, что среди монголов было немало и православных. С открытием в столице Золотой орды, Сарае, епископской кафедры (1261 г.) это число еще увеличилось. Монголом по национальности был Св. Петр, царевич Ордынский. Потом, в 1312 г., хан Узбек попытался ввести мусульманство в качестве официальной религии. И с этого времени начинаются гонения на христиан. Но в той же степени, как и русские, этим репрессиям подверглись сами монголы-христиане. Они массами бежали на Русь, ища здесь убежища, и находили его. Уже этого одного факта достаточно, чтобы понять – отношения русских и монголов не носили характера непримиримой вражды.

Русские переняли у монголов те необходимые элементы единого государства, которых у нас не было – систему сообщений (почтовые станции) и финансовую систему. Об этом свидетельствуют слова тюркские по происхождению: ям (почтовая станция; отсюда – ямская гоньба, ямщик и т.п.), деньги, алтын и т.п. Если бы в России существовали денотаты этих понятий – системы связи и финансов – то не было бы смысла их переименовывать. Ясно, что эти слова вошли в русский язык вместе с обозначаемыми ими реалиями, заимствованными у монголов. Не было на Руси системы государственного управления вообще, не существовало развитого класса чиновников, способного управлять масштабным государственным образованием. У монголов все это было. А без этих систем Русь вечно оставалась бы в состоянии феодальной раздробленности.

Таким образом, основы государственности Московской Руси, помимо византийских истоков, имеют еще монгольские. Одним словом, из Византии на Русь вместе с верой пришла только государственная идеология, но практика государственного строительства, основы российского государственного аппарата имели образцом монгольские реалии.

7. После распада Монгольской империи на ряд улусов, с последующим еще более мелким дроблением некогда единой государственности, Евразия снова оказалась разъединенной. Но единый природный мир не может не тяготеть и к политическому единству. Нужна была новая сила, способная объединить Евразию. Теперь этой силой стала Россия, обогащенная опытом

монгольского государственного строительства. Началось колониционное движение русских на восток, приведшее к образованию Московского царства, вышедшего к Тихому океану. Евразия снова была объединена новой исторической силой – русским народом.

8. Эти процессы укладываются в периодическую схему Г.В. Вернадского, согласно которой единая государственность на просторах Евразии периодически сменяется раздробленностью и наоборот. В эту схему укладывается и распад единого государства в 1991 г., однако из нее же явствует, что с неизбежностью исторической закономерности это единство будет восстановлено.

9. В сфере культурных преобразований евразийцы исходили из признания «симфонической» культуры народов России-Евразии. Выделены вслед за ними три культурные сферы: 1) государственная или политическая, в которой проявляется единство культуры; 2) духовная, как сфера духовного творчества; 3) материальная. Причем средний элемент триады был центральным, т.к. обеспечивал свободный поиск истины, возможный лишь в рамках религии и церкви. Последнее предотвращало также раскол единой культуры на культуру «низов» и культуру «верхов».

10. Петр I превратил Московское царство в Российскую империю. Евразийцы не отрицали и не могли отрицать положительных сторон государственности императорского периода, но считали при этом, что европеизация России была проведена необдуманно - огулом, без какого-либо чувства меры и целесообразности. В этом – одна из причин революции 1917 г. Правящий слой России отказался от национальных культурных традиций и стал бездумно копировать культуру (и бескультурье) европейцев, широкие же массы народа продолжали жить культурой национальной. Поэтому между народом и правящим слоем образовался разрыв, более того, – в народе утвердился взгляд на барина как на некоего иностранца. Этот раскол нации стал одной из причин краха Империи.

11. Евразийцы, безусловно, отрицали наивный взгляд на революцию, согласно которому ее ни с того ни с сего просто «сделали» люди, приехавшие в plombированных вагонах. Нет, причины революции были глубоки, многообразны. Силы, приведшие к взрыву, зрели не одно столетие. Крах Империи был предрешен, и во многом подготавливался поведением самого ее правящего слоя.

12. В развернувшейся после революции гражданской борьбе белые армии были обречены на неудачу. Как бы ни был высок героизм белых офицеров и солдат, победа над большевизмом могла быть достигнута только противопоставлением ему соразмерной по силе идеологии. Такой идеологии не было и не могло быть ни у вождей и лидеров Белого движения, ни у какой-либо из существовавших в России политических партий. Но такую идеологию попытались создать евразийцы.

13. Они признавали как неоспоримый факт, что революция коренным образом изменила и Россию и мир, и что возврат в прошлое, к России императорского (петербургского) периода невозможен, да и не нужен, ибо в нем ко-

ренились причины революции. В тоже время революцией создано много нового. Эмигранты вообще склонны были отрицать все созданное революцией. Евразийцы же признавали, что в результате ее, не столько благодаря, сколько вопреки коммунистам, создано много жизнеспособного, хорошего и пригодного для строительства национального государства в будущем.

Этими положительными следствиями революции было следующее: коммунисты, пытавшиеся навязать России новейшую европейскую идеологию, ее наиболее радикальные европеизаторы, на деле добились обратного; Россия была противопоставлена Европе, выключена из сферы ее влияния. Коммунисты повели кампанию против Православия с целью его уничтожения, этим добились не только отступничества колеблющихся, но и небывалого духовного взлета в тысячах русских людей, небывалого напряжения остроты религиозного чувства. Таким образом, вместе с внешним уничтожением Церкви произошло ее внутреннее, духовное утверждение и возвышение.

Под руководством коммунистов была создана жизнеспособная система плановой экономики, сильная промышленность (при этом евразийцы указывали на варварские способы коллективизации, осуждали их, и говорили, что добром это не кончится). Кроме того, система советов представляет собой подлинно демократическое учреждение.

Однако все эти положительные стороны уравновешиваются, если не перевешиваются отрицательными: коммунизм является, безусловно, ложной идеологией, коммунистическая диктатура подавляет номинально существующие возможности народовластия, преступна борьба с верой, чудовищны масштабы разгрома и распродажи культурных ценностей России, доктринерство и непрофессионализм советских руководителей экономической политики грозят свести к нулю ее достижения и т.п. Все это отлично видели евразийцы. Таким образом, отношение евразийцев к советской власти было объективным.

14. Государственный идеал евразийцев был представлен в отдельных исследованиях. Прежде всего, они считали, что построение идеального государства на Земле невозможно - идеальная форма бытия человека дана только в Церкви. Государство может к ней стремиться, но никогда ее не достигнет. Но, тем не менее, стремление построить более совершенную, отвечающую национальным особенностям нашей страны систему государственного устройства осуществлять не только можно, но и должно. Либеральная демократия, парламентаризм, многопартийность – все это сугубо европейские, притом устаревшие формы. Итальянский фашизм и немецкий нацизм – явления, не лишённые некоторого здравого элемента, но этот элемент поглощается их отрицательными сторонами. Это явления, на первый взгляд, кажущиеся революционными, но, по сути, – глубоко реакционные. Для России они не пригодны ни в коем случае.

В решении национальной проблемы наблюдается близость позиции евразийцев принципам советского федерализма, при том, что они отрицали коммунистическую диктатуру. Обезличиванию наций в коммунистическом ин-

тернационале они противопоставляли истинный союз народов, который обеспечил бы их равноправное культурное развитие и в котором русский народ был бы первым среди равных. В этой связи евразийцы поддерживали культурный национализм и отвергали национализм политический. В качестве главной задачи национальной программы подчеркивалась гармонизация отношений евразийских народов.

Природа государства, по Н. Трубецкому, определяется не формой правления, а типом отбора правящего слоя, то есть тем, по какому принципу отбираются люди, управляющие государством. По отношению к этому принципу форма правления вторична. Самостоятельного значения она не имеет. Поэтому задача состоит в том, чтобы выработать правильный принцип правящего отбора. Евразийцы выдвинули идею отбора по принципу соответствия национальной идее. Государством могут править только люди, разделяющие определенное мировоззрение, подчиняющие себя не личным, клановым, классовым, узконационалистическим интересам, а «идее-правительнице» государства (Н. Трубецкой). Если будет соблюден этот принцип, то форма правления может быть любой, – для успешного развития страны это уже не будет иметь определяющего значения. Такой строй называется идеократией или эйдократией.

Церковь должна быть отделена от государства, чтобы исключить ее зависимость от государственных институтов, то есть по мотиву, обратному мотиву, побудившему осуществить отделение Церкви от государства большевиков. В отношении религии программа евразийцев предполагала утверждение нового христианства, русского и православного, путем индивидуального религиозного перевоспитания. Новизна нарождающейся религиозности состояла в переходе от пассивности к активной реализации опыта, накопленного в веках созерцательного бытия. Возрождение религиозности невозможно без восстановления независимости церкви. Религиозное единство России-Евразии виделось идеологам движения как совместная жизнь различных великих религий на основе равноправия.

Народные массы должны участвовать в управлении страной, однако не таким чисто номинальным и механическим способом, как при парламентской демократии. Демократия должна быть опосредованной – через институт сознательных выборщиков (вместо несознательной, безответственной массы голосующих) – и в принципе может взять за основу, существовавшую в СССР систему советов.

Экономика должна быть государственно-частной, то есть сочетать государственное регулирование и существование государственного сектора с широкими возможностями проявления частной инициативы, должен существовать соразмерный государственному – частный сектор. Только гармоничное сочетание частного и общественного (государственного) начал в экономике может обеспечить ее нормальное функционирование. Евразийцы полагали, что пришло время новой эпохи планового хозяйства, которое должно быть поставлено на «идеократическую» основу. Целью его провозглашалась гар-

монизация интересов общества, групп и индивидов, занимающихся экономической деятельностью. Государственно-частное хозяйство, на преимущества которого указывали евразийцы, сможет, по их мнению, преодолеть недостатки капитализма и социализма и создаст возможность для соревнования между государственным и частным секторами, которое ускорит развитие производительных сил России-Евразии. Исходя из этого, они выступали против всеохватывающей национализации в промышленности, а в сельском хозяйстве – против поголовной коллективизации, за сочетание колхозов и совхозов с индивидуальными частными хозяйствами, которые должны поддерживаться государством. Следовало также стремиться к гармоническому развитию промышленных районов с учетом их естественно-географических различий в целях рационального использования природных ресурсов. В сельском хозяйстве необходимой мерой должно было стать природное районирование различных видов производства. Континентальный характер месторазвития России-Евразии диктовал развитие в ней системы автаркических миров как особой организационной формы мировой экономики.

15. Исходя из этого, евразийцы предлагали единственно верный путь борьбы с коммунизмом: коммунистическая диктатура должна быть свергнута, идеология коммунизма развенчана, преступная деятельность коммунистов пресечена. Церкви должны быть возвращены все права и главенствующая роль в обществе. Но те положительные следствия революции и достижения советской власти, о которых сказано выше, не должны уничтожаться ни в коем случае. Это было бы, утверждали евразийцы, не только величайшей ошибкой, но и преступлением.

Начиная с 1920 г. евразийцы предупреждали, что если свержение коммунистов пойдет по другому пути, то неизбежны, во-первых, территориальный распад единого Российского государства и торжество сепаратизмов (П.Н. Савицкий), во-вторых, закабаление экономическое, а вследствие того и политическое, России Европой (Н.С. Трубецкой).

Таковы основные положения евразийских учений, элементы которых были оформлены в рамках исторически сложившейся в 20-30-х гг. XX в. евразийской концепции.

При выделении общих, наиболее характерных компонентов «евразийской концепции» необходимо отметить, что само евразийское движение имеет ряд специфических черт, которые повлияли в дальнейшем на его судьбу.

Во-первых, характер евразийского движения с течением времени менялся. По принятой современными исследователями периодизации оно делится на три этапа [100].

Кратко их можно охарактеризовать следующим образом:

1921-1925 гг. - теоретическое и организационное становление движения. Центр евразийского движения сосредоточился преимущественно в Восточной Европе и Германии. Активное участие основателей движения Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского и Г.В. Флоровского (рано отошедшего от него в 1923 г.). Попытки глубокого научно-философского ос-

мысления евразийских идей. Постепенное расширение круга участников. Этот период характеризуется выработкой теоретических основ, геософским, материально-географическим и натуралистически-антропологическим обоснованием уникальности России как особого евразийского мира. В 1926 году в Париже была опубликована программа «Евразийство: опыт систематического изложения», в которой отражены научные и общественно-политические настроения евразийцев.

1925-1929 гг. – усиление идейно-политической активности движения. Центр деятельности переносится в г. Париж. Продолжающееся расширение круга его участников и активная популяризация этих идей через евразийское книгоиздательство. Развитие теоретической базы евразийства в трудах Л.П. Карсавина. В это период создается политическая партия «Евразийский Союз» и резко активизируется политическая деятельность, издаются листовки, брошюры, полным ходом идет вербовка новых членов движения. Наиболее активным из них является парижский «левый центр», возглавляемый Л.П. Карсавиным, сплотившийся вокруг газеты «Евразия» и занявший просоветскую позицию.

1929-1939 гг. – после неудачной попытки сохранить евразийское общественно-политическое движение на съезде в Праге в 1932 году, евразийцы окончательно отходят от политической деятельности к научной работе, идейной критике марксизма и поиску «постбольшевистской идеологии». Начинается раскол движения на несколько групп и постепенное угасание политической и научной деятельности участников движения.

Несмотря на распад евразийского движения, смерть одного из ее лидеров Н.С. Трубецкого в 1938 году развитие евразийской мысли не прервалось. Вплоть до 1960-1970-х годов продолжали свою исследовательскую деятельность Г.В. Вернадский, Н.Н. Алексеев, П.Н. Савицкий

Политические тенденции евразийства позднего периода представляют интерес для анализа современных политических версий неоевразийства, что будет рассмотрено в одной из глав.

Во-вторых, евразийство, как учение, было представлено научными исследованиями разноотраслевого характера. Это способствовало разработке евразийских идей на материале многих наук (история, этнография, география, экономика, лингвистика, богословие, философия) и придало учению характер междисциплинарного синтеза. В индивидуальных работах, в силу указанной особенности, авторы рассматривали наиболее близкие для них аспекты евразийства.

В-третьих, несмотря на указанную выше специфику, о евразийстве можно говорить как целостном учении, имеющем разработанную теоретическую базу и характерное для него особое общее «настроение, мироощущение». Н.С. Трубецкой, предупреждая в 1925 г. об опасности политической ангажированности движения, так писал об этой особенности евразийства: «Вспомните, что такое мы. Мы - это особое мироощущение. Из этого мироощущения истекает особое мирозерцание. А из этого мирозерцания могут быть вы-

ведены, между прочим, и некоторые политические положения. Но только, между прочим» [101].

Отражение общих для евразийства идей мы находим как в индивидуальных трудах евразийцев, так и в программных документах [96]. Поэтому важно отметить, что в целом для этого учения, особенно на его восходящей фазе развития, характерен приоритет духовного над материальным. В евразийстве, как отмечают многие исследователи, можно выделить три сферы его применения: духовная, государственно-правовая и «телесная», географически-экономическая [102]. Религиозная основа связывает все сферы евразийской идеологии и теории. «Уже в «Исходе к Востоку» приблизительно половина статей была посвящена религиозным вопросам. Та же пропорция осталась в силе и в следующих сборниках», – отмечает П.Н. Савицкий [103].

Евразийцы не раз подчеркивали, что неверно в их учении акцентировать географический аспект, связанный с введенными ими понятиями «Евразия» и «месторазвитие».

Величайшим бедствием для России было, по мнению евразийцев, неумение понять и осознать свой самобытный путь. В этом смысле само название работ Н.С. Трубецкого «К проблеме русского самосознания», Г.В. Вернадского «Начертание русской истории» отражало главный, историософский пафос евразийского учения. Оно не было учением готовых ответов, оно ставило вопросы и будоражило мысль, призывая их решать. Отвергая западничество и одновременно его славянофильскую альтернативу, евразийцы представляли один из вариантов «третьего пути» развития России, своеобразную попытку конкретно-исторического «прочтения» отношений Советской России с Западом. «Культура России не есть ни культура европейская, ни одна из азиатских, ни сумма или механическое сочетание из элементов той и других. Она совершенно особая, специфическая культура, обладающая не меньшей самоценностью и не меньшим историческим значением, чем европейская и азиатские. Ее надо противопоставить культурам Европы и Азии как срединную евразийскую культуру» [104].

Как уже отмечалось, евразийство как движение прекратило свое существование к концу 1930-х гг. Евразийство замыслилось его создателями как расставание с имперским прошлым и советским настоящим России, как идеология будущего воссозданной родины. Выбор лежал между капитализмом и социализмом, так как евразийцы не принимали ни капитализма, ни социализма. Однако видение народов России как органического целого исключало из арсенала их мышления такие понятия, как автономная личность, гражданское общество, демократия.

Как часто это бывает, сложная концепция евразийского мироощущения, распространяясь на большие группы людей, постепенно политизировалась и упрощалась.

Рассматривая современное восприятие идеи евразийства в следующих главах, нам важно проследить, какие ее элементы оказались востребованными современным обществом и какие формы они приняли, а также выявить

причины современного интереса к евразийской традиции, и ее перспективность для формирования интеграционных процессов на евразийском пространстве.

Конечно, со времени существования «классического» евразийства, созданного в 1920-х гг. прошло 90 лет. Но в историческом масштабе это величина относительно малая. Этап развития наук, на котором базировались евразийцы, уже пройден. Но, с объективной точки зрения, современная эволюция научного знания сводится только ко все большему, по сравнению с предыдущими этапами, накоплению фактической информации, поэтому она не может опровергнуть базовую концепцию, заложенную в прошлом, если только она не противоречит вновь устанавливаемым фактам, а только дополняет ее.

Евразийские научные теории, весь евразийский научный комплекс, следовательно, не утратил своего значения, так как современной наукой не установлено ничего, что бы ему противоречило. Евразийские научные разработки и теории не вступают в противоречие с современным состоянием науки, их можно дополнять, несколько корректировать с учетом новых научных данных, развивать, как это делал Л.Н.Гумилев, и делают его последователи.

В целом концептуальная евразийская система остается ценнейшим достижением науки. На наш взгляд, ценность евразийской исторической концепции во многом заключается именно в смелости, самостоятельности суждений, научной добросовестности, позволившей по-новому взглянуть на историю народов, населяющих Евразию. Евразийское видение и понимание хода исторического процесса на евразийском пространстве позволяют современным ученым представлять дальнейшую картину альтернативного евразийского взаимодействия уже в условиях республик СНГ.

1.2 Становление евразийства как особой формы цивилизационного развития

Вопрос становления евразийства как особой формы цивилизационного развития в современной исторической науке занимает одно из центральных мест. Это происходит в условиях мирового развития, характеризуемого глобальными тенденциями, сопряженного с возникновением новых ориентиров, ценностей, становлением новой исторической субъективности.

Сегодня воплощаются в реальность идеи открытого общества, формируется глобальная взаимозависимая экономика, развиваются широкие коммуникативные системы и связи. Вместе с тем процессы глобализации современной цивилизации сопровождаются и противоположными тенденциями, связанными с возрождением национальных культурных традиций, усиливается стремление народов сохранить свою неповторимость, своеобразие, уникальность.

Можно утверждать, что чем сильнее становятся «вызовы» глобализации неолиберальных ценностей, тем с большей энергией и настойчивостью наро-

ды стремятся сохранить свою культуру, язык, религию и традиции. Все это приводит к тому, что в периоды глобальных трансформаций актуализируются проблемы национальной идентичности, связанные со стремлением народов к познанию своих истоков, ценностей, традиций.

Для понимания особенностей функционирования казахской нации как непрерывной этносоциальной системы важно понять ее принадлежность к той или иной цивилизационной форме развития. Как справедливо отметил С. Хантингтон, сегодня «люди и нации пытаются ответить на самый главный вопрос из всех, что могут стоять перед человеком: кто мы такие? Люди самоопределяются, отталкиваясь от истории своих предков, религии, языка, ценностей, обычаев, институтов» [105].

В этой связи Президент Казахстана Н.А. Назарбаев отмечает: «... если задуматься над казахской историей не в свете пресловутых «вспышек в ночи» или идиллических описаний «цивилизуемой степи», то поражает одно обстоятельство. Казалось бы, страшные демографические удары восемнадцатого столетия и коллективизация двадцатого века, слом государственности под давлением колонизации, регулярная чистка национальной элиты, невосполнимые культурные потери, маргинализация части казахского населения, интеллектуальные и эмоциональные драмы величайших казахов в национальной истории – все это должно было привести к психологическому коллапсу и распаду национального поля... Но произошло иначе. Казахи – наследники великих цивилизаций – сумели пронести свое национальное «Я» над всеми историческими пропастями и впадинами. И не только пронести, не только сохранить, но и преумножить» [32. с.23].

Современное общество находится на стадии поиска своей идентичности с помощью двух альтернативных по сути парадигмальных установок: глобализации и унификации цивилизационного процесса, с одной стороны, и локализации, с другой. В реальном историческом процессе эти два процесса взаимодействуют, образуя основу модернизационных трансформаций.

Рост объективных интегративных тенденций во всем мире, которые ведут к усилению взаимодействия во всех сферах жизни современного общества - экономической, политической, информационной, культурной сопровождается не менее устойчивым процессом противодействия интернационализации культуры и духовной сферы в форме протестов отдельных этнических и социальных общностей в разных регионах и странах. Более того, боязнь утратить свой язык, культуру, самобытность, уникальность, национально-хозяйственную самодостаточность, характерная практически для большинства народов, проявляется и на уровне государств, отстаивающих свои национально-государственные интересы, свою национальную идентичность в широком смысле.

Проблема идентификации особенно актуальна для такой полиэтнической и многоконфессиональной страны как Казахстан, в которой соприкасаются Европа и Азия, Запад и Восток. И на каждом этапе исторического развития в Казахстане вновь встают не только вопросы сосуществования различных

культур, традиций, народов внутри страны, но и вопросы, связанные с выбором ориентации на Запад или Восток.

В этой связи вполне логичен интерес к евразийству не только как общественно-политическому движению, но и концептуальной системе, призванной объединить различные, порой альтернативные движения, теоретические подходы, обосновать самодостаточность евразийской цивилизации.

В данном контексте особенно значимой представляется проблема идентичности, поскольку на первый план выходят споры о сходствах и различиях общецивилизационного свойства. Поиск идентичности, коллективной или индивидуальной, действительной или сконструированной, становится фундаментальным источником социальных значений (М.Кастельс). Это объясняется тем, что потеря идентичности, влечет за собой ценностную деструкцию, рассогласование, попытки же конструирования искусственной идентичности представляют потенциальную угрозу безопасности личности и общества и сопровождаются различного рода конфликтами.

Все это свидетельствует о том, что та или иная трактовка идентичности может иметь не только позитивный, но и негативный характер.

Сегодня человечество сталкивается с реальной проблемой. С одной стороны, возросли личное самосознание, чувство культурной идентичности и таким образом – различия. С другой стороны, значительно расширился взаимный обмен культурными достижениями между людьми, народами и цивилизациями. Эти два позитивных сами по себе явления становятся проблемой, когда они сталкиваются на практике, как взаимоисключающие. В концептуальном плане решение проблемы лежит в принятии тезиса о положительном значении культурного и цивилизационного многообразия. Сохранение этого многообразия в рамках, как отдельных государств, так и человеческой цивилизации в целом должно быть исходной ценностно-мировоззренческой парадигмой современного мира.

Диалог между культурами и цивилизациями подразумевает «обмен пониманием», а не «столкновение цивилизаций», который ведет к конфликту. В этих условиях перед ведущими странами мира встает вопрос о способах сосуществования людей различных культур и традиций в формирующемся глобализованном мире.

Позитивность предполагает уважительное отношение к многообразию цивилизационных различий, выступающих источниками развития культур. Эта проблема приобретает особый смысл в XXI веке, когда под давлением различных проблем существенно возросла напряженность в межкультурных отношениях. В подобной ситуации нужна новая стратегия, способная интегрировать в процессе глобализации общечеловеческое и национальное, обеспечить право всех народов на достойную жизнь, культурную и цивилизационную самобытность. В подобных условиях актуализируются ценности и цивилизационный фактор идеи евразийства. Ее огромный интегративный потенциал, содержащий многовековые и прочные экономические и культур-

ные связи евразийских народов определяет близость их менталитета, формирование родственной системы духовно-нравственных ценностей.

Использование исторического опыта взаимодействия евразийских народов особенно важно в современной обстановке, когда ситуация в мире в конце XX и начале XXI вв. осложняется тем, что глобализация зачастую интерпретируется как универсализация неолиберальной модели исторического развития [106]. С.Хантингтон, справедливо указывая на разрыв между принципами и практикой Запада, отмечает: «Вера в то, что не западные народы должны принять западные ценности, институты и культуру, если говорить всерьез, аморальна по своим последствиям» [107].

Для евразийского региона проблема выработки целостного национально-государственного самосознания связана с решением вопроса о том, существует ли евразийская цивилизация как особая цивилизация, как особый культурно-исторический тип. Любой ответ на этот вопрос приводит к рассмотрению сложного комплекса проблем об отношении стран евразийского региона к Западу и Востоку.

Сложность общецивилизационной характеристики евразийского пространства в том, что его отличительной чертой является полиэтнический, поликультурный характер.

Исторически сложилось так, что большое число народов и этнических групп стало жить не только рядом друг с другом, но и вместе друг с другом. При этом указанные культуры и народы оказываются встроенными в обще-евразийскую культуру, составляя с ней единое целое. И сегодня понять, как они развивались, и как будут развиваться в дальнейшем, можно только рассматривая их в историко-генетическом и историко-проблемном ключе.

В отечественной социально-философской и общественной мысли необычайно сильна культурно-историческая доминанта, что обусловлено необходимостью, определить место Казахстана во всемирной истории. В этом отношении сегодняшние поиски моделей дальнейшего развития нашего общества продолжают традиции цивилизационной проблематики, всегда волновавшей общественную и философскую мысль интеллектуальной среды Казахстана.

Те глобальные трансформационные вызовы, с которыми встретилась страна, актуализируют для республики вопросы о «западном» и «восточном» в ее ментальности, что закономерно повышает исследовательский интерес к идеям мыслителей прошлого.

Вместе с тем задача систематического осмысления имеющегося духовного наследия во всем его богатстве и многоплановости еще далека от своего решения.

Богатое научное и творческое наследие, оставленное российской эмигрантской мыслью 1920-30-х гг., представляет большой интерес с точки зрения исторического осознания единства в многообразии, как основной составляющей евразийской цивилизации.

Обращение к идеям российской эмиграции начала XX в. концептуально оправдано еще потому, что в этот период Европа переживала кризисный период, осмысливала первую в истории мировую войну, первую в истории социалистическую революцию и т.д. Особенно остро переживали происходящие цивилизационные трансформации эмигранты из России, перед которыми стояли фундаментальные вопросы, во многом аналогичные тем, что стоят и сегодня перед современным обществом.

При этом, если многое из того интеллектуального наследия, которое было оставлено первым поколением русской эмиграции, уже стало предметом научного внимания отечественных исследователей, то проблематика цивилизационной идентичности в контексте евразийской идеи еще не стала предметом специального систематического анализа.

Сегодня лейтмотивом многих исследований природы евразийской цивилизации, к которой, безусловно, относится и Казахстан, является стремление заменить формационный подход к крупномасштабному членению исторического процесса на цивилизационный. В наиболее четком виде эта позиция излагается ее сторонниками следующим образом: превратить понятие цивилизация, которым историография до сих пор оперировала только как инструментом описательным, в ведущую (высшую) парадигму исторического познания.

Термин «Евразия» был заимствован евразийцами у А. Гумбольдта, который обозначал им всю территорию Старого Света, включающую Европу и Азию. Впоследствии, как уже упоминалось, этот термин приобрел другое культурно-историческое толкование, обозначающее срединную часть континента, лежащую между Китаем, горными цепями Тибета и «западным полуостровом» Европа. В качестве границы между Европой и Евразией П.Н. Савицким, затем Г.В. Вернадским было предложено рассматривать изотерму января, которая на западе – положительная, а на востоке – отрицательная.

Но совместимо ли это пространство Евразии с понятием «цивилизация» при всей его многозначности последнего.

Впервые термин «цивилизация» встречается в трудах французских философов-просветителей XVIII века и употребляется в тесной связи с понятием «культура». Цивилизованным ими называется общество, основанное на началах разума и справедливости. У Гельвеция, Вольтера, Гольбаха «цивилизация» и «культура» используются как синонимы. Особо требуется подчеркнуть, что и сейчас ученые не отказались от такого понимания. В XVIII веке практически одновременно с приведенным существовало и видение цивилизации как определенной стадии всемирно-исторического процесса, введенное шотландским философом и историком А. Фергюсоном.

Сам термин «цивилизация» (от лат. *civilis* – гражданский, государственный) до сих пор не имеет однозначного толкования. В мировой исторической и философской (в том числе футурологической) литературе он употребляется в четырех смыслах:

1. Как синоним культуры, например, у А. Тойнби и других представителей

англо-саксонских школ в историографии и философии.

2. Как определенная стадия в развитии локальных культур, а именно стадия их деградации и упадка. Вспомним нашу мемуарную в свое время книгу О. Шпенглера «Закат Европы».

3. Как ступени исторического развития человечества, следующие за варварством. Такое понимание цивилизации мы встречаем у Л. Моргана, вслед за ним у Ф. Энгельса, сегодня у А. Тоффлера (США).

4. Как уровень (ступень) развития того или иного региона либо отдельного этноса. В этом смысле говорят об античной цивилизации, цивилизации инков и т.п.

Эти понимания в одних случаях в значительной степени накладываются и дополняют друг друга, в других – являются взаимоисключающими.

Распад утвердившейся в общественном сознании модели истории, основанной на идее всеобщности, на Западе начался на рубеже XIX-XX веков. Единство истории человечества, унифицированное поступательное движение вперед всех народов были именно тогда повергнуты сомнению. Общее пространство истории вдруг оказалось дискретным и вместо единого исторического процесса, в который было вовлечено все человечество, открылось множество цивилизаций, каждая из которых представляла собой самостоятельный субъект истории: либо сменяя одна другую, либо, выступая на исторической арене одновременно. Так, в XX веке цивилизационный подход завоевал видное место на Западе и приобрел большое количество приверженцев. И все же в цивилизационном делении при признании множественности цивилизаций существовала и даже лидировала довольно упрощенная схема деления мира на Восток-Запад.

Но эта господствовавшая в основном до распада социалистического содружества схема Запад-Восток, стала утрачивать политический смысл после того, как в категорию западных стран, ориентируясь на экономические показатели, стали включать Японию.

Необходимо отметить, что в новейшей схеме абсолютизируется лишь один «полюс» - Запад, а весь остальной мир определяется по «остаточному принципу». Далее современный Запад стал подменяться понятием «промышленно развитые страны». И новая позиция Запад-Незапад начала еще более размываться, когда к промышленно развитым странам причислили Южную Корею и другие азиатские новые индустриальные страны.

В своей известной книге «Дипломатия» Г. Киссинджер обосновывает существование региональных систем, где в центре каждой находится государство, оказывающее влияние на развитие событий в регионе. Он выделяет шесть основных центров силы: США, Европа, Китай, Япония, Россия, «... и возможно, Индия». Шесть основных центров силы Г. Киссинджера принадлежат к разным цивилизациям, поэтому он считает, что международная система XXI века будет обусловлена взаимодействием различных цивилизаций.

В качестве инструмента анализа состояния и взаимодействия обществ исследователями все чаще начинает использоваться цивилизационный крите-

рий. И, как пример, можно привести работу американского политолога С. Хантингтона, имевшую наибольший резонанс в середине 1990-х годов в научных кругах многих стран.

Свое представление о мире после холодной войны С. Хантингтон строит на том, что сегодня и идеология, и экономика перестают быть факторами, определяющими отношения между странами. «Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями - это и есть линии будущих фронтов» [108].

С. Хантингтон характеризует цивилизацию наличием общих черт объективного порядка, таких как язык, история, религия, обычаи, институты, а также субъективной самоидентификацией людей. По его мнению, цивилизация может включать в себя несколько наций-государств, как в случае с западной, латиноамериканской или арабской цивилизациями, либо единственное – как в случае с Японией. Всего он выделяет восемь цивилизаций: западная, конфуцианская, японская, исламская, индуистская, православно-славянская, латиноамериканская и, возможно, африканская. Все же главным фактором, определяющим цивилизационную идентичность, по убеждению С. Хантингтона, является религия. Важной мыслью С. Хантингтона является то, что мир, где происходит столкновение цивилизаций – это неизбежно мир с двойной моралью: одна используется по отношению к «братским странам» (то есть принадлежащим к той же цивилизации), а другая – по отношению ко всем остальным.

Исходя из определения С. Хантингтона, принадлежность к той или иной цивилизационной группе, главным образом, определяется религией, а в Казахстане представлены не только исламская, но и другие конфессиональные группы. В этом случае сужаются рамки цивилизационных признаков, что ведет к нивелированию уникальной природы поликонфессиональной природы евразийства.

История показывает гармоничное сосуществование этносов и религий на огромном евразийском пространстве, имеющим тысячелетний опыт совместного пребывания в рамках государственного устройства, различного формата от древнего до СНГ. В этой связи Западу придется считаться с этими цивилизациями, близкими к нему по своей мощи, но отличными по своим ценностям и интересам. Для этого потребуются и более глубокое понимание фундаментальных религиозных и философских основ этих цивилизаций, и поиск элементов сходства между существующими цивилизациями. Мир будет состоять из непохожих друг на друга цивилизаций, и каждой из них придется учиться сосуществовать со всеми остальными. В том числе и с евразийской.

По мнению известного российского политолога А.Г. Дугина «существует не одна, а целый ряд цивилизаций, которые обладают внутренне непротиво-

речивыми критериями собственного устройства и которые не могут быть измерены общим эталоном западной цивилизации. На мой взгляд, мы должны измерять русскую цивилизацию или китайскую цивилизацию, исходя из того понятийного аппарата, из той структуры, которые заложены в самой этой цивилизаций. Я использую слово «цивилизация» в полемическом смысле и для того, чтобы подчеркнуть не единственность, а множественность критериев в раскрытии этой категории» [109].

Сегодня в общественных науках представлена целая гамма разнообразных, достаточно широко трактуемых определений цивилизации, которые одновременно и конкурируют друг с другом, и уживаются. Частично такие различия можно объяснить тем, что со сменой цивилизаций происходит и смена активно участвующих в них этносов как носителей цивилизационных черт.

Заметим, что границы между цивилизациями подвижны в силу не только природно-географических причин, но и в силу действия внутренних закономерностей этногенеза и таких более зримых причин, как политическое, социальное, культурное, военное взаимодействие соседей – в результате чего отдельные этносы или группы этносов могут отделяться от одной цивилизации и присоединяться к другой.

В целом, в основе современного осмысления понятия цивилизация лежат системообразующие связи различного порядка:

- пространственные, опирающиеся на особенности природной среды, ландшафта;
- временные, формирующие общность исторического бытия, широко понимаемой культуры, языка;
- социально-психологические, цементирующие суперэтническую общность за счет формирования сопоставимых ценностно-нормативных механизмов, субъективного осознания общности, самоидентификации людей.

Представляется, что историческое место и значение евразийской цивилизации можно адекватно оценить, только поставив в центр исследовательского внимания не изолированную историю России, а, в целом, историческую деятельность различных народов оседлой и кочевой цивилизаций по освоению природно-географических пространств Евразии, по социально-государственному обустройству этой обширной территории. Можно привести множество фактов из истории, которые позволяют сделать вывод о том, что как социально-государственное строительство, так и духовная культура евразийских народов за период, превышающий более чем 2500 лет, сплелись в единую системную целостность. За это время евразийские народы объединялись и переструктурировались несколько раз: скифы, гунны, Великий тюркский каганат VI-VIII веков, Русь, Монгольская империя, Россия, СССР, СНГ. При всем этом, важно заметить, что системные связи между евразийскими народами никогда не бывали полностью разрушенными.

Отсутствие природных границ на территории Евразии – естественная причина, исторически провоцирующая народы, населяющие ее к объедине-

нию всех её территорий. Вся история Евразии есть последовательная цепь попыток создания единого всеевразийского государства. Попытки эти предпринимались с разных сторон – с востока и запада Евразии. Эту цель преследовали скифы, гунны, хазары, монголы, славяно-руссы. Не чужды были логике «месторазвития» и советские политики.

На протяжении всей известной нам истории, позволяющей проследить взаимодействие евразийских народов, наблюдается одна и та же закономерность, которую можно представить в виде пульсирующего чередования двух периодически сменяющих друг друга геополитических форм организации евразийского пространства. Это чередование единой государственности и системы государств.

В схематическом виде исторические ритмы организации евразийского пространства представлены Г.В. Вернадским, начиная со скифской государственности и заканчивая СССР. Интересно, что схема Г.В. Вернадского заканчивается вопросительным знаком, поставленным после образования СССР как единого государства.

Следующей формой, по мнению многих исследователей, если следовать логике этой конструкции, должно стать объединенное евразийское государство.

Этот факт вызывает многочисленные дискуссии среди политиков и ученых стран СНГ, которые во многом опасаются восстановления бывшего Союза и потери обретенной независимости. Однако на наш взгляд здесь речь идет о возможном создании уникального евразийского взаимодействия на уровне суверенных, независимых государств. Тем не менее, история доказывает, что стремление к взаимодействию и объединению местного населения, в силу различных причин, не являлось эпизодическим всплеском в истории Евразии, а имело характер периодичности и закономерности. Во многом, по мнению евразийцев это объяснялось природно-географическими особенностями и «месторазвитием» Евразии.

Природа срединной части континента Евразии характеризуется сочетанием зональных и азональных (речных долин) ландшафтов через разные типы хозяйств, которое предопределило возникновение системной целостности, включавшей в себя оседлые и кочевые народы, нуждавшиеся в результатах хозяйственной деятельности друг друга и находившиеся в постоянном контакте и взаимодействии.

Необходимо отметить, что в современной исторической науке взаимоотношения кочевников с оседло-земледельческими цивилизациями, место и роль их на исторической арене подверглись основательному пересмотру, в первую очередь, с позиций цивилизационного и мир-системного подходов. Это не отрицает полностью результатов советской историографии, но по-новому и, на наш взгляд, более адекватно и системно интерпретирует характер взаимоотношений, связей кочевников с оседло-земледельческими цивилизациями, взаимозависимости двух разных хозяйственно-культурных типов, а также истоки и природу кочевых держав. Учеными разных стран было сделано нема-

ло для реконструкции истории и понимания специфики многих евразийских цивилизаций.

Если исходить из логики исторического процесса, под «цивилизацией» следует понимать не уровень развития того или иного общества, а определенный «мир» как пространственно – временной культурно-экономический континуум, у которого есть «своя собственная идея, собственные страсти, собственная жизнь, желания и чувствования и, наконец, собственная смерть» [110].

В современном кочевниковедении наработан огромный материал в виде фактов и идей, отмечено значительное количество особенностей развития кочевого сообщества, не характерных как для земледельческих областей, так и для районов с присваивающей экономикой, что не видеть или игнорировать специфику развития и устройства обществ евразийского степного коридора уже невозможно. В историографии однако, как справедливо отметил российский пионер идеи кочевой цивилизации А.И.Мартынов [111], взаимоотношения обществ оседлых цивилизаций и степной Евразии все еще не рассматривались, как система отношений двух параллельно развивающихся миров и это связано с тем, что оседлые общества – явление историческое, а степная Евразия, прежде всего, археологическое, добавим, и филологическое, т.е. описываемое все еще достаточно тенденциозно, в значительной степени на основе тех оценок, которые давали современники кочевой цивилизации.

Кочевничество становится основным направлением хозяйственно-культурного развития евразийских племен, как минимум, с середины I тыс. до н.э. Справедливую оценку этому процессу дает историк Г.Г. Пиков, который выделяет самостоятельные признаки кочевой цивилизации и отмечает, что «выделение этой цивилизации вполне можно назвать степной революцией, которая имела не меньшее значение для человечества, чем городская или земледельческая. Кочевая цивилизация – это особый мир, отличающийся как от западной, так и от восточной цивилизации, а степной образ жизни такой же исторический феномен, как и городской, сельский, морской» [112].

Можно выделить и цивилизационные или «мировые» признаки территории расселения кочевников [104, с. 58]:

– определенность территории. Она может быть определена как совокупность степи и травянистой пустыни, лежащая во внутренней части Евразии и окаймленная с севера гигантским лесным массивом. Чаще всего данная территория почти совпадает с аридной областью;

– определенность исторического периода. Кочевая цивилизация формировалась одновременно с другими (в основном в первом тысячелетии до н.э.). В Восточной Азии «освободительная борьба» с «варварами» (гуннами, киданями, жужанями, монголами, маньчжурами) завершилась лишь в начале прошлого столетия. Таким образом, «средневековый период» может быть обозначен и как время непосредственного взаимодействия двух цивилизационных зон (в Европе «романского» и «германского» начал, в Восточной Азии

ханьского по происхождению Китая и «кочевых империй» тюрко-монгольского ареала).

Эту классическую эпоху существования кочевой цивилизации можно разделить на три периода:

1. гуннский (III в. до н. э. - V в. н. э.) - эпоха Великого переселения народов, когда происходит изменение политической карты Великой Степи и сопредельных территорий (Китай, Индия, Европа), формирование новых этнокультурных сообществ;

2. тюркский (VI - XII вв. н. э.) – тюркизация Центральной Азии, Степи, Южной Сибири;

3. монгольский (XII - XIV вв.). Апогеем стало существование державы Чингисхана. В итоге сложилась новая этническая и политическая карта.

– стабильность и длительность существования данной цивилизационной зоны;

– уникальность исторического развития;

– этноцентризм, доходящий до представления об «избранности» народа и идеализирования своей территории;

– этнокультурная «гибридность». В зоне степей взаимодействуют различные субкультуры, и в результате рождается новый культурный синтез. Это мешает интенсификации культурных процессов, но дает возможность для формирования культурного плюрализма, поэтому у кочевников практически не наблюдается идейных споров, а камнем преткновения являются в основном практические проблемы;

– особый алгоритм социо-культурной жизни;

– самобытность и оригинальность культурных представлений и традиций и их близость;

– этно-культурный экспансионизм, доходящий до навязывания своей цивилизационной парадигмы. Первая сторона этого процесса (широкое проникновение кочевых этносов на территорию оседлых обществ) очевидна и она рассматривалась негативно, как уничтожение культуры бескультурными кочевниками. Тем не менее, можно говорить и о значительном культурном экспансионизме кочевников. Вторгаясь в страны с оседлым населением, кочевники подчиняли целые государства власти своих вождей – шаньюев, каганов, ханов, эмиров, султанов и распространяли культурные традиции, в последствии прижившиеся среди местного населения. Возникали гигантские державы кочевников – сюнну или гуннов, тюрков, монголов. История знает немало сравнительно легких побед номадов над древними и средневековыми государствами, что вело к распространению кочевников на землях, освоенных оседлыми народами. Но наибольшего успеха кочевники достигали тогда, когда перед ними были ослабленные противники: либо цивилизации, переживающие кризис, либо государства, пребывающие в состоянии раздробленности и усобиц. В этом тоже одна из причин успехов кочевников-завоевателей, в том числе выходцев из Центральной Азии – тюрков и монголов.

Цивилизационная идентификация евразийства, связанная с осознанием принадлежности к локальной цивилизации, которая, как правило, представляет собой надэтническую и наднациональную, а в ряде случаев – надконфессиональную и даже надгосударственную общность (или суперсистему), является наиболее широкой, абстрактной и рационализированной формой идентичности, о которой писали евразийцы.

Этот процесс является весьма сложным, и особенно сложно он протекал в Евразии – полиэтнической и поликонфессиональной цивилизации, характеризующейся высоким уровнем полиморфизма, обусловленного, прежде всего столкновением и взаимодействием разных цивилизационных традиций – восточных и западных.

Основоположниками теории локальных цивилизаций в России явились славянофилы. Поиск цивилизационной идентичности, осуществлявшийся на основе романтико-теологического подхода к истории и к локальной цивилизации, не предполагал рассмотрения России как полиэтничной и поликонфессиональной цивилизации. Вопреки очевидной реальности для славянофилов Россия оставалась только православной страной, противопоставленной и нехристианскому Востоку, и католическо-протестантскому Западу. При этом Восток вне России (и древний, и средневековый, и современный) – за исключением христианского Востока, т.е. Византии, – фактически не вызывал интереса, воспринимался как нечто чуждое до такой степени, что задача сопоставлений или противопоставлений с Россией исключалась сама собой.

Тот факт, что имперская Россия объединяла в рамках одного политического целого огромные массы людей, исповедующих различные религии и имеющих свои культурные, а в иных случаях и государственные традиции, не играл практически никакой роли в созданной славянофилами концепции русской самобытной цивилизации.

Н.Я. Данилевский, автор «России и Европы» (1869), создатель концепции культурно-исторических типов, осуществил важнейший прорыв в теории локальных цивилизаций, утверждая, что все культурно-исторические типы равноценны в силу их уникальности и что их главной исторической задачей является прежде всего развитие самобытных начал.

Гораздо более важный шаг на пути формирования концепции России-Евразии был сделан этнографом и славистом В.И. Ламанским. В своей книге «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892 г.) он поставил задачу показать своеобразие России в широком историческом контексте цивилизационного развития Евразии как континента. В.И. Ламанский подчеркивал, что именно Евразия явилась главным очагом зарождения великих цивилизаций. Исключения составляют только Египет и древние цивилизации Мезоамерики. Уникальность Евразийского континента, давшего поразительное многообразие моделей цивилизационного развития, объясняются, с его точки зрения, особо благоприятными географическими условиями [113].

Огромное евразийское пространство В.И. Ламанский разделял на «три великих отдела или мира, каждый со своими, исключительно ему свойствен-

ными географическими, этнологическими и историко-культурными особенностями». Это – Европа, Азия и Россия, которую исследователь определяет как «средний мир, т.е. не настоящая Европа и не настоящая Азия». В анализе этих культурных миров важную роль играл географический фактор.

Самым важным «открытием» В.И. Ламанского было определение России как полиэтнической цивилизации, в которой присутствуют элементы азиатских этносов и культур. В этом отношении В.И. Ламанский первым «увидел» и осознал Россию как Евразию. Но односторонность концепций его предшественников не была преодолена окончательно, ибо азиатские этносы, по его мнению, недостаточно сильны, чтобы играть культуuroобразующую роль, соперничать со славянскими племенами, которые он именуется «стволом» русской цивилизации.

Таким образом, первая, собственно евразийская концепция получилась весьма односторонней. В своей характеристике пассивности азиатского начала, В.И. Ламанский, подобно Н.Я. Данилевскому, вновь воскрешал восходящий к славянофилам образ России как, прежде всего славянской и православной цивилизации.

Евразийство открыло новый этап в развитии евразийской идеи. Характерно, что первые печатные выступления евразийцев, в которых высказывалась идея об историческом процессе как разнонаправленном циклическом развитии национальных культур, появились почти одновременно с «Закатом Европы» О. Шпенглера. Так, евразийцы практически одновременно с О. Шпенглером включились в разработку одного из ведущих направлений в культурологии и историографии XX века, которое считало «локальную цивилизацию» основной единицей исторического процесса и отрицало его линейную однонаправленную схему, в которой за вершину принималась западная или европейская цивилизация.

В этом подходе ключевое, принципиальное отличие евразийцев от западников и славянофилов. Как западники, так и славянофилы при всем несхождении их взглядов стояли на одной и той же платформе - концепции социально-исторического процесса, движущегося по единой линии. Все человечество, по их мнению, движется зигзагообразно, диалектически, по линии, не обязательно прямой, но единой, к достижению общей цели. Вот с этого момента наступает различие между западниками и славянофилами.

Цель этого движения понималась ими по-разному: общечеловеческая цивилизация, мировой абсолютный разум – для первых, и всеславянское братство во главе Европы и всего человечества – для вторых. Западники целиком приняли гегелевскую концепцию восхождения человечества к мировому разуму, раскрывающемуся постепенно в различных ступенях культуры. Когда надлежит познать элемент этого разума, на историческую сцену выходит один народ, и по нему равняется все человечество, затем новый шаг по этой эволюционной вертикали, выдвигается новый народ, и ему предстоит раскрыть иную сторону абсолютного разума. И снова все человечество равняется по этому народу. Гегель считал, что придет время, когда выступит народ,

вобравший всю полноту разума. По его учению, таковым народом является германский.

Западники на вершину лестницы поставили не один германский народ, а весь романо-германский мир или западную цивилизацию. Славянофилы же утверждали, что завершит процесс не романо-германский народ, а русско-славянская культура, и Россия, по их мнению, должна не отгораживаться от Европы, а пойти во главе Европы и всего человечества. Но повторяем, что и те, и другие исходили из концепции единства мирового развития.

Евразийцы, в отличие от них, разрабатывая мультилинейную схему социально-исторического процесса, были последователями традиции, заложенной в западной историографии XVII-XIX веков Дж. Вико и И. Гердером, а в русской – Н.Я. Данилевским и К. Леонтьевым. Наиболее полно данная концепция представлена у евразийцев в книге Н.С. Трубецкого «Европа и человечество». В ней, отрицая единую эволюционную вертикаль расположения человеческих культур, Н.С. Трубецкой исходил из их качественной несоизмеримости, считая, что момент оценки должен быть раз и навсегда изгнан из этнологии и истории культуры, и что оценка всегда основана на эгоцентризме.

Оценка западной (европейской) цивилизации как венца эволюции – это заблуждение самих европейцев, основанное на подмене понятий: под «общечеловеческими ценностями», «общечеловеческой цивилизацией» на самом деле понимаются ценности западного мира, романо-германской культуры. Подмена этих понятий легла в основу европейских космополитических теорий. Стремление слепо копировать европейскую культуру, считали евразийцы, лишает другие народы веры в ценностные достижения собственной истории и собственной культуры.

Критики евразийцев часто упрекали их в том, что они, говоря о вреде тотальной европеизации, вообще якобы отрицали факт взаимовлияния культур или отрицали, какое-то ни было положительное влияние европейской культуры на Россию. Однако факт взаимовлияния этих культур отрицать невозможно. При этом необходимо учитывать, что влияние Европы и России было взаимным.

Надо заметить, что в процессе «европеизации» произошло и самоутверждение России в различных областях, например, изящной литературы и изобразительных искусств. Но этим оно не ограничивалось, а имело более широкий спектр взаимовлияний. Категоричное утверждение Н.С. Трубецкого о равноценности и качественной «несоизмеримости культур и народов земного шара» несколько смягчено в работах П.Н. Савицкого, дающего более гибкие оценки.

Евразийцев привлекала ориентированность мультилинейной концепции на своеобразие и неповторимость культуры, а также заложенная в ней антиевропоцентристская направленность.

Выраженный антиевропоцентризм евразийцев обусловил специфическую трактовку термина Евразия. В первой декларации евразийцев подчеркивалось, что Евразия – отнюдь не соединение европейского и азийского начал, а

особый «континент», отличный и от Европы, и от Азии. П.Н. Савицкий писал: «Сам же термин – Евразийство, – говорит не о «средней линии», а о срединном между Европой и Азией континенте, где перед Россией стоит творческая миссия приобщения Европы и Азии к началам подлинной жизни» [114].

Подобный настрой, сам по себе определяет установку на отъединение России от соседних цивилизационных миров, анализ ее цивилизационной уникальности.

Высоко оценивая достижения европейской цивилизации, «могущественное деятельно-волевое напряжение, свойственное западному человеку, социальный пафос, вдохновляющий общественные идеалы западной культуры, дерзновенный дух исканий, приведший к великим научным открытиям» [115], евразийцы тем не менее не смогли выделить никаких позитивных результатов европейского влияния, ибо сводили его преимущественно к просветительно-материалистически-атеистической линии в русской культуре. При столь тенденциозном толковании оказывалось, что контакты с Западом имели только одно, разрушительное последствие: революцию 1917 г., которая вместе с тем обозначила разрыв с Европой, а потому может послужить импульсом для следующего витка развития.

Отношение к Востоку было гораздо более сложным, неоднозначным. Первый сборник евразийцев назывался «Исход к Востоку», что свидетельствовало о существенных изменениях в сравнении со всей предшествующей традицией. Однако эта тенденция имела достаточно жесткие ограничения, так как евразийцы усматривали опасность в воздействии на Россию «усеченного духа Азии, с ее Нирваной и созерцательным квиетизмом». В статье «Религии Индии и христианство» Н.С. Трубецкой дал резкую критику буддизма и индуизма с позиций православия [116]. Иначе решался вопрос об отношении к культуре и религии азиатских народов, судьба которых оказалась связанной с историей России. Евразийцы поставили цель показать их конструктивную, творческую роль в формировании и развитии российской цивилизации и обосновать возможность культурного единства полиэтничной России-Евразии.

На протяжении всей деятельности историков евразийцев центральной темой, обусловленной наступившим после революции 1917 г. духовным кризисом, оставалось рассмотрение взаимоотношений со своими соседями на евразийском пространстве. Отсюда и особый неустанный интерес к кочевым обществам. Как отмечал П.Н. Савицкий: «Кому первому пришла мысль «все свое» положить на повозки – с тем, чтобы отныне, в поисках травы и воды, стать независимым от оседлости? Кто бы он ни был, эта мысль стала одной из чреватых последствиями человеческих мыслей. Тем самым создавался хозяйственный уклад, который донныне остается наиболее рациональным хозяйственным укладом на миллионах квадратных верст; создавался уклад, в течение тысячелетий имевший огромные военные преимущества, сделавший историю кочевого мира одной из замечательных глав в истории военного дела. Военное значение кочевой стихии неотделимо от обуздания коня, осуществ-

ленного в кочевом мире. Обузданный конь (иногда десятки, сотни коней) лежит в кочевой могиле, будь то скифской, алтайской или в позднейших «татарских курганах» [117].

В дальнейшем, это стало точкой соприкосновения и пересечения взглядов Л.Н. Гумилева и евразийцев. Предложив новую цивилизационную парадигму исследования, представители научного евразийства предвосхитили многие теоретические разработки ученых востоковедов сегодняшнего дня.

В современном отечественном кочевниковедении активно разрабатывается «теория кочевых цивилизаций», предметная область которой определяет довольно широкий спектр проблем историко-культурных процессов в кочевых обществах. Прежде всего, такая широкая проблематика обусловлена многозначностью формулирования одного из ключевых понятий данной теории – «цивилизации», что детерминировало ряд дискуссионных теоретико-методологических положений.

Современная теория кочевых цивилизаций находится в процессе самоопределения. Происходящее уточнение ее статуса в качестве интегративного, целостного знания о кочевых обществах повышает роль обобщающих теоретических концепций.

В этой связи становится, несомненно, актуальным изучение научного наследия евразийцев и Л.Н. Гумилева, чье творчество в отношении применяемой методологии укладывается в рамки цивилизационного подхода, хотя и несколько условно, поэтому мы можем отнести ученых к одним из предшественников данной теории. Л.Н. Гумилев, по мнению исследователя-востоковеда Н.Н. Крадина [118] был «единственным интерпретатором цивилизационного подхода» в условиях методологического господства исторического материализма в исторической науке СССР.

С позиций этнопсихологического подхода Л.Н. Гумилев связывал понятие цивилизации с особенностями этнической истории. Он усматривал иногда цивилизационный критерий в специфике культуры и психологии того или иного народа. При таком понимании цивилизации она по существу отождествляется с национальным характером.

В современной историографии Казахстана благодаря усилиям отечественных исследователей М.К. Козыбаева, К.М. Байпакова, К.А. Акишева, И.Н. Тасмагамбетова и ряда известных историков, археологов, этнографов, в целом обществоведов, к настоящему времени создана цельная концепция существования на территории Казахстана степной цивилизации кочевников.

Особое место среди работ, посвященных рассматриваемой теме занимают труды Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева. В частности, в работе «В потоке истории» он рассматривает казахскую степь как часть «Великого тюркского эля» [32, с.77-118]. И в этом заложен большой смысл. По сути, пояс степей и пустынь Казахстана действительно представлял собой родину великих кочевых государств и империй древности. «Именно на территории нынешнего Казахстана и сопредельных с ним регионов возникли раз-

личные культуры, которые оказали едва ли не определяющее влияние на развитие многих народов мира» [32, С. 80].

Степная цивилизация кочевников или «Великая степь», которая веками служила житницей и трансэтнической территорией великих кочевий, которые шли с запада на восток и с востока на запад включала в себя огромную часть территории земного шара, которая простирается от сибирской тайги на севере до горных систем на юге [119]. По определению Л.Н. Гумилева, она четко разделяется Алтаем, Саураном, Тарбагатаем и Западным Тянь-Шанем на две непохожие друг на друга части. Восточная часть Великой степи называется Внутренней Азией и от Сибири её отделяют Саяны и хребты Хамар-Даван и Яблоневого, от Тибета Кунылуь и Нань-Шань (по тюрко-казахски «Шугай Тауы»), от Китая - Великая Китайская стена, точно соответствующая границе между Сухой степью и субтропиками на севере страны. Западная часть Великой степи включает не только Казахстан, но и степи Причерноморья. В отдельные периоды Степь охватывала даже часть территории Венгрии [120].

Истоки первой крупной кочевой империи в Центральной Азии восходят к III веку до н.э. Ими были сюнну (хунну, гунны), которые вскоре заняли территорию от Забайкалья до Тибета, от Средней Азии до Хуанхэ. Потряса на протяжении почти пятисот лет своими вторжениями древнекитайскую государственность, они доходили до пределов северной Индии (Кашмир). В исторических анналах античности повествуется о нашествии гуннов на Европу и Западную Азию в IV-V вв.

В середине VI века в Евразии появляется первая крупная кочевая империя – Тюркский каганат – Степная империя тюрков, в период своего расцвета охватившая обширные земли от Кореи до Крыма. Основной причиной возникновения могли быть изменения, угрожающие основам существования этой цивилизации - перенаселение, изменение климата, необходимость избавления от нестабильного человеческого элемента. Возникновение тюрков связывается с Восточным Туркестаном.

Согласно китайским хроникам, группа позднегуннских племен, в конце III - начале IV в., переселившись в Северо-западный Китай, была вытеснена в конце IV века в район Турфана, где продержалась до 460 года. Жужане (авары) уничтожили их владение и переселили их на Алтай. В Восточном Туркестане они приняли в свой состав новый этнический компонент, смешались с местным населением. На территории, где жило племя ашина с конца III века до 460 г., преобладало иранское и тохарское население, обогатившее язык и культуру ашина. Именно здесь было положено начало тесным тюрко-согдийским связям, оказавшим огромное воздействие на всю культуру и государственность тюрков. На Алтае ашина создали крупное объединение племен, принявшее самоназвание тюрк [121].

Кочевники активно участвовали в создании общих евразийских культурных ценностей, социальных институтов, освоении новых земель, возникновении международных коммуникаций и ретрансляции созданной в культур-

ных центрах информации, влияли на темпы и направление развития многих народов и государств. Одним из важнейших результатов конвергенции кочевых и оседлых обществ станет подпитка ислама одной из древнейших азиатских культур – тюркской.

Империя, созданная тюрками, хотя и возникла в результате завоеваний, в дальнейшем играла определенную цивилизующую роль. Так, Л.Н. Гумилев отмечал: «Поскольку границы Тюркского каганата сомкнулись на западе с Византией, на юге с Персией и Индией, а на востоке с Китаем, то естественно, что перипетии истории этих стран... связаны с судьбами тюркской державы. Образование ее стало в какой-то мере переломным моментом в истории человечества, потому что до сих пор средиземноморская и дальневосточная культуры были разобщены, хотя и знали о существовании друг друга» [122].

Кочевые империи, сменявшие друг друга в течении веков оказали огромное влияние на этногенез многих народов, становление сложных и разнообразных культурных комплексов. Это был совершенно новый тип цивилизации, сохранивший свои черты до первой трети XX века, составивший в дальнейшем один из огромных пластов современной евразийской цивилизации, объединившей различные культуры и народы, действующей как постоянный фактор взаимовлияния и сосуществования на евразийских просторах.

Как отмечает Первый Президент РК Н.А. Назарбаев: «Со времени образования Тюркского каганата, сыгравшего выдающуюся роль в древней истории, исполнится (в 1997 году А.К.) 1450 лет... Нам всем есть чем гордиться, ибо наши предки оставили глубокий след в истории, оказали мощное влияние на судьбы народов Евразийского континента» [32, с 93].

Можно говорить о том, что кочевые цивилизации существовали длительное время, и кочевые империи являются их продуктом и как всякий вторичный элемент должны были выполнять конкретные задачи.

В отличие от империй земледельческих народов в них не происходило изменения хозяйственных функций, образа жизни, системы управления, нарушения привычного ритма жизни. Именно поэтому кочевые империи были так огромны. В VI-VIII веках хроники сообщают о первых тюрках в Европе – аварах, булгарах, хазарах. Затем с востока появляются огузы-печенеги, тюрки-сельджуки, а также карлуки, кыпчаки (половцы, команы), кыргызы. Тюркские племена заселяют большую часть Казахстана и Средней Азии, проникают в Иран и Закавказье; в XI веке часть их (огузы и туркмены) перекочевали в Малую Азию.

Расселение тюркских племен привело после их оседания и смешения с местными народами, а иногда и при сохранении кочевого образа жизни, к образованию большой группы тюркоязычных этносов от якутов, тувинцев, алтайцев, казахов, уйгуров на востоке до чувашей, гагаузцев, татар (поволжских и крымских), кумыков, карачаевцев, балкарцев и турок на западе.

Перемещаясь на огромные расстояния, кочевники не раз изменяли этнический атлас и государственный образ Евразии. С передвижениями цен-

тральноазиатских номадов связано распространение в древности и средневековье важнейшей языковой семьи мира – алтайской (в основном тюркской и монгольской ветвей), к которой принадлежит и казахский язык. С этого времени начинается продвижение по Евразии одной из самых распространенных языковых семей – тюркской.

Пространство срединной Евразии не имеет внутренних географических границ, отделяющих разные регионы. Степь, рассекаемая реками, протянулась от Карпат и Северного Причерноморья почти до самого Тихого океана. Здесь выживание напрямую зависело от расширения жизненного пространства. Степные народы не были ограждены от соседей труднопроходимыми географическими препятствиями, подобно европейским государствам. Возможности быстрого перемещения в пространстве, обеспечивающиеся самим образом жизни, требовали постоянного расширения территории.

Широкий степной пояс Евразии, частью которого являются и просторы Казахстана, от Хуанхэ до Карпат, пустыни Средней Азии и Восточного Туркестана, тундра Евразии – все эти гигантские территории могли быть освоены только кочевыми скотоводами.

Являясь своеобразными цивилизациями древности, названные образования носили характер империй. Очевидно, поэтому известные исследователи данной проблемы С.Г. Кляшторный и Д.Г. Савинов применили по отношению к ним выражение «Степные империи древней Евразии» [123]. По определению названных авторов, территория степной и горно-степной Евразии простирается от Маньчжурии до юго-восточной Европы, от Прибайкалья до Гималаев. «Лишь в недавнем прошлом эта часть Евразии стала рассматриваться не как отсталая периферия мира оседлых цивилизаций, а как самостоятельный культурно-исторический регион.

Не пытаясь универсализировать свой вариант определения, отметим, что понятие империи распространяется нами только на полиэтнические образования, созданные военной силой в процессе завоевания, управляемые военно-административными методами и распадающиеся после упадка политического могущества создателей империи.

Анализ исторических ситуаций возникновения степных империй показывает, что завоевательный импульс был направлен не столько на расширение пастбищных территорий (это аномальный случай), сколько на подчинение территорий с иным хозяйственно-культурным типом. На первом этапе завоевания фактором, определяющим его цели, является консолидация степных племен под властью одной династии и одного племени. Затем возникают стремления, реализуемые обычно в ходе военных акций, – поставить в зависимость от консолидированной военной мощи кочевников области и государства с более сложным устройством и более многообразной хозяйственной деятельностью. Такой баланс сил предполагает конечный итог – данническую зависимость или какие-либо иные формы непосредственно политического подчинения. Именно на этой стадии государства, созданные кочевыми племенами, преобразуются в империи» [123, с. 9-10].

В XIII-XIV веках именно кочевники сыграли ключевую роль в евразийской истории и создании новой геополитической конструкции Азии. Этот особо осязаемый вклад кочевников практически до сих пор оценивается исключительно негативно, как разрушительный. И именно евразийцы, одними из первых дали объективную оценку роли кочевых племен в истории Евразии, отмечая, что передвижения кочевников являются всего лишь частью огромного евразийского, фактически «второго Великого переселения народов».

Для этой первой фазы складывания нового миропорядка характерны традиционные методы решения назревших проблем (внешняя экспансия, переселения). Необходимо было снятие прежней «феодальной» структуры общества, которая уже изживала себя сама. Об этом свидетельствует широкое распространение по всей Евразии городов, становящихся не только политическими или военными центрами, но и центрами ремесла и торговли. В итоге складывается новая, дошедшая до нас, этническая карта Евразии. Не вызывает сомнения, что многовековые культурные процессы, происходившие в степной Азии, были не менее важны для всемирной истории, чем те, что происходили в оседлой зоне [124]. Все крупные регионы (Европа, Иран, Индия, Китай и Золотая Орда) во многом благодаря кочевникам оказались интегрированными в единое геокультурное и макроэкономическое пространство.

Важно отметить, что цивилизационная сущность кочевого общества обладала огромным интегративным потенциалом, основанном на миропонимании кочевников и остальных евразийских этносов. Это напрямую связано с тем, что кочевая цивилизация имела грандиозное значение в формировании исторической основы евразийского единения.

Изучение истории тюркских, затем монгольских племен стало одним из основных направлений научной деятельности многих теоретиков классического евразийства. Исследователи истории Евразии – теоретики классического евразийства одни из первых стали изучать историю кочевых цивилизаций с позиций объективного сосуществования земледельческой и кочевой систем, или «Леса» и «Степи». Одной из своих основных задач и проблем историки-евразийцы видели в решении вопроса тесного взаимопроникновения цивилизационных начал оседлого и кочевого мира на пространстве Евразии. Эта тема поднималась в трудах Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Г.В. Вернадского, С.Г. Пушкарева, П.М. Бицилли, Э. Д.Хара-Давана, Б. Ширяева, Л.Н. Гумилева и других.

Евразийские ученые одними из первых использовали цивилизационный подход в изучении роли кочевых монгольских племен в истории Евразии. Они в некотором смысле создали историческую традицию, доказывающую существование кочевой цивилизации, внесли существенный вклад в формирование теории цивилизации кочевников на примере монгольского периода русской истории, которая до сегодняшнего дня включает в себя многочисленные данные археологического, этнологического, этнолингвистического характера. Ими было доказано, что монолитный евразийский регион, в широком смысле слова, всегда был полем взаимодействия многих этносов, на-

селявших его. Тюркские народы, среди прочих, в критические моменты истории выступали в роли ведущего этноса, наиболее инициативного и восприимчивого к историческим вызовам того времени. Тесная взаимосвязь евразийских этносов, значение тюркского или «туранского», как его называли тогда фактора в истории Евразии, вызывали огромный интерес у многих исследователей евразийства.

В самом начале евразийского движения в 1921 году Н.С. Трубецкой писал по этому поводу: «Стыдливые замалчивание в нас туранского элемента, как всякая предвзятость, мешает правильному самопознанию, пониманию евразийской сущности России, так как сопряжение восточного славянства с туранством есть основной факт русской истории» [125]. Под «туранскими» евразийцы подразумевали пять групп народов: тюрки, монголы, манчжуры, самоеды и угрофинские народы [125, с.59-60]. Евразийцы вписали тюркский и монгольский периоды в русскую историю. Они попытались изучить монгольское нашествие и господство не с европейской точки зрения, а с азиатской. Они первыми сменили ракурс изучения евразийских народов, попытались обосновать единое русло исторического развития народов населявших евразийский регион.

Евразийцы отказались от теории прогресса и деления народов на высшие и низшие, что позволило им иначе, чем это было до них осветить роль монгольского завоевания в истории России. Будучи представителями различных областей знания, евразийцы изучали монгольский вопрос в различных гуманитарных направлениях: историческом, философском, культурологическом, географическом, правовом и религиозном, что позволило им создать широкую научную концепцию системности в исследовании кочевой цивилизации и роли монгольского владычества в историческом процессе. Так монгольский вопрос стал одним из ключевых в теории «месторазвития», географический фактор в развитии истории был основан на многочисленных примерах монгольского периода. По мнению Г.В. Вернадского, местоположение Руси – это пересечение леса со степью, столь же характерно и местоположение Орды – пересечение степи и пустыни. Соответственно, включение Руси в состав Золотой Орды, является победой степи над лесом.

Так, монгольские племена рассматривались как евразийские и по происхождению, и по характеру исторической деятельности, ибо они, подобно славянам, принимали участие в освоении цивилизационного пространства России-Евразии и в создании государственности. Евразийцы высоко оценивали роль государства как мощной цивилизационной силы, которая цементирует и сплавляет в единое целое все формы культурной деятельности, как одно из проявлений созидательной энергии «коллективной личности» евразийского народа. В большинстве случаев это приводило к апофеозу сильной власти, безоговорочному осуждению всех тенденций к сепаратизму как проявлений слабости культуры и столь же безоговорочному превознесению любых тенденций к единству, в какой бы форме они ни протекали.

Наиболее ярко данная особенность проявилась в характеристике, кото-

рую дал монголо-татарскому игу один из основоположников евразийства П.Н.Савицкий. Утверждая, что в домонгольской Руси шел постепенный процесс политического и культурного измельчания, он выдвинул тезис, который, впрочем, не был безоговорочно принят всеми евразийцами: «без татарщины не было бы России». В работах П.Н. Савицкого речь идет о прямом влиянии восточных форм государственности на Россию: завоеватели, «действием ли примера, привитием ли крови правящим», дали России «свойство организовываться военно, создавать государственно-принудительный центр». Здесь П.Н.Савицкий счел нужным добавить, что монголо-татары создали лишь «тело» российской государственности, в то время как славяне вдохнули в него «душу» – православное вероучение, христианскую систему ценностей. Однако совершенно очевидно, что восприятие России как «могущественной орды», централизованного военизированного государства, империи-наследницы Чингисхана и Тимура является важнейшей частью его концепции России-Евразии [126].

В рамках евразийского движения «исход к Востоку» осуществлялся и в других формах. Азийские, или туранские культуры стали рассматриваться как неотъемлемая часть духовной культуры России-Евразии. Теоретической базой явилась концепция евразийской «симфонической личности», основы которой были заложены Л.П. Карсавиным (теория всеединства).

Особого внимания в этом плане заслуживает статья Н. Трубецкого «О туранском элементе в русской культуре», в которой главным объектом анализа являются области культуры, отражающие «коллективную личность» народа, его этнопсихологические качества. Н. Трубецкой определяет их как некий субстрат, который лежит в основе национального характера и оказывает влияние на весь ход цивилизации. Некоторые позитивные черты туранского психологического типа, органично слившись с нравственными ценностями христианства, внесли свой вклад в формирование евразийской «симфонической личности» [125, с. 59-76]. Здесь евразийцы проводят очень важную для сегодняшнего дня мысль о том, что Евразия вместила в себя европейскую культуру, но ею не исчерпывалась. Она шире и многообразнее, так как она питалась еще из таких источников, которых у Европы нет. Имеются в виду культуры целого круга народов: монгольских, туранских, угро-финских, арийских, иверских, то есть культура Евразии вместила в себя культуры всех населяющих ее народов.

В работах евразийцев понятие «культура» имеет широкую трактовку. Она не ограничивается духовной сферой, а объединяет помимо нее особенности экономического и политического развития, этнического состава и географической среды, то есть границы развиваются до «цивилизации», это подтверждается тем, что большое внимание евразийцы уделяли изучению связи этнических и геополитических факторов с географической средой, взаимно влияющих на формирование конкретной культуры. Именно Г.В. Вернадский впервые обосновывает теорию, которая впоследствии стала знаменитой, но уже в трактовке А. Тойнби – как закон «вызова» и «ответа».

Географическое единство, отсутствие естественных границ между ее европейской и азиатской частями, горизонтальное, «флагоподобное» расположение ее природных зон предопределяет единство срединного евразийского мира. Основными зонами, широко расположенными и определившими специфику Евразии, как уже указывалось выше, являются лес и степь. В экономике это нашло отражение в сочетании двух способов хозяйствования - земледелия и скотоводства.

В социальном и духовном отношении - это два разных способа организации общества и два образа жизни – оседлый и кочевой, два типа мировосприятия, две системы религиозности духовных ценностей. При этом ни «лес», ни «степь» не могут существовать друг без друга, они дополняют друг друга и постоянно нуждаются в продуктообмене. Так, география Евразии предопределила единение на ее территории двух культурных миров, разных, непохожих, часто противоборствующих, но обреченных природой и судьбой на взаимодействие.

Из вышесказанного следует, что Евразию можно рассматривать как единое целое не только в географическом аспекте, но и в макроэтническом плане. В Евразии происходят внутренние перемены, внутреннее развитие, в том числе, и процессов этногенеза. Подобно тому, как лес и степь составляют на территории Евразии природно-географическую системную целостность, русский и степной суперэтнос, дополняя друг друга, составляют этнокультурную целостность.

Взаимосвязанность лесного и степного суперэтносов – оседлого и кочевого в Евразии не обходилась без столкновений. К сожалению, в исторической науке, сложилась однозначная трактовка взаимоотношений леса и степи. Как наиболее характерные явления, отмечаются войны и набеги. Это далеко не так, подтверждением чему служат данные Л.Н. Гумилева, который подсчитал, что в самом тревожном XII веке на Русь было совершено 27 набегов половцев по соглашению с теми или иными русскими князьями, 5 - по собственной инициативе половцев и 5 нападений русских на половцев [127]. Именно евразийский характер был присущ возникавшим на территории будущей России «империям» гуннов, аваров, хазар и, в особенности, позднейшей Монгольской империи. Л.Н. Гумилев писал, что «за обозримый исторический срок Евразия объединялась четыре раза. Поначалу ее на короткое время объединяли гунны, потом тюрки, создавшие свой каганат от Желтого до Черного моря. В третий раз континент объединяли монголы под главенством Чингис-хана. После битвы при Калке монголы поняли, что им надо или мириться с Россией, или завоевать ее. Они склонялись к третьему решению. Россия вошла в единый улус на равных правах с монголами. Монголы были рады, что Древняя Русь служит буфером между ними и европейскими народами. Татары брали очень небольшую дань - на содержание войска, которое защищало Россию от западных соседей. Четвертым объединением Евразия обязана русским, которые, дойдя до берегов Тихого океана и объединив большую часть евразийского континента, за исключением Монголии и Вос-

точного Туркестана, продлили тем самым традицию монголов. Они опять сделали из Евразии очень сильную страну, и сами стали самостоятельной и весьма развитой культурой» [128]. Это еще раз подтверждает, что государственное единство евразийского субконтинента имело глубочайшие исторические корни.

Пристальное изучение кочевой культуры Евразии позволило раскрыть ряд неожиданностей, на что обратили внимание сначала евразийцы, а вслед за ними французские ориенталисты [129]. Они перестали считать Россию «задворками Европы», а Монголию - «периферией Китая» [130]. Наоборот, стало ясно, что исторические закономерности развития середины континента, его западной и восточной окраин, лесной и степной зон имеют общие черты, точнее, свою специфику культуры, которая резко отличает этот регион и от «Запада» и от «Востока» [131].

Сопоставимы ли эти взгляды с позициями основателей евразийства? Так П.Н. Савицкий например, считал, что Россия на том основании, что немного ли найдется на Руси людей, в чьих жилах не течет хазарской или половецкой крови, татарской или башкирской, мордовской или чувашской крови; что русские люди не чужды печати восточного духа: его мистики, его любви к созерцанию, лени; что русских простонародных массах заметно некоторое симпатическое влечение к простонародным массам «Востока», что в органическом братании православного с кочевником органично; что Россия поистине является православно-мусульманской страной - могла бы идентифицироваться с «Востоком». К этому же мнению была близка и оценка Н.С. Трубецкого, который следующим образом раскрывал содержание российской концепции евразийства: «Та Россия, в которой единственным хозяином всей государственной территории был русский народ – эта Россия отошла в историческое прошлое. Отныне русский народ есть и будет только одним из равноправных народов, населяющих государственную территорию и принимающих участие в управлении ею... Теперь исключительный русский национализм оказывается нарушающим равновесие составных частей государства и, следовательно, ведет к разрушению государственного единства» [132].

Эта мысль прослеживается и в труде другого известного историка П. Бицилли ««Восток» и «Запад» в истории Старого Света» (1922 г.), который не являлся в собственном смысле евразийцем, однако создавал свою концепцию Восток-Запад-Россия под влиянием идеи России-Евразии, в котором проявляется цивилизационная составляющая его исторической концепции. Евразийский континент рассматривается как сложная цивилизационная структура, состоящая из ряда самобытных локальных цивилизаций, между которыми (при всей их несхожести) на протяжении многих веков существовали прочные экономические, политические и культурные связи, реализуемые, прежде всего благодаря мировым империям.

В цивилизационной структуре евразийского континента П. Бицилли выделяет приморско-окраинные и центральный регионы, существенно отличающиеся друг от друга: приморско-окраинные «миры» (Европа, Индостан,

Иран, Китай) играли наиболее активную, творческую роль в культурно-историческом развитии, в то время как «центр» – особый мир кочующих степняков, «дробящийся на множество вечно меняющихся, то сражающихся, то раскалывающихся – не племен, а скорее военных союзов, центрами образования которых служат «орды». Эта аморфная эластичная масса, где с невероятной быстротой рождаются и погибают исполинские империи, была поприщем скрещения «окраинно-приморских культур», а также – поскольку она являлась политической величиной – и фактором их распространения и внешним условием для выработки культурного синкретизма...» [133].

Эпоха синхронизма и внутреннего единства Старого Света охватывает, с точки зрения П. Бицилли, большой отрезок времени: от 1000 г. до н.э. до 1500 г. н.э. Ее завершение, ознаменованное смертью Тимура и ослаблением Средней Азии, привело к тому, что торговые пути надолго переместились с суши на море, связи Запада с Востоком прервались, из четырех окраинно-приморских центров - один Иран погибает, а остальные изолируются друг от друга.

Задачу Евразии П. Бицилли видит в том, чтобы восстановить разрушенную цивилизационную структуру Старого Света, его утраченное культурное единство. Им ставится задача нахождения путей культурного синтеза в рамках всего Евразийского континента, который проявлялся бы везде по-своему, будучи единством в многообразии. Особая роль при этом отводится России: «Символу «щита» я бы противопоставил символ «пути», или, лучше сказать, дополнил бы один другим. Россией не столько отделяется, сколько связывается Азия с Европой» [133, с.32-33].

В этом отношении Россия – продолжательница «исторической миссии» Чингисхана и Тимура, однако в отличие от прежнего «центра» она не будет просто посредницей в обмене идей, но осуществит синтез восточных и западных культур. Судьбу России, начиная с XVI в., П. Бицилли рассматривает как грандиозную попытку восстановления «центра» и тем самым цивилизационной структуры Евразийского континента.

Концепция П. Бицилли преодолевает ряд недостатков, присущих работам «истинных» евразийцев, отличается глобальным видением проблемы Восток-Запад-Евразия, демонстрируя высокий потенциал евразийской идеи, который отнюдь не исчерпывается интерпретациями, возникшими в рамках движения евразийства. Евразийская идея, взятая в широком плане, дает большие возможности для появления разнообразных моделей культурно-исторического развития на территории Евразийского континента и определения роли в нем России [65, с. 451-455].

Таким образом, несмотря на все противоречия и слабые стороны концепций евразийцев, идея Евразии, как цивилизации получила новую трактовку. Достижением евразийцев можно считать то, что они не рассматривали славянство как единственную культуuroобразующую силу в истории Евразии (хотя и не сумели полностью развить эту плодотворную идею) и сделали важный шаг на пути восприятия Евразии как гетерогенной поликонфессио-

нальной и полиэтнической цивилизации.

В этом смысле, идея евразийства неотделима от более широкого и далеко не завершенного процесса «самопознания», цивилизационной самоидентификации и представляет собой одну из его форм. Интерпретации этой идеи были различны в самом евразийском движении, и данная ситуация повторяется и в наши дни. Поэтому представляется важным отделить собственно евразийскую идею от евразийства, которое, в сущности, осуществило лишь первую попытку целенаправленно проанализировать цивилизационную сущность, не разработав полностью необходимую для этого теоретическую базу, находясь под сильным идейным влиянием цивилизационной мысли XIX в. Как сказал современник евразийского движения евразийство есть «правда вопросов, не правда ответов, правда проблем, а не решений» [134].

Как показано выше, становление евразийства как особой формы цивилизационного развития происходило в условиях пересмотра исторических подходов к определению роли оседлой и кочевой цивилизаций в истории евразийских народов.

Евразийцами, одними из первых была разработана новая системная целостность истории Евразии, включающая в себя равнозначную роль и значение различных типов хозяйствования, культур, языков и религий. Обозначение системной целостности историко-культурной общности кочевых народов в рамках степного пространства Евразии, которое было основным тезисом евразийской идеологии, привело евразийцев к раскрытию их активной творческой роли и места во всемирной истории. В основу доказательства объективного существования евразийского культурного единства, как одного из цивилизационных признаков была положена определенная взаимосвязь этноса и ландшафта.

По мысли евразийцев ландшафт принудительно влияет на формирование этнического стереотипа. Это выражается в том, что этнос приспособляется к окружающей среде через свои способы хозяйствования, которые в свою очередь становятся предпосылкой для образования социокультурных преобразований.

Общая концепция истории кочевых цивилизаций Центральной Азии евразийцев, и в большей степени Л.Н. Гумилева в целом объективно отражает соответствующие периоды в истории Евразии, представляя собой ценный источник для историографического анализа и уточнения понятийно-категориального аппарата.

Взгляды евразийцев на историю и этногенез кочевых народов Евразии, определивших некий целостный цивилизационный процесс в этом регионе, имеют в своей основе самостоятельное научное видение пути исторического развития евразийского населения.

Несмотря на некоторую узость восприятия кочевой цивилизации, обоснование приоритета России как ядра Евразии, понимания христианского православия как средоточия евразийской культуры, положения евразийцев в своей основе не потеряли своей научной ценности, и позволяют сделать вы-

вод об их дальнейшем теоретико-методологическом развитии. В настоящее время миротворческая, цивилизационная основа евразийства предполагает использование ее основных исторических принципов, обосновывающих фундамент общеевразийского единства при решении проблем геостратегического значения, при постановке любых территориальных вопросов.

1.3 Исторический аспект евразийского единства

Изучение истории евразийских народов напрямую связано с выделением такого историко-географического понятия как «Евразия» из устоявшегося определения единого континента, на котором расположены Европа и Азия. Основатели евразийского течения на заре своей деятельности сразу охарактеризовали специфику используемого ими термина «Евразия». Под ней, прежде всего, подразумевалась внутренняя часть материка. Этногеографическая целостность, называемая Евразией, есть внутренний, центральный регион нашего континента [104, с. 18]. Основа материка Евразия – горы. С юга Евразия огибается горами Кавказа, Памира, Тянь-Шаня. С севера окружена крупными лесными массивами тайги, с запада отрицательной изотермой января (климат в Евразии суровее европейского), а с востока – Великой китайской стеной, отделяющей степные районы от субтропиков. Евразия включает в себя Высокую Азию (Монголию, Джунгарию, Туву, Забайкалье), южную (Казахстан, Средняя Азия) и западную (Восточная Европа) области. В основном Евразия представлена континентально-равнинной частью Европы и Азии, в которую входят восточно-европейская, беломорско-кавказская, западно-сибирская и туркестанская равнины. Территория внутренней Евразии отличается глубокой континентальностью, отрезанностью от морей. Во многом этот факт предопределил неконкурентоспособность евразийских стран на мировом рынке и повлиял на формирование тесных экономических связей между соседними государствами.

Географические особенности евразийского региона, объективно определившие целостность, «спаянность» указанной территории не могли не оказать влияние на своеобразие истории народов, населяющих ее. Общность исторической судьбы этих народов, естественная совместимость, преемственность развития утверждается в своеобразной и во многом оригинальной исторической концепции евразийства.

Пристальный интерес к истории в целом определяет евразийство, которое многими понималось в XX веке именно как научное направление, а в XXI веке получило практическую реализацию, основанную на интеграционной политике проводимой современным Казахстаном.

Сегодня пока еще не многие осознают, что евразийская идея есть нечто гораздо более глубокое, нежели научно-историческая или геополитическая доктрина. Проблема евразийства вбирает в себя географический, исторический, социальный, геополитический, этнологический и этнопсихологический аспекты, т.е. практически все, что связано с природной средой, обществен-

ным развитием человека и его внутренним духовным миром [135].

Обращение к фактам истории для обоснования или иллюстрации евразийского единства, как одной из главных составляющих евразийства позволит современникам объективно взглянуть на непреходящие ценности тесного взаимодействия и исторических традиций. Интерес к историческому аспекту евразийского единства народов или подобных идей характерен многим представителям тюркской, казахской творческой элиты, а так же большинству евразийских авторов.

Широкая востребованность существующего евразийского наследия заставляет искать ее истоки в самом обществе, претерпевающим социальную трансформацию и находящемся в поисках национальной самоидентификации и самоопределения. Особенность географического и геополитического положения Казахстана между Европой и Азией, предопределила влияние этих регионов на ее историческое развитие и судьбу. Многовековая включенность Казахстана и многих народов в состав России, распад советской государственности, формирование независимости, новых геополитических схем сегодня заставляют отталкиваться от имеющихся реалий в формировании деятельности нашей страны во внутривосточной и международной практике.

Обращение к истокам евразийского единства народов не является новым, в свое время оно в некотором смысле составляло основу идеологии советской национальной политики, проводимой в рамках взаимоотношений «старшего» и «младшего» братьев, объединенных союзными рамками. Однако современные народы бывших союзных республик исключают возможность классового принципа в построении суверенитета и независимости.

Некогда единый советский народ, перестав быть единым в государственных масштабах, тем не менее, не перестал быть единым в исторической общности судеб и общей исторической памяти. Именно коллективная память, переплетение многих жизненных связей и сложившаяся общность мироощущения бывших советских людей, которые, совместно пройдя многие сложности, стремятся к мирному сосуществованию на едином пространстве, являются одними из признаков существующего в исторических реалиях единства.

Вопрос евразийского единства тесно переплетается в критическом поле с вопросом национальной идентичности и динамических императивов времени. В этом отношении Глава нашего государства указывает на «полнейший эклектизм в осмыслении места казахской нации в современном мире», отмечает попытки построения глобальных теорий, целью которых является поиск казахской идентичности в контексте мировых тенденций. Негативно оцениваются им и попытки погрузить казахскую историю в собственный автономный мир с красивыми, но устаревшими идеологемами. В частности отмечает: «Анализ казахских проблем, особенно казахской этничности, через призму норм и ценностей кочевого общества есть неправомерное сужение проблемного поля казахской нации. Ведь даже если условно отбросить в сторону вызовы современности, то сама казахская нация никогда не была замкнутой, изолированной. Она волею судьбы и неба была открыта разным влияниям и,

тем не менее, сумела сохранить национальный смысл, отнюдь не сводимый только к номадизму и традиционализму» [32, с.13].

В то же время нельзя путать историческое единство евразийских народов с уникальной природой национального аспекта развития отдельно взятого народа, обладающего неповторимой самобытностью и органичностью. Не существует единого подхода равняющего все нации в качестве единого целого. Уникальность каждой нации часто перевешивает возможности неких общих универсальных рамок. Однако понимание общих тенденций евразийского развития применительно к национальной сфере, безусловно, необходимо.

В историческом аспекте евразийских народов переплетаются эпохи, страны, нации. Они имеют глубокие корни и в своей основе содержат толерантное миропонимание Евразии. Для того чтобы обосновать историческое единство евразийского региона очень важно освободиться от существующих гегемонистских, шовинистических и националистических тенденций, зачастую сводящих евразийский диалог к передергиванию и отрицанию уникального опыта евразийской истории. Объективную оценку такого восприятия дает в своем труде «В потоке истории» Президент Казахстана: «... казахская степь и казахские города были перекрестком диалога великих культур Юга и Востока, Севера и Запада. И так было всегда – от Бабуров до Бейбарса, от Ельтутмиша до Валиханова. Казахская культура, как культура наших тюркских предков, всегда была синкретична, а не сводилась к одному, пусть и значительному влиянию... Казахская земля была территорией колоссальных культурных новаций евразийского масштаба. Все это не могло бы состояться без многообразных и длительных контактов с самыми разными народами и цивилизациями» [32, с.19].

История Евразии полна примеров интенсивного и продуктивного межкультурного взаимодействия, мощного социокультурного и экономического взаимопроникновения. Среди наиболее ярких - события, связанные с Великими переселениями народов, в результате которых появились контуры современной Европы; Великий Шелковый Путь, ставший ключевой торговой артерией древности; государственные формирования кочевников - гуннские державы, Тюркские каганаты, золотоордынские ханства, представлявшие собой гармоничные модели симбиоза, объединения разных культур и религий.

Автору представляется, что исследование исторического аспекта евразийского единства в ретроспективном отношении уходит в глубь веков, период, когда кочевая и оседлая цивилизации смешиваясь, создавали уникальные союзы, империи, повлиявшие на весь ход истории развития человечества.

Мир осёдлых культур и мир кочевников реально отражает многообразие формопроявлений мировой истории, причём каждый со своей спецификой – от социально-политической структуры до темпов исторического развития. Тезис об их взаимодействии давно известен и зачастую проявляется в использовании тех или иных конкретных примеров аналогий или заимствования.

ний исторических событий в зависимости от исходной точки отсчёта. Достаточно вспомнить периодически возникающие дискуссии о номадах как изначально прогрессивном или, наоборот, неизменно регрессивном явлении в историческом процессе.

На наш взгляд такая постановка вопроса мало результативна. Наиболее перспективно рассмотрение проблемы о перманентном взаимодействии двух историко-культурных ареалов, многообразии форм и типов взаимодействий, противоречивости и эпохальных изменениях.

Рассмотрение накопленных знаний по истории Евразии под таким углом зрения продиктовано всем ходом развития исторической науки, решительно отказавшейся от устоявшихся стереотипов в трактовке этой проблемы.

Рассматривая взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций как объективный процесс, детерминированный историческим разделением труда и сложившимися в эпоху становления производящего хозяйства различными хозяйственно-культурными типами, научное знание ощущает острую потребность в выявлении основных закономерностей межкультурного взаимодействия на различных этапах развития общества и в изучении его региональных особенностей. Характер и степень интенсивности этих отношений зависели от конкретной ситуации в тот или иной исторический период. Вся история евразийского региона связана с глубочайшими по своей сложности и пестроте процессами формирования взаимодействия оседлого и кочевого, славянского и тюркского миров.

На этнографической карте Евразии ясно обозначено соседство и прорастание друг в друга двух мощных этнических массивов — славянского и тюркского.

История славяно-тюркских отношений в течение веков определялась не только драматическими коллизиями, но и исполненными жизненной силы симбиотическими процессами. Последняя тенденция сохраняется и поныне. Ее преобладание остается одним из условий гражданского мира и политической стабильности в Евразии. Пренебрежение исторически сложившимися формами симбиоза ради сиюминутных экономических и политических выгод чревато трагическими последствиями для судеб миллионов людей, населяющих Евразию [136].

Важнейшим вкладом в развитие тюркской мысли в Евразии является и национальная казахская мысль. Ярчайшими представителями духовного евразийского миропонимания были выдающийся ученый, этнограф Шокан Валиханов, великий казахский поэт и философ Абай Кунанбаев, известный политический деятель Алихан Букейханов и другие.

Феномен Ш. Валиханова связан с тем, что ему удалось раскрыть значимость кочевой культуры в глазах просвещенной России, построить диалог тюркско-славянской культуры путем распространения идей европейского просвещения и культуры в казахской степи. Стремление приобщить казахов к мировой культуре, посредством развития системы просвещения, создания новой структуры школьного образования являлись одними из главных в его

деятельности.

Он стал первым выходцем из кочевой среды, содействовавшим взаимопроникновению культур между русским и казахским народами. При этом, будучи сторонником русского просвещения, он своими географическими исследованиями внес огромный вклад в формирование исторического наследия тюркской цивилизации. Его приверженность российскому просвещению объясняется убеждением, что только Россия, а не колониальная Британия, может служить определенной гарантией безопасности казахского этноса. В идеале он видел совмещение национальной культуры и европейского просвещения.

Одним из первых евразийцев в степи, выдвинувших идею сближения казахского общества с русским, призывавшим казахский народ приобщаться к лучшим образцам русской, а через нее – и мировой культуре был основоположник казахской письменной литературы – Абай Кунанбаев. Одним из выдающихся достижений великого поэта было то, что на основе лучших традиций европейской классической литературы, в том числе и русской, Абай обогатил литературное творчество казахского народа.

Активным пропагандистом наследия Абая стал лидер национального движения «Алашорда» Алихан Букейханов - ярчайший представитель политической элиты Казахстана начала XX века, стремившейся взять на себя ведущую роль в борьбе за независимость, национальное самоопределение, использовавшей нравственные традиции своих предшественников, осознавшей свою личную ответственность за все происходящее в стране, способной к политической самоорганизации для защиты интересов казахского этноса.

Его имя, а также деятельность «Алашорды» сегодня отождествляются с передовой, общественной силой, способной влиять на глубокие, коренные перемены в обществе, с движением благородной передовой мысли, культуры, концентрировавших духовную энергию народа на выполнение наиболее перспективных задач, на сохранение и распространение гуманистических начал и общечеловеческих ценностей.

В начале XX века в ходе усиления колониального господства России история была представлена национально-освободительным движением евразийских народов, политические лидеры которых были озабочены поиском национальной идентификации в принципиально новых государственных рамках. Вся практика политической борьбы на протяжении истории российского колониализма рассматривалась с позиций «пантюркизма» и «панисламизма». В этом отношении политические предпочтения в создании казахской автономии А. Букейханова были связаны с казахско-сибирским сотрудничеством. Это был вынужденный шаг. А. Букейханов, трезво оценивая ситуацию осени 1917 года, понимал, что добиться полного самоопределения в условиях нарастающей борьбы за постимперские территории со стороны советской власти и восточных стран было практически невозможно. Опасаясь попасть в жернова новой политической системы восточного сепаратизма, А. Букейханов в ноябре 1917 года в период подготовки к Учредительному собранию и

Общекзахскому съезду в своем выступлении перед народом определил выбор, который, по его мнению, был наиболее возможным в сложившейся политической ситуации. Автономии, считал он, могут основываться либо на единстве крови, либо территории, либо хозяйства. По его мнению, необходимо взять за основу общность территории, поэтому указывает он, «казахам выгодно вхождение в Сибирскую автономию», а уже оттуда «когда достаточно подготовимся к управлению, тогда и будем требовать от Сибири автономию, задержки не будет» [137].

Из его идей понятен и вполне обоснован, на наш взгляд подход к устоявшимся и вполне привычным евразийским традициям сибирского и казахского народонаселения, вытекающим из положения метрополий единой евразийской империи – царской России. Выбор евразийской, российской ориентации на промежуточном этапе борьбы за национальную автономию А. Букейханова связан с его глубоким пониманием политической традиции имперской политики России, основы которой, по его мнению, были переняты большевиками. Этим продиктовано его отношение к другому направлению национальной борьбы за самоопределение в рамках Туркестанской автономии. Об этом он пишет так: «большинство нашего народа в данную эпоху, надев бухарские очки, смотрит на жизнь глазами сартов». В такой ситуации вхождение в Туркестан «равносильно тому, что, набрав полную пазуху и голенища камней, броситься в реку Иртыш и потонуть», а поэтому «слияние с ним – это обреченность на неудачу» [137, с. 457]. Это свидетельствует о том, что устойчивое культурно-политическое западничество А.Букейханова имело, таким образом, в реальности, с одной стороны, национально-казахский, а с другой, – евразийский смысл [138].

Антиколониальная борьба тюркских народов в национально-освободительном движении начала XX века связана с именами Мустафы Шокая, Мирсаида Султан-Галиева, Убайдуллы Ходжаева, Ахмета Заки Валиди Тогана, Абдыкерима Сыдыкова, Ишеналы Арабаева и других. Неприимимые борцы национально-освободительного движения, они оставили большое идейно-политическое наследие в истории тюркских народов восточных окраин Российской империи в борьбе с колониализмом. Обвиняя национальную интеллигенцию в распространении политики мирового тюркского господства, царское правительство, а затем высшее партийное руководство страны подчеркивали необходимость осуществления масштабных практических мер по преодолению пережитков «тюркизма», как «национализма».

Известный историк С. Кляшторный, задаваясь вопросом допустимо ли рассматривать всю совокупность тюркских народов как некое единство, выходящее за границы языкового родства, отмечает, что с начала XX в. и по сей день существуют, и противостоят друг другу два противоположных ответа на этот вопрос [136, с. 16]. Первый ответ (пантюркизм, тюркизм) утверждает, что все тюркские народы составляют одну нацию, имеют общую прародину – Туран, а многочисленные языки, на которых они говорят, и не языки вовсе, а

лишь диалекты или наречия единого тюркского языка. Второй ответ, столь же непререкаемый: никогда не было и не существует какого-либо тюркского этнического единства, и сам термин тюрк первоначально обозначал не все родственные по языку племена, а лишь одну их группу. Все тюркские народы генетически связаны с территориями их нынешнего обитания. И естественно, между народами, говорящими на разных тюркских языках, существуют значительные ментальные, культурные и антропологические различия.

Обе эти крайние позиции активно эксплуатируются в политических целях. Одна помогает обосновать претензии на создание некоего единого государственного, федеративного или союзного, объединения (ассоциации) - «Великого Турана»; другая, напротив, служит утверждению идей государственного или регионального патриотизма (национализма).

Главной особенностью исторического развития России-Евразии как многонационального государства было то, что ее мусульманскими подданными были, прежде всего, народы тюркского мира. Идея мусульманской солидарности, «единства в вере» в их сознании и в национально-освободительном движении тесно переплеталась с комплексом представлений о родственности тюркских народов, об исторической общности их судьбы. И хотя к XX веку Россия имела в своем составе уже многие группы мусульман отнюдь не тюркского происхождения (среди них и ираноязычное население Памира, и представители кавказской языковой семьи), все же тюрки здесь преобладали, составляя основную массу мусульман поздней Российской империи. [139], а затем и Советского Союза [140]. Можно сказать, что для России мир ислама - это, прежде всего тюркский мир.

Одним из идеологов пантюркизма принято считать турецкого философа и социолога Зия Гёкалпа [136, с.18]. Он сформулировал эту концепцию в двух своих работах - «Тюркизироваться, исламизироваться, модернизироваться» (версии 1913 и 1918 гг.) и «Основы тюркизма» (1923 г.). Особую популярность в Турции идеи Гёкалпа приобрели после второй мировой войны. Именно тогда его этнологические и философские воззрения были остро политизированы и стали основой для пересмотра истории тюркских народов в соответствующем духе. Его концепция носила культурно-исторический характер, ее политический аспект не акцентировался. Уже в первой работе Гёкалп пишет: «Родина тюрка - не Турция и не Туркестан, его родина – великая и вечная страна Туран!» [136, 119]. Понятие «Туран» возникло как антипод «Ирана» – страны, где господствует персидская культура. Огромное пространство «Турана» вверх, к северу от Ирана, и вширь, от Кавказа до Саян, рассматривалось как прародина «туранских» народностей, к которым причислялись все этносы урало-алтайской языковой семьи. При этом тюркский мир мыслился как ось этого обширного «Турана» – соответственно, пантюркизм выступал как концентрированное выражение более широкого и более расплывчатого пантуранизма.

Главной задачей для тюркского мира Гёкалп считает создание общего тюркского языка и общей тюркской культуры. Здесь Гёкалп во многом по-

вторяет и развивает идеи – Исмаила Гаспринского и Юсуфа Акчурина. Для известного политического и общественного деятеля, идейного лидера джаидов И. Гаспринского, характерно восприятие европейско-русской культуры в контексте синтеза с тюрко-мусульманским миром. Он не противопоставляет понятия «русский» и «мусульманский», а наоборот объединяет. И. Гаспринский признает Россию «великой христианской державой», однако полагает, что уже в недалеком будущем «России суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских государств» [141]. В связи с этим он изучает историю России и русско-тюркских отношений. Наиболее ярким примером тюркско-славянского взаимопроникновения он считает историю монголо-татарского владычества, и указывает на самый распространенный штамп в отношении ордынского периода истории России, а именно, что «татарское господство причинило Руси неисчислимые бедствия и задержало цивилизацию на несколько столетий». При этом И. Гаспринский указывает на то, что, несмотря на продолжительность тюрко-татарской, ордынской власти, Русь не была уничтожена. «Говоря о татарском господстве, следует подумать о том, что оно, может быть, охраняло Русь от более сильных тонко рассчитанных чужеземных влияний и, своеобразным характером своим способствовало к выработке идеи единства Руси, воплотившейся в первый раз на Куликовом поле» [141, с. 28].

Интересно, что И. Гаспринский, не будучи историком, раньше евразийцев, в частности Г.В. Вернадского, а в последствии и Л.Н. Гумилева, изучавших роль Куликовской битвы, дал определяющую характеристику единства и сплочения тюрко-славянского народов в противостоянии Западу. Особенность отношения И. Гаспринского к евразийским народам заключается в его убеждении неразрывности их взаимосвязи. Он полагал, что российская граница охватит все «татарские племена». В своем историческом движении русские идут по следам татар.

Рано или поздно, считает И. Гаспринский, границы России «заклучат в себе все тюрко-татарские племена в Азии». Он отделяет пространство тюрков от Ирана и Китая, и указывает, что «тюркские народы живут в известном, резко очерченном районе Азии в естественных, географически правильных границах, что и позволяло им защищать свои земли от вторжений, завоеваний чуждых им соседей – персов, афганцев и монголо-китайцев» [141, с. 25].

Так И. Гаспринский рассматривает тюркский мир как единую общность, имеющую «особые и прочные религиозно-бытовые условия жизни и обосновывает формирование общего российско-тюркского пространства в Евразии, отделенного от персидского и китайского влияния. Он полагает, что внешняя, официальная связь между Россией и тюрками-мусульманами, как гражданами должна укрепляться пониманием не только политической необходимости, но и сознанием ее «внутреннего исторического значения». Его желание «чтобы русское мусульманство прониклось убеждением в том, что Провидение, соединив его судьбы с судьбами великой России, открыло перед ним удобные пути к цивилизации, образованности и прогрессу» отражает

перспективное развитие всех тюрко-российских отношений в дальнейшем. В плане построения государственной политики И. Гаспринский выделяет два направления в отношении регионов: либо стремление к кровному, «химическому» единению посредством ассимиляционной, руссификационной политики, либо стремление к единению нравственному на «принципах национальной индивидуальности, свободы и самоуправления», которое он считал наиболее приемлемым.

И. Гаспринский оказал большое влияние на формирование взглядов другого тюрко-татарского мыслителя Юсуфа Акчурина. Это связано, прежде всего, с общими идеями уникальности тюркского мира, многообразии его культуры и религиозной идентичности, поиском наилучшей модели обустройства тюркского мира в условиях начала XX века. Идеи направленности его обоснования тюркской политической нации связана с историей османской внутренней политики, а так же с историей российских тюрков. Прежде всего, речь идет о рассмотрении им тюркского мира в центральном пространстве Евразийского континента между Европой и Китаем, о том, что он пришел к выводу, что географическое своеобразие Евразии породило положение «срединного» тюркского мира между мирами «желтой» и «белой» рас. Однако, в отличие от своего учителя И. Гаспринского, Ю. Акчурин видит «срединный» мир только тюркским, в котором место России, могла бы занять Османская империя. В своей статье «Три вида политики» он полагает, что «Между этими блоками Оттоманское государство может взять на себя ту роль, которую сейчас в Восточной Азии желает играть Япония» [142]. Ю. Акчурин выступал за создание политического союза тюркских народов с центром в Турции. Так в пантюркистском движении конца XIX начала XX века сложилось два направления развития тюркских народов на евразийском внутреннем материке: объединительный тюркизм с российской доминантой И. Гаспринского и османо-тюркский идеал Ю. Акчурина.

Проблема исторического значения и перспектив евразийского единства народов являлась предметом изучения многих политиков, ученых и прогрессивных представителей, являвшихся по сути современниками коренных перемен в истории XIX – середине XX в.в. Самостоятельно развивая свои идеи, многие из них приходили к общему пониманию исторически сложившейся общности евразийских народов. Были ли представители тюркизма знакомы с концепцией евразийства. Отвечая на этот вопрос, казахстанский историк С.В. Селиверстов пишет: «Некоторые сведения позволяют ответить на этот вопрос утвердительно» [138, с. 168]. В частности, Ю. Акчурин был осведомлен о евразийском направлении среди русских деятелей в Праге и Софии. В связи с деятельностью евразийцев он отмечает, что было бы очень ценно сравнить теорию «евразийства» с давней теорией «турано-арийства». При этом надо полагать, что в основе сравнения должен был лежать принцип автохтонизма, как основной принцип этно-социального обустройства народов.

Концепция автохтонизма, т.е. извечной связи народа с занимаемой им ныне территорией, первоначально проявлялась как естественная реакция на

идеи пантюркизма. В 1920-30-е годы, после «национального размежевания» в Средней Азии и образования союзных и автономных республик по этническому признаку, идеи автохтонизма получили мощную политическую поддержку. Именно эта концепция стала идеологической основой для обособления истории каждого народа, разделения на «национальные потоки» общерегиональных исторических процессов. Нередко позитивное ядро этих весьма содержательных по привлекаемому материалу трудов обильно сдабривалось полемическими формулировками, якобы разоблачавшими идеи пантюркизма. Для прояснения исторического взаимодействия евразийских народов в контексте тюркского этногенеза, необходимо обратиться к ранним этапам этнополитической истории тюркских народов, выявленных археологами, филологами, историками и этнографами. Большинство исследователей отмечает, что этносоциальные объединения кочевников Евразии в эпоху раннего средневековья находились в окружении развитых цивилизаций Византии и Сасанидского Ирана – на западе, Китая – на востоке, согдийских колоний Восточного Туркестана и Тибета – на юге. На севере располагалось «окружающее море», или «необитаемые страны севера», как называют арабские письменные источники таежные пространства Северной Азии.

Первая крупная кочевая империя – Тюркский каганат простирался от Манчжурии до Босфора Киммерийского, от верховьев Енисея до Верховьев Аму-Дарьи. В отличие от империй земледельческих народов в ней не происходило изменения хозяйственных функций, образа жизни, системы управления, нарушения привычного ритма жизни. Именно поэтому все кочевые империи впоследствии были так огромны. Современная этническая карта, отражающая расселение тюркских народов – это результат многотысячелетних этногенетических и миграционных процессов. Древнейшие очаги тюркского мира неразрывно связаны с востоком Евразии – Южной Сибирью и Внутренней Азией. Этот огромный регион не был изолирован ни от соседних цивилизаций, ни от горно-таежных и степных племен иного этнического облика. Так, евразийские степи между Волгой и Енисеем еще в VI-II тыс. до н. э. занимали индоевропейские племена европеоидного расового типа, те самые «индоевропейцы», многочисленные племена которых говорили на родственных друг другу языках индоиранской языковой семьи, балто-славянской языковой семьи, германской языковой семьи и многих других родственных языках. Преобладающими в восточной части евразийских степей были древнейшие иранские языки, те самые, на которых создавалась Авеста и проповедовал Заратуштра (конец II тыс. до н. э.).

Подробное рассмотрение «индоевропейского» периода истории Великой Степи, длившегося около двух с половиной - трех тысячелетий, свидетельствует о наличии этноконтактной зоны вдоль горных хребтов Алтая, протянувшейся на юг до пустыни Гоби, по долине верхнего Енисея и его притоков. К востоку от нее преобладали тюркские и монгольские племена, а к западу - индоевропейские. Трассы миграционных потоков пронизывали всю Великую Степь. В течение тысячелетий, вплоть до первых веков новой эры, тюркский

этногенез был связан с востоком горно-степной зоны Евразии.

История взаимодействия и, отчасти, слияния всех групп древнего населения на протяжении двух - двух с половиной тысяч лет и есть процесс, в ходе которого осуществлялась этническая консолидация, и сформировались тюркоязычные этнические общности. Именно из среды этих близкородственных племен во II тысячелетии н. э. выделились современные тюркские народы Евразии и сопредельных территорий.

Многочисленные автохтонные племена (индоевропейские в Центральной Азии, угро-финские в Поволжье, Приуралье и Западной Сибири, иранские и адыгские на Северном Кавказе, самодийские и кетоязычные в Южной Сибири) были частично ассимилированы тюрками в период существования созданных ими этнополитических объединений, прежде всего гуннских государств первых веков н. э., древнетюркских каганатов второй половины I тыс. н. э., кипчакских племенных союзов и Золотой Орды уже во втором тысячелетии. Именно эти многочисленные завоевания и миграции привели в исторически обозримый период к формированию тюркских этнических общностей на местах их современного расселения.

На протяжении всей древней и средневековой истории в среде тюркских народов складывались и преемственно закреплялись этнокультурные традиции, которые, имея зачастую различные истоки, постепенно формировали этнически существенные особенности, в той или иной мере присущие всем тюркоязычным племенам. Наиболее интенсивно формирование такого рода стереотипов происходило в древнетюркское время, т.е. во второй половине I тыс. н. э., когда определялись оптимальные формы хозяйственной деятельности (кочевое и полукочевое скотоводство), в основном сложился комплекс материальной культуры, приобрела известную завершенность духовная культура, социально-семейная организация, народная этика, изобразительное искусство и фольклор. Наиболее высоким достижением этой эпохи стало создание тюркской рунической письменности, распространившейся со своей центральноазиатской родины (Монголия, Алтай, Верхний Енисей) до Подонья и Северного Кавказа.

Становление государственности на территории Центральной Азии, Южной Сибири и Поволжья в раннем средневековье (VI-XI вв.) связано с образованием Тюркского каганата, традиции которого были унаследованы Уйгурским каганатом, государствами кыргызов на Верхнем Енисее, кимаков и кипчаков на Иртыше, Болгарским государством и Хазарским каганатом в Поволжье и на Северном Кавказе. Единство общественного устройства, этнокультурного родства и сходство политической организации всех этих государств позволяет рассматривать время их существования и преобладания в Великой Степи как относительно цельный историко-культурный период – период Степных империй.

Следующий этап евразийской истории всецело связан с монгольским завоеванием, отношение научного сообщества к которому известно своей противоречивостью. В современных условиях во многом это связано с появлени-

ем «исторической версии» с претензией на золотоордынское наследие. Речь здесь идет скорее о конструировании прошлого, исходя из современной политической конъюнктуры, т.е. о явлении, называемом «изобретением традиций». А истоки этой проблемы уходят в монгольскую эпоху, со времени которой и начинается эта история. Монгольское нашествие захватило и вовлекло в водоворот политических и военных потрясений множество тюркских племен, по преимуществу кипчакских, которые к тому времени составляли основное население степи – от Великой Китайской стены до Дуная. Сами монголы после походов XIII в. частью вернулись на свою родину, частью постепенно растворились в тюркском массиве Средней Азии и Поволжья. Сохраняя зачастую древние монгольские племенные названия, они утрачивали свой язык, мусульманизировались, их знать сливалась со знатью тюркских племен. Новые тюркские аристократические роды присваивали себе монгольские генеалогии. Вплоть до XX в., например, среди казахов претендовать на высшие титулы могли лишь те, чьи шежере (родословные списки) подтверждали происхождение из «золотого рода» Чингизидов.

Перемешавшиеся в ходе завоеваний и бесконечных переселений XIII-XVI вв. племена поселялись на новых землях, раздвигая политические границы Великой Степи. Так, на рубеже XV-XVI вв. кочевые племена Дешт-и-Кипчака (Кипчакской степи), возглавленные чингизидом Мухаммадом Шейбани-ханом, овладели большей частью Средней Азии и создали Узбекское государство Шибанидов (потомков Шибана, сына Джучи, старшего сына Чингиз-хана). Другая часть племен Восточного Дешт-и-Кипчака, – казахи, еще в 70-х годах XV в. создала Казахское ханство. На землях расколовшихся и обособившихся улусов Монгольской империи, управляемых Чингизидами, начался новый этап тюркского этногенеза – этап интенсивного смешения с субстратным населением, начальный этап формирования современных тюркских народов.

Всем известно, что при всем трагизме эпоха монгольских завоеваний XIII века не была проста и однозначна. Это относится и к такому сложному конгломерату как империя Чингиз-хана и его преемников, в числе которых и Золотая Орда. Известные исследователи этого периода обосновали как неправомерное абсолютно негативное отношение к монгольскому завоеванию и всему, что с ним связано. Этому мнения, в частности, придерживался такой серьезный исследователь данной эпохи как В.В. Бартольд, а также Л.И. Гумилев. Создаваемые в основном в результате кровавых завоеваний, эти империи в дальнейшем играли и определенную цивилизующую роль. Они указывали на то, что создание империи при всем неприятии насилия, крови - это и попытки, хотя далеко и несовершенные, человечества к интеграции. Примеры тому, не один Иран царей Ахеменидов, держава Александра Македонского, Тюркский каганат, Арабский халифат, Византийская, Французская и Британская, Османская и Российская империи, но даже и то, что принесла монгольская экспансия. Созданные в итоге походов Чингиз-хана и его преемников государства, частью которых стал средневековый Казахстан, являют

собой пеструю картину во всех отношениях. Более того, разные наблюдатели отмечали возникновение гораздо большей политической устойчивости после образования этих государств во всей Евразии от Восточной Европы до Китая, в том числе и, на просторах Казахстана.

К тому же отсутствие пространственных перегородок в пределах этих обширных империй создавало возможность сблизить народы Евразии. Культуры тюркских, славянских, монгольских, финно-угорских, иранских, кавказских и других народов Евразии длительное время формировались и развивались, находясь в единой системе связей, что сближало их, определяя во многом сходство их жизненного уклада, менталитета, и приводило к объединению в единые многонациональные государства, каковыми и были империи потомков Чингиз-хана, такие как Золотая Орда. Поэтому лишь отрицательный взгляд на них как на «дикие орды» был исторически несправедлив. Об этом писали в частности основатели евразийского движения, которые раскрыли аспект евразийского взаимодействия различных народов, объединенных общими географическими и историко-временными рамками.

Они обосновали тезис о специфической природе тесного контакта слаяно-тюркского (туранского) симбиоза, когда на политической карте мира появилось самое большое государство Евразии XIII - XIV вв. – Золотая Орда (в восточных источниках Улус Джучи), – в рамках которого впервые были объединены пространства будущей Российской империи и этносы, их населяющие, – от Дуная на западе до Алтая на востоке и от Белого моря на севере до Кавказа и Хорезма на юге. Отражение исторических взглядов евразийцев можно проследить в трудах основателей движения, статьях и очерках евразийских изданий.

В разное время в евразийских изданиях сотрудничали видные историки П.М. Бицилли, С.Г. Пушкарев, востоковед В.П. Никитин, на исторические темы писали П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой. Главная же заслуга в придании евразийской исторической концепции целостного, в некотором смысле «академического» характера принадлежит Г.В. Вернадскому.

Новизна евразийской трактовки истории заключается, прежде всего, в переосмыслении ряда устоявшихся положений традиционной историографии. В частности, предлагается пересмотреть тезис о включенности России в общеевропейский исторический процесс на правах «отсталой» «периферийной» страны, основная историческая «миссия», которой – сдерживать натиск дикого восточного варварства. Вместо сомнительной «заслуги» перед Европой быть стеной на пути деструктивной азиатчины, евразийцами предлагается картина самостоятельной, полноценной и поступательной истории русского народа во взаимодействии с другими народами, населяющими евразийское пространство. Особенно ярко, даже шокирующе было воспринято современниками предлагаемое переосмысление значения периода, так называемого, «монголо-татарского ига» и последующего этапа государственного строительства Российской империи. Особо значимый для евразийцев «монгольский» этап русской истории подробно изучался и анализировался, евразий-

цами. Здесь коренятся, как они считали, исторические основания эпохально-го для России «исхода к Востоку».

Как отправной момент, ими было подвергнуто сомнению традиционное положение о прямой преемственности государственных основ Киевской Руси домонгольского периода и Московского княжества – зародыша будущей Российской империи.

Рассматривая отношение евразийцев к «домонгольскому» этапу, важно подчеркнуть отмеченные ими тесные контакты «русского мира» и кочевых, по преимуществу тюркских, племен южных степей – печенегов, половцев, торков, берендеев, черных клобуков. Контакты эти не ограничивались кровавыми обоюдными набегами и войнами, которые, в силу большей яркости оказываемого эмоционального впечатления и естественной «ангажированности» древних авторов, оказались главным образом запечатлены в исторических источниках – летописях. Многовековой культурный обмен восточно-славянских и тюрко-степных племен имел результатом значительные параллели в различных цивилизационных чертах, как то – одежда, оружие, воинский строй, фольклор, образ мыслей.

Таким образом, к XIII веку наряду с естественно большим культурным влиянием Византийской цивилизации на Русь, которое носило в основном односторонний характер, можно говорить о культурном русско-степном взаимовлиянии. «С этой точки зрения, монгольское нашествие XIII века не было чем-то принципиально новым. Это была такая же глубинно – материковая волна, только волна необычной силы и невиданной ранее степени напряжения» [143].

В результате «нашествия» евразийская земля попала в систему мировой монгольской империи. Характер мировой, монгольская империя имела даже не в силу невиданной до селе громадной обширности территории, а потому, что она, наравне с римской империей времен Траяна, византийской времен Юстиниана, а затем Василия II, объединяла в себе культуры Запада и Востока – земледельческо-морскую и кочевническо-степную.

Преимуществами нахождения в составе монгольской мировой империи были достаточная культурная и, в особенности, религиозная автономия, открытость дороги на Восток, упорядоченность отправления основных государственных функций. Всем этим северо-восточные и юго-восточные русские земли выгодно отличались от остальных русских областей, попавших под власть западных государств – Польского, Литовского, Венгерского. Это были провинциальные державы и соответственно стремились, как можно полнее ассимилировать завоеванные территории, что означало для русского населения потерю сердцевины своей культурной самости – православной веры, и не менее важной внешней культурной формы – национально-государственной традиции.

Как уже отмечалось выше, монгольская империя не противодействовала самостоятельному культурному развитию своих провинций, известным фактом является также широкая религиозная терпимость монгольских ханов,

выражавшаяся в равнопокровительстве всем религиям. Специальными распоряжениями оказывалась материальная поддержка и защита религиозных организаций на своей территории, в том числе и русской православной церкви.

Таким образом, ни о каком стремлении ассимиляции монголами русского народа речи идти не может. Общеизвестный факт, что в завоеванных городах монголы не оставляли военных гарнизонов, собственной управляющей вертикали, карательных органов, не велась и культурно-религиозная экспансия. Имелось военно-политическое завоевание при полном подавлении вооруженного сопротивления. Основной тяготой было экономическое бремя «ига» – сбор «дани» – военного налога, который производился, впрочем, очень тщательно и аккуратно, нарушения которого пресекались достаточно жестокими репрессиями. Осуществляя свои права по сбору налога, монгольские власти выполняли и свои обязанности по защите подвластных территорий от внешней экспансии. «Монголо-татарская волна поддержала на своем гребне оборону русского народа от латинского Запада». [143, с. 159]

В эту эпоху произошло обогащение евразийского быта, понятия очень глубокого и связанного со всеми жизненными процессами этносов, населяющих внутренний материк.

В данном смысле евразийское бытие выступает как вечное бытие на границе между Востоком и Западом, оседлым и кочевым мирами; бытие, которое столь же требует постоянной готовности к отражению нападения внешнего врага с Востока и Запада, как и воли к контактам с иноплеменниками. Евразийцы отмечали, что отношение к границам у евразийских народов очень специфическое: они словно и существуют только для того, чтобы их постоянно переступать и устремляться за горизонт. Тюркскими кочевниками движет зов Вечного Эля, и они стремятся туда, где бескрайность степи смыкается с бескрайностью Голубого Неба. Дух монгольских завоеваний – желание пройти через границы всех земель и народов, дабы увидеть «последнее море» и напоить из него своих коней. Словом, военное стояние на внешней границе всегда соседствует у евразийских этносов с переступанием внутренних – не только пространственных, но, что особенно важно, бытовых, этнических и отчасти религиозных – границ между ними, со вступлением в отношения и кровного, и, самое главное, духовного родства с другими этносами. Недаром П.Н. Савицкий писал, «что над Евразией веет дух своеобразного братства народов» [104, с. 89].

В местах интенсивного пространственного взаимодействия евразийских культур (славянской и тюркской, тюркской и угрофинской, монгольской и славянской) наблюдается появление не только многочисленных языковых и бытовых заимствований, но и новых культурных форм: мифологических и литературных сюжетов, хозяйственных технологий, религиозных верований и обрядов, философских идей. На самой границе обнаруживается своеобразный эффект культур, когда, соприкасаясь, они дают резонансный всплеск.

Историческое развитие народов Евразии подталкивало их к поиску аль-

тернатив в отношении с ближайшими соседями, в то же время выявлялись судьбоносные предпочтения и здоровый прагматизм в выборе восточных и западных ориентиров. В этом отношении евразийцы выделяли период, когда наиболее критически-напряженными для русской истории были 30-40 годы XIII века, когда Русь оказалась между двух огней завоевания - Западного и Восточного. Устоять в борьбе на два фронта не представлялось возможным, необходимо было выбирать, кому добровольно подчиниться и от кого с этой помощью обороняться до конца.

Этому периоду посвящен небольшой исторический очерк Г.В. Вернадского «Два подвига Св. Александра Невского». Военно-политический выбор Александра Невского на союз с ордой оказался судьбоносным для всего последующего развития русской государственности. Глубоким историческим чутьем Александр Ярославич разобрался, откуда исходит истинная угроза Православию и всей русской культуре. «Монгольство несло рабство телу, но не душе. Латинство грозило исказить самое душу» [144]

Громкие победы на Неве и Чудском озере над шведским и немецким рыцарством, несколько побед над Литвой сочетались с политикой смирения на Востоке. Князь Александр неоднократно ездил в Орду (и по преданию даже побратался с сыном Батыя Сартаком) и смог предотвратить несколько монгольских набегов на Русь в наказание мятежей и отказов платить дань. Таким образом, подчинение Александра Невского Орде, не может быть иначе оценено как «подвиг смирения». «Два подвига Александра Невского - подвиг брони на Западе и подвиг смирения на Востоке - имели одну цель: сохранение православия, как нравственно-политической силы русского народа». [144, с. 335] Когда же с течением времени Русь окрепла, а Орда раздробилась и ослабла, политика мудрости Александра Невского смогла превратиться в политику силы Дмитрия Донского. Величие и могущество Московской державы было заложено в смирении Святого и благоверного великого князя Александра Невского.

После распада единой монгольской империи, большая часть евразийского региона вошла в состав Улуса Джучи со столицей в Сарае. В частности Западная Сибирь, Северный Хорезм, Волжская Болгария, Северный Кавказ, Крым, Дешт-и-Кипчак (Кипчакская степь от Иртыша до Дуная). Крайним юго-восточным пределом государства был Южный Казахстан (ныне г.Тараз), а крайним северо-восточным – г.Тюмень и Искер (близ совр. г.Тобольска) в Западной Сибири. С севера на юг империя простиралась от среднего течения р.Камы до г.Дербента.

Вся эта гигантская территория была достаточно однородна в ландшафтном отношении – в основном это была степь. Население государства представляло самые различные народности и верования. Завоеватели-монголы не составляли большинства населения. Они растворились в массе покоренных народов, главным образом тюркского происхождения, в первую очередь, кыпчаков. Самое же главное заключалось в том, что культурная полоса на Нижней Волге оказалась такой близкой от степи, что здесь легко сочеталось

оседлое и кочевое хозяйство. Основным населением городов и степи оставались половцы. В степи также действовал феодальный закон – вся земля принадлежала феодалу, которому подчинялись рядовые кочевники. Большая часть новых монгольских держав постепенно слились со старыми, покоренными государствами, монгольский элемент оставался в виде определенной династии.

Евразийцев очень интересовали религиозно-психологические и этнокультурные процессы, происходившие на «монгольском» этапе и сопровождавшие рождение самостоятельного московского государства. Разгром удельно-вечевой Руси монголами не мог не произвести в душах и умах русских людей глубокого потрясения и переворота. Наряду с чувством национальной униженности, потерей психологических ориентиров наблюдается небывалый подъем религиозной жизни, подвижничества, аскетического героизма.

«По сравнению с домонгольской удельно-вечевой идеей государственности, монгольская-чингисхановская государственная идея была глобальной и значительной, величие ее не могло не произвести на русских сильного впечатления и не могло не притягивать к себе», - писали они. Перенять ее без изменений не позволяла национальная гордость, так как это была идея чужая, вражеская. Отсюда единственный выход - «...отделять ее от ее монгольства, связать ее с православием и объявить своей, русской [143, с.156]. Опора для такого рода «переплавки» нашлась в византийских государственных идеях и традициях.

Но важнейшим историческим моментом евразийцы считали не обособление Руси от монгольского государства, а напротив, распространение власти Москвы на бывшие ордынские территории, когда произошла, по сути «замена ордынского жала московским царем с перенесением ханской ставки в Москву». [143, с. 162] Этот процесс связывается с завоеванием при Иване Грозном Казани, Астрахани и Сибири.

В это же время, в среде монгол происходил психологический процесс обратного направления – религиозный плюрализм привел к ослаблению собственных идейных основ государственности, и сопровождался моральной деградацией и развращенностью нравов правящего слоя, вследствие неограниченности власти и бесконтрольности. Примерное совпадение по времени двух разнонаправленных идейно-психологических процессов привело к массовому переходу татарской знати и высших чиновников на службу молодому и перспективному московскому государству. Так на персональном уровне закреплялись элементы преемственности монгольской и евразийской государственности.

Завершая рассмотрение «монгольского» периода евразийской истории, необходимо отметить несомненные эвристические заслуги евразийских историков в отстаивании объективного, всестороннего подхода к изучаемому отрезку истории. Евразийцы обратили внимание на некоторые малоизвестные исторические факты и события, предложили нетривиальное их истолкование.

Например, широко известно об историческом значении выбора веры кня-

зем Владимиром для всего последующего развития русской истории. Г.В. Вернадский обратил внимание на не менее важный, но малоизученный процесс выбора веры монгольскими ханами. Как известно, монголы исповедовали различные религии и культы (в том числе, значительное их число было христианами несторианского толка). На первоначальном этапе осуществлялась равнопротекционистская политика по отношению ко всем вероисповеданиям. В условиях разделения единой империи на полуавтономные улусы, когда резко усилились контакты монгольской и местных культур завоеванных территорий, встал вопрос унификации религиозной стороны общественной жизни.

Нельзя не учитывать также и соперничество за влияние на монгольских территориях между основными мировыми религиями. Доминирование в этом регионе имело важное политико-стратегическое значение.

История русской православной епископской кафедры в Сарае – столице Золотой Орды свидетельствовала о несомненных, хотя и не осуществившихся возможностях православной христианизации ханов Золотой Орды, а это могло иметь большие последствия для всей истории евразийского мира. Имеются данные, в частности, арабского историка аль-Джауздани, что хан Сартак - сын Батыея был очень близок к православию, или даже прямо перешел в православие и слыл гонителем мусульман. На смену ему пришел Берке хан, который наоборот официально принял ислам. И в дальнейшем наблюдается нестабильность в религиозном вопросе, например, в период правления хана Тохты доминирующее положение занимали шаманизм и ламаизм, пока хан Узбек с 1313 года окончательно не утвердил ислам как официальную религию Золотой Орды.

Таким образом, процесс выбора веры ханами Золотой Орды был неоднозначен и очень интересен с историко-культурной, а также политико-стратегической точки зрения, и, видимо, требует к себе дальнейшего исследовательского внимания.

Первоначальные контуры евразийского подхода к историческому процессу намечаются, на наш взгляд, у П.М. Бицилли. Незаурядный историк и литературовед примкнул к евразийству на стадии его функционирования еще в качестве интеллектуального направления. В дальнейшем, не разделяя черты тоталитарности евразийской идеологии, он выходит из движения, выступив с принципиальной критикой этой идеологии [145].

Трудности традиционного исторического подхода, противопоставляющего Запад и Восток, обозначаются уже при анализе самих этих понятий, когда выявляется их внутренняя комплексность и внешняя условность и размытость. Вместо этого евразийцы предлагают другой подход: «Концепции истории Старого Света, как истории дуэли Запада и Востока, может быть противопоставлена концепция взаимодействия центра и окраин, как не менее постоянного исторического факта» [133, с.320]. Европа, наряду с Китаем, Индостаном, Ираном представляется как окраинно-приморская часть целостного континента, центр которого занимает евразийское пространство, населен-

ное по преимуществу восточно-славянскими, финно-угорскими и степными кочевыми племенами. Тогда главным проблематизирующим фактом истории можно представить борьбу за контроль над торговыми путями, ведущими с Запада на Восток и связывающими в одну систему основные хозяйственные миры. Эта тенденция ярко прослеживается в политике царей Ассирии и Вавилона, позднее Ирана-Персии, Александра Македонского, тюрко-монгольских ханов, русских императоров. «Продвижение России в Среднюю Азию, в Сибирь и в Приамурский край, проведение Сибирской железной дороги, - все это, с XVI в. и до наших дней, - составляет проявление одной и той же тенденции. Ермак Тимофеевич и фон Кауфман или Скобелев, Дежнев и Хабаров, – продолжатели великих монголов, пролагатели путей, связующих Запад и Восток, «Европу» и «Азию», «Та-Тзин» и Китай». [133, с.324]

Таким образом, общая схема истории Старого Света выглядит как взаимодействующая целостность «окраинно-приморских» и «центральных» областей. При этом период с 1000 г до н.э. до 1500 г. н.э. отмечен мощным, плодотворным и напряженным взаимодействием различных миров, что вызвало появление богатейшей культуры, плодами которой мы до сих пор живем. В этот период можно было проследить многочисленные параллели культурного развития народов различных областей.

Следующий этап, наступивший после краха империи Тимура, когда срединное евразийское пространство приходит в упадок, и исчезают сухопутные связи Запада и Востока, характеризуется изоляцией и раздробленностью указанных миров. Начиная с этого времени, будущие судьбы человечества зависят от способности восстановить взаимодействие, прежде всего восстановлением «евразийского» центра континента. В этом контексте утверждение полнокровности и «особости» исторического процесса на евразийском пространстве видится вполне законным.

Как уже отмечалось целостное изложение евразийской исторической концепции принадлежит Г.В. Вернадскому. Евразийская теория исторического процесса была собрана воедино и обобщена в двух книгах Г.В. Вернадского – «Начертание русской истории» и «Опыт истории Евразии».

Предложенное изложение русской истории вряд ли можно воспринимать в качестве всеохватывающего учебного курса. Это именно «начертание» основной канвы событий русской истории. Главное, на что необходимо обратить внимание, это принципы понимания глубинных основ, движущих сил евразийского исторического процесса.

Коренным, базисным основанием развития исторического процесса предлагается тесное взаимодействие природно-географического и социально-культурного факторов. Именно здесь начинает действовать синтетическая евразийская категория «месторазвития».

Необходимо отметить, что предлагаемая концепция исторического процесса, в основных чертах, методологически укладывается в русло «государственной» школы, когда в канве собственного, внешнего развертывания исторического процесса центральным, «узловым» признается государствообра-

зующий фактор. «Не случайна связь народа с государством, которое этот народ образует, и с пространством, которое он себе усваивает, с его месторазвитием», - писал Г.В. Вернадский [146]. Что касается методологических оснований, можно отметить, что если долгое время традиционная историография опиралась, главным образом, на гегелевскую философию истории, то в построениях Г.В. Вернадского сквозит скорее «позитивистский» дух. «Каждая народность оказывает психическое и физическое давление на окружающую этническую и географическую среду. Создание народом государства и усвоение им территории зависит от силы этого давления и от силы того сопротивления, которое это давление встречает» [146, с.5].

Естественным образом ограниченный евразийский географический мир и является той территорией, которую в стихийном историческом процессе было суждено усвоить народу. В свою очередь, объективные географические характеристики Евразийского мира, задают территорию как бы «предсозданную» для образования единого государства. «Вся история Евразии есть последовательный ряд попыток создания единого всеевразийского государства. Попытки эти шли с разных сторон – с востока и с запада Евразии. К одной цели клонились усилия скифов, гуннов, хазар, турко-монголов и славяно-русов. Славяно-русы осилили в этой исторической борьбе» [146, с. 13].

Существенно новым подходом к изучению истории Евразии является положение о необходимости рассмотрения русской истории в контексте общеевразийского исторического процесса, «... только под этим углом зрения может быть должным образом понято все своеобразие русского исторического процесса» [146, с.12]. Так как до середины XIX века история России была лишь составной частью истории Евразии, и только после указанного времени фактически совпадает с ней. Г.В. Вернадский отмечал, что настоящей и эвристически плодотворной задачей является научный охват всей истории Евразии в комплексном обзоре. Книга «Опыт истории Евразии» является как раз попыткой очертить рамки рассмотрения, поставить необходимые вопросы для дальнейшего более подробного исследования.

Основным принципом периодизации истории евразийцы, придерживаясь традиции, заложенной С.М. Соловьевым, предлагают соотношение между лесом и степью, конечно не в почвенно-ботаническом значении, а историко-культурном: «... географической основой русской истории является соотношение лесной и степной полосы, борьба Леса и Степи» [146, с.20].

Первый период условно начинается примерно с V века до н.э., с образования «скифской державы», как первой попытки единой евразийской государственности, и завершается концом X века н.э. Этот период характеризуется как «попытка объединения Леса и Степи».

С конца X до середины XIII века связь между Лесом и Степью обрывается, идет отчаянная борьба между русскими князьями и тюркскими кочевниками южных степей за доминирование в этом районе. Этот второй период, условно ограниченный 972 г. и 1238 г. (поход Батыя на Русь) назван «борьбой между Лесом и Степью».

Третий период с 1238 г. до 1452 г. (год образования зависимого от Москвы Касимовского ханства) включает в себе годы монгольского завоевания и нахождения в составе единой монгольской империи, затем Золотой Орды и означает «победу Степи над Лесом».

Затем, вследствие укрепления единого Московского государства, ослабления и распада Золотой Орды, происходит завоевание южных и восточных бывших ордынских земель, что означает «победу Леса над Степью». Условный год завершения – 1696 (взятие Азова Петром).

Последний пятый период с 1696 г. по 1917 г. характеризуется распространением Российского государства практически до естественных пределов Евразийского мира и обозначает «объединение Леса и Степи» в экономико-хозяйственном и политическом смысле.

Г.В. Вернадский прослеживает фазы образования единого государства от скифского государства до СССР и предлагает очень интересную схему периодической ритмичности государствообразующего процесса. Единая государственность в Евразии, как правило, замещается впоследствии системой государств. На смену Скифской державе пришла система государственных образований сарматов и готов. Возникшая в IV-V веках н.э. Гуннская империя, вновь была замещена системой государственных образований (авары, хазары, камские болгары, Русь, печенег, половцы). Монгольская империя Чингис-хана вновь возрождает единую государственность. Распад этого великого государства шел уже в два этапа. На первой ступени выделились Золотая Орда, Джагатай, Персия и Китай. Вторая ступень образовала систему из еще более мелких государств: Литва, Русь, Казань, Киргизы, Узбеки, Ойрат-Монголы.

Последняя попытка создания единой евразийской государственности окончилась образованием Российской империи и СССР, как продолжения единой евразийской государственности. Как видно из предложенной схемы, вероятно, ожидать распада и этого единого государства на систему более мелких. Г.В. Вернадский, предостерегая от этого, на его взгляд, прямолинейного восприятия схемы, подчеркивает, что в результате взаимного воздействия народа на свое месторазвитие, формирования его как единого и целостного, изменились сами предпосылки исторического развития: «... ныне Евразия представляет собой такое геополитическое и хозяйственное единство, какого ранее она не имела. Поэтому теперь на лицо такие условия для всеевразийского государственного единства, каких раньше быть не могло» [146, с. 16]. Другими словами, имеющиеся объективные условия превращаются в насущную необходимость существования единого евразийского государства.

Тем не менее, чтобы избежать плоского детерминизма, необходимо заметить, что имеющийся конструктивный потенциал не сохраняется автоматически, необходима сбалансированная, разумная государственная политика поддержания единства: «Разумеется, государственные формы, для предупреждения распада государства, должны иметь достаточную гибкость в соответствии не только с общими целями, но также и местными нуждами. Российская

или всеевразийская государственность необходима, должна держаться форм сочетания единства и множества (особых форм федерации)» [146, с. 16-17].

Евразийцы отмечали, что с середины XV века «начинается широкое наступление русского народа на юг и восток» [146, с.12], причем заселение новых территорий не только связано с расширением государства, но и часто идет независимо от этого. Так, в колонизационной деятельности Московского государства имеет особое значение «засечная черта» – выдвигаемая вперед укрепленная линия. Продвигая все дальше этот предел, заселяя образовавшиеся «безопасные» территории, государство организованным порядком продвигалось на юг и юго-восток. Но кроме этого, можно было наблюдать и стихийные колонизационные процессы, когда население бежало за пределы юрисдикции государства от непомерных тягот крепостного права, а с середины XVII века, и от религиозных преследований (раскол).

Историческое развитие народов Евразии в период становления крупнейшей в мире российской колониальной державы напрямую связано с реализацией политических, экономических, военных и социальных мероприятий по включению огромных территорий евразийского региона в состав империи. Процесс этот занял не одно столетие и дифференцировался в зависимости от интенсивности, форм и методов проводимой колонизации.

Так, историческое взаимодействие Руси-России с Тюркским миром первоначально осуществлялось отнюдь не в мирных формах. Расселение тюркских племен на запад из Центральной Азии в V-XV вв. породило, по меньшей мере, два опыта военно-политической интеграции евразийского пространства – огузо-тюркский в V-X вв. и монголо-тюркский в XIII-XV вв. Начавшееся в XVI веке, когда ясно обозначилось аграрное перенаселение русского центра, расширение сферы российской государственности на восток и юго-восток и сопровождавшие его миграционные процессы были столь же неизбежны, как в предшествующее время расселение тюркских народов, чьей хозяйственной базой являлось кочевое скотоводство на западе Евразийских степей.

Показательно, что, различаясь хронологически, эти процессы, охватившие южные пространства России, Приуралья и Поволжья, Сибири и Северного Казахстана, в ареальном отношении совпадали. Но, в отличие от западных миграций тюркских народов, русское распространение на восток и юго-восток имело иную хозяйственную подоплеку – экономической базой этого мощного миграционного потока было пашенное земледелие. Пашня не вытеснила пастбище, но совместилась с ним, породив новые типы хозяйственного симбиоза [136, с. 20].

Создававшиеся кочевниками государственные образования Великой Степи отличались крайней неустойчивостью, низкой конфликто разрешающей способностью. Они не обеспечивали безопасность хозяйственной деятельности, более того – порождали постоянные войны, зачастую завершавшиеся подлинным геноцидом. Так, в 1723-1727 гг., запечатленных в народной памяти казахов как «годы великого бедствия», значительная часть казахского на-

рода, раздробленного на враждовавшие между собой владения, была вырезана джунгарами. Впрочем, эта страшная резня была лишь продолжением серии джунгарских вторжений 1681-1684, 1694, 1711-1712, 1714-1717 гг. По мнению С. Кляшторного, устанавливая новую систему властных отношений, Россия выполняла миссию умиротворения Великой Степи, а позднее – Туркестана, стягивая воедино геополитическое пространство Евразии.

Очевидно, что история тюркских народов, вместе с другими племенами кочевого населения Великой Степи, является органической частью общей истории Евразии и с древнейших времен неотделима от истории славянских государств Восточной Европы. Евразийцы одним из наиболее важных периодов в истории Евразии отмечали период колонизации. При этом они считали ошибкой отождествлять русскую колонизацию с воинственным империализмом, утверждая, что «это совсем не империализм и не проявление мелких честолюбивых российских государственных деятелей, а необоримая логика географии, находящаяся в основе всей истории» [147].

С середины XVI века на три века вперед утвердилось стремление к непрерывному росту территориальных размеров Российской империи и численности ее населения.

Сами евразийцы отмечали, что наличие неформального, внегосударственного движения русского народа на Восток способствовало быстрой колонизации огромных пространств Сибири, Туркестана, Дальнего Востока, Русской Америки. В данном случае можно обратиться к некоторым работам Г.В. Вернадского периода 1913-1915 годов. В статье «О движении русских на Восток», которая является частью вступительной лекции в Санкт-Петербургском Университете, изложены основные моменты монгольского завоевания, продвижения русского народа на Восток в контексте борьбы Леса и Степи. Завоевание, усилившимся Московским государством, Казани и Астрахани открыло дороги в Сибирь. «Колонизация Сибири должна именно рассматриваться, как сочетание народного движения с промышленным предприятием казны» [148].

Русскому освоению Сибири, Дальнего Востока, Русской Америки, которому уделено особое внимание в «Начертании русской истории», были посвящены на раннем этапе специальные работы: «Против Солнца. Распространение русского государства к востоку» и «Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII века». На богатом фактическом материале прослеживаются основные этапы и характерные черты колонизации этих огромных пространств, подчеркивается решающее ее значение для становления мощного, централизованного государства.

Отмечая успехи русской колонизации, в немалой степени, опиравшейся на военную силу, евразийцы обращали внимание также на значительную этно-психологическую совместимость евразийских народов, вошедших тем или иным образом в состав Российской империи.

Обращаясь к истокам и историческим предпосылкам присоединения многих евразийских народов и государств евразийцы исследовали внутреннюю

природу взаимоотношений в этих государствах, отмечая наличие внутренних противоречий и конфликтов между правящей верхушкой, а также неблагоприятную обстановку в международных отношениях.

Во многом подобная интерпретация исторических событий волне объясняется евразийским основным тезисом доминирующей роли Росси-Евразии в регионе. Однако на наш взгляд евразийцы значительно нивелировали роль независимости и сохранения этнической территории народов, подвергшихся колониальной экспансии. Если обратиться к истории присоединения Казахстана к Российской империи, то можно проследить всю сложность, двойственность и противоречивость сложившейся ситуации. Так, с конца XVI века начинается русско-казахская и русско-туркестанская торговля по трассам через Тобольск и Казань. В 1645 году в устье реки Яик для обеспечения безопасности торговли основывается по царскому приказу город Гурьев. Уже в конце XVII века казахские ханы направляют русским властям ходатайства о развитии торговли. По мере того, как учащаются вторжения джунгарских завоевателей на территорию Казахстана, неизменной темой казахских посольств, становятся просьбы о военном союзе.

Вместе с тем, в конце XVII века появляются и враждебно настроенные к России и хану Тауке – стороннику пророссийской ориентации – группы казахских старейшин, ориентированных на Бухару и Хиву. В последствии положение осложнилось усилением джунгарского завоевания, а также разорительными набегами башкир, каракалпаков, бухарцев, волжских калмыков и яицких казаков на казахские территории. Нестерпимое военное давление с востока, сопровождаемое геноцидом, заставило казахов искать пути национального самосохранения. В условиях жесткого военного прессинга извне и перманентных внутренних раздоров и усобиц само существование казахов на своих этнических территориях целиком зависело от вхождения в более мощную политическую систему. Геополитическая реальность предопределила три альтернативы:

- китаецентричную, означавшую колонизацию всего Среднего жуза по наиболее жесткой модели;
- туркестанскую, т.е. бухаро-хивино-кокандскую, где казахи оказались в во власти традиционных неустойчивых деспотических режимов, не обеспечивших им ни внутренней, ни внешней безопасности;
- российскую, связанную с формированием новой многонациональной и полиэтничной евразийской империи [149].

Автор, принимая во внимание сложившиеся объективные предпосылки присоединения Казахстана к России в условиях определения российской альтернативы, считает, что этот процесс нельзя идеализировать и подчинять давлению политической ангажированности современных историков, утверждающих о спасительной роли имперской колонизации для отсталых евразийских народов. Вопрос не в утверждении очевидных истин типа банальных утверждений, что царская Россия была тюрьмой народов. Идеализировать период имперской колонизации нет никакой необходимости. Оконча-

тельная потеря национальной независимости привела к подрыву экономических основ традиционного уклада жизни. Страна была расчленена в политико-административном плане и стала объектом колониальной политики «разделяй и властвуй». Факт военного, хозяйственного, культурного покорения казахской территории подтверждается самой историей колонизации, переселенческой политикой и их последствиями. Поэтому рассмотрение истории евразийских народов и созданных ими государственных образований лишь в аспекте истории России-СССР, как это было в недавнем прошлом, методически неоправданно и практически лишает народы Евразии собственной национальной истории.

В то же время в нельзя отметить и рациональное зерно включения казахского и других покоренных этносов в единую систему евразийских связей. Несмотря на все несомненные, зачастую тяжелейшие издержки, именно евразийская альтернатива позволила казахскому народу, сохранив национальную идентичность, выйти к новому уровню цивилизации.

Подводя итоги рассмотрению евразийской концепции исторического единства народов, населяющих внутренний континент Евразию необходимо обратить внимание на следующие моменты.

Несмотря на многочисленные критические выпады многих исследователей и политиков, различных толков против обоснования исторического единства евразийских народов, автор считает, что самой историей тысячелетнего сосуществования на евразийском пространстве доказано их тесное взаимодействие, породившее евразийское единство.

Со времени выхода евразийских изданий прошел значительный отрезок времени, и с высоты современного состояния исторической науки вполне допустимы сомнения в достоверности того или иного приведенного исторического материала, неточности фактического характера. Евразийцы обратили внимание на некоторые на тот период, малоизученные страницы русской истории, не говоря уже об истории других евразийских народов, систематическое изучение которых практически не велось.

Многие современные исследователи часто воспроизводят упрек в отходе от научной строгости исторического изложения в силу ориентации на общеидеологические евразийские установки и соответствующую ангажированность исследования. В этой связи, прежде всего, можно отметить известные сложности методологического характера в определении научного императива истории как отрасли гуманитарного знания. Далее, необходимо напомнить, что разработкой исторической концепции евразийства занимались серьезные профессионалы, сложившиеся ученые.

Кроме того, можно проследить соответствие научных выводов, изложенных в евразийских изданиях, с результатами тех же авторов в «доевразийский» этап творчества. Достаточная научная добросовестность и обоснованность не означают, однако, полного отсутствия недостатков и преувеличений в евразийской трактовке исторического процесса.

В частности, многими исследователями отмечается явное преувеличение

значения славизма и православия в истории евразийских народов, как компонента русской истории. Кажущаяся идеализация колониального завоевания вызывала недоумения и в среде самого евразийского движения, в силу затухающей негативности негативно-деструктивных его сторон и последствий. Правда, справедливости ради, необходимо подчеркнуть, что имевшие место малообоснованные, «натянутые» эпитеты по поводу фактов истории, содержатся главным образом, в «рекламно-публицистических» работах евразийства ставивших своей целью, как раз, вызвать шоковую реакцию читателей. Можно проследить, что в специально исторических исследованиях содержатся более сдержанные оценки и компетентные суждения.

Как уже отмечалось выше, антизападный настрой евразийства также не мог не оказать определенного негативного влияния и мало способствовал беспристрастности анализа.

Историческое исследование евразийцев при всей широте их взглядов не охватывало всей многогранности тюрко-мусульманского мира и тем более не могло рассматривать развитие народов региона вне России – центра Евразии.

Научно-объективный характер исторических исследований евразийцев базируется на выделении значения природно-географического фактора в историческом развитии. Хотя, географический фактор в истории оценивался и до них, в частности в трудах С.М. Соловьева, а особенно В.О. Ключевского и А.П. Щапова, именно евразийцы в развернутом виде, подробно исследовали их соотношение. Придав большое значение природно-географическим предпосылкам исторического развития, они, при этом, не умаляли роли социально-культурных факторов. Центральная евразийская категория «месторазвития» подчеркивает единство социо-природных оснований развития человеческого общества. Конкретность «месторазвития» задает черты своеобразия исторического процесса того или иного народа.

Таким образом, евразийцы определяли исторический аспект евразийского единства народов через выделение Евразии как самобытного месторазвития, которое, по их мнению, позволяет расширить рамки исторического обозрения и полнее охватить историю народов, населяющих это пространство. Не изолированно друг от друга, а только на фоне целостного исторического мира Евразии можно выявить черты своеобразия исторического развития каждого народа. В этом заключается принципиальная новизна подхода к исследованию российской истории, предложенного евразийцами. Как отмечал евразийский ученый Э. Хара-Даван: «Программа евразийцев не хочет все народы стричь под общую российскую гребёнку и тем обезличивать их: даётся право и возможность каждой из наций Евразии внести свою индивидуальную национальную культуру как частицу общей наднациональной культуры евразийской – чем из более разнообразных цветов и запахов составлен букет, тем он пышнее и ароматнее» [150].

1.4 Современные цивилизационные теории и Евразийская модель

В современных условиях мирового развития, характеризующегося глобальными процессами в сфере геополитического развития, все в большей степени актуализируются принципы выделения не отдельных государств, а цивилизаций, как факторов многополярности мира. В сложившейся системе цивилизационных теорий начинает приобретать значение евразийская цивилизационная модель. Сегодня евразийскую цивилизацию рассматривают как суперэтническую систему, мозаику различных наций, народностей, различных культурно-исторических типов общества, геоэкономическую и геополитическую общность, симбиоз культур. Остается исторической истиной формирование евразийской цивилизации, которая берет свое начало на заре человечества.

В существующей системе цивилизационных теорий развит основной принцип существования цивилизаций, который зависит от цикличности мирового порядка.

По мнению многих теоретиков, в данный переходный период для нового суперцикла или мировой цивилизации прослеживается перемещение эпицентра снова с Запада на Восток, в Азиатско-Тихоокеанский регион. Во многом это связано с экономическим подъемом стран евразийского региона, с усилением позиций Востока в геополитическом плане. Такое соотношение цивилизационных взаимосвязей определяется многообразием единой системы цивилизаций, рост и упадок которых очень тесно взаимосвязан. При активизации и расцвете одной из цивилизаций происходит либо укрепление цивилизационных связей в целом, либо меняется расстановка акцентов в существующем историческом поле.

Многообразие единой мировой цивилизации в теоретическом плане может быть аргументировано существующей классификацией типов цивилизаций:

- по условиям генезиса: первичные и вторичные;
- по географическому признаку: цивилизации речных долин, морских берегов, нагорий и плато, степей, пустынь и оазисов;
- по месту в системе мировой цивилизации: очаговые (в том числе первичные и вторичные), региональные, западноевропейская, периферийные, или ассоциированные, для которых более мощную роль играет культурный центр; межрегиональные, связанные с мировыми религиями или научно-философским воззрением;
- по стадиям жизненного цикла: формирующиеся, зрелые, стагнирующие, перерождающиеся, реликтовые, исчезнувшие;
- по формационным характеристикам: феодальная и капиталистическая, коммунистическая и т.д.;
- по временным показателям: древние, античные, современные и т.д.;
- по социально-экономическим признакам: демосоциальные, геосоциальные, кочевые, земледельческие, традиционные, технотронные, классические,

либеральные и т.д.;

– отдельно по религиозной принадлежности: христианская, буддийская, исламская и т.д.;

– по этно-языковой принадлежности: греческая, славянская, арабская, тюркская, китайская и т.д.;

– по континентально-пространственным признакам: западная, восточная, дальневосточная, европейская, центральноазиатская, евразийская, африканская и т.д.

К указанной классификации можно добавить также возникшие относительно недавно в рамках концепции о многополярности мира, типы: «классические» и «неклассические», или «пограничные», цивилизации. Так как, выбранная в качестве объекта исследования евразийская цивилизационная модель относится к числу последних, остановимся на их основных характеристиках более подробно.

Ученые, занятые проблемами культурного синтеза в пограничных цивилизациях в сумме выделяют следующие признаки, свойственные пограничным цивилизациям [151]:

– в классических культурах преобладает элемент органического структурного единства; в пограничных образованиях цивилизационная база неоднородна, расколота, фрагментизирована. Внутри этой крайне нестабильной культуры происходит постоянное взаимодействие противонаправленных культурных тенденций;

– все классические цивилизации являются результатом реализованного и завершенного процесса культурного синтеза. Незавершенность и нереализованность культурного синтеза – это определяющая характеристика пограничных цивилизаций;

– в отличие от классических цивилизаций, в пограничных культурах стратегическая роль принадлежит не синтезу, а культурному симбиозу, являющемуся культуурообразующим механизмом и структурной цивилизационной основой. Симбиотические взаимосвязи различных интегрирующих элементов, образующих основу пограничного образования, обеспечивают его неустойчивую стабильность.

Но главное различие между классическими цивилизациями и пограничными цивилизациями срединных пространств, по мнению некоторых ученых [152], заключается в принципиальных расхождениях восприятий единства и многообразия, целостности и гетерогенности мира. Так, облик любой из классических цивилизаций в значительной степени определяется как нечто целостное, здесь принцип единства давит над разнообразием, тогда как в пограничных культурах превалирует начало гетерогенности, многообразия.

По мнению автора, феномен пограничной цивилизации заключается в отмеченной выше симбиозности, предполагающей, согласно своему смысловому содержанию, минимальное взаимодействие, при котором поддерживается независимое существование традиций и современности во взаимноизолированных сферах и в значительном разнообразии их форм.

Однако, рассматривая евразийскую цивилизационную модель, мы не подразумеваем национальную социокультурную общность, обладающую коммуникативным единством и своим историческим опытом, привязанным к истории определенной государственности, тем самым, ведя речь о самостоятельной евразийской цивилизации, подчеркиваем факт сосуществования, но не слияния воедино.

Таким образом, целесообразнее принять евразийство в качестве методологического обоснования полицентризма и многолинейности социально-исторического процесса, идеи параллельного сосуществования и развития различных цивилизационных начал, каждое из которых имеет свою культурную доминанту, собственные ценности, цели и приоритеты.

Длительный процесс эволюции взглядов на проблему природы, характера, динамики цивилизационного развития нашел выражение в формировании как наиболее общих подходов рассмотрения данной проблемы, так и в целом комплексе «цивилизационных» концепций.

Данный процесс характерен и для евразийской концепции. Первые попытки изучения цивилизационной специфики Евразии, начатые еще в середине XIX века с позиционирования России как исторического субъекта со своими законами развития, отличными от «всеобщего закона человечества», привели, в первой половине XX века к оформлению евразийской цивилизационной парадигмы. Традиции цивилизационного анализа в рамках евразийской цивилизационной парадигмы развиваются сегодня в коллективных трудах.

Диссертанту представляется, что позиция, изложенная многими известными авторами в специальных статьях, рассматривающих общие проблемы изучения цивилизаций и специфичные вопросы устройства различных цивилизационных образований, развивает принципы евразийской концепции [153].

Однако сегодня вряд ли возможно говорить о существовании универсальной концепции исторического, социально-философского, социокультурного и т.п. развития общества. Тем не менее, поиск в этом направлении способствовал теоретическому оформлению представлений о специфике цивилизационного развития, нашедшего воплощение в широко распространенной схеме «Запад – Восток», где фиксируются основные цивилизационные доминанты. Многими современными учеными и исследователями цивилизационных теорий осуществляется попытка создания теоретических оснований выделения самостоятельности евразийской цивилизационной модели.

Интересным на наш взгляд представляется геополитическая теория больших многомерных пространств российского ученого В.А. Дергачева. Основные положения этой теории изложены в трудах «Раскаленные рубежи» (1998), «Геополитика» (2000), Геополитика (2004), «Геоэкономика» (2002), «Цивилизационная геополитика» (2004), «Глобалистика» (2005), в разделе Портала «География» и других.

Одним из основных понятий этой теории выступает «Еврамар» – Евра-

зийская маргинальная (рубежная) зона цивилизаций. Контактная зона диалога культур, важнейший «двигатель» духовного прогресса человечества и, одновременно, барьерные «горячие фронты» взаимного непонимания и подозрительности (крупнейших мировых военных конфликтов). По мнению ученого – это основа эксцентрированных социокультурных систем, барьер против «морской стихии» открытого общества и вестернизации, барьер против химеры – формы контактов несовместимых суперэтносов. Еврамар находится в вечном движении. Барьерные и контактные рубежи цивилизованного мира и варваров проходили по рейнским и дунайским рубежам Римской империи, Черноморью, Главному Кавказскому хребту, бассейнам Амударьи и Сырдарьи, Великой Китайской стене. Севернее – от Карпат до Хингана – расположена Великая Евразийская степь, которая, начиная со средневековья, трижды объединялась Тюркской, Монгольской и Российской империями.

В многомерном пространстве Еврамара стратифицировались природные, геополитические, конфессиональные, экономические, этнические, культурные и другие рубежи. Великая Евразийская суперэтническая зона есть результат «пограничных состояний» многомерного пространства, образующего коммуникационные полюса высокой энергетики. Согласно идее В.А. Дергачева главный евразийский рубеж проходит через души людей. В многомерном коммуникационном пространстве Еврамара возник духовный микрокосмос мировых религий и расположены их центры (Иерусалим, Рим, Мекка, Медина, Исфахан). Здесь сосредоточены мировые полюса философской мысли (Древняя Греция, Китай, Германия), исторические центры международной торговли. Интенсивный информационный обмен, обусловленный ускорением оборачиваемости торгового, промышленного и финансового капитала способствовал благоденствию народов и рождению мировых религий на социокультурных рубежах, но здесь же возведение «железных занавесов» сопровождалось наиболее кровопролитными этническими и этноконфессиональными конфликтами.

На евразийских рубежах цивилизаций человечество впервые получило ответ на вечную проблему политического и социально-экономического выбора. Этот ответ связан с ценностями и приоритетами восточной духовности, чистотой нравственной жизни народа, истоками цивилизационных начал общества.

В рассмотрении контактных и барьерных функций евразийского цивилизационного пространства основными выделены контактные функции, которые из века в век характеризуются международным сотрудничеством, свободной торговлей и информационным обменом, являются гарантом мира и благополучия народов, безопасности государств с различными этнокультурными традициями. В древности и средневековье гарантом стабильности на рубежах евразийских цивилизаций был Великий шелковый путь. Как только нарушались материальные, транспортные и финансовые коммуникации на рубежах цивилизаций – снижался уровень и качество жизни. В «кровеносных сосудах» евразийской цивилизации образовывались гигантские «тромбы»,

усиливающие конфликтность и барьерность рубежей цивилизаций. «Непреодолимая преграда есть отрицание природы, а оно всегда грозит человеку злыми последствиями» [154].

Геополитические рубежи Евразийской рубежной цивилизации неоднократно приходили в движение, вызовы вражды сменялись миром и наоборот. Здесь оставили свой след великие полководцы от Александра Македонского, Чингис-хана и Тимура до Наполеона. Форпосты Римской империи – Константинополь и Вена – стали столицами евразийской Византии и европейской Австро-Венгрии. Правопреемница Византии – Османская империя – выдвинула вглубь Европы границы мусульманского Востока. Противостояние Запада и Востока нашло отражение в восточном вопросе и проблеме Черноморских проливов.

При рассмотрении современного состояния мировых геополитических узлов В.А. Дергачев попытался сопоставить крупные очаги напряженности с этноландшафтными рубежами и пришел к выводу, что многие исторические эпицентры конфликтов расположены на тройных конфессиональных границах мировых цивилизаций:

- западнохристианской, православной и исламской (Балканы, Левант, Крым);
- исламской (арабской, тюркской), индийской и китайской (Афганистан, Таджикистан, Пенджаб);
- православной, китайской и японской (Маньчжурия).

В XX веке евразийская цивилизация была эпицентром двух мировых войн, в которых погибло 60 млн. человек – больше, чем за предшествующие войны человечества. Столетие завершилось очередным цивилизационным разломом. В коммуникационном пространстве евразийской цивилизации стратифицирована пограничная энергетика западноевропейской, славянской, мусульманской (арабской, тюркской), индийской и китайской цивилизаций. Полиэтничность, интенсивный торговый, культурный и информационный обмен неоднократно в истории становились ресурсом социально-экономического развития и гарантом межконфессиональной терпимости.

На географических и суперэтнических рубежах в неоднородном социальном времени шел непрерывный диалог между греками и варварами, античностью и средневековьем, Западом и Востоком. В качестве трансляторов диалога выступали евразийские Древняя Греция, Византия, Золотая Орда, Османская и Российская империи, многие другие. Вся история Евразии подтверждает существование определенной закономерности, связанной с формами организации евразийского пространства. Этот вопрос обращал и обращает пристальное внимание со стороны научного сообщества, пытающегося определить и выявить основные движущие силы евразийской цивилизационной модели.

Интересные выводы были сделаны другим российским исследователем этой проблемы Ермаковым Д.С. [155]. При изучении основных евразийских цивилизационных доминант им были выделены следующие характеристики.

1. Социально-экономические характеристики

Запад – развитый, урбанизированный, индустриальный. На Западе – производство как базис.

Восток – отсталый, сельский, аграрный. На Востоке – распределение как базис.

2. Характеристики социальности

Запад – рыночные и правовые отношения, выделение личности, пользующейся правами и свободами.

Для классического *Запада* характерна классовая дифференциация.

Восток – межличностные отношения, нормативный контроль через религиозные принципы и государство.

Для *Востока* – родоплеменные, сословные, клановые, этнические отношения.

3. Политические характеристики

Запад – гражданский, демократический.

Восток – патриархальный, авторитарный, деспотический.

4. Культурные характеристики

Запад

Материализм

Секуляризованный

Реализм / Прагматизм

Объективизм

Плюрализм

Рациональность

Разум (Логос)

Динамизм/Развитие/Движение

Прогресс

Искусственность

Покорение природы

Право

Научность

Свобода

Равенство

Воля

Индивидуализм

Антропоцентризм

Восток

Духовность

Религиозный

Идеализм

Субъективизм

Монизм

Интуитивность

Путь (Дао)

Инертность / Стабильность

Застой / Косность

Естественность

Адаптация к природе

Мораль

Сакральное знание

Порядок

Подчинение

Фатализм

Подавление личности

Теоцентризм

5. Исторические характеристики

Запад

Циклическое время.

Историзм, линейное время.

Восток

Застойность, неисторизм

Данная схема, отражая значительные цивилизационные реалии, является в современных условиях глубоко укоренившимся штампом. Свидетельство тому – регулярные попытки создания универсальных цивилизационных концепций.

Для конкретизации определения евразийской цивилизации автором частично за основу берется предложенное известным исследователем И.Б. Орловой понятие евразийской цивилизации: «Хотя евразийство – достаточно сложная концепция, ее суть можно свести к очень простым и понятным любому человеку положениям. Это многополярность мира, уникальность Евразии как особой цивилизации, евразийская идентичность взамен утраченной советской ...» [156]. Цивилизация в данном случае нами определена как культурно-историческая система, объединяющая на суперэтническом уровне население с общей самоидентификацией, органически связанное с конкретной природно-пространственной средой. В основе цивилизации лежат три вида системообразующих связей:

– пространственные, опирающиеся на особенности природной среды, ландшафта;

– временные, формирующие общность исторического бытия, традиций, исторической памяти, широко понимаемой культуры, языка;

– социальные и социально-психологические, цементирующие суперэтническую общность при помощи формирования сопоставимых ценностно-нормативных механизмов, субъективного осознания общности, самоидентификации людей [93].

В соответствии с этим определением, Евразия, представляющая собой особую географическую, этническую, культурно-историческую целостность, может быть классифицирована как культурно-историческая система или пограничная цивилизация.

Каждая из современных цивилизаций не только сама является системой, но и представляет собой элемент другой системы: множества цивилизаций, существующих в мире. По мере развития и роста сложности цивилизаций растет их взаимосвязь и взаимозависимость, происходит унификация ряда их особенностей, прежде всего технологических, не затрагивающих в то же время консервативных базовых составляющих или социокультурных кодов каждой из цивилизаций. Взаимосвязь и одновременно дивергенция современных цивилизаций существуют в единстве, в соответствии с законами самоорганизации систем.

Проблема определения цивилизационной специфики была одним из важнейших направлений в науке XIX века. Согласно теории цивилизации иссле-

дование общественных систем, выходящих за рамки локальных культур, само по себе противоречит ее сути, кроме того, опровергается существование всякого срединного пространства между Западом и Востоком. Об этом одним из первых писал Н.Я. Данилевский.

Намеченная Н.Я. Данилевским циклическая модель исторического процесса предвосхитила последующие весьма разнообразные опыты подобного рода как на Западе (О. Шпенглер, А. Тойнби), так и на Востоке (наиболее яркий представитель культурологического циклизма – китайский мыслитель Лян Шу мин [157]).

Для них так же характерны: критика «европоцентризма», утверждение циклического характера исторического процесса, формирование основных принципов «цивилизационного» подхода.

Теорию цивилизаций А. Тойнби можно рассматривать как кульминацию тех теоретических разработок, которые были проделаны Н. Данилевским и О. Шпенглером. Она была осуществлена независимо от их работ, основана на несравненно более широком историческом материале и является подлинным шедевром исторического и макросоциологического знания.

По мнению А. Тойнби, истинной областью исторического знания является не описание отдельных событий, сближенных в пространстве или времени, не история государств, политических систем или же человечества в целом, а «цивилизация» в ее религиозных, территориальных и политических характеристиках. В своем многотомном труде, который он в дальнейшем развивал и конкретизировал, А. Тойнби рассматривает проблемы, связанные с зарождением, ростом, надломом и разложением цивилизаций.

На огромном историческом материале он рассматривает процессы глобально-цивилизационного характера и дает следующую классификацию цивилизационных типов: цивилизации достигшие расцвета, задержавшиеся в развитии, недоразвившиеся цивилизации.

Концепция «вызов-ответ» является в трудах А. Тойнби одной из центральных. Механизм зарождения цивилизаций представляет собой взаимодействие вызова и ответа на вызов: окружающая среда непрерывно бросает вызов обществу, а общество, через «творческое меньшинство», успешно отвечает на вызов и находит решение проблемы. Затем следует новый вызов, и новый успешный ответ и т.д. В таких условиях покоя места нет, общество постоянно находится в движении, которое и приводит его к цивилизации.

Надлом, разложение и гибель цивилизаций обусловлены тем, что в определенный момент своего развития общество утрачивает способность давать ответы адекватные историческим вызовам.

Анализируя наследие А. Тойнби, в аспекте интересующей нас проблемы можно выделить и условно обозначить вызовы, обусловившие характер и специфику развития евразийской цивилизации, которую А. Тойнби определил как «православную христианскую, русскую ветвь» [154, с. 233]. Речь идет о географическом, социокультурном и технологическом «вызовах».

Вызовом, «географического» характера, ответом на который явилось воз-

никновение российской цивилизации, была экспансия Степи: «В России ответ представлял собой эволюцию нового образа жизни и новой социальной организации, что позволило впервые за всю историю цивилизаций оседлому обществу не просто выстоять в борьбе против евразийских кочевников и даже просто побить их..., но и достичь действительной победы...» [158].

Вызов «социокультурного» характера был обусловлен тем, что, входя в сферу влияния Византии (сестринскому обществу того же греко-римского происхождения, что и Запад, но, тем не менее, это по Тойнби, совершенно другая цивилизация) «российские члены византийской семьи» всегда резко противились любой угрозе попасть под влияние Западного мира.

Ответом явилась модель государственности, в основе которой лежала жестокая концентрация политической власти, был выработан «свой вариант тоталитарного государства византийского типа» [158, с. 380].

Таким образом, исследуя проблему генезиса цивилизаций, А. Тойнби, независимо от евразийской традиции, излагает положения, во многом воспроизводящие предыдущие и последующие, в частности евразийские представления о сущности российской цивилизации, а именно – определяющую роль «географического» фактора при формировании российской цивилизации, а также специфическую роль и характер российской государственности, обусловленную историческим «вызовом» внешнего характера.

Кроме того, А. Тойнби сформулировал проблему, предвосхитившую в значительной степени исследования в области природы модернизационных процессов в странах незападного типа: в какой степени возможна модернизация без полного подчинения Западу или изменения «генотипа» трансформирующейся цивилизации. «Возникает, естественно, судьбоносный вопрос: может ли кто-нибудь заимствовать чужую цивилизацию частично, не рискуя быть постепенно втянутым в принятие ее целиком и полностью?» [158, с.381]

По мнению А. Тойнби, «ответ» России на данный «вызов» следует искать в сфере цивилизационной ментальности. «На окончательное решение России – серьезное влияние окажет склонность к ортодоксальности и вера в предопределение, которые она тоже унаследовала от своего византийского прошлого. ...Россия – все еще «Святая Русь», а Москва – все еще «Третий Рим»» [158, с.381].

Известный исследователь П.А. Сорокин, анализируя теоретическое наследие основоположников цивилизационного подхода Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби и других культурологов-морфологов, утверждает, что их ошибка состоит в утверждении того, что все цивилизации проходят один и тот же одновариантный «органический» цикл: они рождаются, развиваются и, в конечном счете, распадаются и гибнут.

Даже самый беглый анализ смысла рождения, роста, зрелости, надлома и гибели, по мнению П. Сорокина, показывает бессмысленность и ошибочность этих терминов в применении к совокупному конгломерату культурных систем и скоплений, содержащихся в каждой «цивилизации». Ни одна из этих теорий не в состоянии точно указать ни когда зародилась та или иная

«цивилизация», и каковы признаки ее зарождения, ни когда она погибнет и каковы критерии ее гибели [159]. Критика П. Сорокина в основном направлена против следующих положений:

– путь развития цивилизации является крайне многовариантным и никоим образом не может быть сведен к одному одновариантному циклу;

– возникновение цивилизаций обусловлено различными причинами и имеет различный характер;

– время существования цивилизаций может колебаться от нескольких секунд до тысячелетий и даже достигать подлинного бессмертия (пока существует человечество).

Крупные культурные системы, такие как: наука, великие философские системы, религия, художественная культура, этика, право, экономика и политика и, прежде всего, умозрительные, чувственные и интегральные культурные суперсистемы, поистине бессмертны и могут претерпевать любое количество изменений в процессах трансформации, упадка и возрождения. Анализируя основные тенденции развития цивилизации, П. Сорокин оперирует понятием «социокультурного строя». Главными тенденциями второй половины XX в. П. Сорокин называет продолжающуюся дезинтеграцию культуры общества и системы ценностей, «возникновение и постепенный рост первых компонентов нового - интегрального типа личности» [160]. Борьба между этими двумя системами пронизывает все стороны жизни современного общества.

Однако эта главная тенденция не столь проста и однозначна, как может показаться на первый взгляд. Общество многомерно, многогранно. В нем всегда соседствуют, противостоят, сосуществуют элементы, представляющие настоящее, будущее, прошлое и давно ушедшее прошлое (реликты). Поэтому речь может идти лишь о смене преобладающего социокультурного строя, а не об установлении единообразного порядка.

На Западе будут нарастать элементы религиозных начал, будет возвышаться роль духовной жизни. На Востоке, напротив, усилится тяга к чувственной культуре со всеми ее атрибутами (как это наблюдается в Японии, новых индустриальных странах).

Для восточных культур речь идет о переходе от их умирающего порядка к творческому интегральному, причем последний на Западе и Востоке будет иметь существенные отличия. [160, с.102] В этом суть социокультурной конверсии Запада и Востока, которая поможет предотвратить самоубийственное столкновение цивилизаций. «Если удастся избежать самоубийственной третьей мировой войны, совокупность существующих социокультурных условий будет довольно благоприятной для создания западно-восточных разновидностей интегрального строя» [160, с.103]. Переходный период при этом будет напоминать громадную эклектическую «свалку», заполненную «разнородными обломками чувственной, идеациональной, интегральной культур и других социокультурных скоплений» [160, с.106]. И лишь со временем, через десятилетия, при реализации оптимистического сценария выри-

суются черты становления в глобальных масштабах единого по основным принципам, но многообразного по конкретным формам и проявлениям интегрального социокультурного строя.

Как можно оценить динамику социокультурного строя конкретных цивилизаций к середине XXI в. «В большинстве цивилизаций следует ожидать утверждения интегрального (идеалистического) строя – в западном его варианте ... или восточном (японская, китайская). В оптимистическом сценарии этот строй утвердится и в евразийской цивилизации - скорее всего, в варианте, который будет носить черты как западного, так и восточного» [161].

Наука на Западе в 1990-е годы под воздействием экономического и политического подъема стран, представляющих древние цивилизации (Китай, Юго-Восточная Азия, арабо-исламский мир), обнаружила явную склонность к цивилизационному анализу, учитывающему культурный аспект мирового процесса, специфику символических вселенных разных стран, их образов мира и т.д. В этом смысле были актуализированы и идеи евразийства, в частности проблемы евразийской цивилизационной модели. На Западе апеллировали к О. Шпенглеру и А. Тойнби, в России – к Н.Я. Данилевскому и Л.Н. Гумилеву, разработавшим уникальные концепции развития и борьбы цивилизаций. Тогда же, в начале 1990-х годов всеобщее внимание общественности привлекли идеи С. Хантингтона о сущности современной исторической эпохи, как эпохи «столкновения цивилизаций», выраженные в одноименной статье.

По мнению С. Хантингтона, с разрушением двухполюсного мира человечество ожидает повсеместное нарастание фундаменталистских настроений, и соответственно обострение противоречий, а вероятнее всего – столкновение между семью-восемью базовыми цивилизациями, внутренне консолидирующимися вокруг традиционных религий. С. Хантингтона считает, что, будучи светским государством, Россия в то же время является «стержневым» государством одной из основных мировых цивилизаций, которая исторически отождествляется с православным христианством» [162]. К этой цивилизации помимо России, полагает С. Хантингтон, на сегодняшний день относятся Белоруссия, Болгария, Македония, Сербия, Грузия, Армения, Румыния, Украина и Казахстан. Как стержневое государство Россия несет ответственность за поддержание порядка и стабильности среди православных стран и народов, а также, конечно же, имеет основания для беспокойства по поводу потенциальных внешних угроз, для входящих в эту цивилизацию стран и попыток других стран и народов развязать военную или демографическую агрессию на территории данной цивилизации.

Россия, по мнению С. Хантингтона, должна нести ответственность и пытаться улаживать конфликты между государствами, входящими в данную цивилизацию, и другими цивилизациями. Как «цивилизационный лидер» она должна представлять в межцивилизационных организациях типа ООН и ОБСЕ, а также сотрудничать со стержневыми государствами, представляющими другие цивилизации, при разрешении международных про-

блем.

Вместе с тем, считает С. Хантингтон, утратив контроль над неправославными государствами центральной Европы, странами Балтии и мусульманскими республиками Кавказа и Средней Азии, Россия поставлена перед необходимостью признать их иную идентичность и правомерность их тяготения к иным цивилизационным целостностям и стержневым государствам. Центрально-европейские страны будут присоединяться к Европейскому Союзу и НАТО, балтийские - развивать отношения со скандинавскими странами, прежде всего Швецией и Финляндией, среднеазиатские страны будут все тесней примыкать к Турции, Ирану, Пакистану» [162, с.5].

Таким образом, признавая за Россией статус «стержневого» государства одной из цивилизаций, С. Хантингтон одновременно признает ее права и ответственность в качестве одного из центров силы будущего мирового порядка, но права, ограниченные культурным ареалом православия, православной цивилизацией. О том, является ли Россия центром именно православной, или даже славянской цивилизации, споры не утихают. С. Хантингтон некритично принимает эту точку зрения. А поскольку, согласно его концепции, глобальная политика – это политика не столько государств, сколько цивилизаций, Россия получает одну из ведущих ролей в будущей мировой многоцивилизационной, полицентрической политике. И не важно даже, что новая роль, предоставляемая ей С. Хантингтоном, сильно напоминает роль, которую должен был играть Советский Союз по отношению к своим сателлитам согласно так называемой «доктрине Брежнева».

По его утверждению Россия всегда состояла в поиске особого исторического пути, который соответствовал бы специфике и даже уникальности России как не страны даже, а некоего наднационального и надгосударственного цивилизационного образования. Проблема поиска этого особого пути стояла всегда. Первоначально она выступала в теоретическом противостоянии концепций «западников» и «славянофилов».

Собственно разделение на западников и славянофилов было продуктом реакции на остро стоявший вопрос-стимул: либо присоединение к Европе, представляющей собой, так сказать, готовый цивилизационный образец, либо развитие в собственных терминах, на собственных основаниях, которые еще только предстоит прояснить. Характерное для нынешнего времени теоретическое противостояние так называемых «атлантистов» и «евразийцев» в дискуссии по поводу цивилизационного будущего России частично воспроизводит на новом уровне старое разделение западников и славянофилов.

Среди концепций, пытающихся дать анализ и нарисовать перспективы развития мировой и локальных цивилизаций, интерес представляет концепция Э. Тоффлера [163]. В работе им была предложена новая модель цивилизационного развития, в основе которой лежит так называемая «волновая теория конфликта». Волновая теория конфликтов предсказывает, что основной конфликт произойдет не между Востоком и Западом или «Между Западом и остальными», как предположил С. Хантингтон. Это не будет и упадком Аме-

рики, как заявил П. Кеннеди, или, по выражению Ф. Фукуямы, «концом истории». Мир движется к совершенно другой структуре сил, разделяющей мир не на две, а на три четко определенные противоположные враждующие цивилизации. Символ Первой, как и прежде, – мотыга, Второй – конвейер, а Третьей – компьютер. Напряженность между цивилизацией Третьей Волны и двумя более ранними цивилизациями будет нарастать, и новая цивилизация будет бороться за глобальную гегемонию. До сих пор человечество пережило две великие волны перемен, первая – аграрная революция, вторая – становление индустриальной цивилизации.

Третья Волна берет свое начало с 1955 г., когда впервые количество служащих превысило количество рабочих. Она принесла с собой совершенно новый стиль жизни, основанный на возобновляемых энергетических источниках, на методах производства, которые доказали несовременность большинства производственных линий, на новом общественном институте, который можно назвать «электронный коттедж», и на радикально измененных школах и корпорациях будущего. Новая цивилизация имеет свое специфическое мировоззрение, свои способы контакта со временем, пространством, логикой и причинно-следственными связями, а также собственные принципы управления будущим.

Конфликт между Второй и Третьей Волной является, в сущности, основной причиной политического напряжения в современном обществе. С одной стороны приверженцы индустриального прошлого, с другой – растущие миллионы тех, кто понимает, что большинство важных мировых проблем больше не могут быть разрешены в рамках индустриального порядка. Этот конфликт и есть «суперборьба» завтрашнего дня.

«Как Вторая волна породила слой людей, чьи интересы превосходили локальный уровень и становились основой национальной идеологии, так Третья волна порождает группы людей, интересы которых шире, чем национальные. Эти люди становятся носителями формирующейся глобалистской идеологии, которую иногда именуют «планетарным сознанием». ... И его появление представляется эволюционной необходимостью – ступенью к «космическому сознанию», охватывающему не только Землю, но и Вселенную» [163].

По мнению Э. Тоффлера глобальная гонка будет выиграна странами, которые закончат свой переход к Третьей Волне с минимальными внутренними неувязками и беспорядками. Тем временем исторический переход от двухчастного мира к трехчастному может привести к острейшей борьбе на планете, так как каждая страна постарается найти себе место в возникающей трехъярусной структуре влияний.

Такова, в общих чертах концепция Э. Тоффлера. Однако, участвовавшие в последнее десятилетие второго тысячелетия экономические кризисы, причем не только среди азиатских тигров и латиноамериканских НИС, но и самих США, свидетельствуют о том, что выбранная парадигма постиндустриализма далеко не оптимальна.

Система ценностных приоритетов постиндустриального общества с его

опорой на коммуникационные и компьютерные технологии далека от совершенства, а концепция общества всеобщего потребления затратна и разрушительна. Очевидно, что успехи в области благосостояния постиндустриальных обществ достигнуты, по его мнению, благодаря неэквивалентному обмену и откровенному грабежу других народов.

Интересное видение цивилизационного развития в контексте евразийской общности на постсоветском пространстве наблюдается у известного российского политика Г. Зюганова, который не ставит своей целью разработку общей теории цивилизации и геополитики. Он пишет применительно к российским проблемам. Начиная с XIX века, но особенно в XX веке – в Эпоху катастроф – ядром исторического развития стала борьба Западной цивилизации (она же «мировая система капитализма») и Славянской цивилизации, олицетворяемой Россией. Революция 1917 года едва не погубила Россию, но постепенно страна оправилась и стала возвращаться на путь исторически приемственного развития. Борьба Запада и СССР (исторического преемника России) достигла кульминации в «холодной войне», которая завершилась «перестроечной диверсией» и гибелью СССР. Но в результате этого Запад не выиграл, а скорее проиграл, поскольку исчез «геополитический баланс» и вместо одного хорошо известного противника у Запада появилось множество новых. И множество новых проблем. В результате нарушения геополитического баланса обнаружились «цивилизационные разломы», которые должны определить облик мира в будущем. Наиболее болезненные разломы:

- геополитический (по линии атлантизм - Евразия);
- социально-экономический (богатый Север - нищий Юг);
- расовые и этнические (межнациональные);
- конфессиональные (межрелигиозные);
- внутрисистемные в рамках родственных культур.

Первый из этих разломов появился потому, что крушение биполярной системы мира побудило к жизни альтернативные и геополитические единства (прежде всего, Китай, Индия), по отношению к которым Запад не в силах найти правильной политики, что чревато совершенно непредсказуемыми последствиями. России в этих условиях важно быстро адаптироваться и выработать новую глобальную стратегию.

Г. Зюганов отмечает, что противоречие Север-Юг (нищие-богатые) представляется неразрешимым, если Запад добровольно не вступит на путь самоограничения (а он, уверен, что не вступит), и чреватым глобальным катаклизмом. Стратегия России: избежать чрезмерной интеграции в «мировую хозяйственную систему» и «международное разделение труда», что могло бы породить опасную зависимость страны от внешних факторов. Обилие природных богатств, экономический и интеллектуальный потенциал дают уникальную возможность максимальной хозяйственной автономии, которая, укрепляя национальную безопасность, в то же время позволяет как бы «остаться в стороне» от зоны главного социально-экономического разлома современности [164].

Среди современных цивилизационных концепций к собственно «евразийской традиции» в полной мере можно отнести лишь наследие Л.Н. Гумилева. По его мнению, объяснением культурно-исторических и политических явлений является пассионарная теория этногенеза. Рожденные и отшлифованные общественной практикой устойчивые мировоззренческие архетипы становятся, по его мнению, существенным фактором исторического процесса, ядром тех территориальных, экономических, культурных, конфессиональных общностей, которые можно обозначить термином «цивилизация». Исторический процесс и есть в значительной мере процесс взаимодействия, соперничества и смены на земле таких цивилизаций. Субъектами цивилизаций, их носителями и хранителями, главными действующими лицами на сцене мировой истории всегда – с древнейших времен – являются этносы: нации и народы, а также их более широкие совокупности, взаимодействие которых и определяет картину мировой политики и культуры в каждый конкретный исторический момент. Этническая история имеет три параметра:

1. Соотнесение каждого этноса с его вмещающим и кормящим ландшафтом.

2. Вспышка и последующая утрата пассионарности; этногенез – как энтропийный процесс.

3. Выделение из этноса отдельных персон и консорциев (сект), изменяющих стереотип поведения и отношение к природной среде на обратное [165].

Все этносы объективно отличаются друг от друга способом поведения их членов (стереотипами поведения). В отличие от социальных групп и коллективов в этносе действуют не сознательные решения, а ощущения и условные рефлексы. «Грубо говоря, поведение каждого человека и каждого этноса – просто способ адаптации к своей географической и этнической среде» [127, с.179]. Все этносы имеют разный «вмещающий ландшафт», а потому культура позволяет им к нему адаптироваться. Именно благодаря своей «мозаичности», человечество, как вид, выжило на планете Земля [127, с.39]. Процесс этногенеза конечен и связан с энергией живого вещества биосферы, открытой В.И. Вернадским. От момента «пассионарного толчка» до возвращения в новое состояние равновесия – гомеостаз проходит около 1300-1500 лет.

В течение этого периода пассионарное наполнение этноса не остается стабильным. В начале пассионарность устойчиво растет, структура этнической системы постоянно усложняется, из разрозненных субэтносов (сословий) возникает единый новый этнос. Затем пассионарность достигает максимальных значений и наступает акматическая фаза этногенеза. Именно в этой фазе создается единый этнический мир – суперэтнос, состоящий из отдельных, близких друг другу по поведению и культуре этносов. Далее должен наступить обратный процесс – разрушение суперэтноса вследствие спада пассионарности. Наступает фаза надлома вслед за «перерывом» акматической фазы.

Обращаясь к проблемам российской истории, Л.Н. Гумилев акцентирует внимание на том, что на территории Российского государства, затем - СССР,

существует как минимум семь различных суперэтносов, каждый из которых занимает особую экологическую нишу или «этноландшафтную зону» и, следовательно, имеет свою индивидуальную историческую судьбу, а также определенную традицию взаимоотношений с соседними суперэтнами. Невозможность слияния всех суперэтносов не означает невозможности добрососедства. Наоборот, единственно верный девиз устойчивого сосуществования народов в полиэтническом государстве – «В мире, но порознь». Вражда и кровопролитие начинаются, когда людям внушают, что они одинаковы [127, с.169].

Л.Н. Гумилев трактовал «кормящий ландшафт» и «вмещающий ландшафт» как политический ресурс, определяющий возможности евразийского государства в деле своего жизненного обеспечения, сформировал некоторые принципы геополитики: на территории этого государства не может быть единой культуры, с учетом чего и должна проводиться умелая политика межнациональных отношений.

Социокультурной системе евразийского сообщества на протяжении многих веков была свойственна высокая степень внутренних социальных и нормативно-ценностных противоречий. Они дополнялись гетерогенностью ее этнического и конфессионального состава, классовыми расколами, расхождением между общиной и государственностью, обществом и властью, интеллигенцией и народом и т.д. Именно поэтому Евразия оказалась в состоянии вбирать в себя те или иные цивилизационные принципы с Запада и с Востока, не создавая устойчивого цивилизационного синтеза. Вопреки этой постоянной внутренней расколотости, Евразия на протяжении веков представляла собой устойчивое социополитическое образование, способное сдерживать внутренние противоречия, обеспечивать устойчивую организацию огромных территорий с разнородным населением и противостоять агрессии извне. Эта устойчивость поддерживалась государственно-политической системой, в которой государство в значительной степени становилось заменой цивилизационного устройства.

Обширность и трудность территории, разнообразие этноконфессиональных компонентов организовывалось государством введением общей, но вместе с тем дифференцированной системы политико-административного устройства, в котором, с одной стороны, в значительной степени сохранялось культурное и конфессиональное разнообразие, а с другой – государство само испытывало воздействие этих пространств и культур.

Начиная со второй половины XIX и начала XX вв., не прекращаются попытки создания универсальных социально-философских теорий цивилизационного характера, В особенности этот процесс усилился во второй половине XX века, когда стала очевидной невозможность воспроизведения западной модели общественного развития в незападных обществах.

Теоретическое наследие евразийцев 20-30-х годов XX века и развитие их идей в процессе становления евразийской цивилизационной парадигмы представляет особую ценность.

1. Изыскания евразийцев являются, по сути, одной из первых попыток создания универсальной теории цивилизационного характера, отражающей социокультурное многообразие и определяющей развитие культур и цивилизаций.

2. Значительная часть современных цивилизационных концепций построена на развитии либо технократической, либо социокультурной доминант. В основу же евразийской концепции положен комплексный опыт России-Евразии, что делает ненужным процесс адаптации данной теории, в отличие от заимствованных концепций, к реалиям российского общества.

3. В рамках евразийской цивилизационной парадигмы опыт России осмысливается с принципиально иных, обусловленных собственным культурно-историческим бытием, позиций. «Евразийский» анализ представляет собой комплексное, взаимосвязанное видение, оценку и определение перспективы развития России как цивилизации.

4. На наш взгляд, можно утверждать, что в рамках цивилизационного подхода сформирован комплекс идей системообразующего характера: евразийской цивилизационной парадигмы.

Таким образом, исследуя место евразийской цивилизационной модели в системе современных цивилизационных теорий, мы приходим к пониманию уникальной природы евразийской цивилизации, которая определена как пограничная или рубежная цивилизация. Наличие цивилизационных признаков и классифицирующих элементов позволяет сегодня говорить о правомерном признании евразийской цивилизации как существующей исторической реальности.

Евразийство подтверждает роль в жизни каждого народа, принадлежащего к евразийской цивилизации, высшей национальной идеи и самостоятельного самобытного развития. Обретение независимости вовсе не означает отторжения того или иного культурного богатства, которое было наработано другими народами за всю историю их существования. Знакомство и приобщение к достижениям других народов обогащает интеллект и является фоном, на котором развиваются собственные национальные культуры. Особенно остро это осознается в условиях, когда освобождение от коммунистической идеологии ознаменовало возрождение в странах бывшего Союза нового геополитического мышления.

Геополитическая стратегия для Казахстана и других стран евразийского региона связана с интеграционными процессами, направленными на рост взаимовыгодного взаимодействия между ними. В наше время геополитического и духовного разлома прежде существовавшей государственной и идеологической системы, евразийская цивилизационная модель и ее осмысление приобретают все большее значение. Идея евразийства, вытекающая из евразийской цивилизационной сущности приобретает перспективы как духовная форма противодействия изоляционизму, проявлению национализма и религиозной нетерпимости. Сегодня, как точно подметил ученый Н. Зиядулаев «обозначился естественный переход к возрождению исторически сложивше-

гося духовно-цивилизационного пространства искусственно разделенных народов, как единственно важный способ самосохранения новых суверенных государств» [166].

Перед евразийскими государствами после обретения независимости встала свобода выбора моделей экономического и политического развития и ориентации на цивилизацию и ее центры. Наша страна свой путь связала с широкой интеграцией евразийского масштаба. Политика первого Президента, связанная с евразийством, сегодня во всей своей объективной реальности доказала свою состоятельность. Глубокий смысл евразийства Н.А. Назарбаева связан с его стремлением сохранить национальный суверенитет в условиях нарастающей опасности со стороны окружающего мира, которая реально существовала в 1990-х годах. В общественной среде евразийских народов произошло изменение самосознания людей в сторону восприятия исторической общности органичного целого – евразийской цивилизации, произошло формирование двойной идентичности: собственно национальной и общеевразийской. Произшедшие изменения в жизни государств и народов подтвердили объективную предрасположенность евразийских народов к интеграции в евразийских масштабах, как наиболее приемлемой и органичной.

2 ЕВРАЗИЙСТВО И ЕГО ИДЕИ В ИСТОРИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Л.Н. ГУМИЛЕВА

2.1 Развитие исторических взглядов евразийцев в трудах Л.Н. Гумилева

Научное и идейное наследие известного ученого-востоковеда, этнолога, географа, поэта, создателя одной из самых оригинальных и противоречивых концепций этногенеза Л.Н. Гумилева вот уже на протяжении более двух десятилетий привлекает пристальное внимание академического и научного сообществ и будоражит общественно-политическую мысль евразийских народов. Написанные им книги, посвященные истории степных народов Евразии, получили огромную известность и неоднократно переводились за рубежом. Л.Н. Гумилев знаменит не только тем, что описал многогранную историю особого географического региона – Великой степи. Не меньшую известность принесло ему и создание естественнонаучной теории этногенеза.

Осмысление евразийской концепции в историческом наследии выдающегося ученого, этнолога, тюрколога XX века Л.Н. Гумилева является актуальной научной проблемой и имеет важное теоретико-методологическое значение.

Л.Н. Гумилев был одним из выдающихся ученых, давших сильный импульс развитию «неоевразийства». Еще в юности он увлекся евразийским учением. Это увлечение усилилось после знакомства с одним из основателей «классического евразийства» П.Н. Савицким. Долгое время они вели переписку. Помимо этого, Л.Н. Гумилев переписывался также с виднейшим теоретиком евразийства историком Г.В. Вернадским, сыном знаменитого русского ученого В.И. Вернадского.

Л.Н. Гумилев получил известность как автор естественнонаучной теории этногенеза и исследователь этнической истории особого географического региона Великой Степи. Он одним из первых выступил против европоцентристского мифа о монголо-татарском иге, об «извечной» борьбе кочевников Степи и земледельцев Леса. Л.Н. Гумилев считал (в противоположность концепции «вечной борьбы» Леса и Степи), что между Русью и степняками существовала система динамических отношений, доминантой которых являлось чувство уважения (комплиментарность) к этническому своеобразию другой стороны.

Научные исследования привели Л.Н. Гумилева к осознанию проблемы роли географического фактора в истории и этногенезе. Он попытался выяснить взаимосвязь изменений политической и хозяйственной системы этноса с изменениями в ландшафте его «месторазвития» (евразийский термин, идущий от П.Н. Савицкого) в условиях жесткого континентального климата. В условиях Степи эта взаимосвязь, по Л.Н. Гумилеву, прослеживалась более явно, чем в условиях мягкого приморского климата Западной Европы, поэтому Л.Н. Гумилев предпринял попытку проверки своей концепции на при-

мере Прикаспия. В 1959-1964 гг. результаты нескольких археологических экспедиций в этот регион в целом подтвердили его теорию.

На материале полученных результатов Л.Н. Гумилев в ряде статей показал, что существует зависимость между колебаниями уровня Каспийского моря и ритмичной кочевой культурой народов степной зоны Евразии.

В процессе исследования географических особенностей Прикаспия Л.Н. Гумилеву удалось доказать, что на территории, занятой сегодня водами Каспийского моря, в древности находились города Хазарского каганата [167]. Это открытие способствовало формулированию основных положений созданной Л.Н. Гумилевым естественнонаучной теории этногенеза. Л.Н. Гумилев выявил взаимосвязи природных условий и этноса и дал определение «пассионарности», т.е. присущего народам потенциала исторического творчества.

Оригинальная концепция Л.Н. Гумилева была крайне негативно воспринята сторонниками официально-догматических марксистских установок в области «межнациональных отношений», его работы замалчивались или подвергались ожесточенной критике. Однако ученый продолжал свои исследования и в 1976 г. завершил создание фундаментальной работы «Этногенез и биосфера земли». Эта работа посвящена обоснованию пассионарной теории этногенеза, в основе которой лежала идея этногенеза как биосферного, несоциального феномена человеческого бытия. Нетрадиционный характер изложенной теории обусловил возможность опубликования книги только в 1989 г. В том же году появилась написанная на основе пассионарной теории этногенеза и посвященная анализу взаимоотношений Руси и Степи в XIII-XIV вв. работа Л.Н. Гумилева «Древняя Русь и Великая Степь».

Процесс этногенеза рассмотрен Л.Н. Гумилевым с позиций его энергетической природы, в качестве источника исторического творчества названа биохимическая энергия живого вещества биосферы. Отдельные люди различаются, согласно теории Л.Н. Гумилева, по количеству биохимической энергии, которую они способны устойчиво извлекать из внешней среды. В этой связи Л.Н. Гумилев выделил три индивидуальных типа: «гармоничные люди», которые обладают достаточным количеством энергии для приспособления к окружающему миру; «субпассионарии», которые будучи не в состоянии поддерживать бытовую устроенность, живут в погоне за сиюминутными удовольствиями, и, наконец, «пассионарии», обладающие избытком биохимической энергии. Этот избыток они обращают в деятельность, направленную на творческое переустройство действительности.

Соотношение в этносе представителей указанных трех типов определяет уровень его пассионарного напряжения. Энергия пассионарности является основой этногенеза, а дальнейшее развитие этнических общностей определяется, кроме того, особенностями географической среды, культурной традицией и этническим окружением. Эти три фактора формируют «этнический стереотип поведения».

Л.Н. Гумилев близок к традиционному евразийству, утверждая, что «исторические закономерности середины континента, его западной и восточной окраин, лесной и степной зон, имеют общие черты, точнее специфику культуры, которая резко отличает этот регион и от «Запада» и от «Востока» [131].

Историческое наследие великого ученого Льва Николаевича Гумилева, в частности его этнологическая концепция рассматривается нами как продолжение и развитие евразийского учения. Сопоставление евразийской, исторической концепции с историческими взглядами Л.Н. Гумилева позволит нам определить, насколько он продолжил исследовательскую линию евразийцев и что внес нового в оценку основных этапов евразийской истории, их роли и значения для последующего развития евразийского сообщества.

Исторические взгляды евразийцев за последнее десятилетие XX века были достаточно хорошо рассмотрены исследователями. Большинство современных исследователей отмечают, что евразийские историки смогли переосмыслить целый ряд положений традиционной историографии. Необходимо отметить исследовательские работы З.С. Губбыевой, М.Г. Вандалковской, И.А. Виленты, в которых дан общий обзор исторических взглядов евразийцев, прежде всего, на историю России, а также отмечены основные методологические подходы. [168]

В докторском исследовании Н.А. Омельченко, рассмотрены взгляды евразийцев на революцию 1917 года. [169] Многие исследователи рассматривают взгляды отдельных евразийских авторов, либо некоторые аспекты евразийской исторической концепции. [170].

На наш взгляд большой вклад в изучение трудов Л.Н. Гумилева и исследование евразийской традиции был внесен российским историком Е.Н. Ищенко [171].

Исследование исторических взглядов Л.Н. Гумилева имеет свою специфику. Большинство исследователей делают основной акцент на рассмотрение общих положений пассионарной концепции этногенеза: пассионарности, фаз этногенеза, комплиментарности, антисистемы и т. д. [172] Исторические взгляды ученого, рассматриваются, как правило, через призму его теории, как результат ее применения на материале этногенеза русского народа. [173].

Важно отметить, что большое значение для исследователей исторического наследия Л.Н. Гумилева имеет его концептуальное отношение к специфике историко-психологической природы евразийских народов, явивших симбиоз тюрко-славянских отношений.

Изучению «Степной трилогии» Л.Н. Гумилева уделяют огромное внимание современные историки, философы, этнологи постсоветских стран. Это связано не только с тем, что труды Л.Н. Гумилева позволяют судить о его научной аргументации, но, прежде всего о его нравственных позициях

Прежде чем приступить к сравнительному анализу исторических взглядов евразийцев и Л.Н. Гумилева, необходимо отметить основные работы, которые формируют историческую концепцию евразийцев. Как уже отмечалось в предыдущих главах, евразийский взгляд на русскую историю разрабаты-

ли историки Г.В. Вернадский, С.Г. Пушкарев, М.В. Шахматов, П. М. Бицилли, Э.Д. Хара-Даван, Б. Ширяев, историк церкви А.В. Карташов, отдельные аспекты отражены в работах П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого.

П.Н. Савицкий, будучи, по выражению Г.П. Струве, «настоящим вождем евразийства» [174] во второй половине 1920-х г., анализируя имевшиеся к началу 1930-х гг. евразийские издания и материалы, особо выделил историческую евразийскую литературу. П.Н. Савицкий отмечает, что первоначально историческим темам «посвящались отдельные статьи в евразийских изданиях. Особо содержательными в этом отношении можно признать книги IV и V «Евразийского временника». [175] В 1925 г. в IV-м «Евразийском временнике» [176] были напечатаны статьи Н.С.Трубецкого «О туранском элементе в русской культуре» и Г.В. Вернадского «Два подвига св. Александра Невского». Значительная часть статей следующего «Евразийского временника» [177] 1927 г. также посвящена историческим проблемам. Это статьи В.П. Никитина «Иран, Туран и Россия», Г.В. Вернадского «Монгольское иго в русской истории», С.Г. Пушкарева «Россия и Европа в историческом прошлом».

П.Н. Савицкий отмечает «несколько особое место» брошюры автора, скрывшегося под инициалами И.Р. [171] «Она дает очень заостренное выражение евразийской концепции русской истории скорее в публицистической, чем в научной форме» - пишет П.Н. Савицкий. [171] Анализируя далее историческую литературу евразийцев, Петр Николаевич подчеркивает, что «в 1927 году евразийцы в своей научной работе перешли от помещения отдельных статей к публикации монографий и общих курсов. Специально в исторической области в течение 1927 и 1928 годов было опубликовано три книги такого характера». [171.с.67] Имелись в виду книги Г.В. Вернадского «Начертание русской истории», Н.П. Толля «Скифы и гунны. Из истории кочевого мира» и книга П.А. Клипинина «Святой и благоверный великий князь Александр Невский». [178]

В последующие годы в евразийском книгоиздательстве вышла книга Э. Хара-Давана, автор которой с евразийских позиций подошел к изучению истории Монгольской империи XII-XIV вв. [179].

Отражением евразийских исторических взглядов стала книга С.Г. Пушкарева, вышедшая в свет в 1953 г., хотя ее подготовка началась в 1920-х гг., в период увлечения автора евразийскими идеями [180]. Намного позднее он писал о себе как о «соблазненном евразийскими идеями, – а лучше сказать, евразийскими эмоциями», критиковал себя за методологическую ошибку, допущенную при написании статьи «Россия и Европа в их историческом прошлом», а именно за «недопустимое для историка умолчание фактов в угоду политической конъюнктуре» [181], тем не менее, книга С.Г. Пушкарева отражает исторические взгляды евразийцев.

К евразийской исторической литературе можно отнести работы других авторов, посвященные как отдельным аспектам исторической специфики евразийских народов (статьи П.Н. Савицкого, М. Шахматова, Б. Ширяева) [182], так и более общим вопросам евразийского мировоззрения, опреде-

ляющие культурно-исторические представления о «Евразии» как особом мире, его отношении к «Западу» и «Востоку» (работы Н. Трубецкого, Л.П. Карсавина, Н.Н. Алексеева) [183].

Таким образом, из вышеперечисленных работ видно, что историческая тема в евразийских трудах занимала значительное место. Историческим вопросам посвящены работы многих евразийских авторов и рассматривают они различные темы, как правило, наиболее близкие специализации автора. Исторические темы весьма разнообразны: от общих концепций исторического процесса до отдельных вопросов истории кочевников и русского народа, но все же общее направление, которое можно выделить как наиболее характерное для евразийских историков – интерес к восточным связям в русской истории и влияние Востока на судьбу Руси и России.

Поскольку наша задача – проследить трансформацию евразийской традиции в историческом наследии Л.Н. Гумилева, в частности развитие исторических взглядов евразийцев в трудах Л. Гумилева, необходимо обозначить круг работ ученого, на которые мы будем в первую очередь опираться при рассмотрении исторических взглядов Л.Н. Гумилева. Это книги «Древняя Русь и Великая степь» [184] и «От Руси к России» [185], а так же несколько статей («Князь Святослав Игоревич», «Год рождения 1380», «Выбор веры», «Апокрифический диалог», «Эпоха Куликовской битвы») и многочисленные интервью.[186] В основном в этнологическом труде «Этногенез и биосфера Земли» [187] история России дает материал для проверки и подтверждения выводов ученого об особенностях этногенеза русского народа.

Основой евразийства, как уже отмечалось, стала идея особого исторического пути России-Евразии, что подтверждалось анализом экономических, политических, правовых, языковых, религиозных и культурно-исторических аспектов общественной жизни России на фоне ее особого географического расположения между Востоком и Западом. Поэтому наиболее плодотворно евразийская концепция была выражена в области истории и представлена в ряде работ, как профессиональных историков, так и других евразийцев.

Общая концепция исторического развития дается в работе «Восток и Запад в истории Старого Света» историка и филолога П.М. Бицилли. Он указывает на аморфность понятий «Восток» и «Запад» и выделяет несколько очагов цивилизации в Старом Свете: Западная Европа, Китай, Иран, Индия и центр континента. По мнению П.М. Бицилли: « в Старом Свете большая роль у миров окраинно-приморских. Азия же была скрещением «окраинно-приморских культур» [133, с.31]. Все эти центры не были изолированы, существовала постоянная тенденция к объединению, шедшая из степного центра, в котором пересекались торговые пути. Крах империи Тимура был в значительной степени «крахом этого объединительного движения» [133, с.27].

В книге «Начертание русской истории» Георгий Владимирович Вернадский, будучи главным выразителем евразийских исторических взглядов, дал систематическое изложение русской истории с евразийской точки зрения [146]. В «Евразийской библиографии» [171, с.91] П.Н. Савицкий отмечает,

что это один из немногих, выпущенных в пореволюционные годы, научных курсов русской истории. «Судьбы русского народа Г.В. Вернадский проследживает на широком фоне истории Евразии, в чем в первую очередь, и заключаются новаторские тенденции его курса. Изложение начинается не с Рюрика, но со скифов и сарматов. Особые параграфы посвящены готам и гуннам и затем «роли кочевых народов в истории» – указывает П.Н. Савицкий [171, с.92]. Разделяет он, и взгляды Вернадского на историю Золотой Орды как неотъемлемой части русской истории [104, с.59].

Книга С.Г. Пушкарева «Обзор русской истории» содержит, по словам автора «обзор политической и социальной истории русского народа» [180, с.23]. Он отмечает, что истории духовной культуры и церкви касается вкратце, но более подробно излагает историю русского крестьянства. Это отражает научные интересы Сергея Германовича, которые включали в себя также изучение народных основ Московского царства, донского казачества, личности Петра Великого и Ленина, проблемы «Россия и Запад» [187], что частично просматривается в данной работе.

Общий курс С.Г. Пушкарев начинает с описания природы и ее влияния на ход русской истории, при этом он активно цитирует В.О. Ключевского, что указывает на продолжение традиций русской исторической школы. С.Г. Пушкарев отмечает: «Три основные стихии русской природы – лес, река и степь – играли важную роль в жизни народа и оказывали разностороннее влияние на ход русской жизни» [128, с.26].

Представление о своеобразии России для евразийцев было неразрывно связано с тем, что Россия есть сочетание «русского» и «азиатско-азиатского», «туранского» элементов. Интерес к кочевым народам был одной из характерных черт евразийских историков. Общевразийская история в их представлении включала в себя скифский, гуннский, монгольский периоды, продолжением которых стал период русской истории. Изучение преемственности этих периодов «имеет для русского историка не меньшее значение, чем изучение собственно русской истории» – считал П.Н. Савицкий [104, с.125].

Как уже отмечалось, под названием «туранские» или «урало-алтайские» народы евразийцами объединялись пять групп народов: угро-финские, самоеды, тюрки, монголы и маньчжуры. Н.С. Трубецкой подчеркивает: «...для правильного национального самопознания нам, русским, необходимо учитывать наличность в нас туранского элемента, необходимо изучать наших туранских братьев» [128, с.26]. Н.С. Трубецкой говорил о том, что даже антропологически Евразия представляет «некое единое целое». Поясняя это высказывание, он пишет: «Население этой части света неоднородно и принадлежит к различным расам. Между русским, с одной стороны, и бурятом или самоедом – с другой, различие очень велико. Но характерно, что между этими крайними точками существует целая непрерывная цепь промежуточных переходных звеньев» [188]. Именно поэтому, одной из главных своих задач в исторической науке евразийцы видели изучение истории и культуры номадов Евразии.

Как справедливо отмечает исследователь Е.Н. Ищенко, Л.Н. Гумилев стал продолжателем этой традиции. Само название одного из важнейших его трудов, – «Древняя Русь и Великая степь», – указывает на неразрывную связь истории Древней Руси с окружающими ее кочевыми и степными народами. В этой книге Л.Н. Гумилев исследует историю Древней Руси IX-XV вв. и ее соседей – хазар, монгол, используя в полной мере наработанный за долгие годы опыт кочевниковедческих исследований, применяя положения своей пассионарной концепции этногенеза, общеметодологический принцип полицентризма и влияние географии на формирование этноса.

Концептуальные построения Л.Н. Гумилева сложились в результате многолетнего изучения автором специфики истории кочевых народов Великой степи.

Кочевниковедческий материал стал основой для формирования целостного понимания Всемирной истории, а также представления о ценности и значимости культуры и истории всех народов, населяющих планету. Поэтому для полноты представления об исторических взглядах ученого, необходимо обратиться к его кочевниковедческим работам. Это, прежде всего, «степная трилогия» («Хунну», «Древние тюрки», «Поиски вымышленного царства») и многочисленные статьи [189].

Тот факт, что круг научных интересов и первые кочевниковедческие работы Л.Н. Гумилева были написаны на много раньше его знакомства с евразийской литературой, свидетельствует о самостоятельном поиске ученого и параллельном выходе на евразийскую проблематику. Подчеркивает этот факт в одном из интервью и сам Лев Николаевич [171, с. 94].

История России-Евразии рассматривалась евразийцами как органическая целостность, имеющая другие онтологические корни, чем история стран Запада или Востока. Во многих исторических работах евразийцев выявляется и демонстрируется специфика преломления восточного влияния на русскую историю, показанное всегда как более органичное и благотворное, чем влияние контактов с западной цивилизацией. Поэтому, как предлагает Елена Ищенко, многие работы евразийцев, имеющие казалось бы кочевниковедческий характер, необходимо отметить, для лучшего понимания размышлений евразийских авторов о специфике истории России-Евразии.

В евразийских работах Н.С. Трубецкого изучение психологических особенностей туранского типа и его влияние на русского человека занимает одно из центральных мест. Востоковед-евразиец В.П. Никитин в очерке «Иран, Туран и Россия» дополняет изыскания Н.С. Трубецкого характеристикой иранского психологического типа, также, по его мнению, оказавшего влияние на русских [171, с94].

В книге Н.П. Толля «Скифы и гунны. Из истории кочевого мира» дается подробное изложение истории гуннов, которая знаменует собой историческое единство Старого Света.

В книге Э. Хара-Давана «Чингис-Хан как полководец и его наследие» в первой части рассматривается личность завоевателя, вторая часть посвящена

его детищу – Монгольской империи XII -XIV вв. Евразийцы особенно ценили эту книгу, поскольку написана она была ученым-калмыком, выросшим в непосредственном бытовом окружении мира кочевников. И хотя автор официально к евразийскому движению не примыкал, книга его написана в тесной связи с идеями евразийцев, что они не раз отмечали.

Попытку систематизировать данные по истории степных народов представляет собой статья П.Н. Савицкого «О задачах кочевниковедения» [104, с.342]. Отмечая единство исторического и экономического быта на всем пространстве степи, автор подчеркивает близкую связь культуры кочевников с культурами северной лесной зоны, что свидетельствует о культурно-историческом единстве Евразии.

Таким образом, выявление и подчеркивание культурно-исторического единства народов Евразии стало одной из основных тем евразийских работ.

Л.Н. Гумилев стал продолжателем этой исследовательской линии в евразийстве. Его первые научные интересы были связаны с изучением кочевниковедческих тем, но в дальнейшем, создав на этом материале свое концептуальное видение истории вообще и истории России в частности, он переходит к изучению истории России, которая для него всегда была неразрывно связана с кочевым миром народов Евразии.

Первые научные исследования Л. Н. Гумилева были посвящены изучению истории древних тюрков. В защищенной в 1948 году диссертации рассматривалась политическая история первого Тюркского каганата [171, с. 87]. Книги ученого «Поиски вымышленного царства», «Тысячелетие вокруг Каспия», «Древняя Русь и Великая степь», многочисленные статьи рассматривают проблему предвзятого отношения к степным народам, раскрывают исторические корни мифа о жестокости и отсталости кочевников, названного Л.Н. Гумилевым «черной легендой». Истоки монголофобии Л.Н. Гумилев видит в XIII в., когда происходили войны монголов, в которых захлебнулся «натиск паписткой Европы на Восток» [184, с.604-605]. Однако не только фактическая история степных народов способствовала возникновению этого мифа.

Л.Н. Гумилев дает объяснения существования монголофобии, исходя из пассионарной теории этногенеза. Он отмечает факт, существования положительной или отрицательной комплиментарности, т.е. этнической симпатии или антипатии. Лев Николаевич пишет: «Тюрко-монголы дружили с православным миром: Византией и ее спутниками – славянами. Ссорились с китайскими националистами... С мусульманами тюрки уживались... Зато агрессию католической романо-германской Европы тюрки остановили, за что до сих пор терпят нарекания» [184, с.383]. Другой важный аргумент, опровергающий саму идею «отсталости» и «дикости» кочевников, Л.Н. Гумилев назвал «принципом диахронии – счета по возрасту». Поскольку этносы имеют различные возрасты или, другими словами, находятся на разных фазах этногенеза и имеют различный уровень пассионарности, то и сравнивать их нужно с учетом этого факта.

В исторических работах Л.Н. Гумилева, созданных на основе разрабатываемой им концепции этногенеза и пассионарного взрыва, большое внимание уделено исторической судьбе России. Одной из важнейших особенностей трудов Гумилева является синхронное рассмотрение истории России и кочевых народов, что позволяет делать интересные наблюдения о продолжении евразийской традиции, заложенной в трудах Г.В. Вернадского, но воспринятой Л.Н. Гумилевым самостоятельно, на основе собственных научных интересов и изысканий.

В трудах С.Г. Пушкарева история предшественников славян на Русской равнине, соседей славян излагается с фактологической стороны, кратко, не более одного-двух, абзацев. Г.В. Вернадский уделил вопросу взаимоотношений Древней Руси и кочевого мира намного больше внимания, поскольку уже в пражский период (1922-1927гг.) эта тема вошла в круг главных исследовательских интересов ученого [190]. «Начертание русской истории», изданное в Праге, задумано еще до революции, а замысел ее частично принадлежит П.Н. Савицкому [190].

Современные исследователи наследия Г.В. Вернадского склонны считать «Начертание...» отправной точкой 5-ти томной «Истории России», а не противопоставлять их [190]. Первый том его «Истории России» посвящен сарматам, готам, гуннам, хазарам и другим народам даже в большей степени, чем славянам, в чем автора упрекали более поздние исследователи [190]. Для понимания этой особенности, по мнению Е.Н. Ищенко, необходимо обратиться к общим установкам и представлениям Г.В. Вернадского о развитии исторического процесса в Евразии. Георгий Владимирович писал, что история Евразии – последовательный ряд попыток создания единого всеевразийского государства. Попытки эти шли с востока и запада Евразии, к этому стремились скифы, гунны, хазары, турко-монголы и славяно-русы. В исторической борьбе славяно-руссам удалось создать единое всеевразийское государство [146, с.31].

В своей работе Г.В. Вернадский воплотил идею взаимодействия природы и общества как главного содержания всемирно исторического процесса. По мнению Г.В.Вернадского, своеобразие национального развития русского народа обусловлено двумя комплексными причинами: природно-географическими и внутренним саморазвитием социального организма. Влияние месторазвития не имеет самодовлеющего влияния, но накладывает отпечаток своеобразия на исторический процесс. Г.В.Вернадский подчеркивал, что история распространения русского государства – история приспособления русского народа к своему месторазвитию – Евразии, а также и приспособления всего пространства Евразии к хозяйственно-историческим нуждам русского народа [138].

Л.Н.Гумилев по поводу борьбы леса со степью придерживался несколько иных взглядов, сохраняя общее восприятие географического фактора в истории, присущее евразийцам. Гумилев считал, то создатели концепции извечной борьбы «леса со степью», начиная с С.М. Соловьева и заканчивая некри-

тично воспринявшими ее Г.В. Вернадским и Б.А. Рыбаковым, «рассматривали проблему с одной стороны – русской, т.е. предвзято» [138, с.27].

Используя свои концептуальные разработки, Лев Николаевич воспринимает русско-половецкие, а в дальнейшем и русско-татарские взаимоотношения как «ситуацию этнического контакта», «и степняки, и славяне имели свои экологические ниши, химера не возникла, а создался симбиоз, породивший очередную зигзаг истории» [184, с.487]. В большей степени, Л.Н. Гумилев разделяет взгляды евразийцев, прежде всего, П.Н. Савицкого на «месторазвитие» этноса и его влияния на историю формирования и развития этноса, на что и указывает его выражение «экологическая ниша» этноса.

Таким образом, на основании выше отмеченных особенностей, автор считает, что работы Л.Н. Гумилева в общих чертах продолжают то же восприятие Евразии, что и у вышеуказанных евразийских авторов. Лев Николаевич продолжает евразийскую традицию в освещении и изучении «восточного фактора» в развитии Древнерусского государства, в разрушении стереотипного восприятия степных народов как «диких» не только обыденным сознанием, но и широкими научными кругами.

Разделяет Л.Н. Гумилев взгляды евразийцев и на влияние географических факторов в истории народов Евразии и даже углубляет их, что было показано выше. Изучение гетерохронности увлажнения районов Каспия и его влияния на историю проживающих там народов [191], а также раскопки легендарной столицы Хазарии оказали серьезное влияние на становление Гумилева как ученого, способствовали активному привлечению этнологом данных географии, климатологии и других естественных наук для решения проблем истории кочевых народов, а позднее – истории народов всего мира. Например, один из самых интригующих вопросов истории Великой степи – поиск причин массового переселения и разрушительных походов кочевников против земледельческих народов Л.Н.Гумилев объяснял с позиций гетерохронности увлажнения степи.

Теперь обозначим те моменты и творчестве Л.Н.Гумилева, которые являются, безусловно, личным вкладом Л.Н. Гумилева как незаурядного мыслителя, и что, в первую очередь, отличает его подходы от евразийских. Речь пойдет о концептуальных построениях Л.Н. Гумилева.

Если для евразийцев предметом истории являлось человечество в его социальном (т.е. общественном, политическом, материальном и духовно-культурном) развитии, то для Л.Н. Гумилева предметом исследования выступают этносы и их взаимодействие, а его работы написаны «ради проверки эффективности предложенного естественно-научного подхода к истории народов (этносов)» [184, с.27]. Евразийцы рассматривают историю как процесс многофакторный. Л.П. Карсавин, уделивший большое внимание проблемам философии истории отмечал, что для евразийцев «исторический процесс является или представляется непрерывным, поскольку мы рассматриваем его как социально-психологический», в котором есть «внешняя», «объективная» сторона, т.е. естествознание [192]. Таким же внешним, но неустранимым ев-

разийцы считали этнический фактор.

Л.Н. Гумилев создает пассионарную концепцию этногенеза, многие элементы которой разработаны на уровне гипотез (пассионарность, комплиментарность, этническое поле), а подходы необычны и оригинальны. Предложенная им схема фаз этногенеза, понятия антисистемы и химеры в сочетании с евразийской традицией придает книгам Л.Н. Гумилева большой познавательный и объяснительный потенциал. Тем не менее, тот факт, что, «в пассионарной концепции слабо прояснены многие вопросы, в том числе и фундаментальные» [171, с.103], ставит под сомнение восприятие ее как строго научной теории.

Некоторые исследователи творчества Л.Н. Гумилева высказывают мысль о том, что построения Л.Н. Гумилева могут быть восприняты скорее как художественный образ, описывающий исторический процесс [171, с.100]. Однако именно концептуальные построения Л.Н. Гумилева ведут порой к смелым интерпретациям исторических фактов и событий и вносят значительные расхождения в конкретно-исторические реконструкции Л.Н. Гумилева и евразийских историков.

Следующий момент, отличающий научные подходы к истории Л.Н. Гумилева и евразийцев – отношение к источникам. Л.Н. Гумилев считает, что сведения летописей и, прежде всего, «Повести временных лет» тенденциозны, в ней «мы постоянно натываемся на неразрешимые противоречия, мягко говоря, недоговоренности и неточности... Похоже на то, что летописец дает заведомо ложную схему событий. Судя по его намекам, варяги и хазары были злейшими врагами. Собранные нами факты говорят об обратном, и я предпочитаю не верить летописцу» [184, с.489]. Поэтому Л.Н. Гумилев считает себя вправе создавать собственную интерпретацию столь давних событий.

Специалисты по истории Древней Руси считают, что многие построения Л.Н. Гумилева находятся в противоречии с источниками. Например, Я.С. Лурье, анализируя работы Льва Николаевича, пишет в критической статье: «При изложении истории Киевской Руси автор в основном опирается на пробелы в летописной традиции, которые позволяют ему строить произвольные конструкции; описывая историю последующих веков, он систематически умалчивает о том, что повествуется в летописях, сообщая читателю нечто такое, чего ни в каких источниках найти, не удастся» [193]. О пренебрежении к «мелочевелению» и излишней увлеченности своей концепцией, которая неизбежно «спрямляет» материал, пишет И.Н. Данилевский. Мы полностью разделяем следующее высказывание этого исследования о методе отбора и интерпретации источников Л.Н. Гумилевым: «Конечно, дело здесь не в «злой» недобросовестности автора, а, скорее, в увлеченности собственной теорией, а также в установках, которыми (иногда явно, иногда подспудно) определяются направление и содержание его работ. Будучи евразийцем по убеждению, Л.Н. Гумилев всеми средствами к сожалению, порой вопреки свидетельствам источников и здравому смыслу – доказывал благотворность

восточных веяний в экономике, культуре и политике нашей страны, жестко критикуя любую апелляцию к Западу» [194].

У евразийских авторов иное отношение к источникам. Г.В. Вернадский использует классическую методiku исторического исследования: он цитирует известные летописи, прежде всего, «Повесть временных лет», допуская оговорки о возможной предвзятости и неточности летописца. Однако источник является для него главным отправным моментом в построении цепочки событий древнерусской истории. Классическое отношение к источнику мы наблюдаем и в общем курсе по истории России С.Г. Пушкарева, в работах по истории древнерусских политических идей М.В. Шахматова [195]. Обращаясь к анализу летописей, Н.С. Трубецкой рассматривает их не только как исторические свидетельства, но и как высокохудожественные тексты, подтверждающие евразийские воззрения о подвижнической природе государственной власти в период Древней Руси и Московского царства [4].

Как уже отмечалось исследователями, евразийцы неравномерно освещали русскую историю [196]. Общие курсы русской истории были написаны Г.В. Вернадским и С.Г. Пушкаревым, и отмечены выше. У других евразийских историков, наиболее популярными были темы монголо-татарского ига, период Петра I и русская революция 1917 г.

С нашей точки зрения, эта особенность в евразийской исторической концепции является следствием их повышенного интереса к восточному фактору в русской истории и убежденности в пагубности влияния западной цивилизации. Лев Гумилев наибольшее внимание уделил истории монгольского государства, на фоне которого рассматриваются и события русской истории.

Наиболее разработанными у Л. Гумилева стали темы: Хазарского подчинения Руси, период раздробленности Руси как проявления конца этногенеза древнерусского этноса, Русь и монголы, что как мы видим, продолжает евразийскую линию изучения восточного фактора в русской истории. Однако концептуальные разработки Л. Гумилева приносят иные оттенки в оценку основных периодов русской истории, что и будет рассмотрено ниже.

Рассмотрим конкретно-исторические реконструкции Л.Н. Гумилева основных проблемных тем русской истории и сопоставим их с евразийским видением исторических событий. Как евразийские авторы видели историю Древней Руси, и что нового в это видении внес Л.Н. Гумилев? У Льва Николаевича в периоде истории Древней Руси большой интерес вызывали взаимоотношения Руси с Хазарским каганатом. В книге «Древняя Русь и Великая степь» Л.Н. Гумилев отмечает, что «...выбранный нами угол зрения - рассмотрение ранней истории Древней Руси как последовательности русско-хазарских связей – позволяет избежать полемики по мелким вопросам» [184, с.24]. При описании политической и военной истории Хазарии Л.Н. Гумилев обращается к трудам своего учителя М.И. Артамонова, а так же работам Г.В. Вернадского, отмечая некоторые одинаковые выводы этих авторов, сделанные независимо друг от друга (например, по поводу родины русов).

О прекращении «хазарской гегемонии» над Русью и возвращении ее не-

зависимости после походов Святослава и 964-965 гг. писали в своих работах С.Г. Пушкарев и Г.В. Вернадский.

Г.В. Вернадский предполагает распространение хазарского контроля над южно-русскими племенами, а именно, «к 840 г. хазары, должно быть, завоевали северян и вятичей, а позднее также и радимичей. Относительно хазарского контроля над полянами свидетельства противоречивы» [197].

Л.Н. Гумилев относит эти события почти на полвека позднее. Считая, как и Г.В. Вернадский, что построенная в 834 г. хазарская крепость Саркел должна была служить базой для наступления на Запад, Л.Н. Гумилев отмечает, что «эта акция почему-то задержалась на полвека». И далее делает смелое предположение о союзе варягов с хазарами: «не имея способов установить искренние отношения с этносами, «химера» использовала «свободные атомы» скандинавских варягов, захвативших Киев в 882 г.» [184, с.174].

Рассматривая историю Хазарии, Г.В. Вернадский отмечает как очень важный факт – выбор хазарами иудейской религии, которую он назвал «нейтральной», и «которая ничем не угрожала им в политическом смысле» [146, с.56], т.е. могла обеспечить им политическую и религиозную независимость от сильнейших церквей и государств Восточного Средиземноморья. Для Л.Н. Гумилева этот факт повод для серьезных выводов. Поскольку история Хазарии, ее роль в истории Руси рассматриваются Л.Н. Гумилевым через призму концепции этногенеза, иудейская Хазария, на его мнению, яркий пример «химерической антисистемы». Хазары, являясь реликтовым этносом, в результате длительного контакта с тюркютами, вобрали в себя пассионарность, поскольку она передается генетически, и стали активно действующим этносом. Еще более важным, подчеркивает Л.Н. Гумилев, было то, что управляли хазарами тюркютские ханы. Миграция в Хазарию евреев из Византии и евреев-рахдонитов, которые проникли в хазарско-тюркскую знать, привели к появлению в VIII в. еврейско-хазарской химеры. Л.Н. Гумилев пишет: «Если Хазарию в VIII в. можно было назвать этнической химерой, то в IX-X вв. она превратилась в химеру социально-политическую» [184, с.162].

В связи с этой темой в адрес Л.Н. Гумилева звучали обвинения в антисемитизме, и даже фашизме [163]. Особенно непримиримым критиком гумилевской «коричневой» идеологии выступил Александр Янов [198]. На наш взгляд, эти обвинения необоснованны. Единственно, в чем можно упрекнуть автора – это в излишней эмоциональной окрашенности его текстов, что, на наш взгляд, объясняется увлеченностью ученого своей концепцией.

Действительно, в работах евразийцев можно найти ссылки на фашистские режимы, но воспринимать это нужно не с современных позиций, а на уровне 1930-х годов, когда эти режимы еще не показали свою сущность, а только устанавливались и определялись как формы государственной идеологии. Приведем цитаты из программного документа евразийцев, где упоминается фашизм. Говоря о необходимости для России на современном этапе новой идеологии, выразителем которой стала бы партия нового типа (на создание которой они одно время претендовали) – единого «государственно-

идеологического союза», находим сравнение с итальянским фашизмом. Евразийцы пишут: «Формально нечто подобное этому представляет собой итальянский фашизм, лишенный, впрочем, глубокой идеологии; но, разумеется, большую аналогию дают сами большевики» [96, с.58]. В другом месте находим упоминание о фашизме в связи с проблемой «разрыва органической связи между народом и правящим слоем», вырождении старых форм демократии в Европе и поиска новых форм «народности государства». Евразийцы отмечают, что пока эти поиски «только мечты и опыты», при этом «наибольшее обещает итальянский фашизм» [96, с.62]. Как видим, ссылки на фашизм у евразийцев, не более чем обращение к новому опыту государственной идеологии в современном им мире, поиск форм государственного обустройства, наиболее органично отвечающих потребностям Российского государства.

Повествуя о страшном зле – этнической химере в лице Хазарского каганата, Л.Н. Гумилев ставит вопрос: Почему не возникла химера на Руси? Ведь «чужеземцы-варяги господствовали в Киевской земле свыше 60 лет с 882 по 944 г. - да и после этого оставались там, пользуясь привилегиями военной касты». И сам же дает ответ: «Варяги не создали в Киеве химеру не вследствие своих «благородных качеств», которых у них не было, а потому, что не смогли укрепиться... На Руси в IX в. шел надлом, переход от акматической к инерционной фазе. В это тяжелое время варяги и проникли на Русь, как бактерии в открытую рану. Но «белые кровавые шарики» – местные пассионарии ликвидировали инфекцию, следом которой осталось только название династии князей-воинов - Рюриковичей. Это были метисы, инкорпорированные славяно-росским этносом. Концом этого процесса этнического выздоровления, по мнению Л. Гумилева, следует считать не политический переворот Ольги, а культурный сдвиг – возвращение к старой готско-россомонской традиции контакта с Византией, крещение Руси Владимиром Святославичем» [184, с.216-217].

Таким образом, оставаясь в рамках тех же исторических фактов, что и евразийские авторы, Л.Н. Гумилев дает им свою интерпретацию, исходя из положений выдвинутой им теории этногенеза и степени пассионарной энергии этноса. В вопросе хазарского ига, именно его «поиск непротиворечивой версии» [184, с.171], приводит к смелым утверждениям, наподобие союза варягов с рахдонитами.

Одной из важнейших вех русской истории евразийцы считали обращение в христианство. Г.В. Вернадский отмечает: «Это не было чисто религиозным событием: христианство для Руси в это время означало более высокую цивилизацию. В глазах самих русских обращение делало их частью цивилизованного мира» [197]. Г.В. Вернадский подробно рассматривает политическую подоплеку принятия христианства Владимиром. История, нашедшая отражение в «Повести временных лет», о приглашении проповедников различных вер, объединяет, по мнению Г.В. Вернадского, реальные исторические тенденции. Сложная ситуация в Византии, а именно обращение за помощью к

Владимиру византийского императора Василия II и его обещания, а также существование сильной христианской партии при дворе Владимира определили выбор в пользу христианства. Г.В. Вернадский и С.Г. Пушкирев считали, что принятие христианства из Византии повлияло на политическую жизнь страны, ее культуру, «широко открыло двери влиянию византийской культуры, византийских идей и учреждений» [180, с.52]. Кроме «выгод культурного сближения с Византией, к которой притягивали и торговые отношения», возможности сохранить свою церковно-политическую независимость, Г.В. Вернадский отмечает внутреннюю психологическую готовность славянского общества к этому шагу. «Ведь и возник вопрос о новой вере вследствие внутренней психологической недостаточности старой веры русско-славянского язычества» – пишет Г.В. Вернадский [146, с.80].

Л.Н. Гумилев также интересовался причинами выбора православной веры Владимиром Красное Солнышко. Рассматривая летописный рассказ о принятии христианства, Лев Николаевич остается верен своей позиции критического отношения к источникам и сообщает нам: «в летописи многое недосказано, а если так, то об этом надо подумать» [184, с.253]. Размышления Л.Н. Гумилева основываются на разработанной им теории этногенеза. В первую очередь, он отмечает, что «в принятии новой веры решающую роль играл принцип комплиментарности, стоящий на порядок выше сознательных решений князей и королей» [184, с.241], т.е. имеется в виду совпадения ритмов с византийцами, отсутствие неразрешимых противоречий и ощущение подсознательной взаимной симпатии. Во-вторых, одной из главных причин, по которой были отвергнуты католицизм и ислам – существование внутри них антисистем (соответственно альбигойства и исмаилизма). Л.Н. Гумилев писал: «Русичи... остановили свой выбор на греческой ортодоксии, потому что в ней не было двойного дна... И она не сдабривала проповедь православия хитросплетениями, пусть даже неумышленными» [184, с.245]. Однако сам же Л.Н. Гумилев указывает, что в Византии и Болгарии также существовали антисистемы (павликианство, иконоборчество), но они смогли справиться с ними и локализовать их распространение.

Говоря о перипетиях распространения христианства на различных славянских территориях, Л.Н. Гумилев отмечает довольно мирное и органичное принятие христианства на Руси. Объясняет этот факт он следующим образом: «Этническое становление православных и язычников шло синхронно, вследствие чего синкретизм – явление социосферы – не повлиял на природный процесс этногенеза. Общий спад пассионарности сначала снизил напряженность религиозных конфликтов, а затем привел к взаимной терпимости, тем более что язычество и христианство на Руси проросли друг сквозь друга. Создался своеобразный вариант идеологии, называемый двоеверие, но удержавшийся в течение веков благодаря потере антагонистических противоречий» [184, с.342-343]. Таким образом, в вопросе принятия Киевской Русью христианства Л.Н. Гумилев основные выводы делает, исходя из разработанной им концепции пассионарного этногенеза и входящих в нее понятий ком-

плиментарности и антисистемы. Евразийские авторы в этом вопросе остаются на позициях академического прочтения исторических источников, а также их социо-культурного и исторического анализа.

Следующий важнейший этап в истории Руси-России – период «монголо-татарского ига». Этот вопрос стал одним из центральных в исторических работах евразийцев, и, если можно так выразиться, стал визитной карточкой евразийских исторических взглядов, отражая их повышенный интерес к восточному влиянию на русскую историю и культуру. Как уже отмечалось выше среди евразийских авторов, уделивших большое внимание этому вопросу, были Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский, Э. Хара-Даван и другие. Взгляды Л.Н. Гумилева на взаимоотношения Руси и Степи, на роль монгольского завоевания не являются оригинальными, а восходят к этим историкам-евразийцам. Однако изложение этой проблемы у Гумилева имеет свои особенности, которые и будут показаны ниже.

Г.В. Вернадский в своей итоговой работе «История России» пишет: «я предлагаю читателю этого тома не просто историю Руси в монгольский период, а исследование взаимосвязи монголов и Руси в это время. Я убежден, что это – единственный путь к правильному пониманию основных тенденций политического и социального развития в эту эпоху» [197, с. 202]. Отмечая урон, нанесенный монголо-татарским завоеванием, Г.В. Вернадский подчеркивает, что «разорение, вызванное монгольским нашествием 1237 г., было воспринято как национальная катастрофа. Последующее постоянное изъятие из Руси людских и финансовых ресурсов мешало быстрому восстановлению нации». Отмечает он и упадок русских ремесел, городов, разрушение демократических элементов древнерусского управления – вече [197, с.82-83]. Очень эмоционально на эту тему писал С.Г. Пушкарев: «Разгромленная, подавленная и опустошенная Русская земля стала «улусом» татарского хана» [180, с.118].

Л.Н. Гумилев, в отличие от евразийцев, признавал завоевания 1237-1240 гг. незначительными «компаниями», приведшими, в конечном счете, к созданию славяно-монгольского суперэтноса [171, с. 80]. По мнению ученого монгольское завоевание не было катастрофой. Разрушений было не больше, чем при княжеских междоусобицах, а жестокость монголы проявили только как наказание за конкретные проступки, например, убийство послов. Так как монголы нигде не оставили гарнизонов, то «подчинение» носило чисто символический характер [180, с. 119]. Л.Н.Гумилев спрашивает: «Да и были ли у монголов средства для того, чтобы разрушить большую страну?». И отвечает, что нет. Данные о численности монгольского войска, по мнению Л.Н. Гумилева, сильно преувеличены. Реальной он считает цифру И. Веселовского – 30 тыс. воинов [171, с. 80], но и она, скорее всего, по Л.Н.Гумилеву, преувеличена. Г.В.Вернадский приводит другие цифры. Он отмечает, что западная компания стала «панмонгольским делом». По мнению историка, «монгольское ядро армии Бату, вероятно, равнялось пятидесяти тысячам воинов», а вместе с тюркскими соединениями и вспомогательными отрядами «общее

количество могло составлять 120000 или даже более того» [197, с.57]. Таким образом, одно из существенных отличий в изложении периода монголо-татарского ига у Л.Н.Гумилева и евразийцев, состоит в том, что евразийцы не отрицают разрушительных последствий непосредственного монгольского нашествия. Подход Л.Н.Гумилева представляется предвзятым, не отражающим имеющиеся в источниках сведения.

В оценке положительного влияния татарского ига на русскую государственность и культуру Л.Н.Гумилев имеет много общего с евразийцами.

Установка Г.В.Вернадского в этом вопросе такова: «описание трагических результатов человеческой жестокости и безумия не единственный долг историка; он должен изучать целостное воздействие войн и революций на жизнь и историю человечества» [197, с.10]. Поэтому, он акцентирует свое внимание на еще мало изученной, по его мнению, стороне проблемы монголо-татарского ига – его положительном воздействии на многие сферы жизни русского общества. С установлением татарского ига, по мнению Г.В. Вернадского, «русская земля попала в систему мировой империи – империи монгольской» [143, с. 122], «в русло исторического потока» [144, с.232]. У «молодого евразийца» Н.А. Клепинина находим следующее: «Вхождение Северной Руси в татарское царство приобщило ее к мировой истории. Оно открыло Суздалью те горизонты, которых у него до тех пор не было. Единая татарская власть была одним из главных факторов укрепления единого государства и великого государства» [171, с.83]. С.Г. Пушкирев, Г.В. Вернадский, П.Н. Савицкий считали, что Русь с этого периода стала территорией Золотой Орды, «Джучиевым улусом» [171, с.84]. Одно из значительных достижений монгольского периода, по мнению евразийцев, – образование российской государственности. Отмечается евразийскими авторами и приобретение русским народом «полезных навыков» – «повиновение закону» [197, с.254]. П.Н. Савицкий писал: «само татарское иго, способствовавшее государственной организации России, привившее или раскрывшее дремавшие дотоле навыки, было в то же время горнилом, в котором ковалось русское духовное своеобразие» [104, с. 43].

Г.В. Вернадский в своем труде «История России» пишет о предпочтении монголов, которые, «по крайней мере, не вмешивались в религиозные дела своих подданных, в то время как немцы старались навязать свою собственную веру побежденным «раскольникам» [199]. Для Л.Н. Гумилева этот факт становится одним из важнейших. Лев Николаевич считает, что веротерпимость завоевателей давала возможность князьям сотрудничать с ними. Хан Сартак был христианином, Берке – мусульманином, но государственной религии они не устанавливали и своих верований никому не навязывали. В самой системе обложения русских земель были заложены те же льготы, коими пользовались китайцы (подать не с души, а с жилья). В 1262 г. были порваны связи Золотой Орды с восточной частью империи, и хан Берке перестал посылать в Каракорум деньги, собранные с русских земель. Л.Н. Гумилев отмечает, что «по существу, это было освобождение Восточной Европы от мон-

гольского ига, хотя оно совершилось под знаменем ханов» [200]. Наличие в Орде христиан облегчало работу или военную службу русских людей. Когда же Орда исламизировалась, начался переход татар-христиан на русскую службу. Именно они, считает автор, стали однодворцами, то есть теми, кто защищал русские земли от набегов, в том числе татарских. Таким образом, Л.Н. Гумилев подчеркивал, что можно говорить о сложной системе сосуществования русского и татарского этносов или симбиозе, подкрепляемого со времен Александра Невского военным союзом.

Для Л.Н. Гумилева важен ещё один фактор – положительная комплиментарность русских и татар, которая и позволила полниться этому симбиозу. «Комплиментарность романо-германского этноса с соседями была отрицательной. Монголы принимали православие, ислам и теистический буддизм, но не католичество. Выбор их был подсказан не поиском выгоды, а симпатией, лежащей в сфере подсознательного, т.е. в природе» [184, с.542]. Таким образом, по Л.Н. Гумилеву, в системе русско-татарских отношений природная симпатия этих народов во многом определила благотворность влияния привнесенных татарами элементов в государственное устройство и быт русских. Особенно многое объединяет взгляды Л.Н.Гумилева с одним из столпов евразийства – П.Н.Савицким. Петр Николаевич писал: «подлинная отсталость» Руси возникла «не вследствие, но до татарского ига!». И далее: «велико счастье Руси, что в тот момент, когда в силу внутреннего разложения она должна была пасть, она досталась татарам, а никому другому. Татары – «нейтральная» культурная среда, принимавшая «всяческих богов» и терпевшие «любые культы», – пали на Русь как наказание Божие, но не замутили чистоты национального творчества» [104, с.333]. Лев Гумилев придерживается таких же взглядов, но интерпретирует их, основываясь на концепции пассионарных фаз этногенеза.

Период феодальной раздробленности Руси, по мнению Л.Н. Гумилева, стал следствием падения пассионарного напряжения в древнерусском этносе. Он знаменовал собой старость этноса. Л. Н. Гумилев писал: «В XII веке идет сближение энергетических уровней столицы и уделов, а когда преимущество столицы исчезало, поводы для единения страны терялись, что сулило распад политического единообразия. В социальном аспекте этот процесс называется «феодальной раздробленность», но при рабовладении и капитализме было бы то же самое. Старость системы – явление природы, и от нее никуда не деться» [184, с.542]. Вошедшая в фазу обскурации Русская земля, была разорвана надвое могучими силами пассионарности Запада и Востока. И только новый пассионарный толчок, проявившийся в XIV в., позволил не оборваться культурной традиции, унаследованной от Византии. Роль монголо-татарского ига, по Л.Н. Гумилеву, во много благотворна, так как спасла русские земли, находящиеся в полном упадке от западной экспансии.

Особо хочется отметить сохранившуюся переписку Л.Н. Гумилева и П.Н. Савицкого [171, с. 88]. Из писем П.Н. Савицкого становится понятно, что Льва Николаевича он считал продолжателем евразийских идей. П.Н. Савиц-

кий помог Л.Н. Гумилеву ознакомиться с наиболее интересными работами евразийцев, написанными в период 1920-30-х гг., с более поздними работами Г.В. Вернадского, Основные мысли Л.Н. Гумилева по поводу места и роли монголо-татарского ига в русской истории нашли отражение в переписке с Петром Николаевичем. Наблюдения П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилев развил и переложил на свою теорию этногенеза и пассионарности. Именно в этой переписке П.Н. Савицкий говорит, что монгольское иго превратилось для Руси «в великую монголо-татарскую школу» [171, с.88]. Рекомендуя Л.Н. Гумилеву евразийские работы, П.Н. Савицкий отмечает, что работа Г.В. Вернадского «Начертание русской истории» вместе с его работой «Политико-географические заметки по русской истории» представляют собой «попытку на широком фронте сопоставить исторические данные с данными географическими целиком по Вашему методу» [171, с.90]. Некоторыми исследователями было высказано мнение, что только по какой-то ошибке и недоразумению П.Н. Савицкий называл Л.Н. Гумилева продолжателем евразийской традиции [201]. По мнению автора, в этом нет никакого недоразумения. Для П.Н. Савицкого, географа и геополитика, взгляды Л.Н. Гумилева, его синтез гуманитарного и естественнонаучного знания и методик были очень близки этому евразийскому автору.

Рассматривая период монголо-татарского ига, Лев Николаевич подчеркивает, что избранный им научный метод применения системного подхода к истории, в котором «рассматриваются не отдельные факты-элементы и не предвзятые оценки, а связи между событиями», которые видны «историку широкого профиля» [184, с.489]. Поскольку, по мнению Л.Н. Гумилева, «история - наука о событиях», а «этнология – наука о меняющихся поведенческих стереотипах», то он как этнолог, пишущий историю этноса, именно с этих позиций рассматривает период монгольского ига. Л.Н. Гумилев вводит понятие «зигзаг» истории, который виден только при значительном временном удалении и составляет период от 10 до 200 лет. Именно таким зигзагом и было монгольское иго. Как и П.Н. Савицкий, он считал, что «запустение и «погибель Русской земли» произошли не по вине злых соседей», и добавлял уже свою версию, «а вследствие естественного процесса старения этнической системы, или, что то же, снижения пассионарного напряжения» [184, с.489].

Л.Н. Гумилев продолжает евразийскую традицию в восприятии деяний Александра Невского. Г.В. Вернадский главную заслугу Александра Невского видел в том, что он не усомнился в православии и для его спасения сделал все возможное. Г.В. Вернадский писал: «Спасение Православной веры и было основным камнем политической системы Александра. Православие для него не на словах, а на деле было – «столп и утверждение истины» [144, с.236]. Созвучны оценки политики Александра Невского, данные Н.А. Клепининым: «Из ясного осознания своей миссии – сохранить Русь – и двух сторон татарского ига – несокрушимости и гибельности при открытой борьбе и известной терпимости, дающей простор для внутреннего роста при повиновении, – вытекает вся восточная политика Св. Александра Невского, которая

стала политикой его преемников и которая всецело оправдала себя в дальнейшие века» [144, 236].

Подход Л.Н. Гумилева к личности Александра Невского во многом переключается с евразийскими взглядами. Главная заслуга Александра состояла, по Л.Н. Гумилеву, в том, что он осознал масштабы угрозы со стороны шведов, ливонских рыцарей и Литвы, заключив военный союз с монголо-татарами против экспансии с Запада. Историк вносит и свою интерпретацию личности Александра Невского. Исходя из своих концептуальных разработок, Александр представляется ему носителем нового пассионарного толчка: «Полагаю, что князь Александр, так же как его соратники, принадлежал к поколению новых людей, поднявших Русь на недостижимую высоту. Для такого вывода есть весомые основания. Жертвенное поведение Александра Ярославича и его соратников слишком разительно отличается от нравов древнерусских удельных князей. Сформулированная Александром доминанта поведения – альтруистический патриотизм – на несколько столетий вперед определила принцип устройства Руси. Заложенные князем традиции союза с народами Азии, основанные на национальной и религиозной терпимости, вплоть до XIX столетия привлекали к России народы, жившие на сопредельных территориях» [144, с. 320]. Главная заслуга Александра Невского, по Л.Н. Гумилеву, в том, «что он своей дальновидной политикой уберег зарождающуюся Россию в инкубационной фазе этногенеза, обратив, «от зачатия до рождения». А после рождения в 1380 г. на Куликовом поле новой России ей никакой враг уже не был страшен» [184, с.544].

Чтобы выше приведенная оценка была ясна, необходимо прояснить взгляды Л.Н. Гумилева на время происхождения великорусского этноса. По этому вопросу он писал следующее: «уже в начале XIV века прежняя Киевская Русь канула в небытие. Ни политического, ни этнического единства русских больше не существовало. Люди остались, но сама система власти и организации отношений между людьми оказалась разрушенной окончательно» [185, с.138]. Но в начале XIII века на территории Руси, по мнению Л.Н. Гумилева, произошел спасительный пассионарный толчок, возродивший остатки русских в новый этнос. Указывается даже точный момент рождения нового этноса – Куликовская битва [185, с. 135]. «Новые» люди начали рождаться около 1200 года, а исторической силой они стали в конце XIV века около 1380 года. Следовательно, инкубационный период фазы пассионарного подъема продолжался около 180 лет, что практически не противоречит данным по другим известным нам примерам этногенеза», – отмечает Л.Н. Гумилев [207]. В этот новый великорусский этнос вошли также татары и угро-финский племена – «реликтовые этносы северной части Русской равнины» [185, с.136].

Мысль о проявившемся в XIV в. особом «подъеме», «горении», и роли в этом процессе православия встречаем мы в евразийских оценках этого периода. Н.С. Трубецкой писал: «Чудо превращения татарской государственности в русскую осуществилось благодаря напряженному горению религиозного чувства, благодаря православно-религиозному подъему, охватившему

Россию в эпоху татарского ига» [125, с.238]. Л.Н. Гумилеву были близки взгляды евразийцев на роль православия в эту эпоху. Он считал, что единственной связующей нитью для всех русских людей XIV века оставалась православная вера. «Всякий, кто исповедовал православие и признавал духовную власть русского митрополита, был своим, русским... только православная церковь противостояла тогда распаду Руси» [184, с.139]. Однако, несмотря на это, основой подъема, по Льву Гумилеву, стали естественно-биологические причины – уровень пассионарного напряжения, который нарастает в этот период. Для евразийцев подъем XIV века – выражение народного протеста, «реакция против подавляющего чувства национального унижения» и «пламенное чувство преданности национальному идеалу» [188, с.238], которое и возглавила православная церковь.

При оценке значения различных этапов Российской истории евразийцы делают своеобразную расстановку акцентов. «Наиболее типичным» течение русской истории было в период Московского царства, когда, по мнению евразийских историков, был воплощен идеал русского государственного устройства. Идеалы Московского государства рассматривали в своих статьях М.Шахматов, Н.Алексеев, В.П. Ильин [171, 87]. Описание этого периода с общими выводами дано в курсах Г.В. Вернадского и С.Г. Пушкарева. Основной характерной чертой этого государства было «бытовое исповедание», органически включавшее в себя государственную идеологию и религиозно-нравственные установки. «Русская вера и русский быт были неотъемлемы друг от друга» – писал Н. Трубецкой. Власть русского царя, по его мнению, «подпиралась» бытовым исповедничеством нации.

Евразийский историк и правовед Н.Н. Алексеев считал, что «Россия, как национальное государство, сложилось при царях Иване III и Василии III, то есть приблизительно к началу XVI столетия» [202]. Объединительная политика Ивана III получила высокую оценку евразийцев и Л.Н. Гумилева. Г.В. Вернадский особенно отмечал успехи Ивана III в восточной политике и пояснял, что «таких блестящих успехов» удалось достигнуть «благодаря тесным связям Ивана с этим миром как через служилых, так и через союзных татарских владетелей» [146, с.168]. Н.С. Трубецкой в одной из своих статей говорил: «Московское государство возникло благодаря татарскому игу... «Свержение татарского ига» свелось к замене татарского хана православным царем и к перенесению ханской ставки в Москву». Далее он пояснял: «Московские цари, далеко не закончив еще «собирания русской земли», стали собирать земли западного улуса великой монгольской монархии: Москва стала мощным государством лишь после завоевания Казани, Астрахани и Сибири» [4, с.78]. Такой подход к объяснению причин усиления Московского государства характерен для всех евразийских авторов.

Лев Гумилев, вслед за евразийцами считал, что Россия XV века унаследовала высокую культуру Византии и татарскую доблесть. Однако, затрагивая проблему возвышения Москвы, он отвергал географические, социальные и политические версии. На основании своей пассионарной теории этногенеза,

Гумилев считал, что «причина возвышения Москвы состоит в том, что именно Московское княжество привлекло множество пассионарных людей: татар, литовцев, русичей, половцев» [185, с.150]. И далее: «Уцелело только Великое княжество Московское, целое столетие, втягивавшее в себя пассионариев благодаря принципам митрополита Алексия и Сергия Радонежского. Их сподвижники и ученики завещали своим потомкам перспективный поведенческий стереотип и стабильную внутреннюю структуру. Так, с 1380 по 1452 г. Московское княжество стало Россией» [185, с.151]. В течение XV века по Л. Гумилеву, шло «набухание пассионарности. Как видим, в вопросе о причинах возвышения Москвы главная роль отводится опять же пассионарности как преобладающего качества населения московских земель.

Большое внимание евразийцы уделили периоду правления Ивана Грозного. Н.Трубецкой отмечал, что народная традиция именно с правления Ивана Грозного начинает «московский период», т.е. основание уже исторической, а не легендарной или сказочной русской государственности» [188, с.446]. Со вторым этапом правления Ивана IV, с явлением опричнины евразийцы связывали начало разрушения идеала государственного устройства Московского царства. Нарушение царем благочестия подрывало основы народного исповедничества и, следовательно, неразрывно с ним связанную государственную идеологию страны. Н.Алексеев назвал опричнину – «грозной «революцией сверху», не уступающей по своим ужасам революциям, произведенным «снизу» [202].

Евразийские историки давали различные оценки сущности и результатов опричнины. Г.В. Вернадский одну из причин зарождения опричнины видел в «обстановке подозрительности и террора», которая с детства окружала царя, с «чувствами горькой обиды и негодования» молодого царевича, который долгое время находился в приниженном состоянии, при этом остро осознавая величие власти государя. Характеризуя опричнину, Г.В. Вернадский писал, что она «сочетала в себе глубокий государственный смысл с разнузданной жестокостью против действительных и мнимых крамольников» [146, с.185]. Говоря о результатах опричнины, он отмечал, что «ближайшие цели ее были достигнуты: аристократическое боярство сломлено... Опричнина справилась с внутренней крамолой» [146, с.186-187].

С.Г. Пушкарев придерживался иных взглядов в оценке опричнины. Он считал, что понимание ее современными историками основывается не на исторических фактах, а на «наивно-рационалистическом убеждении, что в истории нет ничего иррационального, случайного и бессмысленного, но все совершающееся имеет разумный смысл и внутреннюю логику» [180, с.176]. Так же как и В.О. Ключевский, С.Г. Пушкарев считал опричнину «бесцельным» явлением. Подтверждение этому он видел в том, что «власть государя Московского и до Ивана не была ограничена боярством...». Иван Грозный, по мнению историка, «вовсе не отменил правительственной роли бояр, которым он предоставил править государством (за исключением опричной территории) «по прежнему обычаю». И, наконец, С.Г. Пушкарев считал, что терро-

ристический характер опричнины не имел никакого отношения «к пресловутой «борьбе с дворянством». Он отмечал бессмысленность организованного Иваном внутреннего террора в своем государстве, когда у него и без этого были все возможности «казнить неблагонадежных бояр».

Оценка опричнины Льва Гумилева близка взглядам С.Г. Пушкарева, хотя он дал интерпретацию этого явления в духе созданной им пассионарной концепции этногенеза, что расставляет несколько иные акценты. Л.Н. Гумилев отмечал, что явление опричнины издавна привлекало к себе внимание историков. Фактические события описаны очень добротнo еще дореволюционными историками, но все попытки дать его логическое объяснение не удались, как и найти в этом явлении какой-то социальный смысл. По мнению Л.Н. Гумилева, опричнина – яркий пример антисистемы. Он писал: «Главным содержанием опричнины стали беспрецедентные и бессмысленные убийства ради убийств. Однако самая страшная и существенная этническая характеристика опричнины заключается в том, что и царь, и его опричники были абсолютно уверены в благости своих чудовищных злодеяний... В опричнине мы в чистом виде сталкиваемся с тем, что характерно для каждой антисистемы: добро и зло меняются местами» [185, с.214]. Таким образом, какой-либо государственной надобности в опричнине Лев Гумилев не видел, а ее появление связывал с появлением негативного антисистемного мировоззрения.

По мнению евразийцев, именно в правление Ивана Грозного были заложены первые «глубокие трещины» в «тело русского государства», которые со смертью Ивана Грозного вызвали «смятение русской земли», продолжавшееся с перерывами в течение трех столетий [202, с.71-74]. Лев Гумилев, в целом разделял взгляд евразийцев на Смуту как следствие царствования Ивана Грозного, но расставлял свои акценты в оценке этого явления. Он отмечал, что смута была «естественным стремлением народа избавиться от антисистемы, которая исподволь проникла к нам с Запада в царствование Ивана Грозного» [185, с.235]. Исходя из теории пассионарного взрыва, он считал, что в XV-XVI вв. пассионарии распространяются по всей территории Руси, и особенно много их скапливается на границах государства. По мнению Л.Н. Гумилева, «восстание более энергичных жителей окраин против центра, утратившего пассионарность, встречается в ходе этногенеза постоянно» [185, 234].

Период времени со смерти Ивана III в 1505 г. до начала царствования Михаила Романова в 1613 г. представляет собой, в этнологической интерпретации Л.Н. Гумилева, первый максимум пассионарности в акматической фазе. «Поэтому и Смутное время, с точки зрения этногенеза, – не случайность, – писал Л.Н. Гумилев, – и та кровь, которая пролилась, те пожары, которые жгли нашу землю, были следствиями пассионарной депрессии после перегрева середины XVI века» [227]. В 20-х же годах XVII века, по Л.Н. Гумилеву, обозначился новый подъем пассионарности. В первой четверти XVII века генофонд русского суперэтноса начал компенсировать тот урон, который на-

несли русской пассионарности все смуты конца XVI - начала XVII вв. Один из признаков нового подъема для Л.Н. Гумилева – изменившееся отношение к природе. «В отличие от Ивана Грозного и окружения самозванцев правительство при Михаиле Романове ввело строгие ограничения для иностранных купцов, обложило их довольно большими налогами и перезаключило все прежние кабальные договоры... Таким образом, в период подъема пассионарности в акматической фазе вывоз русских ресурсов за границу строго ограничивался, а тем самым регулировались и давление на ландшафт страны. Природа в этот период действительно смогла отдохнуть» [185, с.237]. Начался период «устроения» не только природного, но и государственного.

Евразийские историки одной из особенностей русской истории считали значительные масштабы колониционных процессов, начавшихся еще в период Московской Руси. Н.Алексеев подчеркивал, что «характерность русской истории определяется причинами чисто естественными, географическими. Главное явление нашей истории, как справедливо указывал С.М. Соловьев, есть колонизация». Развивая свою мысль, Н.Алексеев говорил о том, что славяне, оказавшись пограничными с «кочевой Азией», вынуждены создавать свое государство в «процессе суровой долголетней борьбы с азиатскими кочевниками, которые были сначала победителями, а потом постепенно стали побежденными» [202, с.73]. Созвучно это и концепции «борьбы леса со степью» Г.В. Вернадского. П.Бицили считал, что с XVI века и. Россия начинает предпринимать усилия по восстановлению единства Старого Света. [230]. Другой движущей силой процесса колонизации, по мнению Н.Алексеева, было государство. Он писал: «У нас государство давило по необходимости, но мы не стремились усовершенствовать государства, а уходили от него в степь и леса. Государство настигало ушедших – они опять уходили дальше» [202, с.74]. Как уже отмечалось выше, у Л.Н. Гумилева был несколько иной взгляд на взаимоотношения кочевников со славянами.

Описывая продвижение русского суперэтноса на восток, Лев Николаевич оставался верен своим этнологическим принципам. Он писал: «Практически за один век, от похода Ермака Тимофеевича (1581- 1583) до войн с маньчжурами на Амуре (1687-1689), землепроходцами было преодолено расстояние от Урала до Тихого океана, и Россия легко и быстро закрепились на этом огромном пространстве». Л.Н.Гумилев объяснял это следующими причинами. Во-первых, «русские землепроходцы были людьми очень пассионарными..., а народы Сибири в XVII веке находились в фазе этнического гомеостаза – равновесия с природной средой. У них просто не хватало сил, чтобы защищаться от притеснений русских пассионариев». Во-вторых, «продвинувшись в Сибирь, наши предки не вышли за пределы привычного им кормящего ландшафта – речных долин. Точно так же, как русские люди жили по берегам Днепра, Оки, Волги, они стали жить по берегам Оби, Енисея, Ангары и множества других сибирских рек». В-третьих, «русские переселенцы и администрация в основной своей массе легко устанавливали плодотворные контакты с народами Сибири и Дальнего Востока», что видимо, можно объяснить ком-

плиментарностью отношений между русскими и аборигенами» [185, с.261]. Вывод Л.Н. Гумилева – колонизация Сибири была почти мирной и совершенно не похожа «на истребление североамериканских индейцев англосаксами, ни на работорговлю, осуществлявшуюся французскими и португальскими авантюристами». С.Пушкарев также отмечал «необычайную быстроту», с какой русские колонизовали пространство от Уральских гор до Тихого океана, и считал, что этот «исключительный успех был достигнут соединенными усилиями народа и правительства...» [180, с.219]. Таким образом, Л.Н. Гумилев, признавая значительным географический фактор в колонизации Сибири, другой важнейшей движущей силой этого процесса считал не государство, а высокий уровень пассионарности людей, осваивавших Сибирь а также чувство комплиментарности, т.е. положительный эмоциональный настрой русских и аборигенов Сибири.

Рассматривая церковный раскол, Л.Н. Гумилев, как и евразийцы, уделял пристальное внимание личности патриарха Никона, в котором он видел типичного человека акматической фазы, который стремится к победе, то есть пассионария, «крайне тщеславного и властолюбивого» [185, с.265-266]. Характеристики Никона и оценка его роли во многом созвучны у Л.Н. Гумилева и евразийцев. «Крутой и резкий характер» Никона, его властолюбие отмечал С.Пушкарев [185, с.265-266]. Г. Вернадский считал церковный раскол – «глубочайшим кризисом национально-государственного сознания московских людей» и связывал его «главным образом с личностью и действиями патриарха Никона» [146, с.227].

Евразийский историк и правовед Н.Алексеев характеризовал церковный раскол с позиции народной государственной идеологии. Он писал: «Русский народ, расходясь в расколе с официальной церковью, старается еще держаться за государство и за царскую власть. И он держался так вплоть до царствования Петра I, вплоть до учреждения империи, когда, по мнению довольно широких народных кругов, государство бесповоротно впало в грех» [202, с.79]. Г.Вернадского в явлении церковного раскола интересовал вопрос взаимоотношения церкви и государства. Он отмечал, что в первые годы патриаршества Никона наблюдалось «действительное объединение Церкви и государства», полное их единомыслие. Существовало внутреннее единое побуждение царя и патриарха «присоединить Западную Русь к православному царству» для чего, по мнению Г.Вернадского, требовалось согласовать православную церковь в Москве и в Киеве [146, с.228-229].

Оценка событий, приведших к расколу, у Льва Гумилева созвучна евразийским взглядам. Для этнолога раскол был «конфликтом великорусской (московской) и украинской православных традиций. Украинские монахи сумели победить в этом конфликте и оказали тем самым решающее воздействие на изменение русских церковных обычаев. Поражение сторонников «древнего благочестия» Л.Н. Гумилев объяснял с этнологической точки зрения. «Древнее благочестие» могло быть платформой для узкого московского национализма и соответствовало идеалу Третьего Рима, «светлой Ру-

си)...Православие Аввакума, таким образом, не могло быть связующей основой суперэтнуса как скопления близких, но разных народов» [185, с.276]. Главная заслуга патриарха Никона, по Л.Н. Гумилеву, заключается именно в установлении вселенского характера русского православия. Появившаяся в результате группа населения, – старообрядцы выделилась из основной массы русских и создала еще один оригинальный субэтнос со своим стереотипом поведения. В XVIII-XIX вв. старообрядство распадается на множество «толков» и «согласий», что свидетельствует о постепенной потере пассионарности и превращении этого субэтнуса в конвексию. «К XX веку, – писал Л.Н. Гумилев, – у них оставались лишь некоторые элементы своего стереотипа поведения [185, с.267-270]. Таким образом, рассматривая церковный раскол, Л.Н. Гумилев вслед за евразийцами отмечал глубочайший кризис, который вызвал раскол в русском народе, он также признавал и необходимость этой реформы для установления «вселенского величия Русской Церкви» [146, с.230].

Другой ключевой период русской истории – петровские реформы, был рассмотрен евразийцами с антизападнических позиций. Личность Петра I евразийцы оценивали достаточно высоко, но осуждали его «механическое перенимание и заимствования», разрушение православной и народной культурной традиций. Г.Вернадский очень верно подметил, что «Имя «Петра Великого» сделалось символом и программой целого направления русской мысли – преклонения перед Западом. С этим именем связано «превращение России в европейскую державу». В действительности, «исторический Петр» намного сложнее и «не во всем похож на Петра программного» [146, с.235].

С.Г. Пушкарев, давая оценку личности и деятельности Петра Великого, отмечал существование диаметрально противоположных взглядов в русской историографии. Задаваясь вопросом: «как должна беспристрастная история оценивать Петра и его дело?», он сначала отмечал его заслуги. Великой заслугой Петра он считал «непрерывное и самоотверженное служение государству и народу российскому, которому он действительно посвящал все свои силы в течение всей своей жизни» [180, с.283]. Но далее историк говорил о существовании немалых «пятен на солнце Петра Великого». Основные обвинения, выдвигаемые С. Пушкаревым, следующие: европеизация носила «насильственный, спешный, малопродуманный» характер, привела к разрушению «религиозно-морального и общественно-бытового единства народа», присущего Московской Руси, к расколу нации – «сделала дворянство и чиновничество иностранцами в собственной стране»; Петр способствовал «бюрократизации русской церкви» и падению ее духовного авторитета [180, с.284-285].

Н.С. Трубецкой выступал еще более жестким критиком деятельности Петра I. По-мнению ученого, Петр I «задал тон последующей русской истории», а период в истории после петровских преобразований, называл «антинациональной монархии» [188, с.264]. Начатая Петром европеизация вылилась, по мнению Трубецкого, в эпоху «европейского, или романо-

германского ига», которое он сопоставлял с игом монголо-татарским. Последствия «европейского ига» намного разрушительнее для русской культуры и русского самосознания. Трубецкой писал: «Та стройная «подсознательная философская система», которая в Московской Руси объединяла в одно целое религию, культуру, быт и государственный строй и на которой держалась вся русская жизнь, стала подрываться и разрушаться. А вследствие этого основой государственности неизбежно должна была стать голая сила принуждения» [188, 265]. Таким образом, Россия после реформ Петра I стала «милитаристической и крепостнической» страной.

В оценке Петра I и его деяний Л.Н. Гумилев во многом продолжает евразийскую традицию. Он, как и евразийцы, упрекает Петра I в излишней европеизации, но в то же время отмечает, что «отношение царя Петра к Европе, при всей его восторженности, в известной степени оставалось... потребительским». Л.Гумилев вслед за Г.Вернадским и другими евразийцами вспоминает о приписываемой Петру фразе: «Европа нам нужна лет на сто, а потом мы повернемся к ней задом» [185, с.287], и делает заключение, что последователи Петра этого не сделали, поскольку на «птенцах гнезда Петрова» сказалось снижение общего уровня пассионарности» [185, с.290].

Лев Николаевич отмечал, что легенда о Петре как «мудром царе-преобразователе, прорубившем окно в Европу и открывшем Россию влиянию единственно ценной западной культуры и цивилизации» [185, с.286] родилась при Екатерине II, и поддерживалась все последующие столетия. В действительности, по мнению Л.Н. Гумилева, современники «не воспринимали его как нарушителя традиций». Петр лишь продолжил ту линию разрушения традиций, которая началась намного раньше, и проявлялась в периоды правления Ивана III, Ивана Грозного и Алексея Михайловича. Лев Гумилев охарактеризовал петровские реформы как «логическое продолжение реформаторской деятельности его предшественников», по сути своей являющиеся «политикой западничества в России». Однако влияние этих реформ на русский стереотип поведения было намного «глубже, чем все предыдущие», что Л.Гумилевым связывалось с падением в начале XVIII века уровня пассионарности русского суперэтноса.

Большинство реформ Петра, по мнению Л.Гумилева, носило вынужденный характер, определяемый необходимостью укрепления государственной власти. Военная реформа увеличивала расходы государственного бюджета и вынуждала к реформированию налоговой системы, введению подушной подати. Л. Гумилев отмечал и тот факт, что многие последствия петровских реформ испытали на себе не современники, а их потомки. Например, он замечал, что продолжавшееся в течение XVIII в. стремление соседних народов попасть «под руку» русского царя было лишь инерцией восприятия свойственной Московскому царству национальной терпимости, которая в послепетровский период значительно искажается и постепенно утрачивается в государственной политике.

На этом Л.Н. Гумилев заканчивает свой обзор «логики основных событий

этнической истории Руси и России». В заключение книги «От Руси к России» он писал: «Восемнадцатый век стал последним столетием акматической фазы российского этногенеза. В следующем веке страна вступила в совершенно иное этническое время – фазу надлома». Историю XIX и XX вв. Л.Н. Гумилев не рассматривал, отмечая что «было бы самонадеятельностью рассуждать об эпохе, частью которой являемся мы сами» [185, с.281]. Ученый развивал в своих работах понятие «абберация близости», что понималось как преувеличение грандиозности недавних событий сравнительно с более ранними и, следовательно, невозможность дать им объективный исторический анализ. Однако отдельные высказывания Льва Гумилева о событиях современной ему эпохи все же можно найти в интервью, которые в большом количестве давал ученый в последние годы своей жизни и, по которым можно составить общее представление о ходе его мыслей.

Для евразийских авторов, напротив, исторические события века XX века становятся одной из центральных тем. Особенно много внимания они уделяют выяснению причин, сути и последствий революции 1917 г., ставшей катастрофой, переломной вехой в их личной судьбе и судьбе России. По их мнению, революция явилась закономерным результатом «западничества». Петровские реформы создали раскол русской нации, способствовали утрате национально-духовного своеобразия и интуиции в выборе собственного пути развития, а революция начала XX века стала следствием этих процессов. Евразийцы считали, что русская революция – «суд над послепетровской Россией», и носит евразийский характер. В программном документе евразийцев определено их отношение к русской революции. Для них «революция, прежде всего – саморазложение имперской России, гибель старой России как особой симфонической личности, индивидуировавшей русско-евразийскую культуру, и смерть ее в муках рождения России новой, новой индивидуации Евразии» [96, с.52].

Фактически все евразийцы, с небольшими расхождениями, указывали на пагубное влияние Европы на Россию. По их мнению, русская революция разрушила не Россию, а ненавистный им петербургский период ее истории. П.Савицкий полагал, что революционная стихия, сметающая и социальные институты, и религиозно-нравственные устои, одновременно уничтожила привитые к русской культуре элементы европейской цивилизации. Поэтому революцию евразийцы воспринимали как очистительное благо для России. Но в то же время евразийцы говорили о том, что идеология, воспринятая русской революцией – порождение европейской цивилизации и не может принести блага России. В политике СССР они видели продолжение старого разрушительного курса, проводящегося теперь под знаменем коммунистического интернационала. Успехи нового коммунистического правительства евразийцы объясняли тем, что «государственная стихия заставляет коммунистов действовать вопреки своей идеологии» [96, 53].

Подведя итоги сопоставления исторических взглядов Льва Николаевича Гумилева и евразийских историков, автор пришел к выводу, что Л.Гумилев в

действительности стал продолжателем евразийской традиции, прежде всего в развитии новых взглядов на русскую историографию, предложенные евразийскими историками. Это новая интерпретация монголо-татарского ига, выявление роли восточного влияния на русскую историю, обоснование общности России-Евразии как особого географического, культурного и исторического единства.

Лев Гумилев развивал евразийское видение периода монголо-татарского ига, однако в его оценках просматривается некоторое упрощение и смещение акцентов [171, с.100]. Если евразийцы наряду с положительным воздействием тесных контактов русских с монгольской государственной системой признавали разрушительное действие нашествия монголов на Русь, то Л.Гумилев не склонен считать его серьезной катастрофой для Руси. Тот же эффект упрощения можно отметить и в оценках других периодов русской истории: правление Ивана IV, раскол, правление Петра Великого и другие.

Значительные отличия в понимании и объяснении исторических процессов у Л.Н. Гумилева и евразийцев заключается, на наш взгляд, в следующем. Для Л.Н. Гумилева объектом исследования и анализа является этническая история, что неоднократно им подчеркивалось. История Древней Руси рассматривалась Л.Н. Гумилевым как история этноса возникшего в результате пассионарного взрыва I в. нашей эры. Вторая половина IX века – время, с которого начинаются летописные сведения, по Л.Гумилеву, приходится на фазу надлома древнерусского этноса. Новый пассионарный толчок начала XIII в. привел к зарождению нового этноса – великоросского, который и стал главным действующим лицом в истории Московского царства, а позднее императорской России. Историю великоросского этноса Л.Гумилев прослеживает до начала XIX века, когда он также вступает в фазу надлома.

Таким образом, на основании выше изложенного материала, мы приходим к выводу, что работы Л.Н. Гумилева в общих чертах продолжают то же восприятие Евразии, истории Древнерусского государства, Московского царства, так же ломают стереотипное отношение к степным народам, как и работы евразийских авторов. Однако на основании выдвинутой им концепции этногенеза и, в первую очередь, на основе введенного им понятия пассионарности, расставляются несколько иные акценты в объяснении происходящих исторических событий.

Будучи увлеченным своей концепцией и ее проверкой на обширном историческом материале, Л.Н. Гумилев порой не критически воспринимает исторические источники и, желая показать благотворность восточного влияния в русской истории, создает конкретно-исторические реконструкции, порой вызывающие серьезные возражения современных исследователей [171, 100]. Но, видимо, этот недостаток нужно воспринимать в том ракурсе, что работы Л.Н. Гумилева – это во многом философское эссе, новый опыт публицистического осмысления истории, ценный главным образом продолжением евразийской исторической традиции, а также привнесенной им новизной взглядов и акцентов в понимании сущности исторического процесса.

2.2 Развитие евразийского наследия Л.Н.Гумилева в конце XX века

Являясь последователем евразийства, Л.Н. Гумилев достаточно полно воспринял евразийское учение в современных условиях. Историческая концепция Л.Н. Гумилева стоит особняком в ряду других глобальных моделей исторического процесса, поскольку несет в себе большой интеграционный потенциал. Введенное им понятие пассионарности, хоть и предложенное ученым на уровне гипотезы, становится тем связующим фактором в его концепции, который позволяет установить соотношение между этногенезом и социальной историей, что и делал в своих работах Л.Гумилев. Объясняющие конструкции исторических событий, созданные ученым, становятся проверкой его концепции.

Из немногих высказываний Л. Гумилева об истории XX века, по поводу революции можно отметить следующие его мысли, в основном своем содержании не противоречащие евразийским оценкам. Л.Гумилев считал, что весь XIX век великорусский этнос переживал надлом, низшая точка которого приходится на 30-е годы XX века. «Естественное, неизбежное следствие того самого надлома, – писал Л.Н. Гумилев, – накопление внутри этноса огромного количества шлага – субпассионариев, которые во все времена не мыслят ни о чем – им лишь бы урвать кусок...». В результате революции 1917 г. «торжествует психология субпассионария», и именно они революционной волной были вынесены наверх и стали управлять государством. Коммунистов Лев Гумилев считал «специфическим маргинальным субэтносом, комплектуемым из самых разных этносов», который породило негативное мироощущение людей, сознательно порвавших со своим народом. Эти структуры он также называет антисистемами [203]. Неверной Л.Гумилев считал подмену понятия русский понятием коммунист, которое намного сужает объединительные возможности России.

Как видно из этих немногих высказываний Льва Николаевича, этот период русской истории логически вписывается в предложенную им схему этногенеза, как природного процесса, одной из особенностей которого в отличие от социальных процессов, является прерывистость или дискретность. Евразийцы напротив, акцент в анализе революции 1917 г. сделали на выявление культурологической идеологической сущности произошедших с Россией метаморфоз, где отрицательное влияние европейской цивилизации стало одним из основных факторов.

Пассионарность этносов становится одной из главных объясняющих компонентов исторического процесса, что вносит изменение акцентов в трактовке конкретных исторических периодов и их оценки. Поскольку социальная история как таковая не входит в поле зрения Гумилева, его объясняющие конструкции исторических событий кажутся нам порой упрощенными и схематичными. Для евразийцев характерна разработка различных аспектов исторических процессов, что мы наблюдаем у разных евразийских авторов, каждый из которых разрабатывает наиболее близкие его специализации и его

интересам вопросы. Например, у Л.Карсавина находим разработку философских проблем, у П.Савицкого географических, геополитических, у Н.Алексеева государственно-правовых аспектов, у Г.Вернадского, С. Пушкирева дается непосредственная разработка исторической тематики. Но видимо один человек, насколько бы он не был талантлив, не может разработать такое многообразие тем, хотя, как уже отмечалось, интеграционный потенциал у концепции Л. Гумилева очень велик. Видимо, работу Л.Н. Гумилева нужно все-таки воспринимать как развитие и продолжение одного из аспектов евразийской концепции, а именно естественного, что вносит своеобразие в его конкретно-исторические реконструкции.

Как уже было отмечено, развивая традиционные положения евразийства, такие как переоценка монголо-татарского нашествия, интерпретация русской истории исходя из взаимосвязи Леса и Степи, представление о роли географического фактора в истории, Л.Н. Гумилев привнес в евразийство и свои собственные, оригинальные положения: теорию пассионарности и учение о влиянии биосферы на процессы этногенеза. Учение об этногенезе Л.Н. Гумилева стало творческим осмыслением и развитием евразийской традиции. Применение новых методик и подходов, создание и активное использование новой терминологии привели к тому, что феномен евразийства гумилевской версии приобрел новые черты. С 90-х годов XX века учениками и последователями Л.Н. Гумилева развивается его версия евразийства.

Одним из центров по развитию гумилевской версии евразийства после смерти ученого стал «Фонд Л.Н. Гумилева», созданный как общественная организация, объединяющая многих ученых, увлеченных и интересующихся учением Л.Н. Гумилева. Основная тенденция, просматриваемая в деятельности этого движения – обоснование и развитие идей Л.Н. Гумилева с привлечением, прежде всего естественнонаучного потенциала. Активное участие в работе фонда принимают непосредственные ученики Льва Николаевича, но их немного (прежде всего К.П. Иванов, В.Ю. Ермолаев), причисляющие себя к таковым, а также ученые из разных областей знаний, в первую очередь, естественных наук – география, химия, физика, астрофизика, биология и др., которые развивают теорию Л.Н. Гумилева на базе своей специализации. Президентом Фонда с 1992 по 2002 гг. являлся академик РАН А.М. Панченко (1937-2002), его заместителем был С.Б. Лавров (1928-2000) Президент Русского Географического общества. Фонд с 1998 г. имеет хорошо разработанной сайт, на котором выставляются в электронном варианте работы Л.Н. Гумилева и его последователей [171, с.115]. Регулярно с 1996 г. Фонд проводит «Гумилевские чтения».

Евразийским последователем в широком историческом смысле соиздания евразийских народов можно назвать и казахстанского Президента Н.А. Назарбаева, указом которого в 1996 году в столице Казахстана был создан Евразийский университет. Глубоко символично, что Президент присвоил столичному университету имя выдающегося мыслителя XX века – Льва Николаевича Гумилева. Сегодня Евразийский университет имени Л.Н. Гумилева явля-

ется центром изучения наследия Л.Н. Гумилева и распространения евразийских идей. В нем открыт Кабинет имени Л.Н. Гумилева, ежегодно проводятся «Гумилевские чтения», Евразийский научный форум, традиционный «Гумилевский лекторий». ЕНУ им. Л.Н. Гумилева является активным членом недавно созданной в Астане Евразийской Ассоциации Университетов.

Исследование трудов Л.Н. Гумилева представляет собой важное звено в развитии наследия ученого в конце XX века. Несмотря на многочисленную критическую литературу, посвященную взглядам Л.Н. Гумилева, анализ истории критики показывает, что в целом собственно историографическим работам и наследию ученого уделено всего лишь несколько статей, рецензий и замечаний (Б.А. Андрианов, Л.С. Васильев, Л.И. Думан, А.Г. Кузьмин, Н.Ц. Мункуев, Б.А. Рыбаков, М.И. Чемерисская и др.). Большинство критических работ, представителей академической науки было направлено не против написанных Л.Н. Гумилевым «степных трилогий» и других «историографических панорам», а против «пассионарной» теории этногенеза. Поэтому целесообразным при нашем исследовании будет деление историографии по данной проблеме на два проблемно-хронологических блока: критическая литература собственно историографических работ и литература, посвященная критике «теории этногенеза».

В целом можно выделить следующие этапы развития историографии [204]:

Первый этап - 1960-1980-е гг. В целом в этот период советской историографии в научных работах Л.Н. Гумилева критиковались «биологизаторский» подход к понятию «этнос» в методах его исследования и «географический» детерминизм в объяснении движущих факторов исторического процесса (М.И. Артамонов, Ю.В. Бромлей, Ю.К. Ефремов, И.Я. Златкин, В.И. Козлов и др.). Подверглась жесткой критике не только концепция русско-половецких, русско-монгольских отношений XIII в., но и взгляды на этническую историю Китая III-VI вв. (М.В. Крюков, В.В. Малявин и др.).

Одной из первых работ, подвергающих критике концепции Л.Н. Гумилева, являются тезисы Б.И. Маршака «Возражения Л.Н. Гумилеву», опубликованные в докладах по этнографии географического общества СССР [205]. Б.И. Маршаком критически рассматриваются некоторые положения статьи «Великая распря в первом тюркском каганате в свете византийских источников». Основное, на что обращает внимание автор – это несоответствие исторических построений Л.Н. Гумилева с фактами из источников (свидетельства Феофилакта Симокатты о тюркском посольстве к императору Маврикию). Дискуссия по вопросу интерпретаций событий конца VI века в первом тюркском каганате примечательна тем, что в ней впервые Л.Н. Гумилев изложил свои взгляды на внутреннюю критику источников, считая при этом, что «единственным коррективом при восстановлении хода событий является установление их логической связи» [206].

После издания книги «Хунну. Срединная Азия в древнее время» в 1960 г. К.В. Васильевым была написана рецензия, в которой отмечалось, что труд

Л.Н. Гумилева представляет собой «систематический пересказ накопленных исторической наукой материалов, нежели самостоятельное исследование». Данная книга, по мнению К.В. Васильева, «не вносит ничего принципиально нового в современную историографию древней Центральной Азии», поскольку она страдает многочисленными недостатками, «корни которых кроются в трех основных причинах: «в незнакомстве с оригиналами используемых источников; в незнакомстве с современной научной литературой на китайском и японском языках; в некритическом восприятии ряда устаревших концепций, представляющих вчерашний день востоковедной науки» [207]. Отмеченные недостатки о произвольном изложении начала сюннуской предыстории, неверном отождествлении и идентификации отдельных племен, некоторые фактические неточности, конечно, указаны правильно. В то же время критика проведенного Л.Н. Гумилевым анализа социально-экономических отношений в сюннуском обществе дана с позиций исторического материализма, что на сегодняшний день не может считаться вполне убедительным.

Вслед за разгромной рецензией К.В. Васильева в том же журнале «Народы Азии и Африки» публикуются две рецензии Л.И. Думана и М.В. Воробьева.

Оба автора отмечают, что недостатков в книге достаточно: слабая связь авторских интерпретаций с источниками, и вольный перевод некоторых выражений китайских текстов, искажение имен собственных и географических названий вследствие разной транскрипции. Так, Л.И. Думан пишет: «Автор иногда не только не опирается на источники в своих выводах, но добавляет от себя то, чего источники не сообщают» [208]. Не согласен он и с выводами о социальном строе хунну, считая, что процесс разложения родового строя произошел гораздо раньше. И все же появление книги, охватывающей всю историю хуннов от появления данного этноса до исчезновения их имени в истории Азии, по их мнению, представляет определенный интерес. М.И. Воробьев пишет: «... автор представил написанный прекрасным литературным языком очерк истории хуннов и дал свою трактовку основных сторон этой истории, т.е. создал вполне оригинальную и нужную работу по древней истории Срединной Азии» [209].

Особый интерес представляет статья Б.А. Андрианова «Некоторые замечания по поводу статьи Л.Н. Гумилева «Роль климатических колебаний в истории народов степной Евразии»», поскольку в ней подвергаются критике основополагающие положения гипотезы Л.Н. Гумилева о природно-климатических факторах, повлиявших на развитие кочевых народов евразийских степей. Автор указывает на то, что Л.Н. Гумилев неправомерно связывает периоды повышенной увлажненности пространств степей, приводящих, как считает ученый, к увеличению экономической базы для кочевого хозяйства, с процветанием кочевых империй и громадными завоеваниями. Более того, «оказывается, дело не столько в обильных пастбищах (весенних и летних «нагулах» скота), сколько в величине потерь в зимние месяцы. При не-

благоприятных метеорологических условиях (когда пастбища покрывались ледяной коркой) кочевники, не обладая страховыми запасами кормов, теряли значительную часть своих стад» [210, с.234]. Попытки увязать расцвет и упадок кочевых империй с природно-климатическими циклами есть не что иное, как подмена исторических закономерностей физико-географическими. В частности, он писал: «Простое, механическое сопоставление фактов, характеризующих климатические изменения с теми или иными событиями или передвижениями скотоводческих обществ древности и средневековья, еще не решает вопрос о причинах этого явления. И хотя общество и находилось в различных связях с природным окружением, для него характерны свои, отличные от природных закономерности развития, которые необходимо учитывать при изучении историко-географических проблем» [210, с. 234].

И.Я. Златкин в своей статье «Не синтез, а эклектика», вышедшей в 1970 г., подвергает сокрушительной критике методику исследований, предложенную Л.Н. Гумилевым, обвиняет его в географическом детерминизме, отрицании принципа историзма (в отношении сущности этноса), пренебрежении к историческим источникам, что приводит его, по мнению историка, к многочисленным ошибкам. Так он писал, что «читая работы Л.Н. Гумилева последнего десятилетия, в которых он все более активно вторгается в сферу «глобальных» проблем, становится очевидным умножение и усложнение ошибок, уводящих его в сторону от исторических фактов» [171, с. 87].

Логическим продолжением «Хунну» стала книга «Хунны в Китае», которая вызвала более положительный отзыв со стороны востоковедов, хотя и здесь встречаются все те же замечания. Так, Л.С. Васильев, говоря о тщательности источниковедческого анализа и необходимости в исчерпывающем ознакомлении с историографией вопроса, отмечал те же недостатки в исследовательских работах ученого. «Существует определенная логика исследования, сводящаяся в самом общем виде к знаменитой Гегелевской триаде (тезис - антитезис - синтез). Метод исследования Л.Н. Гумилева целиком игнорирует среднюю часть триады, он связывает мнение прямо с выводом, целиком отгораживая это мнение от любого, могущего быть противопоставленным ему, сомнения» [207, с. 156].

Другой, не менее известный востоковед М.В. Крюков не согласен с тем, что Л.Гумилев отводит решающую роль природно-климатическим факторам в объяснении демографических процессов в Китае III-VI вв. и воссозданной на этом этнической картине средневекового Китая.

Против утверждаемого Л.Н. Гумилевым и И. Эрдейи мнения, что кочевание и оседлость есть противоположные этнические признаки, и возможность оседания кочевников возникает только при переселении в новую географическую среду, где сохранение привычного образа жизни невозможно, выступили М.А. Артамонов и С.А. Плетнева. Они считали, и это мнение общепринято, что оседлость никак не может быть этническим признаком в силу социально-экономического характера процесса седентеризации кочевников, «...оседают в первую очередь обедневшие кочевники, не способные обеспе-

чить свое существование скотоводством. Следовательно, оседание кочевников происходит в результате углубления в их среде экономического неравенства» [171, с. 118].

В статье Б.А. Рыбакова «О преодолении самообмана» указывается на недопустимый подход к анализу источников, на бездоказательность концепции Л.Н. Гумилева о взаимоотношении Древней Руси и кочевников. Ученый, основываясь на том, что «Слово о полку Игореве» – памфлет, созданный в 1249-1252 гг., характеризовал данный литературный памятник как «сочинение антикочевнического и антинесторианского направления», называл его «литературная стрелой, направленной в грудь благоверного князя Александра Ярославича Невского», полагал, что «...под масками князей XII в. должны скрываться деятели XIII в.». Б.А. Рыбаков с такими высказываниями категорически и вполне оправданно не согласен [171, с.119].

Л.Н. Гумилевым не была создана своя этнологическая школа [171, с. 111]. Наиболее последовательным учеником и продолжателем дела Льва Николаевича Гумилева был Константин Павлович Иванов (1953-1992 гг.), кандидат географических наук, старший научный сотрудник ПИИ географии СПб. университета. Как вспоминает Ю.Ю. Шевченко, «впервые в 1977 г. прозвучало имя студента, написавшего курсовую работу «Фрейд и Гумилев». Это был Константин Иванов.» [211]. К.П. Иванов совместно с Л.Н. Гумилевым вел знаменитый курс по народоведению в ЛГУ с 1984 по 1992 гг. Константин Иванов один из немногих, кто не побоялся встать на защиту учителя в тяжелые для него 1980-е гг. Это было время, когда вышел его основной труд «Этногенез и биосфера Земли» и начались активные выпады против ученого, на которые он сам не мог ответить, поскольку его нигде не печатали [212]. В «Известиях ВГО» К.П. Иванов опубликовал статью, в которой провел сравнительный анализ положений и терминов учения Л.Н. Гумилева и признанного корифея в области этнографии того времени – Ю.В. Бромлея. Он пришел к выводу, что «установлено полное или почти полное сходство во взглядах Л.Н. Гумилева и Ю.В. Бромлея по подавляющему большинству положений». И есть лишь два отличия – в вопросе этнического самосознания этносов и энергетического аспекта учения о пассионарности Л.Гумилева [213]. Ранняя трагическая смерть К.П. Иванова очень тяжело переживалась Л.Н. Гумилевым.

Лев Николаевич совместно с К. Ивановым написал несколько статей, по проблемам пассионарности: «Этносфера и космос» [214] и «Классификация людей по пассионарно-аттрактивному признаку», «Этнические процессы: два подхода к изучению» [214]. Продолжая развивать поднятую в совместных с учителем статьях проблему происхождения и сущности пассионарности, К.П. Иванов в своем основном труде «Проблемы этнической географии», основываясь на положении о генетической наследуемости пассионарности, использовал количественные модели для ее изучения. Он обобщил основные идеи пассионарной теории этногенеза Гумилева и осуществил практическое применение этой теории для изучения эколого-географических, демографиче-

ских процессов в сельской местности Нечерноземья, а также у малочисленных народов Севера России. В докладе К.П. Иванова «Механизм этногенеза как инструмент исследования этнокультуры», сделанном на научной сессии НИИ географии СПб университета и написанном к 80-летию учителя, излагаются основные положения пассионарной теории этногенеза Л.Н. Гумилева. Мутационная природа пассионарного толчка объясняется существованием некоего электромагнитного поля, которое может подвергаться внешнему энергетическому воздействию [214]. Таким образом, К.П. Иванов придерживался той же гипотезы относительно происхождения пассионарности, что и Л.Н. Гумилев, а именно энергетической, хотя он не исключал и других подходов и до конца оставался в поиске причин пассионарности.

Другой талантливый ученик и единственный аспирант Л.Н. Гумилева – Ермолаев Вячеслав Юрьевич много внимания уделил изучению и развитию идей этногенеза. Им была защищена кандидатская диссертация по теме «Этногенез и социальная география городов России» [171, с.123], опубликован ряд статей по этой проблеме. В.Ермолаевым составлен подробный «Словарь понятий и терминов теории этногенеза Л.Н. Гумилева», опубликованный в первом ленинградском издании книги Л.Н. Гумилева «Этногенез и биосфера Земли» [215]. Несколько статей написано совместно с Л.Гумилевым. Статья «Горе от иллюзий» [203] одна из немногих, где Л.Гумилев вместе со своим учеником позволил себе дать оценку современному состоянию России, ее политических перемен с позиций пассионарной теории этногенеза. Рассматривая проблему распада СССР, авторы утверждали, что, несмотря на то, что российский суперэтнос находится в состоянии «фазового перехода от надлома к инерции», наиболее разрушительном и опасном, причина распада не только в этом, но также и том, что «признак пассионарности в ходе этногенеза как бы дрейфует по территории страны от центра к окраинам. В итоге к финальным фазам этногенеза пассионарность окраин этнического ареала всегда выше, чем пассионарность исторического центра» [203, с.169]. Другая совместная статья «Чингис-Хан – неожиданный ракурс», написанная как предисловие к книге Э.Хара-Давана [179], развивает новый взгляд на историю Золотой орды с позиций пассионарной теории этногенеза. Авторы отмечали, что, несмотря на высокую оценку труда Э.Хара-Давана, «этот старый научный труд» может быть правильно понят лишь с учетом современных знаний о предмете.

Дальнейшей разработкой проблем этногенеза занимается еще один ученик Л.Н. Гумилева Мичурин Владимир Аскольдович. Он окончил географический факультет ЛГУ, был аспирантом К.П. Иванова в Институте Озероведения РАН. После смерти Л.Н. Гумилева, В.А. Мичурин стал редактором книг своего учителя «Этносфера» и «Ритмы Евразии», а также осуществил общую редакцию книги «Черная легенда». Под редакцией Л.Н. Гумилева В.Мичуриным был составлен «Толковый словарь понятий и терминов», опубликованный в книге «Этносфера: История людей и история природы» [216]. На сайте «Фонда Л.Н. Гумилева» выставлено около десяти работ

В.Мичурина, посвященных в основном дискуссионным проблемам пассионарной теории этногенеза и интерпретации на ее основе истории России и других государств. В статье, написанной Мичуриным совместно с К.П. Бутусовым, «Лев Гумилев: Космос и Человечество» делается попытка объяснить происхождение пассионарных толчков космическими причинами [217]. Авторы утверждали, что все пассионарные толчки, выявленные Л.Гумилевым, происходят через временные интервалы, кратные примерно 250 годам. Из космических тел, такому периоду обращения вокруг солнца соответствует планета Плутон. Положение Плутона влияет на поток микрочастиц из космоса, которые вызывают генетические мутации у людей и вспышку пассионарного напряжения. Статья эта обсуждалась при жизни Л.Н. Гумилева летом 1991 г., но окончательные выводы не были сделаны в связи со смертью учителя. Авторы статьи докладывали этот материал на Гумилевских чтениях и в Географическом обществе. В ходе оживленных дискуссий было выявлено, что не все пассионарные толчки, описанные Л.Н. Гумилевым, попадают в указанный временной отрезок, поэтому положение Плутона, видимо, не может являться единственной причиной пассионарного мутагенеза.

Статья В.Мичурина «Воссоздание Российской государственности» рассматривает историю России XX в. в свете теории этногенеза Л.Н. Гумилева [218]. Развивая мысли Л.Н. Гумилева, автор считал, что российское общество как суперэтническая система находится на сегодняшний день в фазе надлома. Кризис, переживаемый российским суперэтном, В.Мичурин объяснял особенностью пассионарной энергии, которая «иссякает в верхних, правящих этажах общества, зато накапливается в нижних». Автор отмечал, что правящий в начале XX века субэтнос (дворянство) почти полностью утратил пассионарность, в то время как «революционное движение» вобрало в себя огромный пассионарный потенциал и сформировалось как антисистема, которая снесла существующий порядок и сама стала правящим субэтном. В.Мичурин вслед за учителем выделяет особый «коммунистический субэтнос». Лев Гумилев указывал на существование определенной структуры этноса, которая делает его более устойчивым, выделяя такие категории как субэтнос, консорции и конвексии. Для субэтноса характерен свой неповторимый стереотип поведения, «возникают они вследствие разных исторических обстоятельств, иногда совпадают с сословиями, но никогда с классами, и сравнительно безболезненно рассасываются, заменяясь другими...» [215, с.139]. Рассматривая изменения уровня пассионарности «коммунистического субэтноса, В.Мичурин выделил такие «микрофазы»: подъем (1917-1922 гг.), расцвет (правление Сталина и превращение антисистемы в субэтнос как таковой), инерционная микрофаза (хрущевский и брежневский периоды) и, наконец, окончательный спад пассионарности и распад в фазе надлома (период перестройки Горбачева). Далее автор утверждал, что задача современного этапа – направить энергию оставшихся пассионариев в государственные структуры, для создания дееспособной элиты, а не в криминал и за границу, как это было на протяжении последнего десятилетия. Для этого В.Мичурин

предлагал осуществить реформу государственной власти в России, отказаться от псевдо-демократических выборов, передав управление в руки сословия высших чиновников, надзирать над которыми будут специальные органы.

Серия публицистических статей В.Мичурина, напечатанных в новом общественно-политическом журнале «Дети фельдмаршала», рассматривает современное состояние России в свете теории этногенеза Л.Н. Гумилева. Исходя из этнопсихологического подхода, В.Мичурин отмечал, что формирование нового психологического типа в России («прагматичного»), свидетельствует об окончании фазы надлома и переходе этноса в более спокойную инерционную фазу [219]. В геополитическом положении современной России автор видит две перспективы: либо медленное геополитическое выдавливание из стран СНГ, которое превратит Россию окончательно в региональную державу, либо Россия начнет активно искать союзников на востоке в лице Ирана, Армении, и других, государств.

Еще один ученик Л.Н.Гумилева, о котором необходимо сказать – это участник гумилевского семинара по народоведению, соавтор, кандидат исторических наук Ю.Ю. Шевченко. Участник множества археологических экспедиций, член Географического общества в 1975-1979 гг., он на себе испытал обвинения КГБ в «антисоветской агитации и пропаганде». На основе концепции этногенеза Л.Н. Гумилева, Ю.Шевченко создал метод распознавания стилистических единств прошлого археологических культур [171, с.122], а также рассматривал движущие силы человеческого филогенеза. В этом же ряду можно отметить другие конкретные методики, построенные на концепции Л.Н. Гумилева. Это археологическая география А.М. Микляева и историко-ландшафтные реконструкции в картографическом моделировании С.П.Романчука [171, с.128]. Итак, уже в начале 1980-х гг., несмотря на замалчивание концепции Л.Гумилева, она все же просачивалась в научные круги и была даже востребована в основном науками прикладного характера.

В работах Л.Н. Гумилева была предложена концепция этноса как поля биофизических колебаний с определенной частотой или ритмом [215, с.367-374]. Она получили развитие в трудах современных исследователей, не являющихся его непосредственными учениками, но активно использующих теорию Л.Н. Гумилева в своих поисках. Хочется отметить работу Олега Бондаренко «Философия выживания этноса» [220], который продолжил разработку теории пассионарности Л.Н. Гумилева в свете философии единого поля. В своем нетрадиционном, оригинальном подходе О.Бондаренко объединил большое число научных дисциплин, включая гуманитарные и точные науки. Сочетание идей Л.Гумилева, новых направлений в психологии, в частности дианетики Л.Р. Хаббарда, гипотезы единого поля физика С.Кадырова дают очень интересные результаты. Как один из аспектов философии единого поля рассматривается, т.н. этнопрогностика, т.е. наука о моделировании социально-этнических процессов в любом обществе, прогнозировании развития межэтнических конфликтов.

О.Бондаренко дает оригинальное трактование пассионарности, используя

шкалу тонов, или индексов эмоционально-психических состояний, как отдельного человека, так и групп, американского исследователя Р. Хаббарда. Человечество в целом и разные его структурные единицы общества, писал О. Бондаренко, идут по шкале тонов снизу вверх, что и означает историческое развитие. Тон пассионарных людей немного выше среднего тона окружающих, что позволяет навязывать окружающим свой стереотип поведения. Каждая этническая группа, по О.Бондаренко, переживает полный цикл своей жизни: от пассионарного подъема до инерционного спуска, распада. Автор отмечал, что не согласен с выводимой Л.Н. Гумилевым продолжительностью такого цикла в 1100-1500 лет, поскольку считал продолжительность этногенеза не фиксированной величиной, а зависящей от уровня тона, на котором развивается этническая волна. Чем выше усредненный тон начала этногенеза, тем интенсивнее этнические процессы. В качестве примера Бондаренко приводил американский этнос, который проходит свой этнический путь с большой скоростью. Насколько правомерна и плодотворна такая интеграция идей покажет, видимо, дальнейшая ее судьба. Но, нам хочется отметить, что труд О.Бондаренко интересный, оригинальный опыт творческого осмысления наследия Л.Н. Гумилева.

Из работ естественнонаучной направленности, можно отметить попытку математического моделирования этнических процессов с использованием понятий этническое поле и пассионарное напряжение в работе В.В. Коробичина. [171, с.123]

В статье Ю.С. Самохина человек рассматривается как элемент биогеоценоза и ставится проблема формирования географической культуры народа. Учение Л.Н. Гумилева и его терминология используется для определения уровня адаптированности человека к ландшафту, для установления зависимости отношения к природе от этнических поведенческих стереотипов этноса [171, с.123].

Известный историк, этнолог и культуролог, многие годы посвятивший системному изучению общества – Айзатулин Тамерлан Афиятович (1939-2002) – обращался к осмыслению евразийского наследия и рассматривал некоторые его геолого-географические основания в современных условиях [221]. Работа этого ученого «Теория России. Геоподоснова и моделирование» содержит наблюдения и размышления автора по поводу современного евразийства в гумилевской версии [222]. Т.Айзатулин рассматривал биогеохимическую и геодинамическую особенности зон пассионарных толчков, описанных Львом Гумилевым. Главное в геоподоснове теории России, по мнению автора, состоит в том, что Россия – это пограничная симбиотическая северо-евразийская цивилизация, которая была и остается единственным в мире гарантом разнообразия культур и цивилизаций.

Несколько статей написаны Т.Айзатулиным в соавторстве с друзьями и единомышленниками С.Г. Кара-Мурзой и И.Тугариновым [223]. Они отмечают «непонимание» современной политизированной интеллигенцией русских этнокоммунологических механизмов и принципов, что и привело к кри-

зису либеральной цивилизационной модели в России. Особенно сильно этот кризис проявился в национальной политике. Только сохранение в полном объеме этнического разнообразия, что евразийцы определили как симфонию народов, позволит России, по мнению ученых, разливаться как особой цивилизации.

Некоторые аспекты этнологической концепции Л.Н. Гумилева были развиты современными исследователями в области биологии и психологии человека. Особенно большой интерес у исследователей вызвала тема пассионарности как психологического феномена. Одними из первых по этой теме стали работы кандидата психологических наук, ученика Л.Н. Гумилева – М.И. Коваленко. С позиций психологии М.Коваленко рассматриваются причины формирования религиозных антисистем, явление пассионарности сопоставляется с психологическим термином темперамент. По его мнению, от силы темперамента напрямую зависит уровень пассионарности, который определяет уровень притязаний индивида [171, с.124]. В труде Ю.Б. Бахтина, депонированном в 1985 г. в ВНИИТИ, разрабатывается мутагенная гипотеза пассионарности Л.Н. Гумилева. [171, с.124] Ю.Б. Бахтин предлагал неоднозначную, но интересную гипотезу о роли мобильных генетических элементов в процессах старения и возникновения пассионарности. Таким образом, все эти работы созданы на стыке гуманитарных и естественных наук, продолжая развивать, заложенный в учении Л.Н. Гумилева, большой интеграционный потенциал теории этногенеза.

Большой интерес у современных исследователей вызвала выявленная и описанная Л.Гумилевым проблема существования в человеческой истории феномена антисистем. Игорь Сергеевич Шишкин – доцент Московского института культуры, главный редактор интернет-журнала «Евразийский Вестник» [224], в своих работах рассматривал природу антисистемы. В статье «Внутренний враг» он выделил три формы антисистем: религиозно-философскую (неприятие мира в целом), общественно-политическую (неприятие многообразия социального развития) и, наконец, экологическую (неприятие стихийности и иррациональности природы) [224]. Как и Владимир Махнач, что будет показано ниже, Игорь Шишкин считал, что «химера не предопределяет появление антисистемы, а лишь создает возможности и закладывает предпосылки ее образования». Прежде всего, антисистема - это выбор человека между двумя линиями поведения - жизнеутверждающим и жизнеотрицающим.

Наиболее распространенной формой антисистемы в XX веке, по мнению И.Шишкина, была «общественно-политическая, идущая от неприятия органического многообразия социального развития». Общество в такой антисистеме воспринимается как искусственный механизм, который можно свободно конструировать и перестраивать, не заботясь о сохранении исторической традиции, национальной психологии и ценностей. Эту форму антисистемы он сопоставлял с понятием «малый народ», введенным французским историком О.Кошеном в книге «Смысл якобинства». По мнению О.Кошена, ре-

шающую роль в Великой французской революции сыграл круг людей, сложившийся в философских школах и масонских ложах и создавших свой изолированный мир, отрицающий окружающий их порядок, который историк и называет «малым народом».

Развивая далее сопоставление антисистема «малый народ», И.С. Шишкин обращался к разработкам теории «малого народа» академика, доктора математических наук Игоря Ростиславовича Шафаревича [225]. Главная отличительная черта «малого народа», по И.Шафаревичу, это выступление против существующего порядка вещей людей, с отрицательным мироощущением, ведущая к уничтожению этноса. Для И.Шишкина такой антисистемой или «малым народом» в России во второй половине XIX - начале XX вв. являлась «интеллигенция». На наш взгляд, это смелое мнение, об антисистемной сущности русской интеллигенции не совсем правомерно. Русская интеллигенция – явление весьма многогранное и неоднозначное, и сводить этот слой русского общества только к антисистеме, на наш взгляд, неверно. Представление И.С. Шишкина о большевизме как антисистемном политическом движении больше соответствует действительности, и это отмечалось еще Л.Н. Гумилевым. Действительно, начавшееся после революции 1917 г., невиданное в истории по масштабам и жестокости уничтожение России и всего русского, вплоть до названия страны, указывает на антисистемное, жизнеотрицающее начало установленного режима и людей, осуществляющих это. И.Шишкин считал, что «переварить» антисистему русскому народу удалось благодаря высокой пассионарности русского этноса в начале века. Но борьба с ней не закончена и по сегодняшний день. Второе дыхание антисистема, по И.С. Шишкину, получила в 1991 году с началом демократического движения, антисистемность которого проявляется в разрушении ценностей нации, стереотипа ее поведения. Таковы интерпретации современной ситуации в России, данные И.Шишкиным, на основе этнологической концепции Л.Н.Гумилева.

Несколько иное восприятие и использование понятия «антисистемы» находим у культуролога, религиозного философа Владимира Леонидовича Махнача – одного из немногих «московских» учеников Л.Н.Гумилева. В 1973-1979 гг. он учился на историческом факультете МГУ. В студенческие годы познакомился с Л.Н. Гумилевым, взгляды которого оказали сильное влияние на мировоззрение будущего историка и искусствоведа. Многие труды Л.Н. Гумилева ему довелось смотреть в рукописи и обсуждать в процессе написания [226].

Основная проблема в творчестве Владимира Махнача – поиск исторического пути России, основанный на традициях православия и государственности. Он активно использовал идеи Л.Н. Гумилева, прежде всего, его концепцию фазового развития этносов, представления об антисистеме. Владимир Махнач разработал курс лекций «Историко-культурное введение в политологию», где рассмотрены основные понятия и термины этнологической концепции Л.Н. Гумилева, а также на ее основе дана интерпретация российской

истории XIX – начала XX вв. Он писал, что «Гумилевскую концепцию пассионарности можно принимать или отвергать. Спорить о ней, видимо, будут долго. Однако даже если ее отбросить, схема фаз (возрастов) этноса будет работать по Гумилеву, что можно показать на примере любого народа, о котором хватает исторических сведений. Таким образом, этнологическая теория Гумилева, в общем, верна вне зависимости от входящей в нее концепции пассионарности» [226].

Отметим следующую статью В.Махнача «Россия в XX столетии» (Диагноз историка культуры), в которой он анализировал историю России, используя этнологическую концепцию Льва Николаевича, начиная с XIX века. Свидетельством наступления фазы надлома, он считал восстание декабристов. С этого момента, по мнению В.Махнача, идет постоянное нарастание деструктивных элементов в российском этническом поле. В.Махнач анализировал понятие антисистемы у Л.Н. Гумилева и дополнил его своими наблюдениями. Он рассматривал предшествующие аналогии, близкие понятию антисистемы, у других авторов, («религия левой руки» Д.Андреева, О.Кошен и др.). Определяя антисистему скорее как культурологическое понятие, чем историческое, В. Махнач поставил под сомнение сближение Л.Н. Гумилевым таких понятий, как «антисистема» и «химера». Во-первых, он отмечал, что химеры недолговечны, в то время как антисистемы могут существовать веками. Во-вторых, обязательное условие возникновения химеры – межэтнические контакты, для антисистемы – это условие не обязательное. Размышляя над особенностями такого явления как «антисистема», В.Махнач писал: «...способность антисистемы как бы исчезать, а затем реконструироваться, более всего подталкивает нас к скептическому отношению к самой гумилевской теории? А может, антисистема есть нечто чисто умозрительное?». На наш взгляд, противоречия в этом нет. Необходимо только определиться, какой подход мы избираем для рассмотрения этого явления. Если это подход историка и этнолога, что было присуще Л.Н. Гумилеву, то антисистема – реальное воплощение жизнеотрицающего, деструктивного мироощущения, свойственное этносу в фазе надлома, а так же в моменты кризисов в его развитии, и проявляется оно в самых разнообразных по своим внешним характеристикам учениях, сектах и т.д. Если же рассматривать явление антисистемы с позиций культуролога, то действительно, оно предстает как единое по своей сущности явление, характеризующееся сходными чертами, присущее каждой культуре в той или иной степени и проявляющееся в определенные исторические моменты.

Первым проявлением антисистемы в России В.Л. Махнач считает так называемую «ересь жидовствующих», приходящуюся на фазу этнического подъема и поэтому не встретившей понимания и поддержки у значительной части этноса. Следующим проявлением в истории России антисистемных умонастроений стала опричнина. «Приоритет рассмотрения опричнины как антисистемы принадлежит Льву Гумилеву и Александру Панченко в их замечательном диалоге «Свеча бы не погасла» – отмечал историк [226, с. 281].

Рассматривая эти явления, В.Махнач пришел к выводу, что «историко-культурные последствия существования этих антисистем колоссальны, особенно если учесть ничтожное количество адептов первой антисистемы, и относительно небольшое – второй. Речь идет о значительном снижении уровня социальной нравственности к концу XVI в., после двух волн антисистем в России» [226, с.288].

В XIX веке в России начала распространяться революционная антисистема. «Легче всего увидеть реальность антисистемы XIX в. в противопоставлении дворян народу, а во второй половине XIX в. – интеллигенции народу» [226, с.285]. Антисистемность революционной и радикально-реформистской интеллигенции выражалась, по наблюдениям В.Махнача, в «устойчивом негативном восприятии национальной традиции, национального уклада» [226, с.289], что явилось результатом прохождения русских как этноса фазы надлома, которая резко снижает внутриэтническую солидарность. Ссылаясь на Л.Н. Гумилева, В.Махнач отмечал, что антисистема, приходя к власти, меняет свои жизнеотрицательные установки, но порождает деспотический, полицейский режим, свидетельством чего и стала история СССР. Вывод культуролога таков: «Избавление от антисистемы возможно только в условиях восстановления внутриэтнической солидарности и создания первоклассной системы образования в России» [226, с.289].

Наиболее интересными последователями Л.Н. Гумилева, осмыслившими его теорию в философско-литературном плане стали писатели и ученые Дмитрий Балашов и Александр Панченко. Дмитрий Михайлович Балашов, фольклорист и писатель, познакомился с Львом Гумилевым в 1972 году, но личному знакомству предшествовал период изучения идей и трудов ученого, который привел писателя к полному приятию учения Л.Гумилева. В одном из интервью Д.Балашов отметил: «Фольклористу проще простого было принять постулат гумилевской теории – этнос не состояние, а процесс, интуитивно я это понял» [171, с.130]. В статье «Памяти учителя», написанной через год после смерти ученого, он так описывает свои взаимоотношения с Л.Гумилевым и его учением: «...концепция Гумилева прямо и сразу покорила меня возможностью построить, наконец, на канве пассионарных взрывов и спадов историю культуры, где был не только перечень событий, но и объяснение... Поэтому, верно, и знакомство наше не прервалось, а продолжилось, причем Лев Николаевич давал читать мне свои работы, требуя, критики. Но какие критические замечание мог я ему дать, воспринимая все, написанное им так, как усердный ученик воспринимает произведения любимого профессора! А когда Лев Николаевич взял на себя труд читать мои романы и давать мне советы и консультации бесценного свойства, – и не только по истории степных народов, разумеется, но и по философии, богословию, да и просто литературно-критические, заставляя переделывать целые главы, – то и получилось, что я стал постоянным гостем Льва Николаевича, получая от него безмерно больше того, что мог дать ему сам, почему и числю себя теперь среди учеников Л.Н. Гумилева» [227].

Цикл романов под общим названием «Государи Московские» испытал большое влияние пассионарной теории этногенеза Л.Н. Гумилева, о чем Д.Балашов неоднократно упоминает в своих статьях и работах. Эта серия художественных книг посвящена периоду становления Московской Руси и формированию великорусского этноса и написаны исходя из евразийского видения исторического развития России. Хочется отметить, что эти романы являются скупными историческими исследованиями, написанными высокохудожественным языком. Описание начала пассионарного подъема, создавшего Московскую Русь, в первой книге цикла – «Младший брат», в последующих – «Великий стол», «Бремя власти», «Симеон Гордый», «Ветер времени», «Отречение» переходит в создание картины объединения страны и все большего подъема, который в конце XIV века увенчался созданием единого Московского государства [228]. Данная работа по оценке самого автора, «...стала не столько даже следованием теории Гумилева, сколько ее самостоятельной проверкой» [228, с. 10]. Д.Балашов использовал свои наработки как фольклорист, свои личные наблюдения за развитием культуры XIV-XV вв., которые только подтверждали, по мнению писателя, предложенную Л.Н. Гумилевым модель развития этносов.

Много внимания писатель уделил переосмыслению роли монголов в истории Руси XIII в. Используя художественные средства и исторический материал, писатель рисовал картины, далекие от тех представлений о взаимоотношениях русских с Золотой Ордой, которые принято было называть не иначе как «татарское иго». Д. Балашов разделял взгляд Л.Гумилева на эту страницу истории Руси, и также считал, что не было «татарского ига», а был выгодный союз с сильным соседом, который помог выстоять против западноевропейской агрессии на Русь, помог процессу собирания русских земель вокруг Москвы, обогатил полезными традициями государственного устройства и организации власти. Взгляды Д.Балашова на историю Московской Руси были настолько близки Л.Н. Гумилеву, что вступительную статью к собранию сочинений Д.М. Балашова он закончил следующим образом: ««Государи Московские» отражают подлинную, а не мифологическую историю нашей Родины, и потому я осмелюсь рекомендовать эти книги всем, кому судьба Родины небезразлична» [228, с. 8].

В ряду литературно-философского осмысления теории Льва Гумилева нельзя не отметить его друга и соавтора, академика Панченко Александра Михайловича (1937-2002) – культуролога, историка, филолога. Он закончил Карлов университет в Чехословакии. В Праге впервые услышал о Л.Гумилеве от евразийца Петра Николаевича Савицкого, который зачитывал его письмо. Позднее состоялось их личное знакомство, которое переросло в дружбу и совместное написание книги «Чтобы свеча не погасла» в виде диалога авторов. Эта книга – не спор, а именно диалог, рассуждения двух ученых мужей, объединенных в одном искреннем стремлении глубже понять судьбу своей родины – России, используя свои научные поиски и наблюдения. А.Панченко писал: «Я не сторонник философом, которым присущи все-

ленские претензии, ибо всякая дельная теория объясняет только часть фактов. Но я готов принять в качестве исходного пункта, что маразм системы, ее надлом...проявились именно при Николае I» [229]. В одном из интервью А.Панченко отметил: «Если следовать теории этногенеза моего друга и соавтора Льва Гумилева, то с декабрьского восстания 1825 г. мы находимся в фазе надлома. Она длится 150-200 лет. Когда пришла горбачевская эпоха, Гумилев посчитал, что надлом закончился. Правда, быстро понял, что обольстился. Надлом продолжается. После надлома, по теории Гумилева, наступает либо «золотая осень», когда все хорошо, либо «обскурация». У нас – второй вариант. Впрочем, все это умозрительно» [229, с.118]. Это высказывание, на наш взгляд, отражает отношение А.Панченко к теории Л.Н. Гумилева. Его можно выразить словом «допускаю». Все факты из истории культуры, ее особенности развития и проявления, приводимые А.Панченко в совместно написанной с Л.Н. Гумилевым книге, не противоречат теории этнолога, а как бы добавляют к ней свои штрихи. Например, если Л.Гумилев говорил о таком явлении как антисистема, описывая ее примеры на разных этапах истории, то А.Панченко, как бы перекликаясь с ним в общем отношении к этому явлению, писал о явлении самозванства, поразившего Россию в XVII-XVIII вв., как следствие разрушения веры, обмана, проникшего в сознание русского человека после бесовского отрицания опричниками Ивана Грозного прошлого, своей истории, рода. В предисловии к одной из книг Льва Николаевича А.Панченко довольно высоко оценил его концепцию этногенеза. Он писал, что «во всяком случае, в нынешнем историософском запасе нет идей, которые могли бы конкурировать с теорией этногенеза» [229, с. 120].

В завершении анализа работ последователей и учеников Л.Н. Гумилева, необходимо сказать несколько слов о Сергее Борисовичи Лаврове (1928-2000) – Президенте Русского Географического общества, зам. Президента Фонда Л.Н. Гумилева, докторе географических наук. Сергея Борисовича связывала со Львом Николаевичем Гумилевым 30-летняя дружба, совместная работа на кафедре экономической географии ЛГУ. Последователем учения этногенеза С.Б. Лаврова назвать нельзя, в его взглядах была скорее доброжелательная критика, восхищение талантом ученого, его эрудицией и оригинальностью взглядов. Влияние Л.Н. Гумилева сказалось в пробуждении интереса С.Б. Лаврова к евразийству, которое он стал изучать как важнейшую для России геополитическую концепцию.

С.Б. Лавров написал первую биографию Л.Н. Гумилева, одобренную Н.В. Гумилевой, женой ученого [230]. В книге содержатся не только воспоминания коллеги и друга, но рассматриваются основные положения главного детища Л.Н. Гумилева – пассионарной теории этногенеза. С.Б. Лавров высказывает ряд сомнений. Принимая понятия пассионарности и комплиментарности, как отражающие действительно существующий феномен в этнической истории, он, как и многие другие исследователи творчества Гумилева, констатировал, что объяснения этому феномену Л.Н. Гумилев дать не смог, хотя активно его искал в различных областях естественных наук. Наиболее близ-

ким этнологу было космическое объяснение феномена пассионарности. Высоко оценивает С.Б. Лавров творчество Л.Н. Гумилева с близких ему позиций географии. Он писал: «Нет сомнений, Л.Н. блестяще знал историю и понимал ее географически «шире» многих, так как само «поле» его исследований простиралось от запада Европы до Желтого моря. Можно, конечно, дискутировать о доказательности построения какой-то из кривых на карте, но это был бы спор по деталям». Спорными С.Б. Лавров считал предлагаемую Л.Н. Гумилевым динамику пассионарности или фазы этногенеза. Завершая главу, посвященную концепции Льва Николаевича, С.Б. Лавров высказал мысль, отражающую его общее отношение к детищу Л.Н. Гумилева: «Да, механизм пассионарности и физические причины «толчка» были Л.Н. лишь обозначены. Но разве этого мало?» [230, с.101].

Надо отметить, что творчество Л.Н. Гумилева оказало значительное влияние на современное научное сообщество. Это проявляется не только в использовании гумилевской терминологии, но и в вопросах теоретических и методологических в области изучения исторических, этнических и географических проблем человечества. Поскольку нашей задачей в данном параграфе было показать дальнейшее развитие и трансформацию гумилевской версии евразийства у его учеников и последователей, то из нашего поля зрения выпало множество ученых, которые, обращаясь к творчеству евразийцев, очень часто воспринимают их уже в преломлении гумилевской версии. Можно отметить работы М.Титаренко, И.Орловой. Однако их нельзя назвать последователями Л.Н. Гумилева, поскольку интересует их, прежде всего, анализ и преломление в современной действительности именно евразийства.

Как видно из выше изложенного, для учеников и последователей Л.Н. Гумилева характерен, прежде всего, поиск естественно-научных факторов, подтверждающих выводы ученого. Ими используются данные астрономии, географии и смежных дисциплин. Интересные разработки в объяснении сущности пассионарности как феномена этнической истории есть в области биологии, психологии. Появились и конкретные методики в прикладных исторических и географических науках (археологии, ландшафтоведении и др.), использующие концепцию этногенеза Л.Н. Гумилева. На наш взгляд, наметилась тенденция более серьезного и заинтересованного отношения к концепции этногенеза Л.Н. Гумилева именно у исследователей-естественников самой разной специализации. Таким образом, продолжает развиваться интегративный потенциал учения Л.Н. Гумилева, а именно синтез гуманитарного и естественнонаучного знания.

Ученые-гуманитарии настроены более осторожно и критично по отношению к концептуальным и, как было показано выше, историческим построениям Л.Н. Гумилева. Хотя есть ряд последователей и среди них. Понятия пассионарности, надлома этноса используются все чаще, в исторических, философско-литературных работах. Последователи Л.Н. Гумилева с большим интересом рассматривают и описывают фазы этногенеза, предложенные Л.Н. Гумилевым, применительно к разным народам, вносят фактические по-

правки, однако принципиально нового в этой области не предлагается. Большой интерес у исследователей, обращающихся к творчеству Л.Н. Гумилева, вызывает введенное им понятие антисистемы. Анализируются ее этнологические, философские истоки, а также специфика проявления антисистемы в истории России и на современном этапе. Современное состояние России рассматривается в том же ключе, что был задан Л.Н. Гумилевым – как окончание фазы надлома, переход к инерционной фазе этнического развития.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: учение Л.Н. Гумилева в 90-х гг. XX века активно развивается и интерпретируется, при этом интерес со стороны естественников преобладает. Это, на наш взгляд, только подчеркивает высокий уровень системности и синтеза, которого удалось достигнуть Л.Н. Гумилеву.

Большинством современных исследователей творчество Л.Н. Гумилева воспринимается как продолжение евразийской традиции, как ее развитие на современном этапе. Высокий потенциал для понимания сущности российской цивилизации является тем магнитом, что притягивает современное научное сообщество к евразийскому мировоззрению и учению Л.Н. Гумилева в частности.

3 ЭВОЛЮЦИЯ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ЕВРАЗИЙСТВА И ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ

3.1 Евразийские течения в России и странах СНГ

Евразийство как идейно-политическое и научно-мировоззренческое явление евразийских стран, прежде всего современной России включает в себя весьма широкую гамму направлений и смыслов, которые порой противоречат и даже взаимоисключают друг друга. Задача данной главы – показать развитие евразийской традиции в современных евразийских течениях, идеологических движениях, учениях, подходах политиков и обществоведов, дать анализ трансформации этой традиции в современных условиях. Хотелось бы показать многообразие поисков в русле этой традиции, а так же выявить новые тенденции синтеза гуманитарного и естественнонаучного знания в работах современных исследователей. Чтобы разобраться в широком спектре евразийских течений в России и странах СНГ как этнокультурного и исторического явления, требуется определенная классификация этого многозначного и полифункционального явления.

Известно, что в последние годы прошедшего столетия в странах СНГ отсутствовала общая мировоззренческая база, общий знаменатель. Именно в этот момент многие умы обратились к евразийскому наследию. Концепция быстро стала известной и даже модной, пошел поток евразийской литературы, а слово «Евразия» стало использоваться в политической терминологии, зачастую в прямой взаимосвязи с понятием «геополитика». Конечно, актуализация геополитики – следствие не только возрождения евразийства. Она была предопределена гигантскими глобальными сдвигами конца XX века – развалом СССР, концом биполярного мира, возникшей как бы внезапно ситуацией геополитической нестабильности и неизвестности. Стал неизбежен поиск новых путей постсоветских государств, их нового геополитического статуса. Возродившись, евразийство стало объектом широкого обсуждения, как за рубежом, так и на постсоветском пространстве. Неоевразийство стало складываться как социальное, философское, научное, геополитическое, культурное течение с 80-х годов XX века.

Отталкиваясь от наследия русских евразийцев 1920-30-х годов, вобрав в себя духовный опыт евразийской традиции от древности до наших дней, по-новому осмыслив достижения советского этапа отечественной истории, и вместе с тем освоив развитую геополитическую методологию, современное евразийское течение стало одной из серьезных мировоззренческих платформ в современном обществе, оформилось в целую научную школу, в систему социальных и культурных инициатив. Таким образом, неоевразийская идеология постепенно переросла уровень чисто теоретических разработок, и об этом свидетельствует тот настойчивый поиск национальной идеи, которым озабочена сегодня власть во многих странах.

В ситуации распада единой политической и хозяйственно-экономической

системы на постсоветском пространстве, на фоне аморфного СНГ естественным образом возник поиск новой модели интеграционного взаимодействия. Как справедливо указывал по этому поводу известный ученый Й. Линн «и в России, и в мире нет пока достаточного понимания того, что распад СССР также запустил и процесс экономической интеграции по всему огромному евразийскому суперконтиненту» [231].

Сторонники различных путей и проектов развития постсоветских стран на государственном и общественно-академическом уровнях стали формировать систему евразийских течений, преимущественно геополитического и геостратегического содержания. Общей чертой, объединившей большинство евразийских течений, является евразийская географическая составляющая и историческая общность народов, населяющих регион. Наибольшие противоречия в идейной составляющей этих течений вызывают масштабы интеграции, стремление доминировать некоторых представителей в общем, интеграционном процессе, узость и одностороннее понимание евразийской интеграции, замкнутость на принципах неприсоединения и др. В новейшей истории большинство евразийских течений создается в политико-партийном поле.

В этой связи, пожалуй, наиболее ярким течением в настоящее время в России считается Общероссийское Политическое Общественное Движение «Евразия» (ОПОД «Евразия»), которое в мае 2002 года в г. Москве было преобразовано в Евразийскую политическую партию России, идеологами, которой являются А.В.В. Ниязов и А.Г. Дугин, впоследствии разошедшиеся во взглядах и принципах.

Среди множества политических партий России появились и другие партии и движения, использующие евразийскую идеологию – «Евразийская партия – Союз патриотов России», созданная в апреле 2002 г., «Великая Россия – Евразийский Союз», «Красная Евразия», «Союз Евразийской молодежи», Международное Евразийское движение (2003 г.). В этот же период в среде гуманитариев юга России появилось евразийское течение с концепцией «Кавказ – вторая Евразия». Аргументация концепции была построена на мнении о самодостаточности культурной, духовной и ментальной в кавказском регионе. Евразийский характер региона обосновывался на анализе географических, исторических особенностей, полиэтнического состава, поликонфессионализма. По мнению сторонников данного течения, все характеристики Кавказа указывают на необходимость считать регион связующим звеном Европы и Азии.

Рассматривая состояние евразийских течений в странах СНГ, важно отметить, что они создавались и развиваются преимущественно в России. Это объясняется тем, что идеологическая суть классического евразийства, основной темой которого являлась Россия, была связана с поиском ответа на вопрос определения пути России, ее дальнейшей судьбы.

Современные евразийские течения в России состоят из трех основных направлений, которые характеризуются как интеллектуальным, так и политическим содержанием. Первое из них – это крайне правое течение, органи-

затормозенного является А.Дугин, освещающим свои идеи в журналах «Элементы», «Вторжение», «Евразийское обозрение». По применяемой аргументации оно эклектично: ярый антиамериканизм, апелляция к «западным новым правым» и геополитикам Третьего рейха, традиционный русский мессианизм, спиритуалистские и оккультистские раздумья. Второе течение, которое почти прекратило свое существование в России, тяготевшее к журналу Э. Баграмова «Евразия», «Народы», «Религии и культуры», больше делали упор на культурологические аспекты. Центральными темами этого течения являлись вопросы славяно-тюркского смешения и славяно-тюркского симбиоза, реабилитация Монгольской империи и тюрко-мусульманских меньшинств в русской истории, сопоставление православной религиозности с исламом. Верность России изображается как наилучший способ защиты национальной идентичности народов бывшего СССР. Третье крупное евразийское течение возглавили А. Панарин и Б. Ерасов. Это течение отличается изучением теории евразийства и ее политической реализации в современных условиях. Обращаясь к понятиям «империя», данное евразийское течение пытается доказать, что империя не является ни узким национализмом, ни агрессивным империализмом, а «особой» формой государственности, которая покоится на ценностях и принципах, а не на культе нации, и потому реализует в политическом плане национальное многообразие Евразии.

В других странах евразийского региона евразийское течение не приобрело такого масштаба. Прежде всего, это связано с геополитическим положением, внешнеполитическим курсом этих стран, различными ценностными ориентирами и предпочтениями в интеграционной политике, а также видением своей роли и положения на карте мировой политической расстановки сил.

Так, в Республике Украине предпочтение отдают, прежде всего, европейскому вектору интеграции как полилинейного процесса, происходящего и соответствующим образом направляющегося одновременно в нескольких измерениях.

Заострение в 2005-2009 гг. политико-идеологических расхождений среди государств-участниц в видении роли и функций СНГ на постсоветском пространстве, привело к фактическому переформатированию процессов экономической интеграции, в частности, многостороннего энергетического сотрудничества при участии России из институциональных рамок СНГ к ЕвразЭС. В результате, например, Российская Федерация соответственно в октябре 2007 г. и в феврале 2008 г. вышла из состава участников соглашения между странами-участницами СНГ о проведении согласованной политики в сфере транзита нефти и нефтепродуктов магистральными трубопроводами и о проведении согласованной политики в сфере транзита природного газа. Таким образом, Украина осталась фактически в «серой зоне»: вне институционального формата реальной экономической интеграции на постсоветском пространстве и без ощутимого прогресса в направлении европейской экономической интеграции.

Евразийские течения в Республиках Узбекистан и особенно Туркмени-

стан практически отсутствуют, либо не имеют выраженной направленности и размываются эпизодическими всплесками интереса к евразийскому проекту. Это связано с тем, что внешнеполитический курс этих республик несколько дистанцируется от евразийской интеграции, периодически пересекаясь в некоторых интеграционных проектах с соседними государствами.

Позитивно к проекту относятся республики Киргизия и Таджикистан, которые переживают в новейший период своей истории сложный процесс внутривнутриполитических катаклизмов, так называемый «коллапс», и направляют свои усилия, прежде всего на обеспечение внутренней стабильности и безопасности, а так же мирного сосуществования в регионе, наряду с Казахстаном, Россией, Китаем и другими странами, что в целом определяет их поддержку евразийского проекта.

Некоторые страны евразийского пространства, такие как Армения, Азербайджан и другие находятся в состоянии так называемого выжидания, как отметил по этому поводу Н.А. Назарбаев: «В Евразии есть ряд стран – от России на севере и до Индии на юге, которые пока не примыкают ни к Востоку, ни к Западу» и назвал это пространство «поясом выжидания» [232].

В Казахстане евразийское течение получило единое направление, основанное на продуманной евразийской инициативе, которую выдвинул Глава государства. Это произошло в условиях, когда СНГ во многом не оправдало возложенных на него надежд. Было принято множество документов, касающихся экономики, социальных, политических проблем, коллективной обороны, но на практике большинство соглашений не было реализовано.

Поэтому, учитывая различия между странами в уровнях развития рыночной экономики, демократизации политических процессов, темпах интеграции Н.А. Назарбаев 3 июня 1994 года предложил формирование дополнительной интеграционной структуры – Евразийского Союза, деятельность которого сочеталась бы с деятельностью СНГ.

В ситуации, когда в середине 1990-х годов Президент Казахстана Н.А. Назарбаев инициировал евразийский вектор постсоветской интеграции, на всем его пространстве началось широкое обсуждение не только интеграционных планов нашего Главы государства, но и определение собственного пути стран в принятии этого проекта или отказа от него.

В этой связи за рубежом, началась острая полемика, разделившая несколько течений на одобряющих и критикующих. Лидер партии «Евразия» А.Г. Дугин по этому поводу выпустил серию специальных статей, выявляющих его одобрение политики казахстанского президента в евразийском вопросе. Такое отношение со стороны представителей этой партии не случайно.

В целом деятельность партии «Евразия» в политической жизни России преследует следующие цели:

1. распространение, пропаганда и внедрение евразийских идей и принципов во все сектора общества — в народные массы и правящую элиту;
2. участие в выборах всех уровней в качестве самостоятельной политической силы или в составе предвыборных блоков с другими партиями, чьи

цели и задачи не противоречат в основных своих моментах евразийскому мировоззрению;

3. взаимодействие с административными структурами всех уровней в целях управления вертикали власти, реализации геополитических проектов, возрождения народов России (Евразии), ускорения процессов интеграции, обеспечения национальной безопасности и территориальной целостности, противодействия всем формам экстремизма, шовинизма, национальной и религиозной нетерпимости.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что евразийская идеология А.Г. Дугина далека по своим принципам от евразийства казахстанского президента. Хотелось бы отметить, что с неординарной личностью А.Г. Дугина, которую многие его современники определяют как «крайне реакционную», «неофашистскую» связана с движением «Евразия», которое в период своего оформления основывалось на принципах радикального центра. А. Дугин писал об этом так: «Мы не левые и не правые, мы не послушное властям раболепное «болото» и не оппозиционеры «любой ценой». Мы понимаем, что сегодня власть в России нуждается в помощи, в поддержке, в солидарности, в сплоченности... в вежах, указать которые должен народ, его наиболее активная, умная, волевая, патриотичная часть. Именно она должна собраться в наше движение, стать его ядром»[233]. В выступлениях А.Г. Дугина очень часто звучат националистические выпады в адрес «малых» народов. Так А. Дугин предлагает упразднить национальные субъекты Федерации в частности Якутию, Татарстан, Башкортостан и Бурятию, которые обвиняются им в сепаратизме и способности создать вместе с соседними регионами буддийские или пантюркские антироссийские оси [234].

Внутренние противоречия псевдоориенталистского дискурса особенно заметны у А. Панарина. Воображаемый им Восток представляется уже не как воплощение экзотизма, примитивизма и варварства, как в евразийстве 1920-х годов, как Восток современный, постиндустриальный, который, отбрасывая европейские ценности, превосходит их. В частности известны его высказывания: «В партнере России предлагается не экзотический Восток теократии и мусульманского фундаментализма, а новый тихоокеанский Восток, доказавший свою способность овладевать просвещением, не впадая в декаданс». Тем самым мусульманский Восток рассматривается как обременительный союзник, нередко противником, таким же, как Европа. Предлагаются новые союзы, например, с Китаем и другими странами Дальнего Востока против мусульманского мира и Запада. Азиатские страны привлекают панаринцев тем, что в них экономический успех капитализма сочетается с суровым политическим режимом. По мнению А. Панарина и его единомышленников Азия показывает, что можно не связывать материальный достаток Европы с ее политическими реалиями. Цель таких высказываний заключается в том, чтобы, отвергая европейские ценности перенять западную технологию, Восток каким бы не представлялся, служит лишь дискурсным перекрытием.[15, с.26] Представители указанного евразийского течения нередко руководствуются

принципами имперского политического управления.

В качестве основного принципа дугинцы отстаивают принцип многополярности, выступая против однополярной глобализации, по их мнению, навязываемой атлантистами. По их мнению в качестве полюсов этого нового мира будут выступать не традиционные государства, а новые интеграционные цивилизационные образования (так называемые «большие пространства»), объединенные в «геоэкономические пояса» («геоэкономические зоны»).

Исходя из принципа многополярности, будущее мира А.Дугиным представляется как равные, доброжелательные партнерские отношения всех стран и народов, организованных по принципу географической, культурной, ценностной и цивилизационной близости в четыре геоэкономических пояса, каждый из которых состоит, в свою очередь, из нескольких «больших пространств» [235].

Согласно вышеуказанной теории геоэкономических поясов распределение происходит следующим образом: во-первых, в первую очередь, речь идет о Евро-африканском поясе, который включает в себя три «больших пространства»: во-первых, Европейский Союз, Исламско-арабскую Африку, субтропическую (черную) Африку; во-вторых, далее следует Азиатско-Тихоокеанский пояс, включающий Японию, страны Юго-Восточной Азии и Индокитая, Австралию и Новую Зеландию; в-третьих, Евразийский континентальный пояс, включающий четыре «больших пространства – «Евразийский Союз» (куда входит Россия, страны СНГ плюс некоторые страны Восточной Европы), страны континентального ислама, Индию, Китай; в-четвертых, Американский пояс, в составе которого находится три «больших пространства» – Северная Америка, Центральная Америка и Южная Америка.

При такой организации мирового пространства, по мнению Александра Дугина, маловероятны глобальные конфликты, кровопролитные войны, крайние формы конфронтации, угрожающие самому бытию человечества.

Представители дугинского евразийского течения считают «государств-нации» в их современном виде устаревшей формой организации пространств и народов, характерной для исторического периода XV-XX вв. На место «государств-наций» должны прийти новые политические образования, сочетающие в себя стратегическое объединение больших континентальных пространств со сложной, многомерной системой национальных, культурных и хозяйственных автономий внутри. Определенные черты такой организации пространств и народов можно увидеть как в великих империях прошлого (империи Александра Македонского, Римской империи и др.), так и в новейших политических структурах (Европейский Союз, СНГ) [236].

Нынешние государства сегодня имеют перед собой следующие перспективы [237]:

- 1) самоликвидация и интеграция в единое планетарное пространство с доминацией США (атлантизм, глобализация);
- 2) противостояние глобализации, попытка сохранить свои администра-

тивные структуры (формальный суверенитет) вопреки глобализации;

3) вхождение в надгосударственные образования регионального типа («большие пространства») на основании исторической, цивилизационной и стратегической общности.

Именно третий вариант – евразийский. С точки зрения А. Дугина только такой путь развития способен сохранить все самое ценное и самобытное, что призвано защищать современные государства перед лицом глобализации. В Российской Федерации и СНГ представители этого течения видят ядро будущего самостоятельного политического образования – «Евразийского Союза» и, далее, одного из основных четырех мировых геоэкономических поясов («Евразийский континентальный пояс»).

В области внешней политики А. Дугин и его единомышленники предполагают широкий процесс стратегической интеграции. Воссоздание на основе СНГ солидарного Евразийского Союза – аналога СССР на новой идейной, экономической и административной основе.

Что же касается видения экономики, по их мнению, атлантисты стремятся навязать всем народам мира единую модель экономического устройства, присвоить опыту хозяйственного развития западной части человеческой цивилизации в XIX-XX вв. статус эталона. Хозяйственным системам других народов атлантисты отказывают в праве на существование, отрывая, таким образом, область хозяйствования от конкретных исторических, национальных и социальных условий.

Представители течения А.Г. Дугина, в свою очередь, утверждают обратное: экономический уклад является производным от исторических, культурных аспектов развития народов и обществ; следовательно, в экономической сфере закономерны многообразие, многоукладность, творческий поиск, свободное развитие. Жестко контролироваться должны лишь масштабные стратегические области, связанные с обеспечением общей безопасности (ВПК, транспорт, ресурсы, энергоснабжение, коммуникации). Все остальные сектора экономики должны развиваться свободно и органично, в соответствии с условиями и традициями конкретных автономий, где непосредственно развивается хозяйственная деятельность.

По мнению А.Дугина, экономика евразийства должна базироваться, прежде всего, на следующих принципах:

1) макроэкономическая интеграция и разделение труда в масштабе «больших пространств» («таможенный союз»);

2) создание единых финансовой, транспортной, энергетической, промышленной, информационной систем в пространстве Евразии;

3) органическое сочетание форм хозяйствования (рыночных структур) с общественными, национальными и культурными традициями регионов, отсутствие единообразного экономического эталона в среднем и крупном предпринимательстве;

4) максимальное освобождение рынка товаров и услуг [238].

Кроме того, ни одно платежное средство не должно претендовать на роль

универсальной мировой резервной валюты. Необходимо создать собственную, имеющую хождение на всех территориях, входящих в Евразийский Союз, евразийскую резервную валюту. Никакие другие валюты в качестве резервных в Евразийском Союзе использоваться не должны.

С другой стороны, следует всячески поощрять создание местных платежных и обменных средств, имеющих хождение внутри одной или нескольких соседних автономий. Эта мера сделает неэффективной концентрацию капитала для спекулятивных целей, повысит его обращаемость.

Неоевразийство в социальной сфере означает приоритет принципа общественного над индивидуальным, подчинение экономических моделей стратегическим, социальным задачам. Либеральная логика хозяйствования чужда Евразии, и не стоит путем колоссальных усилий ломать коллективные начала как укорененную черту нашего народа: «Коллективный, общинный принцип ведения хозяйства, привнесения критерия «справедливости» в процесс распределения – является устойчивой чертой нашей экономической истории» [236, с.25].

Развитие культурного процесса неоевразийство видит в новом обращении к глубинам истории, во вплетении изначальных моментов культуры в ткань современных форм. Приоритет в этой области отдается церковному преданию, национальным мотивам, истокам народного творчества, продолжению и возрождению традиций.

В самом начале организационного оформления основной задачей движения «Евразия» провозглашалось создание «Евразийского Союза», смысл которого состоит в том, что он не будет простым объединением разных государств в новое государство (такого же типа), с обязательным роспуском существующих администраций, полным слиянием всех действующих институтов и упразднением центров власти. Не будет «Евразийский Союз» и расширенной версией современной России с ее системой правительственных, административных и политических институтов. «Евразийский Союз» предполагает качественно иную систему управления. Потребуется эволюция существующих структур, постепенное отмирание одних и создание новых, более эффективных. Идеологи движения называли это «третьим путем», который искали отцы-основатели евразийства. Таким образом, можно выделить основные принципы партии «Евразия»:

– радикальный державный патриотизм (на геополитической основе, евразийство против атлантизма и глобализма);

– социальная ориентация (защита интересов «обездоленного большинства» против всемогущей олигархии и компрадорской буржуазии);

– «общеевразийский национализм» (термин, позаимствованный у Н.С. Трубецкого), то есть национальное возрождение русского народа, всех народов России;

– союз традиционных конфессий России-Евразии (против глобализации, секуляризации, наступления сект);

– а также регионализм (защита интересов «реальной страны») [239].

Хотелось бы отметить тот факт, что представители дугинского евразийского течения с энтузиазмом поддержали в свое время курс Президента РФ В.В. Путина на укрепление российской государственности, на возрождение геополитической мощи российской державы. Кроме того, их одобрения заслужила азиатская составляющая международной политики российского президента: укрепление связей с Китаем, Ираном, Индией, другими странами и народами Востока.

С момента создания различных евразийских течений началось широкое обсуждение их программ и основной деятельности. Многие представители общественно-политических течений в России и стран СНГ выступали и выступают с критикой в их адрес. Примечателен сам набор авторов и изданий, включившихся в ярую антиевразийскую компанию [240] Это:

- историк-эмигрант А. Янов, рассуждающий в таком ключе: евразийство – «имперская идеологическая установка, характерная для выродившегося славянофильства, фундамент коричневой идеологии»;
- газета «Русская мысль», с целой серией статей С.А. Сендерова
- ультранационалистический власовский журнал «Посев», где прямо говорится, что генерал – участник сопротивления тоталитаризму, и никакой «русской цивилизации вообще не существует, а евразийство на руку пантюристам и панисламистам».

Набор аргументов во всех этих изданиях исходит из позиций шовинизма и откровенного расизма.

Более аргументированную критическую оценку евразийству и его течениям в странах СНГ дают многие геополитики западных стран. Так, известный политолог З. Бжезинский отмечает, что «евразийству» был придан академический лоск много и часто цитируемым Львом Гумилевым: историком, географом и этнографом, который в своих трудах подвел мощную научную базу под утверждение, что Евразия является естественным географическим окружением для особого русского этноса, вследствие исторического симбиоза русского и нерусских народов – обитателей степей, который в результате привел к возникновению уникальной евразийской культуры и духовной самобытности. Л.Н. Гумилев предупреждал, что адаптация к Западу грозит русскому народу потерей своего этноса и души. Воспринимая академичность евразийства, З. Бжезинский в то же время не воспринимает в качестве возможного практического воплощения евразийский проект. Он пишет: «Если Россия будет оставаться евразийским государством, будет преследовать евразийские цели, то останется империей, а имперские тенденции надо будет изолировать». И далее: «Мы не будем наблюдать эту ситуацию пассивным образом. Все европейские государства и США должны стать единым фронтом в их отношениях с Россией». Это уже – геополитика НАТО. Известный натовский «миротворец» бывший заместитель госсекретаря США Струоб Тэлбот в таком же духе отмечает: «Не вздумайте повторять путь Александра Невского». И, наконец, нельзя не отметить статью английского ученого Чарльза Кловера в авторитетном журнале «Форин афферс» – органе Совета

по международным отношениям США, где он пытался доказать, что евразийство – основа «красно-коричневой коалиции в России – союза ультраправых и ультралевых политиков». В разделе «Большой красный босс» (имеется в виду Г. Зюганов) о лидере КПРФ говорится, что он «искусно соединил этнический национализм с коммунистическим понятием дружбы народов, чтобы защитить все этнические группы Евразии в антилиберальное, антизападное лоскутное одеяло из традиционализма и коллективизма».

Подобные умозаключения западных политиков и ученых вытекают из идеологической природы гегемонизма крупных держав по отношению ко всему остальному миру. Она существовала всегда и была своего рода агрессивным орудием политического противостояния во времена противостояния капитализма и социализма, продолжает существовать и сегодня. Такую ситуацию реально осознавали многие политические лидеры постсоветских стран и стремились строить отношения со всем миром осторожно и избирательно.

В период начала 1990-х годов на всем постсоветском пространстве наступила новая эпоха, вышли на поверхность, стали актуальными и востребованными альтернативные подходы к осмыслению истории и современности. Поэтому совсем не случайно в интеллектуальном сообществе таких стран, как Казахстан, Россия, Беларусь и других произошло возвращение интереса к евразийским идеям. Евразийство конца XX века в определенном смысле протянуло руку евразийству начала XXI века. Как отметил Н.А. Назарбаев, «если в моей идее ученые видят какую-то связь с теми (эмигрантами), кто за пределами России думал о ее судьбе, я не возражаю» [241]. Однако принципиально важно здесь то, что в 1990-е годы простой реставрации евразийских идей (как повторения воззрений первой половины XX века) в новых условиях было явно недостаточно. Следовало обновить евразийские подходы. Необходим был новый взгляд на само сообщество евразийских стран и народов.

Существенно то, что среди всех руководителей государств на постсоветском пространстве в 1990-е годы до уровня евразийства (в модернизированном, трансформированном виде) поднялся только Президент Республики Казахстан. Это произошло в условиях, когда в руководстве практически всех стран СНГ, включая Россию, доминировали по отношению друг к другу узкие, эгоистические, изоляционистские и недальновидные политические настроения [242].

Значимость перспективной идеи, проявляется не в мгновенной поддержке, а в том, что такая перспективная идея, будучи однажды высказанной, может быть востребована в последствии, в частности, тогда, когда к этому будут более подготовлены общества и элиты государств. В конце первого десятилетия нового века мы как раз и подходим к тому рубежу, когда осознание значимости толерантных евразийских идей все больше проникает в интеллектуальные и руководящие круги стран Евразии. Все вышеизложенное, а также насущная необходимость в сохранении и укреплении мер безопасности в регионе делает практическое евразийство крайне важным стратегиче-

ским, идейным и социально-политическим инструментом, необходимым элементом нашей внутренней и внешней политики.

Казахстан – уникальное государство в Азии, в котором переплетаются европейские и азиатские корни. Представители разных народов составляют единство в многообразии. Сочетание разных культур и традиций позволяет впитывать лучшие достижения европейской и азиатской культур. Феномен этой республики заключается и в том, что она является одновременно членом и европейских, и азиатских региональных международных и финансовых организаций.

Расположенный в сердце евроазиатского материка, гранича на севере с Россией и на юго-востоке с Китаем, Казахстан, волею судьбы заняв это срединное положение, призван осуществлять многополюсную внешнеполитическую ориентацию. Находясь геополитически на стыке двух цивилизаций, Казахстан издревле впитывал в себя ценности культур и Востока, и Запада. Кроме того, на территории бывшей советской республики проживает многонациональное население, исповедующее несколько религий.

Поэтому не стоит удивляться, что именно в Казахстане родилась идея о создании ЕАС, в состав которого могут войти не только страны бывшего СССР или страны-участницы Содружества Независимых Государств, но и иностранные государства, видящие в интеграции не столько самоцель, сколько общее дело.

Нужно отметить, проект Президента Казахстана Н.А. Назарбаева, находящийся на стадии практического воплощения, нашел поддержку со стороны таких стран, как Россия, Беларусь, Кыргызстан, Украина, и даже Китай положительно оценивает перспективу вхождения в это объединение. В Украине, например, появилась на свет политическая организация – Евразийский социалистический конгресс (1995 г.), цель которого – координировать деятельность политических сил этой ориентации в Евразийском регионе. Несмотря на то, что социалистическая идея основательно скомпрометирована в странах СНГ и Восточной Европы, принципы западноевропейской социал-демократии успешно осуществляются в странах Скандинавии, в Бельгии, Германии, Испании, Франции.

XXI век начинался как эпоха единоличной гегемонии США. США выглядели не просто как бесспорный лидер в стратегии, технологии, экономике, политике, но как высшая и неуязвимая реальность, задающая тон всех основных мировых процессов.

Поражение и развал Советского Союза стали финальным аккордом в быстром вознесении на пьедестал победы державы Западного полушария – Соединенных Штатов Америки – в качестве единственной и действительно первой подлинно глобальной державы. Тем не менее, по мнению известного американского геополитика Збигнева Бжезинского, Евразия сохраняет свое геополитическое значение. Соответственно, вопрос о том, каким образом имеющая глобальные интересы Америка справляется со сложными отношениями между евразийскими державами и, особенно, сможет ли она предот-

вратить появление на международной арене доминирующей и антагонистической евразийской державы, остается центральным в плане способности Америки осуществлять свое мировое господство.

Таким образом, «Евразия в настоящее время является своеобразной «шахматной доской», на которой ведется борьба за мировое господство», а такая борьба затрагивает, по мнению Бжезинского, геостратегию – стратегическое управление геополитическими интересами [243].

Естественно, что фигурами на этой «великой шахматной доске» выступают евразийские государства. Однако, среди этих фигур активными оказываются Франция, Германия, Россия, Китай и Индия, а, например, Великобритания и Япония не попадают в эту группу.

«Активные», как называет их автор, – это те страны, которые имеют собственную геостратегию, и их интересы могут столкнуться с интересами США. Это, по мнению автора, «неугомонные» крупные державы со своими значительными внешнеполитическими амбициями.

В настоящее время США занимают доминирующие позиции в четырех имеющих решающее значение областях мировой власти: в военной области Америка располагает не имеющими себе равных глобальными возможностями развертывания; в сфере экономики остается основной движущей силой мирового развития, даже, несмотря на конкуренцию в отдельных областях со стороны Японии и Германии; в технологическом плане США сохраняют абсолютное лидерство в науке и технике. В том, что касается культуры, несмотря на ее некоторую примитивность, Америка пользуется не имеющей себе равных притягательностью, особенно среди молодежи всего мира, - все это обеспечивает Соединенным Штатам политическое влияние, близкого которому не имеет ни одно государство. Именно сочетание всех этих факторов делает Америку единственной «мировой сверхдержавой» в полном смысле этого слова [243, с.36].

Американское глобальное превосходство кроме этого подкрепляется также сложной системой союзов и коалиций, которые буквально опутывают весь мир. Можно сказать, американское превосходство породило новый международный порядок, который не только частично копируют, но и во многих случаях полностью воспроизводят за рубежом.

Большая часть американской системы возникла во время «холодной» войны и была направлена на сдерживание глобального соперника – Советского Союза. Таким образом, она уже была готова к глобальному применению, как только этот соперник самоликвидировался, Америка стала первой и единственной глобальной державой.

Евразия же является крупнейшим континентом на земном шаре и занимает осевое положение в геополитическом отношении. Государство, которое господствует в Евразии, контролировало бы два из трех наиболее развитых и экономически продуктивных мировых регионов. Контроль над Европой почти автоматически повлечет за собой подчинение Африки, превратив Западное полушарие и Океанию в геополитическую периферию центрального кон-

тинента мира. Около 75% мирового населения живет в Евразии, и, по мнению З.Бжезинского, около 2/3 людей только на территории бывшего СССР выступают сегодня за объединение. Кроме того, на долю Евразии приходится около 60% мирового ВВП и около 3/4 известных мировых энергетических запасов.

Что же касается России, то З.Бжезинский объективно оценивает ее положение: «Россия... остается крупным геостратегическим действующим лицом, несмотря на ослабленную государственность и, возможно, затяжное нездоровье... Она лелеет амбициозные геополитические цели, которые все более и более открыто провозглашает. Как только она восстановит свою мощь, то начнет также оказывать значительное влияние на своих восточных и западных соседей.. » [243, с.59].

Таким образом, в региональной гегемонии и глобальном влиянии у США может появиться соперник: потенциальные политические или экономические вызовы американскому преобладанию исходят из Евразии. К счастью для Америки, Евразия слишком велика, чтобы быть единой в политическом отношении. Но если учитывать события последнего десятилетия, то на евразийском пространстве однозначно прослеживается тенденция к многоуровневой интеграции не только в области экономического сотрудничества, но и в плане геополитического объединения. И для США это представляет угрозу.

Поэтому, Евразия – это «шахматная доска», на которой продолжается борьба за глобальное господство. Но именно размеры и многообразие Евразии, а также могущество некоторых ее государств ограничивают глубину американского влияния и масштабы контроля над ходом событий. Фактом остается также то, что Америка слишком демократична дома, чтобы быть диктатором за границей.

Ядерные вооружения существенно ослабили способность войны быть инструментом политики или даже угрозы. Растущая экономическая взаимосвязь государств делает политическое использование экономического шантажа менее успешным. Таким образом, маневрирование, дипломатия, создание коалиций, кооперация и взвешенное применение политических козырей стали основными составными частями успешного осуществления геостратегической власти на «евразийской шахматной доске».

В теории геополитики существует такой термин, как «геополитические центры», то есть те государства, чье значение вытекает не из их силы и мотивации, а скорее из их потенциальной уязвимости для действий со стороны геостратегических действующих лиц. Чаще всего геополитические центры складываются благодаря своему географическому положению, которое в ряде случаев играет особую роль в плане контроля доступа к важным районам, либо возможности отказа важным геостратегическим действующим лицам в получении ресурсов. В других случаях геополитический центр может действовать как щит государства или даже региона, имеющего жизненно важное значение на геополитической арене. Таким образом, идентификация ключевых евразийских геополитических центров, а также их защита, являются

принципиальным аспектом глобальной геостратегии Америки [243, с.55].

В текущих условиях, по утверждению З.Бжезинского, в масштабе всего мира, по крайней мере, существуют пять ключевых геостратегических действующих лиц и пять геополитических центров, которые могут идентифицироваться на новой евразийской геополитической карте. Франция, Германия, Россия, Китай и Индия являются крупными активными фигурами, в то время как Великобритания, Япония и Индонезия не попадают под эту квалификацию. Украина, Азербайджан, Южная Корея, Турция и Иран играют роль принципиально важных геополитических центров, хотя и Турция, и Иран являются в какой-то мере, в пределах своих более лимитированных возможностей, также геостратегически активными странами.

Франция не только стремится к центральной политической роли в объединяющейся Европе, но и рассматривает себя как ядро средиземноморско-североафриканской группы стран, имеющей единые интересы. Германия все более осознает свой особый статус как наиболее значимое государство Европы – экономический «тягач» региона и формирующийся лидер Европейского Союза. И Франция, и Германия считают, что на них возложена обязанность, представлять интересы Европы при ведении дел с Россией [243, с.57].

В течение нескольких десятилетий США упорно налаживали связи с Европой. Так, Организация Североатлантического договора (НАТО) связывает в настоящее время наиболее развитые и влиятельные европейские государства с Америкой, превращая Соединенные Штаты в главное действующее лицо даже во внутриевропейских делах.

Что же касается самой Европы, то в данный момент она является естественным союзником Америки. Но дальнейшие достижения в области политического объединения этого региона могут привести к созданию единой структуры, объединяющей 400 млн. человек. Такая Европа неизбежно станет мировой державой, и уже будет считаться не союзником, а соперником США в осуществлении мирового господства. И, стоит отметить, что США чувствуют эту опасность.

Но с другой стороны, Европа также служит «трамплином» для дальнейшего продвижения демократии вглубь Евразии. Расширение Европы на восток может закрепить демократическую победу 1990-х годов. В итоге, такая Европа могла бы стать одной из важнейших опор поддерживаемой Америкой крупной евразийской структуры по обеспечению безопасности и сотрудничества.

Однако, прежде всего, Европа является важнейшим геополитическим плацдармом Америки на европейском континенте. На той стадии американо-европейских отношений, когда союзные европейские государства все еще в значительной степени зависят от обеспечиваемой американцами безопасности, любое расширение пределов Европы автоматически становится также расширением прямого американского влияния. И, наоборот, без тесных трансатлантических связей главенство Америки в Евразии сразу исчезнет.

Когда-то три основных момента явились политическим толчком к объе-

динению Европы, а именно: память о двух разрушительных мировых войнах, желание экономического оздоровления и отсутствие чувства безопасности, порожденное советской угрозой. Однако к середине 1990-х годов, эти моменты исчезли. Дело объединения Европы все в большей мере поддерживается бюрократической энергией, порождаемой большим организационным аппаратом. Идея объединения все еще пользуется значительной народной поддержкой, но ее популярность падает, в этой идее отсутствуют энтузиазм и понимание важности цели.

Это положение предоставляет Соединенным Штатам особую возможность для решительного вмешательства. Оно делает необходимым американское участие в деле объединения Европы, поскольку в противном случае, процесс объединения может приостановиться и даже постепенно пойти вспять.

Центральный для Америки вопрос – как построить Европу, основанную на франко-германском объединении, Европу жизнестойкую, по-прежнему связанную с США, которая расширяет рамки международной демократической системы сотрудничества, отчего в большой мере зависит осуществление американского глобального первенства.

Если Европа преуспеет как в процессе интеграции, так и в процессе расширения, и если Россия тем временем успешно справится с процессом демократической консолидации и социальной модернизации, то в определенный момент Россия может стать подходящей кандидатурой для установления более органичных взаимоотношений с Европой. Это, в свою очередь, может сделать возможным окончательное объединение трансатлантической системы безопасности с системой безопасности трансконтинентальной [243, с.106].

Для США долгосрочная задача состоит в следующем: каким образом оказать поддержку демократическим преобразованиям в России и ее экономическому восстановлению и в то же время не допустить возрождения вновь евразийской империи, которая способна помешать осуществлению американской геостратегической цели формирования более крупной евроатлантической системы, с которой в будущем Россия могла бы быть прочно и надежно связана. Проще говоря, Соединенные Штаты добиваются «реорганизации межгосударственных отношений во всей Евразии... чтобы в результате на континенте было не одно ведущее государство, а много средних, относительно стабильных и умеренно сильных... но обязательно более слабых по сравнению с США, как по отдельности, так и вместе» [244].

Что же касается «ближнего зарубежья» России, потеря Украины явилась геополитически важным моментом по причине существенного ограничения геостратегического выбора России. Даже без прибалтийских республик и Польши Россия, сохранив контроль над Украиной, могла бы все же попытаться не утратить место лидера в решительно действующей евразийской империи, внутри которой Москва смогла бы подчинить своей воле неславянские народы южного и юго-восточного регионов бывшего Советского Союза

[244].

«Для Америки Россия слишком слаба, чтобы быть ее партнером, но, как и прежде, слишком сильна, чтобы быть ее пациентом. Более всего вероятна ситуация, при которой Россия станет проблемой, если Америка не разработает позицию, с помощью которой ей удастся убедить русских, что наилучший выбор для их страны – это усиление органических связей с трансатлантической Европой» [243, с. 95].

Как для Европы, так и для Америки национальная и демократическая Россия является желательным с геополитической точки зрения субъектом, источником стабильности в изменчивом евразийском комплексе.

Как отмечает в своем исследовании казахстанский ученый О.А. Курамысов «Американское мировое первенство уникально по своим масштабам и характеру, это гегемония нового типа. И каким образом Соединенные Штаты управляют главными геостратегическими фигурами на евразийской шахматной доске и расставляют их, а также как они руководят ключевыми геополитическими центрами (а это имеет жизненно важное значение для длительной и стабильной ведущей роли Америки в мире), стало абсолютно ясно после событий 11 сентября 2001 года в США»[26, с.48].

Несмотря на всю трагичность ситуации, получилось так, что падение двух башен WTC спасло «новую экономику» США. Геополитическая и ядерная мощь США вновь получает легитимность, как в международной политике, так и в сознании американцев. Перед лицом новой угрозы - «международного терроризма» – оправданы любые расходы на вооружение, необходимость НПРО, дальнейшее развитие ВПК и так далее. Все это предоставляет концептуальную базу для того, чтобы дать новый импульс развитию ВПК и связанных с ним отраслей – своеобразного ядра реального сектора американской экономики [26, с.51]

В международной сфере стратегическая роль США также укрепляется, поскольку продолжение взимания Америкой «ядерной ренты» с союзных блоков Европы и Азии приобретает новый весомый аргумент. Защищая себя от угрозы «международного терроризма», США защищают всех остальных, а, следовательно, «все остальные» должны платить за то, чтобы «защитник» был силен, могущественен и во всеоружии. Экономическая конкуренция между геоэкономическими зонами, уже грозившая перерасти в политические трения с Европой в новой ситуации отступает на второй план. Перед лицом «нового вызова» она может быть проинтерпретирована не больше, не меньше, как «косвенное пособничество международному терроризму». Вашингтон отныне волен сказать Европе: «международный терроризм» развязал Третью мировую войну, и мы в наших отношениях переходим к логике военного времени.

Справедливо по этому поводу приводит данные О.А. Курамысов, когда указывает, что именно это и имел в виду президент США Дж. Буш-младший, когда в ультимативной форме заявил, что «все страны мира должны в этой критической ситуации определиться – с кем они в этот решительный час: с

Вашингтоном или с «международным терроризмом. Или-или, третьего не дано». Таким образом, логика Третьей мировой войны приходит на помощь США именно в тот критический момент, когда их планетарная глобальная функция поставлена под вопрос. И здесь очень важно понять, что однополярному миру под единоличной гегемонией США накануне 11 сентября 2001 года угрожал не «международный терроризм», а естественная перспектива мирной и мягкой эволюции главных геополитических субъектов – Евросоюза, России, Китая, Индии, Ирана, Японии, стран Тихоокеанского региона и арабского мира в самостоятельные автономные структуры, образующие многополярный ансамбль, где США отводилась почетная, но отнюдь не главная роль [26, с.54].

Поэтому вполне объяснимо то давление, которое оказывала Америка на страны Европы («кто не с нами – тот против нас»), а также становятся ясны причины, которыми руководствовались Соединенные Штаты, влияя на Россию и страны СНГ: под предлогом «общего противостояния терроризму» ослабить геополитический суверенитет России, лишить ее возможности в дальнейшем проводить самостоятельную региональную политику. Стратегической задачей США в среднеазиатском регионе является недопущение укрепления стратегического, политического, военного и экономического евразийского блока, к которому почти вплотную подошли страны СНГ.

Таким образом, с геополитической и экономической точек зрения, Америка может отныне под вполне благовидным предлогом требовать от своих реальных конкурентов (оказавшихся в роли невольных союзников) уступок в тех сферах, которые наиболее чувствительны для сохранения и укрепления американского гегемонии. Такого рода требования руководители большинства крупных мировых держав или блоков государств получили сразу же после 11 сентября 2001 года.

В каждом конкретном случае эти требования были сформулированы по-своему. Евросоюзу и американским стратегическим партнерам в Тихоокеанском регионе (Япония и прочие) предлагалось затормозить выход из долларовой зоны или диверсификацию валютных вкладов, а также оплатить военные расходы коалиции. Вместе с тем, недвусмысленно предлагалось забыть о повышении политической или геополитической самостоятельности, об альтернативной модели глобализации, о многополярном мире [245]. Такого мнения многих российских, да и казахстанских ученых политологов, но стоит заметить, зарубежные интеллектуалы придерживаются аналогичного мнения. Так, например, Жан Павулеску в статье «Оккупация Афганистана и Пакистана. США - удар по евразийской оси» пишет о том, что «единственной преградой США на пути осуществления своих гегемонистских планов является возможное побуждение «Большого Континента» Евразии для того, чтобы исполнить свое метаисторическое предназначение» [245, с.98].

К сожалению, в настоящее время, «большой Континент» не способен эффективно противостоять гегемонистским планам, и мешают этому, замедляют этот процесс как объективные экономические, культурно-политические,

национальные и религиозные реалии, так и политико-стратегические происки США и тех, кто держится в тени этой сверхдержавы.

Объединяющим центром борьбы против мирового господства одной сверхдержавы должна выступить, по мнению Ж.Павулеску, «Новая Россия» Владимира Путина, также как некогда в роли этого центра выступала Франция генерала де Голля. Несомненно, что Россия собирается включить в эту борьбу и Германию, потому как остальные страны как Западной, так и Восточной Европы все еще подчинены господству США [245, с.67].

Евразийство сегодня существует в крайне сложной международной ситуации. В настоящее время евразийский принцип «цветущей сложности» является точным аналогом многополярности (в противовес атлантизму и однополярной гегемонии США), о которой говорится в доктрине национальной безопасности Казахстана и Российской Федерации. Как прежде советское государство строилось на евразийском сочетании различных самобытных элементов, так и теперь, уже на международной арене, Казахстан выступает как поборник сложного, многополюсного мира. Можно сказать, что сама концепция нашей национальной безопасности включает в себе фундаментальный принцип евразийства.

Евразийцы утверждали, что вся мировая история последнего тысячелетия показывает противоположность «пестрого» евразийского мира и западной цивилизации. Евразийцы считали, что это противостояние никуда не исчезло и исчезнуть не может. И именно здесь евразийцы подошли вплотную к основному закону геополитики, утверждающему, что между евразийской метацивилизацией, ядром которой выступает Россия, и западным атлантическим сообществом изначально существует неснимаемое противоречие. Противоречие, при котором исключен любой продуктивный синтез или жизнеспособный стратегический альянс. Это особенно очевидно сегодня, когда Запад игнорирует российские интересы в Восточной Европе, расширяет военные, блоки, проводит собственную, не учитывающую российские интересы политику на Кавказе.

По мнению евразийцев, никакое изменение политического строя России, никакое приспособление ее идеологии к «общечеловеческой» (на самом деле «западной», точнее, «американской») не избавит государство от жесткой оппозиции со стороны Запада. Любопытно, что тезис евразийцев подтверждает идеолог современного Запада Збигнев Бжезинский. В своей книге «Великая шахматная доска» он недвусмысленно заявляет, что «для американца «хорошая Россия» – это несуществующая Россия». Россия расчлененная, разбитая на несколько секторов и освоенная соседними государствами [243, с. 116].

По нашему убеждению не только Россия связывает свое будущее с евразийством в широком смысле этого слова, но и наша республика. Политическая и экономическая подоплека такого выбора для Казахстана не случайна. Рассмотрим основные причины, которые делают евразийскую инициативу Президента Н.А. Назарбаева наиболее перспективной в геополитическом и экономическом отношении.

Во-первых международная обстановка современности развивается в условиях глобализации, которая напрямую связана с укреплением ведущих позиций мирового господства Соединенных Штатов Америки. Одновременно происходит и процесс мощного развития нашего ближайшего соседа – Китая. Эта крупнейшая в мире страна развивается по оценкам специалистов со скоростью 8-10 % в год. Для сравнения можно привести подобные показатели США – 4-6 % в год, что в четыре раза больше чем весь годовой российский бюджет и в десятки раз больше всего казахстанского годового дохода. Темпы развития Китая поражают не только специалистов и политиков, но и широкую общественность всего мира. По прогнозам аналитиков, если развитие будет продолжаться в том же темпе через 10 лет возможно Китай обойдет Америку и займет первое место в мире по производству валового внутреннего продукта. Уже сегодня по этому показателю и по вооружениям Китайская республика обходит многие государства, а по численности армии уже занимает первое место в мире. Предполагается, что одновременно с США в ближайшее время возникнет новый мощный геополитический центр – Китай. А Казахстан находится между Россией и Китаем. Отсюда вытекает, что первоочередным вектором интеграционных процессов для нашей страны является евразийский. Уместно ли для нашего государства ориентироваться в первую очередь только на Америку и Европу, тогда как евразийство выступает своего рода гарантом стратегического партнерства с Россией.

Во-вторых, Казахстан обладает огромным территориальным пространством и природными ресурсами, что не может не привлекать внимание со стороны мировых гегемонов.

В-третьих, Казахстан является одним из лидеров в Центральной Азии, что предполагает его активные позиции по созданию «пояса безопасности», наряду с сохранением лидерских позиций в регионе.

В-четвертых, большое значение имеет и принадлежность Казахстана не только к евразийскому миру, но и к исламскому. Сегодня не снята с повестки дня угроза со стороны радикального фундаментализма и религиозного экстремизма. Только адекватная политика и сильные интеграционные позиции позволяют Казахстану прогрессивно развиваться. Географическое соседство с центральноазиатскими республиками, в большинстве которых происходят сложные политические процессы обустройства власти, предполагает создание мощного стратегического союза направленного на поддержание стабильности в регионе.

В-пятых территория Казахстана представляет огромный интерес, с ней связаны перспективы создания новых трансконтинентальных магистралей, которые свяжут Восток с Западом.

В-шестых, наша республика имеет уникальные потенциальные возможности в энергетике, что привлекает к ней интерес со стороны крупнейших энергетических держав.

В-седьмых, республика является одной из передовых государств в мире по космическим проектам и обладает колоссальным потенциалом для разви-

тия космических технологий.

В-восьмых, Казахстан представляет собой перспективную «диалоговую площадку» между представителями различных этносов, религиозных конфессий для всего евразийского пространства.

В-девятых, политические позиции нашего государства, личный вклад Президента страны Н.А. Назарбаева в укрепление сотрудничества и доверия не только в Азиатском регионе, но и в таких авторитетных международных организациях как ОБСЕ и ОИК свидетельствуют о многовекторности, осуществляемой внешней политики.

Таким образом, идея евразийства получила поддержку ведущих политиков, общественных деятелей и ученых не только в России и странах-участницах СНГ, но и вызвала положительные отклики за границей.

Казахстан сегодня заявил о себе не только как независимое государство в ряду остальных, но как уникальный лидер евразийской интеграции, объединившей целый континент, континент стратегический, культурный и духовный.

Рассмотрев динамику развития евразийской мысли и евразийских течений до настоящего времени, можно сделать вывод о том, что евразийская идеология не только не потеряла своей актуальности, но способствовала образованию мощного политического движения, стала частью государственной политики и приобрела многочисленных сторонников. Также стоит отметить, что евразийские идеи получили широкое распространение в современной политике, истории, политологии и политической публицистике Казахстана и России.

Примечательно, что идеи евразийства используют в своих программах общественно-политические движения и партии различных ориентаций – от радикально-демократических до радикально-правовых.

Несмотря на значительный разброс мнений, высказываемые представления продолжают развиваться ранее сложившиеся традиции, модернизированные и дополненные новыми аргументами, ибо конкретный и концептуальный анализ этой проблемы представлен уже «неозападничеством» и «востокоцентризмом». Сегодня в идейную жизнь начинают входить и евразийские представления, хотя есть и немало их противников, убежденных в чуждости евразийства природе народов стран СНГ, в частности, Казахстану.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что СССР как единое государство вне зависимости от режимов, которые складывались на протяжении его развития, способов присоединения новых республик-государств и народов, формировалась как некая целостность, различные регионы которой развивались по схожим законам, имели общие правила жизни. СССР как Евразия складывался как симбиоз народов, взаимно дополняющих друг друга в различных сферах жизни. За время своего сосуществования они, объединяясь в различные государственные образования, выработали уникальную культуру, сравнимую с культурными сверхмассивами. Это взаимопереплетение судеб и культур, совместное проживание и выживание создали между народами Ев-

разии позитивную этническую общность, чувство внутренней симпатии и тяготения, выработало общую систему ценностных ориентации, мироощущения и способа мышления. Духовно-культурное единство Евразии обусловлено также исторически сложившимся разделением труда, которое определило структуру ее экономики. И последнее – это геополитический фактор, о большом значении которого всегда говорили евразийцы. Ведь Евразия геоисторически представляет «срединный материк», «континент-океан», и нарушение законов ее развития всегда чревато серьезными последствиями для мира в целом.

Поэтому при всей нашей полиэтничности и поликультурности перед народами Евразии, и в частности, Республикой Казахстан стоит задача осознания своих коренных интересов и принадлежности к общности более широкого порядка. Это обуславливается не только интересами Казахстана и России, но и более глубинными причинами общецивилизованного свойства.

Общекультурная ценность евразийской общности связана с тем, что она может открыть дорогу к эволюции так называемого Содружества Независимых Государств в новый межнациональный союз народов бывшего СССР с сохранением независимости, либо к созданию других межгосударственных объединений (куда будут входить и иностранные государства), имеющих широкие перспективы развития. На авансцену истории выходят новые геополитические и геокультурные общности, которые стараются решить не только общие проблемы, но и стать новыми культурно- и экономически доминирующими регионами мира. Яркий пример тому – объединяющаяся Европа.

И потому сегодня, в условиях глубинных перемен нашим народам дается исторический шанс для выработки своей адекватной национальной идеи, своего, особенного пути развития. И представляется, что той культурно-исторической перспективой, вокруг которой произойдет согласие различных народов, разных социально-политических сил выступает евразийская идея, которая по твердому убеждению Президента Казахстана Н.А. Назарбаева должна стать основой Евразийского Союза.

Все вышеизложенное, а также насущная необходимость в укреплении сотрудничества и доверия в регионе делает евразийство крайне важным стратегическим, философским и социально-политическим инструментом, необходимым элементом нашей внутренней и внешней политики. Вот что имел, прежде всего, Президент Н.А. Назарбаев усиленно продвигая к осуществлению свой проект Евразийского союза. На сегодняшний день, на наш взгляд, лучшей формы интеграции для постсоветских стран не существует.

Таким образом, в исследовании евразийских течений на постсоветском пространстве рассмотрено множество аспектов и подходов. В качестве системного, затрагивающего современные процессы и тенденции интеграции на евразийском пространстве, можно назвать евразийское течение казахстанского формата, получившее официальный статус государственной политики.

3.2 Интеграционные процессы и евразийский вектор развития постсоветского пространства

В результате глобальных политических и социально-экономических трансформаций конца XX века, которые пережили страны СНГ, произошло крушение многих мировоззренческих схем и идеологических конструкций. Мировое сообщество вступило в период глобализации, которая объективно уменьшает возможности национальных государств по обеспечению их устойчивого социально-экономического развития и безопасности. С учетом этого возник поиск новой модели интеграционного взаимодействия, который ведется странами всего мира с середины 1990-х годов. Так поиск оптимальных интеграционных форм развития в Европе завершился созданием Европейского Союза, который на сегодняшний день объединяет 27 государств и занимает место влиятельного участника новейшей истории мира. Впоследствии пример интеграции европейских стран стал примером для многих стран, в том числе и для Казахстана. Интеграционным поиском озадачились и африканские страны, которые в 1999 году объединились в Африканский союз, насчитывающий более 50 африканских стран. Сегодня Африканский союз свидетельствует о практической реализации единой позиции континента перед глобальными проблемами современности. Идеи формирования единых экономических пространств в настоящее время активно прорабатывается в Китае, в Латинской Америке, в Юго-Восточной Азии в рамках АСЕАН.

После распада СССР бывшие союзные республики оказались перед ответственным выбором определения дальнейшего пути развития. Так была востребована к жизни политика интеграции, которой последовали практически все государства бывшего союза. Это вполне объяснимо. Ведь экономики стран СНГ представляли собой составную часть некогда единого народнохозяйственного комплекса бывшего СССР. Перед странами СНГ стояла альтернатива: или они сообща будут входить в число индустриально развитых стран, или окажутся на задворках мировой экономики в качестве поставщиков нефти, газа, дешевой рабочей силы.

Предложение Казахстана о формировании обновленного Союза – Союза Суверенных Государств и создании единого экономического пространства впервые было обнародовано в ходе рабочего визита Президента России Б.Ельцина в Казахстан 17-18 августа 1991 г., в форме совместных заявлений «О гарантиях стабильности Союза Суверенных Государств» и «О едином экономическом пространстве». [246] Однако последовавшие вслед за этим события, вошедшие в историю как попытка путча, свели, на нет возможность постепенного и, следовательно, более обдуманного обустройства нового общества [247].

Подписание Беларусью, Россией и Украиной Беловежских соглашений 8 декабря и вслед за этим встреча 13 декабря 1991 г. руководителей центральноазиатских государств в Ашгабаде потребовали от них максимума усилий для того, чтобы предотвратить опасность формирования обособленных друг

от друга славянского и тюркского союзов на территории бывшего СССР. 21 декабря 1991 г. в Алматы прошли переговоры глав одиннадцати независимых государств, итогом которых стало решение о том, что они «на равноправных началах и как Высокие Договаривающиеся Стороны образуют Содружество Независимых Государств». Это решение зафиксировано в Протоколе к Соглашению о создании СНГ, подписанному 8 декабря 1991 г. в г. Минске Республикой Беларусь, Российской Федерацией (РСФСР), Украиной. Во время встречи была подписана Алматинская Декларация, в которой закреплялись принципы равноправия, уважения территориальной целостности друг друга и нерушимости существующих границ.

С момента возникновения СНГ началась оживленная дискуссия, посвященная природе этого образования; спор вращался, прежде всего, вокруг вопроса, является ли СНГ механизмом интеграции или дезинтеграции постсоветского пространства. Если взглянуть несколько шире, то, по большому счету, дискуссия велась о проблеме единства евразийского пространства; обладает ли оно внутренней обусловленностью и гармонией, каковы должны быть цели, способы и условия этого единства, имеет ли перспективы развития евразийская общность, т.е. эта проблема имеет концептуальное значение.

Анализ отношений стран СНГ, как в многостороннем, так и в двустороннем форматах показывает, что их основой является экономическое сотрудничество. Помимо этого интеграционное партнерство поможет государствам континента не допустить развязывания военных конфликтов, большинство из которых происходит именно на Евразийском материке. С момента обретения независимости страны постсоветского пространства поступательно осваивают различные интеграционные формы сотрудничества, следуя одной из тенденций современного мира – регионализации национальных экономик. Одной из наиболее перспективных, по мнению аналитиков, признана евразийская интеграция.

Все эти годы, наряду со становлением государственности новых образований со всеми атрибутами и символикой, происходил поиск оптимальной модели их взаимоотношений. Казахстан с самого начала процесса становления СНГ проявил особую ответственность за его судьбу [247, с.53].

В подобных условиях, переживаемых всеми постсоветскими государствами, в высшей степени актуализировались их согласованные действия, конструктивное сотрудничество, поиск взаимоприемлемых компромиссных решений. Без этого невозможно было сохранить стабильность, обеспечить безопасность, реформировать экономику, интегрироваться в мировое сообщество. В этой связи естественным представляется идейный ход взять за основу интеграционной модели постсоветского пространства идею евразийской цивилизационной идентичности, базирующуюся на экономическом интересе.

Основным принципом евразийской интеграции в этот сложный, кризисный для всех период выступил экономический прагматизм. Президент Н.А. Назарбаев, понимая сложность создавшегося тогда положения, а также критику со стороны противников евразийского проекта открыто обозначил

взаимовыгодные акценты: «... найдена цивилизованная формула сочетания национально-государственных интересов с необходимостью интеграции на новой основе, прежде всего в экономической сфере».[248]. Стремление учесть интересы всех стран региона, развивать паритетные и взаимовыгодные отношения были заложены в основу создания нового интеграционного проекта.

Поскольку процесс интеграции шел медленно, институты СНГ работали неэффективно, вполне логичным развитием интеграционных инициатив Казахстана стало выступление Н.Назарбаева перед профессорско-преподавательским составом МГУ 29 марта 1994 г. в рамках первого официального визита в Россию. В своей речи он предложил рассмотреть возможные пути создания нового объединения из стран-участниц СНГ – Евразийского союза (ЕАС). [249]

Цель данного новообразования – согласование экономической политики и принятие обязательных для исполнения государствами-участниками совместных программ проведения экономических реформ, то есть ЕАС – это идея, прежде всего, экономического союза независимых государств с сохранением территориальной целостности, политического суверенитета и неприкосновенности государственных границ.

Роль России в Евразийском Союзе определяется (из ее объективного геополитического положения) следующим образом: она должна выступать связующим звеном между славянскими, кавказскими и азиатскими государствами.

ЕАС – союз равноправных независимых государств, направленный на реализацию национально-государственных интересов каждой страны-участницы и имеющегося совокупного интеграционного потенциала. ЕАС является формой интеграции суверенных государств, с целью укрепления стабильности и безопасности, социально-экономической модернизации в постсоветском пространстве.

ЕАС предполагает создание единого оборонного пространства с целью координации оборонной деятельности, а также для поддержания стабильности и погашения конфликтов в странах-участницах и между ними. Кроме того, ЕАС формируется для решения многочисленных проблем и усиления интеграции в области науки, культуры, образования, экологии. [249]

В основу Договора о создании ЕАС предполагалось заложить идею формирования наднациональных органов с целью координации экономической, оборонной и внешней политики. Для обсуждения стратегических вопросов должен быть создан Совет глав государств и правительств ЕАС. Следующим шагом могли бы стать прямые выборы в общий Парламент, учреждение Совета министров обороны и Совета министров иностранных дел. Предлагалось также создать постоянно действующий межгосударственный исполнительный секретариат ЕАС, состав которого назначался бы главами государств и формировался бы из представителей всех стран Союза. Этот исполком должен был получить статус наблюдателя в ООН и ОБСЕ. Далее предполагалось

введение общего документа или гражданства для всех стран Союза, обязательная разработка согласованных программ экономических реформ.

При этом концепция ЕАС отнюдь не предполагала воссоздание СССР или нечто подобного. Основными принципами, на которых мыслилось объединение в союз, могли бы стать: равенство, уважение суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности государственных границ, прав личности и индивидуальности каждого человека. Государства ЕАС получали право участвовать в других интеграционных объединениях, в том числе в СНГ, на основе ассоциированного или постоянного членства, либо иметь статус наблюдателя. Каждый участник мог выйти из ЕАС, предварительно уведомив другие государства не позднее, чем за шесть месяцев до принятия решения. Принципиальное значение имело сформулированное казахстанским Президентом положение о том, что интеграция, основанная на равенстве, добровольности и прагматическом интересе, – это будущее Евразии, которая только в этом случае может стать глобальным фактором мировой экономики и политики XXI века.

В проекте ЕАС отмечается, что рыночные реформации имеют универсальные закономерности. В этом смысле целесообразно соединение усилий по экономической трансформации стран СНГ на базе сформировавшихся в советское время и установившихся хозяйственных связей. Поскольку, как показывает опыт, попытки отдельных стран СНГ модернизироваться в одиночку пока к успеху не привели. В период создания ЕАС, существовавшая структура органов СНГ не позволяла реализовать интеграционный потенциал в полном объеме, было принято множество документов, касающихся экономики, социальных, политических проблем, коллективной обороны, которые так и не были реализованы на практике. В создавшихся условиях, Евразийский союз государств предстал в качестве необходимой и востребованной интеграционной структуры, основная деятельность которой была направлена на усиление взаимодействия экономического характера между пятью постсоветскими республиками. Евразийский союз государств был провозглашен союзом равноправных независимых государств, направленным на реализацию национально-государственных интересов каждой страны-участницы и имеющегося совокупного интеграционного потенциала. ЕАС явился формой интеграции суверенных государств с целью укрепления стабильности и безопасности, социально-экономической модернизации в постсоветском пространстве.

Автором проекта формирования Евразийского Союза, президентом республики Казахстан Н.А. Назарбаевым отмечалось, что СНГ как межгосударственное объединение играет позитивную роль в правовом оформлении межгосударственных отношений входящих в него стран. Потенциал действия СНГ не исчерпан. Тем не менее, существующая в настоящее время структура органов СНГ не позволяет реализовать имеющийся интеграционный потенциал в полном объеме. Кроме того, СНГ во многом не оправдало возложенных на него надежд. Было принято множество документов, касающихся эко-

номики, социальных, политических проблем, коллективной обороны, но на практике большинство соглашений не реализуется.

Как отмечает известный государственный и политический деятель нашей республики К.К. Токаев интеграция на постсоветском пространстве уникальна и во многом отличается от тех процессов, которые происходят в Западной Европе. Эти отличия можно очертить следующим образом [247, с.53]:

– Интеграцию ЕС осуществляли суверенные государства. Содружество на начальном этапе формировали государства, выделившиеся из единого тоталитарного государства и поставившие своей целью юридическое оформление своего суверенитета.

– Интеграция ЕС осуществлялась как интеграция государств развитых (хотя и в разной степени) рыночных экономик. В Содружестве осуществляется интеграция экономик государств, находящихся в состоянии перехода к открытой рыночной экономике.

– Интеграция в ЕС развивалась эволюционно в течение нескольких десятилетий, в основном через интенсификацию горизонтальных экономических связей, определяемых политическими решениями государств. Суть интеграции в Содружестве состоит в развитии торгово-экономических связей в новых рыночных условиях, доведение их до уровня интеграционных связей суверенных государств.

Кроме того, свою негативную роль играет целый ряд объективных факторов:

– В интеграции в рамках СНГ участвуют страны, которые заметно отличаются друг от друга по экономическому потенциалу, структуре хозяйства, уровню экономического развития. Достаточно сказать, что на долю России приходится 80% совокупного ВВП, тогда как удельный вес Украины составляет 8%, Казахстана – 3,7%, Белоруссии – 2,3%, Узбекистана – 2,6%, других республик – на уровне десятых долей процента. Естественно, такие различия существенно затрудняют задачу согласования их национально-государственных интересов.

– Интеграция в СНГ осуществляется в условиях глубокого экономического кризиса. Он породил дефицит материальных и финансовых ресурсов, увеличил разрыв между странами в уровнях развития и жизни населения.

– В странах СНГ не завершены рыночные преобразования. Имеются расхождения в подходах к темпам и путям их осуществления. Это привело к разнородности национальных экономических моделей, что не может не препятствовать формированию общего рыночного пространства.

– Нарастает политическое и экономическое влияние мировых держав. Их действия направлены на то, чтобы закрепить за странами СНГ роль поставщика сырьевых товаров, не допустить развитие в них современных технологий.

В этих условиях Содружество Независимых Государств смогло выполнить пока только одну задачу – обеспечить безболезненный переход от единого союзного государства к цивилизованной форме взаимодействия незави-

симых национальных государств, помочь сформировать между ними новые отношения, основанные на принципах полного суверенного равенства и международного права [250]. В этом плане большинством ученых сегодня признается факт: Содружество было необходимо. Оно создавалось и формировалось в целях совместного решения политических, экономических и социальных проблем на взаимовыгодных условиях.

Но для полной экономической интеграции как показывает опыт Евросоюза, необходимо проведение не просто согласованной, а единой экономической политики, включая унификацию контрактного, финансового, налогового, трудового, антимонопольного и других видов законодательства, единые технические и экологические стандарты, а также единую валюту, общий эмиссионный центр, самостоятельный бюджет, наличие надгосударственных исполнительных, законодательных и судебных органов. При этом необходимо помнить, что интеграция стран СНГ имеет ряд принципиальных особенностей.

Во-первых, объединяются страны с существенно различным уровнем экономического развития, например реальные доходы России или Казахстана во много раз превышают доходы жителей Таджикистана и Грузии. Мировой опыт показывает, что такие страны не могут создать объединение типа Европейского союза без предварительного выравнивания экономического развития и обычно ограничиваются образованием лишь зоны свободной торговли и движения капиталов. Этот процесс наблюдается в различных регионах мира.

Во-вторых, в СНГ есть страны, как обладающие мощным сырьевым потенциалом (Россия, Казахстан, Азербайджан), так и известные отсутствием таковых (Грузия, Молдова, Беларусь, Украина). Это усиливает экономическую асимметрию объединения.

В-третьих, в рамках СНГ объединяются страны, которые зависят от мировых кредиторов, причем МВФ, Мировой Банк и США негативно относятся как к интеграции государств Содружества с Российской Федерацией, так и к развитию в этих странах высоких технологий, особенно двойного назначения.

В-четвертых, нельзя не заметить, что активно пропагандируются и зарубежными странами финансово поддерживаются интеграционные объединения без России такие, как Центральноазиатское экономическое сообщество, «Кавказский парламент», «Тюркский парламент», ГУУАМ (Грузия, Узбекистан, Украина, Азербайджан и Молдова).

Все вышеперечисленное обусловило необходимость определения концептуальных основ такого многогранного явления, как «региональная интеграция». Само понятие вошло в научный оборот сравнительно недавно, но быстро распространилось в научном мире, но особенно среди политиков и дипломатов. Фактически все первые теоретические концепции региональной интеграции развивались на опыте развития Европейского экономического сообщества, однако они тут же были взяты на вооружение и развивающимися-

ся странами. Во второй половине XX века возникло множество региональных сообществ в Северной (НАФТА и др.), Центральной и Южной (ЛАИ, МЕРКОСУР и др.) Америке, в Африке (ОАГ и др.), в Азии (АСЕАН, ОИК, ЛАГ, СААРК и др.). Достижения ни одного из них не могли сравниться с успехами евроинтеграции.

Евразийской интеграции большинства постсоветских государств способствовал ряд специфических факторов, таких, как выгодное геополитическое положение государств региона, общие границы, наличие транспортных и других коммуникаций, связывающих эти страны, богатейшие природно-сырьевые ресурсы, самообеспеченность региона всеми видами сырья, мощный совокупный производственный и экспортный потенциал, а также относительно низкая стоимость рабочей силы. Кроме того, в качестве своеобразного фактора, также способствующего реализации интеграционных процессов на экономическом пространстве СНГ, выступила общность проблем социально-экономического развития этих стран.

Геополитическое расположение на стыке Азии и Европы, экономические и военно-политические интересы, а также экономический потенциал создали предпосылки формирования Казахстана в качестве крупного государства, заинтересованного в создании в своем окружении зоны стабильности и добрососедства на принципах взаимной безопасности, уважения суверенитета, территориальной целостности. Все это явилось посылком к появлению идеи о создании Евразийского Союза, автором которой является Президент нашей республики Н.А. Назарбаев. Как отмечает казахстанский политик Д.Н. Назарбаева, «идея Евразийского союза, стимулирующая интеграцию, обладает весьма привлекательными чертами по следующим причинам: во-первых, за идеей и концепцией Евразийского союза стоит определенная философская и историко-культурная традиция. Для концепции, призванной играть интеграционную и инновационную роль, это достаточно важно. Во-вторых, она предусматривает поэтапную интеграцию на постсоветском пространстве» [79, с. 77.].

Конечно, Содружество имеет существенные преимущества – высокую степень интегрированности экономики, сходные социально-политические структуры и ментальность населения, а также многонациональный состав большинства республик, общие исторические традиции. Но даже в условиях постепенного совершенствования механизмов СНГ не следует рассматривать его как единственную форму объединения.

Поэтому, учитывая различия между странами в уровнях развития рыночной экономики, демократизации политических процессов, Н.А. Назарбаев предложил формирование дополнительной интеграционной структуры – Евразийского Союза, деятельность которого будет сочетаться с деятельностью СНГ.

Вполне естественно, что идея создания подобного объединения, высказанная казахстанским лидером, вызвала разноречивые оценки глав государств Содружества, а также прессы в странах СНГ. Многие в этом объеди-

нении усмотрели попытку восстановить Советский Союз, другие расценили будущую организацию как аналог Европейского Союза - развитую форму экономической интеграции.

Дело в том, что будущий Евразийский Союз, по утверждению Н.А. Назарбаева, имеет ряд существенных отличий от СНГ. Первое и основное – это наличие в ЕАС парламента, причем закладывается два принципа его формирования: первый – это делегирование депутатов национальных парламентов и второй – проведение прямых выборов. Автор ЕАС считает, что наличие единого законодательного органа решит ряд задач, в том числе формирования единой законодательной политики – в первую очередь в области экономических реформ. Сегодня растут расхождения между типом национальных экономических законодательств стран СНГ, поэтому формирование единого валютного союза или единой денежной единицы на территории СНГ довольно проблематично из-за расхождений в законодательствах. Вторым отличием станет принцип вступления в ЕАС, предусматривающий прекращение военных действий между странами-участницами союза. По мнению Н.А. Назарбаева, этот принцип позволит предотвратить существующие в настоящее время межнациональные конфликты. И третья особенность – в ЕАС не допускается ассоциированное членство. [247, с.53].

Что же касается реализации проекта Евразийского Союза, то существует два варианта: первый – ЕАС формируется внутри СНГ, если государства СНГ сочтут нужным перейти на режим большего взаимодействия. Другой вариант – это постепенная трансформация СНГ в ЕАС.

Необходимо отметить, что евразийский проект Президента Н.А. Назарбаева сдвинул с мертвой точки вопрос налаживания межгосударственных контактов и объединения усилий стран СНГ по взаимовыгодному взаимодействию.

Одним из этапов практического воплощения проекта ЕАС явилось подписание 30 апреля 1994 г. Президентами Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана Договора о создании Единого экономического пространства между тремя государствами (Центрально-Азиатский союз) [251]. Этот документ заложила прочный фундамент экономического сотрудничества на основе принципов дружбы и добрососедства, равенства и невмешательства во внутренние дела друг друга, добросовестного выполнения взаимных обязательств, а также других общепризнанных норм международного права.

В июле 1994 г. главы государств-участников Центрально-Азиатского союза создали Межгосударственный Совет, учредили Советы премьер-министров, министров иностранных дел и его рабочий орган – Исполком Межгоссовета, образовали Центрально-азиатский банк сотрудничества и развития.

Следующим шагом политики углубления экономической интеграции стало подписание главами Правительств Казахстана, России и Беларуси 20 января 1995 г. Соглашения о Таможенном союзе (ТС) трех государств и утверждение поэтапной Программы действий правительств трех стран по реализа-

ции договоренностей о дальнейшем углублении взаимного сотрудничества [251, с.250-254.]. В марте 1996 г. к Таможенному союзу присоединилась Кыргызская Республика. Республика Таджикистан стала его полноправным членом 26 февраля 1999 г.

Предполагалось, что создание Таможенного союза должно стать важной предпосылкой создания общего рынка товаров, услуг, капиталов, рабочей силы. Для функционирования Таможенного союза государства должны были согласиться на скоординированность в проведении экономических реформ и достижении однотипного, базирующегося на рыночных принципах хозяйствованного механизма регулирования экономики. Далее ставилась задача осуществления унификации хозяйственного законодательства (внешнеторгового, таможенного, валютно-финансового, ценового, налогового и т.д.), выработки единых правил установления согласованного валютного курса, конвертируемости национальных валют, формирования эффективного платежного баланса, а также проведения согласованной внешнеэкономической политики по отношению к третьим странам. В рамках Таможенного союза был подписан ряд важных документов в области налогового законодательства, транспорта и т.д.

Учитывая достигнутый уровень взаимодействия национальных экономических систем суверенных государств, Казахстаном было предложено пойти дальше по пути интеграции и подписать Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве. Другими словами, ставилась задача путем формирования общего рынка и прогрессирующего сближения экономической политики государств-членов оказать практическое содействие гармоничному развитию экономической деятельности во всех государствах-участниках Таможенного Союза. [247, с.237-238.]

В этой связи Президент Н.Назарбаев, как Председатель Межгосударственного Совета Таможенного союза, в начале 1998 г. выступил с инициативой, которая условно была названа «Десять простых шагов навстречу простым людям». Речь идет о принятии мер, которые облегчили бы повседневную жизнь народам Содружества, не создавали бы им проблем при передвижении из страны в страну, при обретении гражданства, при осуществлении ими других прав. Предложения главы государства были направлены по существу на создание единого гуманитарного и информационного пространства в СНГ. Заявление Президента Н.Назарбаева «О десяти простых шагах навстречу простым людям» включает в себя 10 проектов соглашений и договоров, подписанных главами правительств Таможенного союза 24 ноября 1998 года в Москве. [246, с.439-440.] Основное содержание заявления сводится к следующему:

Соглашение об упрощенном порядке приобретения гражданства позволит гражданам Таможенного союза получить более льготное по срокам и процедуре оформления право на гражданство других государств «пятерки».

Соглашение об обеспечении свободного и равного права пересечения физическими лицами таможенных границ и беспрепятственного провоза ими

товаров и валюты предполагает возможность гражданам стран, входящих в Таможенный союз, свободно перемещаться и перевозить товары и валюту через внутренние границы без ограничений по весу, количеству, стоимости и их декларирования в письменной форме, а также взимания сборов за хранение.

Соглашение о взаимном предоставлении гражданам равных прав в получении скорой и неотложной медицинской помощи предполагает предоставление бесплатной скорой неотложной медицинской помощи гражданам стран-членов Таможенного союза наравне с гражданами государства, где отказывается медицинская помощь.

Протокол об облегчении процедуры почтовых отправлений и обеспечении свободной подписки, и доставки периодических изданий обеспечивает на территории Таможенного союза беспрепятственный прием, обработку, перевозку и доставку адресатам всех почтовых отправлений, а также предоставляет взаимные услуги по распространению периодических изданий.

Протокол об упрощении процедуры осуществления денежных переводов физическими лицами определяет, что банковские денежные переводы без открытия текущего счета могут производиться в любой валюте, почтовые денежные переводы принимаются в национальной валюте государства подачи перевода и выплачиваются в национальной валюте государства назначения перевода.

Соглашение о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях регламентирует единый порядок признания документов государственного образца разных уровней об образовании, ученых степенях и званиях на территории Таможенного союза.

Соглашение о предоставлении равных прав гражданам на поступление в учебные заведения тесно взаимосвязано с предыдущим соглашением и предусматривает равные права гражданам Таможенного союза для поступления в государственные учебные заведения.

В Соглашении о создании благоприятных условий для распространения программ телевидения и радио намечены организационные, технические и экономические меры по расширению сотрудничества и созданию благоприятных условий для распространения программ телевидения и радио в целях удовлетворения культурно-информационных потребностей граждан, дальнейшего укрепления традиционных связей между народами.

Соглашение по созданию благоприятных условий для занятия малым предпринимательством предусматривает проведение согласованной политики по поддержке развития малого предпринимательства; стимулирование создания совместных производств; взаимное признание лицензий и стандартов на товары и продукцию; взаимное предоставление национальных режимов хозяйствования.

В апреле 1998 г. президенты Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России приняли политическое решение, которое открыло Таджикистану дорогу к вхождению в интеграционное объединение этих стран.

26 февраля 1999 года Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан подписали Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве, однако в процессе его реализации стало ясно, что продвижение по намеченному пути затруднительно без четкой организационно-правовой структуры, обеспечивающей, в первую очередь, обязательность выполнения принятых решений. В целях решения этой проблемы 10 октября 2000 года в Астане президентами Белоруссии, Казахстана, Киргизии, России и Таджикистана и был подписан Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества, ставший основой для перевода сотрудничества пяти государств на качественно новый уровень. Подписание этих документов можно рассматривать как конкретное воплощение основных аспектов идеи Н. Назарбаева о Евразийском союзе. Договор был ратифицирован всеми государствами участниками и 30 мая 2001 года вступил в силу.

В Договоре ЕврАзЭС заложена концепция тесного и эффективного торгово-экономического сотрудничества для достижения целей и задач, определенных Договором о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 г. Предусмотрены организационно-правовые инструменты реализации достигнутых договоренностей и механизмы синхронного и адекватного выполнения заключенных международных договоров, а также введение системы контроля за реализацией принимаемых решений.

Произошло организационное оформление ЕврАзЭС, представленное структурой, в которой присутствуют три ветви – исполнительная (Межгосударственный совет, Интеграционный комитет и Секретариат), законодательная (Межпарламентская ассамблея) и судебная (Суд Сообщества). Отдельными статьями оговаривается, что Межгосударственный Совет является высшим органом Сообщества, в компетенцию которого отнесены вопросы стратегии, направления и перспектив развития интеграции. В его состав входят главы государств и главы правительств. Интеграционный Комитет (ИК) – постоянно действующий орган Сообщества, в состав которого входят заместители глав правительств Сторон. Текущую работу Сообщества обеспечивает Комиссия Постоянных представителей (Постпредов) Сторон при Сообществе, назначаемых главами государств-участников.

Именно наличие четкой структуры и механизмов интеграции позволяет исследователям делать долгосрочные положительные перспективы интеграции в рамках ЕврАзЭС. В настоящее время Генеральным секретарем является казахстанский дипломат Т.А. Мансуров. Финансирование деятельности общих органов Сообщества происходит следующим образом: 40% вносит Россия, по 15% – Беларусь, Казахстан, Узбекистан, по 7,5% – Кыргызстан и Таджикистан. Количество голосов при принятии решений в Интеграционном комитете прямо пропорционально взносам (после выхода Узбекистана произошел пересмотр – Казахстан и Беларусь – по 20%, Кыргызстан и Таджикистан – по 10%).

При этом решения принимаются большинством в две трети голосов (67%), то есть оно учитывает фактический «вес» участников. Необходимо

отметить, что квалифицированного большинства без России в Интеграционном комитете ЕврАзЭС никак не достичь. Фактически Москва единственная в Сообществе обладает правом вето. Любая другая страна-участник сможет заблокировать ее предложение только при условии поддержки еще двух партнеров. Это является существенным отличием ЕврАзЭС от других региональных организаций.

В начале июня 2001 года на саммите руководителей СНГ в Минске в рамках Содружества были определены основные приоритеты, цели и структура Евразийского Экономического сообщества. Признанием заслуг президента Н.А. Назарбаева стало то, что казахстанская сторона получила в новой структуре абсолютное большинство на ключевых должностях. Целью ЕврАзЭС стало согласование экономической политики и принятие обязательных для исполнения государствами участниками совместных программ проведения экономических реформ.

В мае 2003 года ООН зафиксировала статус Евразийского экономического сообщества как международной организации. Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) – союз как форма интеграции суверенных государств с целью социально-экономической модернизации, укрепления стабильности и безопасности основывается на экономических интересах равноправных независимых государств. Не случайно он вырастает на базе Таможенной пятерки. И в этом контексте такие направления деятельности как создание экономического пространства, сохранение и усиление интеграционного потенциала в сфере науки, культуры и образования, заключение в рамках ЕАС договоренностей в оборонной области, формирование государствами-участниками совместных экологических программ содержит в себе основы успешной социально-экономической модернизации.

К числу основных направлений в деятельности ЕврАзЭС относятся:

– Транспорт – решение проблем единых тарифов, увеличение грузопотока, упрощение таможенных процедур, завершение внутригосударственных процедур по подписанным соглашениям, создание транснациональных транспортно-экспедиционных корпораций;

– Энергетика – совместное освоение гидроэнергетических комплексов Центральной Азии и решение проблемы снабжения электроэнергией и водопользования, выход на единый энергетический баланс;

– Трудовая миграция – социальная защита мигрантов, создание действенной системы регулирования и контроля за миграцией трудовых ресурсов, борьба с сопутствующей миграции преступностью, решение проблем, связанных с уплатой мигрантами и их работодателями налогов;

– Аграрно-промышленный комплекс – согласование сельскохозяйственной политики государств ЕврАзЭС, формирование единого продовольственного рынка стран Сообщества, сокращение издержек на транспортировку, хранение, реализацию сельскохозяйственной продукции, образование новых рыночных институтов в этой сфере (страховых, банковских, лизинговых, биржевых и других);

– Условия перемещения граждан стран, входящих в ЕврАзЭС, по территории Сообщества. В соответствии с межправительственным соглашением граждане государств-членов ЕврАзЭС, независимо от места постоянного проживания, имеют право въезжать, выезжать, следовать транзитом, передвигаться и пребывать на территории государств Сообщества без виз;

– Взаимодействие в культурной, образовательной сферах. В соответствии с заключенным соглашением, любой гражданин стран ЕврАзЭС имеет право поступать в любое гражданское высшее учебное заведение любой страны Сообщества на тех же основаниях, что и граждане той страны, на территории которой находится это высшее учебное заведение.

Выгоды от участия в ЕврАзЭС для реального бизнеса стран заключается, прежде всего, в том, что деловая активность развивается в рамках единого экономического пространства, которое поддерживается благодаря унификации национальных законодательств стран Сообщества и создания равных условий для хозяйствующих объектов, действующих на этом пространстве. При перемещении товаров и услуг, произведенных на территории ЕврАзЭС, через внутренние границы Сообщества не взимаются таможенные пошлины. За счет снижения трансакционных издержек товары, произведенные на территории стран ЕврАзЭС, становятся более конкурентоспособными по сравнению с товарами третьих стран. Немалую роль играет также возможность использования имеющегося потенциала инновационных технологий и интеллектуальных ресурсов пяти государств Сообщества.

Важно отметить, что к более высокой степени интеграции ни одну из стран-участниц ЕврАзЭС никто не подталкивал. Необходимость более широкого и тесного сближения в рамках этой организации была осознана каждым из ее участников на фоне событий, происходивших в то время в мире и в каждой из этих стран.

Структура ЕврАзЭС имела в принципе традиционную для подобных организаций систему органов управления, но в отличие от Содружества у Сообщества более четкая структура с определенным механизмом принятия решений. Главное заключается в системе их реализации, основанной, прежде всего на экономической заинтересованности хозяйствующих субъектов стран членов ЕврАзЭС. Именно такой подход позволил Сообществу выйти на передовые рубежи интеграционного сотрудничества по сравнению с другими субрегиональными организациями интеграционного типа на постсоветском пространстве.

Значимой вехой на пути интеграции стало заседание в 2003 году Межгосударственного совета ЕврАзЭС на уровне глав государств в Душанбе, на котором были приняты приоритетные направления развития Сообщества на 2003-2006 гг. В их число вошли: формирование единого таможенного пространства, согласование сроков и условий вступления в ВТО, развитие энергетических ресурсов, форсирование создания евразийского транспортного союза, создание общего агрорынка, миграционная политика, борьба с наркотрагвлей.

Если сравнивать ЕврАзЭС с другими интеграционными группировками, то, несмотря на то, что многие комментаторы проводят параллели с Европейским Союзом и говорят о некоем евразийском аналоге ЕС, на самом деле ЕврАзЭС не является наднациональным органом и скорее близок к Европейской Ассоциации свободной торговли (ЕАСТ), хотя и имеет большие амбиции.

Развитие экономики стран ЕврАзЭС в 2000-е демонстрирует некоторые позитивные тенденции.

Практически во всех странах Евразийского экономического сообщества в 2003 был зафиксирован рост основных макроэкономических показателей, хотя темпы этого роста по сравнению с 2002 несколько замедлились. Все пять государств, входящих в ЕврАзЭС, добились относительной стабилизации курсов национальных валют по отношению к доллару США. Во всех странах Сообщества имело место замедление темпов инфляции и рост среднемесячной заработной платы.

Оборот торговли стран этого сообщества вырос за 2000-2004 гг. на 88%, в то время как у других стран СНГ – лишь на 11%. Если в рамках СНГ существует более 300 ограничений во взаимной торговле, то в ЕврАзЭС нет ни одного, что позволяет членам сообщества реализовать режим более свободной торговли со всеми вытекающими выгодами.

Возможно, именно эти оптимистические показатели стали важнейшим аргументом в пользу вступления в сообщество в 2002 году Молдовы, Украины и Армении.

Известно, что после своего выступления в Москве в июне 1994 года, Президент Казахстана Н.А. Назарбаев не раз поднимал проблему создания Евразийского союза, что в первую очередь объясняется тем, что главным вопросом евразийской темы является интеграция, прежде всего, славяно-тюркского мира. А Казахстан – крупнейшее тюркское государство, имеющее наиболее протяженную границу с Россией. И своей исторической судьбой он также тесно связан с Россией, как впрочем, с Белоруссией и Украиной. Казахстан играет роль своеобразного ключа ко всей Центральной Азии именно там сконцентрирован основной интеллектуальный и технический потенциал этого региона, а также его ресурсный базис.

Дальнейшая экономическая модернизация государств на постсоветском пространстве была невозможна без согласованности в области ценовой политики на экспортируемое сырье и энергоресурсы, так и без сближения национальных законодательств стран СНГ, поскольку существующие различия между ними не продвигали экономические интеграционные процессы. Все это обусловило потребность в формировании не только нового экономического порядка в СНГ, но и, как предполагалось по проекту, дополнительной интеграционной структуры – Евразийского союза, призванного регулировать не только в экономической, но и политической, правовой, оборонной, культурно-образовательной и экологической сферах.

Ежегодные темпы роста взаимной торговли стран ЕврАзЭС составляют

(середина 2000-х годов) 30%, средний уровень прироста ВВП составил в 2006 году 7%, средний рост инвестиций в основной капитал – 13%, при этом взаимные инвестиции между странами Сообщества в 2006 году увеличились на 30%. Только Казахстан инвестировал в зарубежные страны 20 миллиардов долларов. Из них в Россию – 8 миллиардов. На повестке дня ЕврАзЭС – крупные межгосударственные проекты. В частности, – указал Глава государства, – необходимо продолжить начатую Казахстаном работу по строительству транспортного коридора «Западный Китай – Западная Европа», другим транспортным коридорам с Востока на Запад, обсудить вопрос транспортного сотрудничества в формате АСЕАН – ЕвАзЭС – ЕС. Кроме того, «знаковым проектом» может стать строительство нового судоходного канала «Евразия» – от Каспия к Черному морю. По данным экспертов, этот канал был бы на 1000 км короче Волго-Донского и стал бы мощным коридором выхода всей Центральной Азии к морям через Россию. Сегодня рассматривается вопрос переброски части стока сибирских рек в регион Казахстана и Средней Азии.

«Самое главное достижение ЕврАзЭС, – подчеркнул Н.А. Назарбаев, – это достигнутая договоренность о создании Беларусью, Казахстаном и Россией Таможенного союза, что создает предпосылки для последующего перехода в будущем к более развитой стадии интеграции – единому экономическому пространству». «Именно Таможенный союз трех государств может стать, – заметил Глава Казахстана, – «ядром» образования в перспективе «Евразийского экономического союза – организации глобального масштаба, построенной на новых принципах доверия и взаимовыгодного сотрудничества» [51].

В своем выступлении в Санкт-Петербурге 10 июня 2007 года Президент Казахстана выдвинул ряд конкретных инициатив. Чтобы привлечь финансовые силы из всех стран ЕврАзЭС и СНГ в целом, «предлагаем открыть в Астане – центре Евразийского региона – Евразийский Клуб Банкиров». Ведь совместными усилиями Казахстана и России уже создан Евразийский банк развития, задачей которого является поддержка совместных инициатив и взаимовыгодных проектов.

На февральском саммите 2009 года ЕврАзЭС в Москве по инициативе Казахстана приняты такие прорывные проекты как создание совместного Антикризисного фонда в размере 10 миллиардов долларов и международного Центра высоких технологий. Под эгидой ЕврАзЭС стали обсуждаться и приниматься конкретные экономические проекты. Например, создание общей энергетической системы, единого цикла в области производства мирной атомной энергии, сооружение евразийских транспортных магистралей и другие.

Весь 2009 год шла активная подготовительная работа по формированию тремя странами – Казахстаном, Беларуссией и Россией – Таможенного союза. А 1 июля 2010 года был подписан договор о создании Таможенного Союза между Российской Федерацией, Республикой Казахстан и Республикой Бела-

русь. С 6 июля 2010 года вступил в силу Таможенный кодекс. Было принято Соглашение об Общем таможенном тарифе, которое определяет основы единой политики в этой области, содержит механизм согласования и принятия единых ставок ввозных таможенных пошлин, то есть разработки и внедрения Общего таможенного тарифа. Был заключён целый ряд международных договоров, которые регулируют правовые и финансовые аспекты деятельности союза. Между главами трех государств прошли переговоры, в ходе которых была принята договоренность по статусу суда и его деятельности в рамках Таможенного Союза, что свидетельствует том, что интеграция уже вступает в активную фазу. Так, в соответствии с теми договоренностями, которые были согласованы главами государств-участниц Таможенного Союза, этот статус будет применяться не только к отношениям между собственно самими государствами, но и к отношениям между так называемыми хозяйствующими субъектами, то есть компаниями, которые зарегистрированы на территории стран Таможенного союза и ЕврАзЭС.

Следующим шагом интеграции может стать валютный союз стран ЕврАзЭС и создание евразийской наднациональной расчетной единицы. По прогнозам аналитиков созданные структуры, осуществление совместных проектов и намеченные перспективы совместного сотрудничества приближают нас к созданию Евразийского экономического союза.

За годы развития интеграционных процессов на территории постсоветских государств были определены основные цели и задачи, которые не всегда удавалось решить. Проблемы и сложности в этом процессе имеют как внутреннюю, так и внешнюю формы.

Противниками интеграции часто выступают различные силы внутри СНГ, поскольку интеграционные процессы подразумевают передачу части суверенитета наднациональным органам управления в обмен на выгоды экономического объединения. Опыт других интеграционных образований, прежде всего Европейского Союза, свидетельствует, что углубление интеграционного процесса без передачи части полномочий межнациональным органам невозможно. Однако руководство ряда стран Содружества не готово расстаться даже с частью полномочий, ради благополучия своих народов. Позиция стран СНГ по отношению к интеграционным процессам во многом зависит от внутривнутриполитической ситуации в соответствующих странах, их оценки геополитических реалий, а также представлений об оптимальной модели национальной экономики. Отсюда – диаметрально противоположные взгляды на будущее Содружества, как среди ученых, так и практиков.

Дезинтеграционные факторы, действующие на экономическом пространстве СНГ, по своей природе достаточно противоречивы и неоднозначны. Прежде всего, это собственно дезинтеграционные, а также антиинтеграционные факторы. Разница между ними существенна.

Дезинтеграционные факторы объективно сформировались в ходе реального развития событий и явлений постсоветской действительности, которые способствовали и продолжают способствовать дезинтеграции независимых

государств. Эта группа факторов объединяет экономические и социально-политические явления разного уровня.

В качестве антиинтеграционных нами рассматривается совокупность определенных субъективных факторов, направленных против интеграции постсоветских государств. Ряд антиинтеграционных факторов носит внутренний характер и отражает существование в 1990-х гг. определенных сил в странах СНГ, настроенных против интеграции постсоветских государств. Среди этих факторов выделяются: противодействие части правящих кругов бывших советских республик, опасение утраты ими семейственности и клановости в фактическом характере, недовольство определенных кругов в руководстве республик своей специализацией в рамках СНГ, сохраняющейся еще со времен СССР.

Антиинтеграционные факторы имеют также и внешний импульс формирования. Здесь в качестве основного фактора выступает политика США в центральноазиатском и черноморско-каспийском регионах. США не просто не заинтересованы в появлении эффективного в политическом и экономическом смысле интеграционного объединения постсоветских государств. Американское руководство рассматривает вышеупомянутые регионы в качестве зоны своих национальных интересов и проводит крайне агрессивную политику как по противодействию интеграции постсоветских государств, так и по разработке собственных планов формирования региональных объединений постсоветских государств с ведущей финансовой и политической ролью США. Существует и другая точка зрения, например, некоторые западные ученые и политики опасаются, что СНГ – это прообраз восстанавливаемой империи, которая угрожает независимости новых суверенных государств и делает невозможным в дальнейшем их вступление в Европейский союз. То есть, складывается такая картина, что, как будто бы нет объективной необходимости и возможности сотрудничества между независимыми государствами постсоветского региона в формах социально-экономической интеграции, который далее предполагает и другие межгосударственные объединения. А все интеграционные процессы нельзя сравнивать с восстановлением империи.

Таким образом, эффективность интеграционного процесса на постсоветском пространстве зависит от баланса множества тенденций, факторов и предпосылок, зачастую характеризующихся противоположной направленностью.

Мировая практика убедительно свидетельствует, что интеграционные процессы дают позитивные результаты, если государства включаются в них добровольно и изъявляют готовность следовать согласованным решениям, нацеленным на совершенствование жизненно важных институтов общества и повышение благосостояния граждан. Вместе с тем, процесс интеграции не должен вступать в противоречие с процессом национального возрождения и формирования государственности стран-участниц. Это подтверждает опыт Евразийского Экономического Союза. По признанию международных экспертов, самым динамично развивающимся интеграционным объединением

на постсоветском пространстве независимого от руководства внешнеполитического курса США, в настоящий период является ЕврАзЭС. Значительная роль в этой динамике принадлежит России и Казахстану, наиболее ориентированными на экономическую интеграцию постсоветского пространства и поддержание политической стабильности на территориальном пространстве ЕврАзЭС. Прежде всего, это относится к взрывоопасному региону Центральной Азии, характеризующейся наличием как внешней угрозы (близость к Афганистану), так и «очагов» внутренней дестабилизации (религиозные и территориальные конфликты народов, населяющих Ферганскую долину узбеков, киргизов и таджиков). Центральноазиатские государства, в свою очередь, видят в ЕврАзЭС перспективу как решения своих региональных проблем (делimitация границ, водные ресурсы, территориальная принадлежность минеральных ресурсов, двухсторонние развития экономические отношения и др.), так и своего экономического потенциала за счет возможности привлечения значительных инвестиций, главным образом российских, и, таким образом, расширения собственной экономической специализации.

В проекте ЕАС заложена идея двухскоростной и многоярусной интеграции, формирования своеобразных «интеграционных центров». Не следует видеть в Евразийском союзе жесткую систему с однозначной цивилизационной и геополитической ориентацией. Казахстан диверсифицирует, разнообразит свои внешние связи, налаживая взаимовыгодные отношения с мусульманским сообществом, участвуя в деятельности Организации экономического сотрудничества, Организации Исламская конференция. И это не является противовесом активному взаимодействию и сотрудничеству в рамках других интеграционных групп на пространстве СНГ: Центрально-Азиатского экономического сообщества, Таможенного союза и т. д.

Очень важно, что Евразийский союз с самого начала своей деятельности не создает препятствий для многовекторной, многополярной внешней политики, вхождения и включения Казахстана в другие региональные объединения, соответствующие приоритетам и целям государственной политики нашей республики. Создание множества таких региональных союзов отвечает реалиям современной сетевой социальной морфологии, характерной для эпохи глобализации. И уже с учетом только этих обстоятельств можно констатировать, что на сегодняшний день евразийской интеграции альтернативы нет.

В целом, по прошествию почти двадцатилетнего периода с момента оформления интеграционных процессов, на территории бывших союзных республик можно сделать вывод о том, что в настоящее время экономическое взаимодействие стран ЕврАзЭС характеризуется циклическим характером. Сначала принимаются основополагающие интеграционные решения, намечаются соответствующие конкретные мероприятия и начинается их реализация; затем выполнение этих мероприятий замедляется, а по некоторым направлениям происходит откат назад. После этого принимаются новые интеграционные документы, намечаются новые мероприятия (многие из которых

по существу повторяют прежние, так и не реализованные документы), затем снова следует замедление и опять возврат на прежние позиции. При этом интеграция затрагивает в основном конституциональный уровень, а реальное взаимодействие национальных хозяйств и хозяйствующих субъектов стран ЕврАзЭС остается вне воздействия интеграционных структур, развивается практически автономно.

Вместе с тем необходимо признать, что экономическое сотрудничество в рамках ЕврАзЭС не сводится только к развитию чисто формальных интеграционных форм сотрудничества. Интеграция не является самоцелью она призвана, прежде всего, способствовать развитию торгово-экономических и иных связей между странами-участницами. Поэтому анализ интеграционных процессов в ЕврАзЭС дополнен характеристикой «традиционных» форм экономического сотрудничества – взаимной торговли, инвестиционного сотрудничества, взаимодействия в финансовой сфере и др.

В последние годы отмечается некоторый рост взаимных связей, характеризуемый объемом внешнеторгового товарооборота, но остается низким уровень взаимных инвестиций и темп развития кооперационных связей.

Отставание фактической интеграции стран ЕврАзЭС от институциональной объясняется, с одной стороны, объективными условиями самостоятельного развития государств региона, с другой немаловажную роль играют субъективные факторы, связанные с просчетами при осуществлении институциональной интеграции, снижающими эффективность многих мероприятий. В первую очередь имеется в виду незавершенность формирования механизма реализации принимаемых решений.

Существенно сдерживает эффективность экономической интеграции слабая управляемость экономическим развитием интеграционного объединения.

Межгосударственные интеграционные структуры призваны использовать в отношении с хозяйствующими субъектами стран сообщества стимулы и убеждения, побуждающие хозяйствующие субъекты предпринимать определенные действия или воздерживаться от них. Для овладения такими инструментами требуются время и формирование таких, например, институтов интеграции, как общественные корпорации, федерации, союзы, отраслевые промышленные и трансграничные ассоциации, консультативные советы, экспертные группы, информационно-аналитические центры и др.

Вместе с тем, перспективы развития ЕврАзЭС зависят от рационального использования преимущества геополитического и геоэкономического положения региональной экономической организации в Евразии между двумя цивилизациями и двумя «центрами силы»: атлантической (прежде всего, европейской) и тихоокеанской, которые во многом будут определять расстановку мировых сил в новом столетии.

Создав интеграционную целостность, ЕврАзЭС может стать цивилизованным мостом между двумя цивилизациями, центром масштабной трансконтинентальной кооперации. Таким образом, при формировании сегодняшних интеграционных процессов на территории бывшего Советского Союза

нужно учитывать, что объединение возможно только на основе баланса интересов суверенных партнеров и равного экономического сотрудничества, чтобы обеспечить выживание и дееспособность нового сообщества. В то же время сегодня обозначился круг основных проблем в интеграционных процессах в рамках ЕврАзЭС:

1. Проблема вступления стран-участниц (кроме Кыргызстана) в ВТО. Страны Сообщества так и не определились, как членство их государства во Всемирной торговой организации повлияет на отношения с партнерами по ЕврАзЭС.

2. Проблемы в сфере энергетики. ЕврАзЭС объединяет в себе страны-экспортеры и страны-потребители энергоресурсов. При этом у государств, занимающихся преимущественно экспортом сырьевых ресурсов, объективно мало стимулов для форсирования интеграционных процессов.

3. Отсутствие штрафных санкций против государств-членов, саботирующих участие в организации. Об этом свидетельствует отрицательный опыт присутствия в ЕврАзЭС Узбекистана, который за три года своего участия так и не выполнил своих обязательств по присоединению к договорной базе

Текущий период формирования ЕврАзЭС является определяющим для будущего организации, ее конфигурации и перспектив развития. Это связано с активизацией переговорного процесса членов ЕврАзЭС по их вступлению в ВТО. Для государств ЕврАзЭС существенно, чтобы процесс их вступления в ВТО, проходящий индивидуально, был, как можно более скоординирован, как по условиям вступления, так и по срокам. Это очень важно для эффективности интеграционного процесса в рамках ЕврАзЭС, поскольку неодновременное и с большим временным промежутком присоединение к ВТО даже при скоординированности позиций может создать значительные препятствия на пути интеграции экономик стран Сообщества. Однако достижение этой цели в полном объеме уже не представляется возможным ввиду нескоординированного вступления в ВТО Киргизии в 1998 г. Кроме того, в процессе присоединения к ВТО каждое из государств ЕврАзЭС преследует свои собственные интересы, не всегда совместимые с интересами партнеров по Сообществу.

Серьезные трудности возникли с соответствием соглашений, заключенных в рамках ЕврАзЭС, нормам и требованиям ВТО. В связи с этим должны быть пересмотрены все действующие между странами соглашения по торгово-экономическому сотрудничеству на предмет их соответствия нормам ВТО. Представляется более целесообразным осуществить корреляцию соглашений после присоединения к ВТО части участников ЕврАзЭС для того, чтобы пересмотренные соглашения могли претендовать на статус окончательных.

В настоящее время ЕврАзЭС представляет собой развивающийся экономический «организм» с огромным экономическим потенциалом, значительной сферой геополитического влияния и реальными перспективами развития,

важными для каждого из участников Сообщества. К положительным моментам в деятельности ЕврАзЭС относятся практика разноскоростной интеграции, позволяющая странам-лидерам (Россия, Казахстан и Беларусь) переходить на новый этап интеграции без оглядки на государства с низким уровнем экономического развития, а также то, что многостороннее сотрудничество стран-участниц Сообщества проходит по всем трем составляющим региональной интеграции – экономика (по линии собственно ЕврАзЭС), безопасность (по линии ОДКБ) и культурно-образовательная сфера (по линии СНГ и общественных объединений как Евразийская ассоциация университетов).

Формирование ЕврАзЭС будет представлять собой достаточно сложный и продолжительный процесс. Для эффективной деятельности любого экономического интеграционного объединения необходимо его встраивание в мировую экономическую систему, что невозможно, прежде всего, без функционирования в рамках ВТО. Это потребует определенного времени, но даст возможность реализовать себя каждой из стран и интеграционному объединению в целом в качестве равноправных участников всемирного экономического взаимодействия.

Таким образом, евразийский вектор интеграции государств расположенных на постсоветском пространстве – процесс взаимовыгодный для всех его участников. Экономика СНГ за время своего существования прошла путь от единого народнохозяйственного комплекса до группы взаимосвязанных экономик независимых государств. И в этом не последнюю роль сыграла евразийская интеграция, инициированная Первым Президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым.

Сегодня находясь в самом сердце Евразии, наша страна стремится в равной степени принимать активное участие в политической, экономической, культурной жизни Европы и Азии. Казахстан на сегодня, несомненно, превратился в неформального лидера среди стран региона и является одним из инициаторов различных интеграционных процессов на территории Центральной Азии и евразийского пространства.

Являясь активным участником интеграционных процессов на евразийском пространстве, Казахстан на протяжении почти всего периода своей независимости взаимодействует в рамках региональных объединений со всеми соседними и близлежащими государствами. Также как и в ее двусторонних отношениях с государствами мира, страна стремится сотрудничать с различными партнерами, что является отражением многовекторной внешней политики нашего государства. Как показывает практика Казахстана, участие сразу в нескольких проектах регионального сотрудничества не является непреодолимым препятствием для совершенствования форм многостороннего взаимодействия государств.

Именно в этом заключается, на наш взгляд, суть сбалансированной евразийской геополитики. Не останавливаясь на достигнутом, наша страна поэтапно и целенаправленно идет к созданию Евразийского Союза. Председательство Казахстана в ОБСЕ в 2010 году открывает уникальные возможности

реализации потенциала этой организации в качестве равноправной диалоговой площадки, объединяющей североатлантическое и евразийское пространства, в целях формирования политического, экономического взаимодействия между народами и странами.

4 ИДЕЯ ЕВРАЗИЙСТВА ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН Н.А. НАЗАРБАЕВА: РАЗВИТИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

4.1 Современное евразийство: роль евразийской инициативы Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева в современной истории Казахстана и стран СНГ

Развал СССР с последующими глубинными изменениями поставил Казахстан и другие постсоветские республики перед сложной и ответственной задачей – выжить, перестроить свои экономики и найти достойное место в мировом цивилизационном процессе. Всем бывшим республикам СССР было трудно найти свой путь развития, определить должное место в мировом сообществе и на постсоветском пространстве. А руководству Республики Казахстан, ввиду ее огромной территории, этнического разнообразия, ядерного наследия, оставшегося от Советского Союза, было особенно трудно решать проблемы, вставшие перед ним после обретения страной независимости и принятия суверенитета. Перед лидером Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым встали непростые, многоплановые задачи по консолидации всех сил и средств по поддержанию стабильности внутри своей страны, а также по сохранению спокойствия во всем регионе. Геополитическое расположение на стыке Азии и Европы, экономические и военно-политические интересы, а также экономический потенциал создали предпосылки формирования Казахстана в качестве крупного государства, заинтересованного в создании в своем окружении зоны стабильности и добрососедства на принципах взаимной безопасности, уважения суверенитета, территориальной целостности.

В такой обстановке стали актуальными и востребованными альтернативные подходы к осмыслению истории и современности. Поэтому совсем не случайно в интеллектуальном сообществе таких стран, как Казахстан, Россия, занимающих срединное положение в Евразии произошло возвращение интереса к евразийским идеям. Это обусловило формирование и развитие идеи евразийства, которая представляла собой широкое интеллектуальное и идейное поле для определения государственных приоритетов и выбора международной программы развития.

Идея евразийства в Казахстане в обновленном виде возникла не случайно. Президентом был сделан осознанный шаг в сторону политической и экономической, а так же идейной трансформации общества всего евразийского пространства. Глубокая философия, здоровый прагматизм, политический реализм и твердое стремление укрепить позиции суверенного государства двигали Президентом Н.А. Назарбаевым в момент провозглашения идеи евразийства в качестве возрождения многовекового взаимодействия народов Евразии. Глава нашего государства, учитывая реалии того времени, связанные с конкурентной борьбой в мире между крупнейшими геополитическими, экономическими и военно-стратегическими силами решился на смелое преобразование внутренней и внешней политики, позволившей сохранить завое-

вания независимости и укрепить позиции Казахстана на мировой арене.

Автору диссертации хотелось бы подчеркнуть, что идея евразийства, выдвинутая Президентом Казахстана в середине 1990-х годов наилучшим образом позволила нашей стране определиться в вопросах региональной безопасности, заручиться поддержкой и стратегическим союзом со стороны такой крупнейшей в мире державы как Россия, урегулировать экономические и территориальные притязания со стороны соседних государств, выстроить экономическую концепцию развития и создать условия для гармоничного развития казахстанского общества.

В сложившейся обстановке необходимо было предложить аргументированные концептуальные идеи, которые бы заинтересовали и привлекли наибольшее количество участников строительства международных отношений нового формата. В первую очередь это касалось стран евразийского региона, для которых совместный опыт сосуществования в ходе многовековой истории был близок и понятен. Большую роль сыграли и геополитические традиции, существовавшие со времен Советского Союза, такие как экономическая взаимозависимость республик, наличие общих транспортных коридоров, энергетическая транспортная сетка, а также стремление отстаивать собственные государственные интересы и коллективно противодействовать мировому империализму.

Ведь, несмотря на то, что территория Казахстана (14%), и в большей степени России и Беларуси приходится на европейскую территорию, эти страны выбрали свою уникальную модель евразийской интеграции. В то время, как Турция, только 3% территории которой приходится на Европу выбрала европейский вектор интеграции. Во многом благодаря политике Президента Казахстана понятие «Евразия» стало популярным и широко используемым на самых различных уровнях.

С середины 1990-х гг. понятие Евразии стало неотъемлемой составляющей политического дискурса на всем евразийском пространстве. В качестве само собой разумеющейся величины, это понятие стало появляться в выступлениях и аналитических работах публицистов, интеллектуалов и политиков, которые пытались с его помощью описать настоящую и будущую роль своих стран в мировой политике, ее внешнеполитическую миссию и не в последнюю очередь ее особую «идентичность». В этом смысле понятие Евразии обозначало главным образом в России нормативную категорию, которая использовалась в рамках политико-идеологических дебатов о самопонимании России, причем вкладываемое в эту категорию содержание каждый раз было разным и даже противоречивым.

Наряду с этим, также в 1990-е гг. утвердился другой способ использования понятия «Евразия». Переименование или учреждение целого ряда социально-научных журналов и газет на международном рынке явно указывает на то, что представители социальных наук все чаще приписывали данному понятию аналитически-описательные функции. Постепенно все большее распространение стала находить гипотеза о том, что Евразия представляет собой

не только географическую величину, но и обозначает специфическое гео- и социокультурное пространство, которое может выступать в качестве точки пересечения совершенно различных исследовательских стратегий.

Однако, благодаря политическому и интеграционному наполнению, обозначенному казахстанским лидером, понятие «евразийство» стало означать общий поворот к реальным геополитическим, экономическим и культурно-социальным преобразованиям в международных отношениях евразийского региона.

Сегодня многие ученые и исследователи задаются вопросом выбора Президентом Н.А. Назарбаевым термина «евразийство» и его определения в контексте озвученной идеи евразийства. На страницах отечественной и зарубежной периодической печати даются порой самые противоречивые ответы и объяснения этого вопроса. Но все же большинство сходится в одном, евразийство классическое (или раннее) существенно, если не сказать кардинально отличается от казахстанского евразийства. Прежде всего, классическое евразийство рассчитано на поиск путей России, ее места в системе мировых держав, самобытности, базирующейся на «месторазвитии». Евразийство же Президента Н.А. Назарбаева опирается на более широкую философию единства евразийских народов, связанных общностью территории, исторической судьбы, сохранением и укреплением дальнейших перспектив взаимодействия. Это можно проследить из сопоставления следующих методологических критериев этих двух концепций:

1. идейное содержание;
2. определение приоритетов и центрального места в постановке вопроса;
3. основные содержательные характеристики;
4. сформулированные цели и задачи;
5. статус;
6. практическая реализация;
7. масштабы и рамки концептуальных положений;
8. академичность;
9. отраслевое направление;
10. наличие «сверхидей», идеи мессианства;
11. создание традиций;
12. эволюция и развитие в последующий период.

Проводя некоторое сравнение между концептуальными положениями классического и современного казахстанского евразийства по указанным критериям, можно сделать вывод о существенной разнице в интерпретации истории евразийского региона. Во-первых, суть концепции классического евразийства связана со спасительным поиском путей развития русского народа, а Россия рассматривается как ядро Евразии. В то время как идея евразийства Президента Н.А. Назарбаева расширяет поле евразийских интересов, включая в него паритетные права всех евразийских народов.

Во-вторых, государствообразующая форма классиков евразийства представлена империей или иными формами государственного устройства евра-

зийских народов под эгидой России. Совершенно иной подход у Президента Н.А. Назарбаева. Свою основную практическую идею версии евразийства он сформулировал в книге «Стратегия независимости» следующим образом: «ЕАС – союз равноправных независимых государств, направленный на реализацию национально-государственных интересов каждой страны-участницы и имеющегося совокупного интеграционного потенциала». В требования, предъявляемые к членам ЕАС, входит взаимное признание сложившихся институтов стран-участников, границ и территориальной целостности, отказ от давления и вооруженных конфликтов. Сейчас основными участниками евразийской интеграции являются суверенные государства, поскольку они являются наиболее сильными и влиятельными субъектами евразийской политики.

В своей концепции Н.А. Назарбаев предлагает осуществлять евразийскую интеграцию на основе добровольности, равноправия, максимально, исключая всякое давление и применение силы. Стоит отметить, что у Казахстана отказ от силы и давления не является пустой фразой, а предстает неотъемлемой частью внешней политики. Казахстан отказался от ядерного оружия, запретил его испытания, участвует в многосторонних региональных организациях безопасности.

В-третьих, классическое евразийство имело целью пересмотр основных представлений хода русского исторического развития, ставшее своего рода ответом русской эмиграции на создание СССР. В то время как целью казахстанского евразийства является всестороннее взаимовыгодное интеграционное объединение на условиях сохранения независимости всех членов объединения.

В-четвертых, и в классическом, и в современном евразийстве казахстанского Президента основной идеей является уникальное единство и целостность этносов, которые бы не подавляли и не ассимилировали уникальность народов, а, напротив, питались их разнообразием.

В-пятых, отношение к Западу в концептуальных положениях классического и казахстанского евразийства значительно разнится. Казахстан, согласно евразийской политике ее Президента является своеобразным мостом между Востоком и Западом и активно налаживает международное сотрудничество с западным миром.

В-шестых, евразийство Президента Казахстана приобрело статус государственной политики, тогда как классическое евразийство имело статус политического движения и научного течения.

В-седьмых, масштабность концептуальных положений классического евразийства основана на широком научно-исследовательском наследии созданном крупнейшими учеными XX века. Это придало раннему евразийству академический характер. Что касается евразийской идеи Главы Казахстана, то ее характер не имеет научной концепции и поэтому она не является академической.

В-восьмых, объединяющим для раннего и современного евразийства является многоаспектность в подходах. Многоотраслевое направление охватывает все стороны жизнедеятельности общества и государства.

В-девятых, в отличие от мессианской роли идеи-правительницы, проект Евразийского Союза насколько возможно лишен мистики и основан не на геополитических абстракциях, а на реальных экономических и политических ситуациях.

В-десятых, характерной чертой евразийства в целом является обращение к историческим традициям, а так же в качестве их продолжения создание современных традиций.

В-одиннадцатых, евразийство, возникшее в 1920-х годах прошло эволюционный путь и претерпело значительные изменения, воплотившись в современном неоевразийстве. Думается, что евразийскую идею Н.А. Назарбаева ждет дальнейшее эволюционное развитие.

Проведенное сравнение позволяет говорить, что идея евразийства казахстанского президента Н.А. Назарбаева оригинальна и нова.

Но в то же время объединяющим является факт, что евразийство как раннего, так и современного казахстанского формата направлено на сохранение исторической общности и многогранности взаимодействия народов и государств Евразии, а так же их государственную целостность и неприкосновенность, культурную самобытность.

Евразийская концепция возникла в определенное время и при определенных обстоятельствах, изменялась, развивалась на протяжении более восьмидесяти лет. Процесс эволюции евразийской идеологии протекал по законам нелинейного развития, когда в одно и то же время вырабатывались разные варианты трактовки отношений Европы и Азии, а так же под влиянием тех процессов, которые протекали в это же время в СССР, что повлекло за собой двойственное отношение к советской власти.

Евразийская концепция вступила в определенную связь с трактовкой отношения «европейского – азиатского» при советской власти и в период демократических преобразований в Казахстане в конце XX века. Все это послужило мотивом к более детальному рассмотрению евразийства в контексте современных процессов глобализации, как альтернативный вариант существования народов и цивилизаций, для выработки политики взаимоотношений Казахстана и стран СНГ. Евразийская идеология становилась актуальной и востребованной в самые различные исторические моменты и при самых различных исторических обстоятельствах, в критические моменты истории, в периоды выбора траектории дальнейшего развития. В наше время таким моментом стал период распада и становления новых независимых государств.

В таких условиях для руководителей бывших союзных республик большим вопросом явилось формирование идентичности нового независимого государства, впервые в своей истории вступившего в мировое сообщество. Эту задачу власти Казахстана, прежде всего, лично, Первый Президент Н.А. Назарбаев стали решать, прежде всего, тремя способами.

Первый заключался в творческом использовании идеи евразийства. Она давала возможность интегрировать русскоязычное и казахское население Казахстана за счет подчеркивания глубоких исторических связей и единства судеб двух народов Центральной Евразии. Кроме того, она подчеркнула особое положение Казахстана между крупными культурно-цивилизационными общностями и его готовность мирно и взаимовыгодно взаимодействовать со всеми другими народами. При этом евразийство в Казахстане возникло как оригинальное, не противопоставляющее себя Западу явление, в то время как классическое было своего рода идейным противостоянием западной цивилизации.

Второй способ был связан с глубокой политической и экономической модернизацией общества. Демократические преобразования и стратегия на улучшение благосостояния народа Казахстана позволили укрепить позиции государства.

Третий способ определялся практической реализацией интеграционных процессов на евразийском пространстве, основа, для которых уже являлась опытным полем для стран Содружества.

Все эти сложные процессы протекали в обстановке политико-экономического прорыва республики из кризисной в устойчивую стадии. Благодаря новому подходу к изучению и осмыслению истории Евразии в концепции Президента Республики Казахстан в контексте интеграционных процессов на Евразийском пространстве, произошло наполнение ее практическими перспективами, позволило актуализировать некоторые проблематичные и малоосвещенные вопросы истории евразийского пространства.

Важно подчеркнуть, что евразийская идея Президента Казахстана по своим теоретическим и практическим аспектам представляет собой оригинальную концепцию, во многом отличную как от классического евразийства, так и его современных неоевразийских направлений. Созданное в 1920-х годах и возрожденное в наши дни евразийство, наполнившись новым смыслом, заняло одно из центральных мест в ряду наиболее актуальных тем современности.

Однако принципиально важно здесь то, что в 1990-е годы простой реставрации евразийских идей (как повторения воззрений первой половины XX века) в новых условиях было явно недостаточно. Следовало обновить евразийские подходы. Необходим был новый взгляд на само сообщество евразийских стран и народов. Очень справедливо на этот счет высказывается казахстанский историк С.В. Селиверстов, который отмечает что среди всех руководителей государств на постсоветском пространстве в 1990-е годы до уровня евразийства (в модернизированном, трансформированном виде) поднялся только Президент Республики Казахстан (и казахстанцы могут этим гордиться). Это произошло в условиях, когда в руководстве практически всех стран СНГ, включая Россию, доминировали по отношению друг к другу узкие, эгоистические, изоляционистские и недальновидные политические настроения [252]

Новейшая история преобразований в странах бывшего Союза, сопровождающаяся противоречиями и трудностями сделали необходимым рассмотрение возникших ситуаций и стратегии развития евразийства в едином экономическом и историко-культурном дискурсе. Стало все более очевидным, что поиск путей, для придания импульса идеям евразийства на том витке исторического развития Казахстана и сопредельных с ним евразийских государств после определения интеграционного вектора, вышел на новый уровень. Евразийская идея Н.А. Назарбаева позволила найти пути решения не только экономических, политических, межэтнических проблем на территории бывшего Советского Союза, но и способствовала укреплению добрососедских отношений между тюркскими и другими народами.

Практическая реализация евразийской идеи Н.А. Назарбаева началась сразу же с момента обретения независимости нашим государством. Это произошло в обстановке мировой активизации интеграционного строительства.

В конце 1991 года, одна за другой, произошли встречи в верхах, радикально изменившие геополитическую и геостратегическую архитектуру евразийского материка, а также векторы исторического и политико-экономического развития всех стран, входящих в него. В Маастрихте главы ЕС сделали один из самых важных шагов за всю историю существования Европы – объединение ее в единый геополитический, торгово-экономический, информационный и культурный союз.

20-го декабря 1991 года, по приглашению Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева в Алма-Ате собрались лидеры одиннадцати суверенных государств, которые подписали договор о создании СНГ.

Созданное в 1991 году, Содружество Независимых Государств воспринималось как новая форма единого государства, призванная заменить Советский Союз и союзное руководство. «Создание СНГ объявлялось и многими воспринималось гарантией от конфликтов и хаоса, а также представлялось, по меньшей мере, в качестве действенного, соответствующего духу эпохи, инструмента, сохранения существовавших «многовековых» связей между народами», решения национальных проблем и сохранения единого государства на демократической основе [253]. То есть были заложены основы для формирования интеграционизма на евразийском пространстве.

Как отмечалось в предыдущей главе, с момента возникновения СНГ началась оживленная дискуссия, посвященная природе этого образования; спор вращался, прежде всего, вокруг вопроса, является ли СНГ механизмом интеграции или дезинтеграции постсоветского пространства. Если взглянуть несколько шире, то, по большому счету, дискуссия велась о проблеме единства евразийского пространства; обладает ли оно внутренней обусловленностью и гармонией, каковы должны быть цели, способы и условия этого единства, имеет ли перспективы развития евразийская общность, т.е. эта проблема имеет концептуальное значение.

Однако, СНГ не смогло в полной мере справиться с поставленными перед ним задачами, постепенно превращаясь в аморфное объединение. Тогда ка-

захстанским Президентом было выдвинуто предложение о смене полюсов в интеграции на постсоветском пространстве. Исходя из этой идеи, Н.А. Назарбаев в 1994 году подготовил научную конференцию о формировании ЕАС, участие в которой приняли все страны Содружества. Опираясь на геополитические факты, он акцентировал внимание на том, что только с помощью коллективных усилий переходные общества способны пройти успешную модернизацию. Так же президент Казахстана отметил, что попытка решения политических, экономических проблем в одиночку для многих стран бывшего СССР не увенчается успехом. Особые трудности испытали те страны, которые не учли интеграционной эффективности в создании социально направленного рынка на основе обеспечения устойчивого роста производства.

Как в свое время в 20-х годах XX века, евразийство стало рефлексией на мировые и локальные социально-политические перемены, так и в конце XX – начале XXI вв. современное евразийское мышление Н.А. Назарбаева стало реакцией на вызовы глобализации и кризис в регионе с четким пониманием результативности интеграционных процессов на разных уровнях. Об этом свидетельствует, в частности, выдвинутое президентом Казахстана Н. Назарбаевым еще в 1994 году предложение о создании участниками СНГ более сплоченного межгосударственного интеграционного объединения – Евразийского союза (ЕАС), который должен был заложить основы нового сообщества, не обремененного марксистской идеологией и куда более свободно структурированного, чем бывший Советский Союз.

Предложенный проект носил умеренный и прагматичный характер, был основан на той точке зрения, что Евразия, определяемая географически в границах, аналогичных границам Советского Союза, представляет собой органичное целое, которое должно также иметь и политическое измерение. Именно с этого момента стало возможно говорить о превращении евразийства из чистой теории в конкретную политическую практику.

Еще весной 1994 году во время визита в Великобританию Нурсултан Назарбаев, выступая в Королевском институте международных проблем «Chatham House», отметил необходимость более глубокой интеграции стран СНГ.

«Казахстан, – заявил Н. Назарбаев, – последовательно отстаивает идею экономической интеграции стран-членов СНГ. У нас есть все условия, чтобы сохранить основу нашего сотрудничества при соблюдении интересов суверенитета, полном уважении принципов невмешательства во внутренние дела и праве каждого народа самому определять правила собственного общественного устройства. Но, говоря о наших взаимоотношениях, нельзя не учитывать человеческий фактор. Наши народы веками жили вместе, и укрепление добрососедства отвечает интересам людей, оно неподвластно конъюнктурным соображениям. Возведение границ между нашими странами, ограничение в передвижении людей были бы непозволительной ошибкой». [249, с.35]

Вскоре после поездки в Великобританию Нурсултан Назарбаев посетил с

официальным визитом Москву. В рамках этого визита состоялась встреча президента Казахстана с профессорско-преподавательским составом Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. На этой встрече 29 марта 1994 г. Нурсултан Назарбаев ясно и четко обозначил свой взгляд и предложения насчет перспектив развития государств постсоветского пространства. Он выдвинул идею создания совершенно нового объединения стран-участниц СНГ и предложил назвать его Евразийским союзом – ЕАС.

В программном проекте был сделан акцент на экологический вопрос, который необходимо решать лишь взаимными усилиями. Президент Казахстана предложил создать фонд по экологии при Совете глав государств ЕАС, по реализации в рамках ЕАС экологических программ, который финансировался бы всеми государствами-участниками. Самыми актуальными вопросами, которыми должен был заняться фонд, являлось принятие долгосрочных программ по крупным проблемам восстановления окружающей среды и ликвидации последствий экологических катастроф (Арал, Чернобыль, Семипалатинский ядерный полигон), принятие договора между государствами ЕАС по складированию ядерных отходов.

В программных документах Н.А. Назарбаев отмечает, что для многих постсоветских государств локальные задачи первоначального этапа независимости преобладали над системным видением собственных исторических перспектив в контексте общего или ближайшего геополитического и экономического пространства. Это – основной фактор, предопределивший наличие и живучесть центробежных тенденций.

«Евразийский союз необходим, – заявил президент Казахстана, – посмотрите, страны Европы с многовековой государственностью идут на объединение, и там все чаще звучит слово «конфедерация». Они отлично понимают, что мировой рынок жестко поляризуется. Северная Америка, Япония, наконец, азиатские «молодые тигры». Мы же, республики бывшего Союза, историей и судьбой подготовлены к единому сообществу. Нам присущи одни формы и механизмы связей и управления, общий менталитет, многое другое. Мы просто обречены, доверять друг другу. Вопрос в том, что у некоторых политических лидеров, да и не только у них, существует политическая боязнь возрождения империи. Но на это уже никто не пойдет. Нам не нужно бояться слова «союз». Ведь существует же, к примеру, Европейский Союз. Мы все равны, и мой нынешний визит в Россию — признание этого равенства» [35, с. 23].

«Я думаю, – отмечал Н. Назарбаев, – что в Западной Европе политики идут впереди в объединении, а народы отстают. А у нас в СНГ наоборот: народы хотят объединения, а политики отстают... Мы могли бы начать объединение в ЕАС с Казахстана и России» [35, с. 25].

Последующая пошаговая реализация интеграционного преобразования евразийского региона позволяет сегодня говорить о том, что евразийство Н.А. Назарбаева в одном из своих проявлений – это революционный геополитический проект, перевернувший полюсы. Если СНГ возникло как проме-

жуточная модель дезинтеграции и имело, по существу, стратегическое значение, то идея Евразийского Союза (ЕАС) меняла смысл СНГ на прямо противоположный, предлагая рассматривать это образование как потенциальное поле нового объединения.

Однако, пассивная позиция российского руководства без активной роли, которого не осуществимы никакие позитивные интеграционные процессы на территории бывшего СССР, и явилась, по мнению многих исследователей, причиной того, что предложение о создании ЕАС в тот период не было воплощено в жизнь. Как высказался Н. Назарбаев: «Только если Россия будет активно поддерживать идею Евразийского сообщества, оно имеет шансы на успех...Добрая воля России, российского руководства имеет сегодня для сообщества ключевое значение».[254]

Когда критики инициативы Н.Назарбаева, особенно со стороны Украины и некоторых Среднеазиатских государств, указывали на то, что его проект «просто дублирует структуры СНГ», они не учитывали полярность векторов, не заметили того, что Н.А. Назарбаев предложил поменять не маршрут прокладки рельсов, а направление самого движения. Это было, по нашему мнению не дублирование СНГ, это было предложение о создании своего рода «СНГ наоборот». Президент Н.А. Назарбаев в это время не мог найти адекватные политические силы для солидной и последовательной поддержки своего проекта в России. Так, например, КПРФ, позитивно отреагировавшая на проект Главы Казахстана, примитивно видела в нем лишь возврат к советской идее. К тому же коммунисты в тот момент не были влиятельной политической силой. Представители российской неоевразийской школы в то время еще не имели самостоятельного политического лица, выступая главным образом как историко-интеллектуальная, историко-философская и геополитическая школа. Возможности для трансляции своего отношения к евразийскому проекту Н.Назарбаева и возможности его лоббирования в то время у них были крайне ограничены. Тем не менее, эта школа активно поддерживала казахстанского президента на концептуальном уровне, повлияв определенным образом на положительную оценку этого плана некоторыми влиятельными российскими политиками и руководителями силовых министерств. Предложение Н.А. Назарбаева в период его выдвижения было поддержано представителями ряда стран СНГ (Армении, Белоруссии и даже Украины).

В то же время идея Евразийского союза вызвала немало опасений как со стороны казахстанцев, так и других представителей СНГ. В памяти народов бывшего СССР была еще свежа политика прежнего Союза. У населения стран СНГ возникало много вопросов по поводу создания Евразийского союза.

Хочется подчеркнуть, что в эти годы концептуальной мыслью евразийства Н.А. Назарбаева выступало единство народов Евразии, согласно которому союзное государство рассматривалось как единственно возможная форма государственности. Однако данная концепция сразу же вызвала острую и неоднозначную реакцию. Проблема, которую евразийство определило как одну из

основных, вылилась в попытку сформулировать некую новую идеологию интеграции. Эта идея заключалась в создании многокультурного, многоэтнического целого, которым был СССР. Поэтому в ней усмотрели апологию тоталитаризма.

На страницах периодической печати, встречах и конференциях шло непрерывное обсуждение проекта формирования Евразийского союза. В 1994 году в одном из номеров «Казахстанской правды» говорилось, что «ЕАС – союз равноправных независимых государств, направленный на реализацию национально-государственных интересов каждой страны-участницы и имеющегося совокупного интеграционного потенциала. ЕАС является формой интеграции суверенных государств с целью укрепления стабильности и безопасности, социально-экономической модернизации в постсоветском пространстве». В казахстанском обществе началось широкое обсуждение евразийского проекта Н.А. Назарбаева, которое в целом вызвало одобрение и поддержку у населения [255].

Вспоминая об этом, Н.А. Назарбаев пишет следующее: «То, что я тогда предлагал, до сих пор является оптимальным вариантом... Это был вариант очень быстрого создания союза наподобие нынешнего Евросоюза. Только они шли к этому пятьдесят лет, а у нас уже была общая история, общая территория, общая экономика, общий язык, общие деньги — мы могли бы прийти, если бы у нас была на то политическая воля, к такой же примерно модели очень быстро. С тех пор прошло почти 10 лет. Перемены есть, но они пока еще не слишком значительны в том, что касается интеграции. Но мы все равно придем к Евразийскому союзу», – выразил убеждение Президент Казахстана [50].

Идея не сразу нашла поддержку среди руководителей стран СНГ, и тем более у его оппонентов. В своей работе «На пороге XXI века» Н.А. Назарбаев отметил, что «в тот момент проект Евразийского союза не был адекватно воспринят, хотя и не был категорически отвергнут. Такое отношение преобладало на протяжении двух лет со времени публикации этого проекта» [39, с. 21]

Ситуация изменилась с приходом к власти Президента РФ В.В. Путина, который резко изменил отношение к евразийскому проекту и стал активно поддерживать Н.А. Назарбаева в его евразийских начинаниях.

Глава нашего государства всегда высоко ценил роль России в мировой истории и политике. В интеграционных процессах, по его мнению, Россия занимает ведущее место. В частности Президент Н.А. Назарбаев указывал «...Россия в этом процессе – основное звено. Огромная страна, экономика которой несопоставима с другими. Но я считаю, что на перспективу – геополитически, стратегически – России это необходимо. Она должна пойти на эти сегодняшние издержки ради большого будущего, ради интеграции, ради всех нас. Тогда и народы будут благодарны во веки вечные, и мы будем вместе процветать, и безопасность наша будет крепче. Евразийский союз альтернативы не имеет... Вы посмотрите на карту: какое пространство, какое богатст-

во, да ни у кого нет таких земельных ресурсов, таких ресурсов минерального сырья, в том числе и энергоносителей. Ни у кого нет таких подготовленных кадров, таких образованных людей, как у нас...» [256].

Со временем Президент Н.А. Назарбаев в своих работах, ежегодных Посланиях к народу Казахстана обосновал жизнестойкость евразийства. 10 октября 1997 года Н.А. Назарбаев обратился к народу Казахстана с Посланием «Казахстан – 2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев», в котором особо выделил три основные возможности для Казахстана – реализация потенциала выгодного географического положения страны и дальнейшее развитие идеи евразийства, поддержка иностранных государств и донорских организаций, рост объединенных и взаимопроникающих процессов в мире и дальнейшее развитие научно-технического прогресса [45].

На протяжении периода 1995-2000 гг. почти все наиболее значительные интеграционные инициативы в СНГ исходили от Казахстана и лично от его Главы. Начал создаваться Таможенный союз, в который в 1996 году вошли всего три государства. Новые связи устанавливались и укреплялись в рамках Центрально-Азиатского союза – ЦАС. Эти импульсы были тогда не слишком значительны и заметны. Однако с началом XXI века интеграционный процесс продолжал набирать силу, и с главными инициативами выступал на этом направлении Президент Казахстана. Большой победой Президента в деле продвижения евразийской идеи стало создание ЕврАзЭС – свидетельство того, что практическая реализация евразийской модели на постсоветском пространстве вступила в свою активную фазу.

В конце ноября 2001 года в Санкт-Петербурге состоялось первое заседание Межпарламентской ассамблеи Евразийского экономического сообщества. Как уже отмечалось, ЕврАзЭС было создано на базе Межпарламентского комитета, в который вошли Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан.

Соглашение об этом было подписано между главами государств этих стран в Астане 10 октября 2000 года, а 31 мая 2001 года оно было ратифицировано. Межгосударственный Совет ЕврАзЭС получил право готовить и принимать решения, имеющие обязательный характер. Так произошло обеспечение постепенного формирования единой правовой базы Сообщества. Значительный успех принес первый год функционирования Евразийского экономического сообщества: рост товарооборота возрос на 38 процентов. Его деятельность приобретает особое значение в силу противоречивости процессов глобализации и тех существенных негативных последствий, которые эти процессы неизбежно несут с собой. «Евразийское экономическое сообщество – это идеальная возможность смягчить тяготы глобализации для наших государств. Вместе мы хоть как-то сможем сопротивляться. По отдельности – нет».[254]

На сегодняшний день ЕврАзЭС, в рамках которой подписано более ста договоров, является наиболее эффективным межгосударственным образова-

нием на пространстве СНГ, о чем может свидетельствовать существование зоны свободной торговли (более 80% внешнеторговых операций в рамках СНГ), минимального количества антидемпинговых процедур.

Современные исследователи евразийского проекта развития Казахстана и России придерживаются мнения, что только евразийская модель развития отношений на территории бывшего СССР помогла урегулировать сложившуюся сложную ситуацию между бывшими союзными республиками.

Исходя из всего вышесказанного, мы констатируем, что идея евразийской интеграции не просто живет, но и набирает обороты. Более того, с годами она приобрела широкую поддержку, как среди политиков, так и в общественных кругах. Реальным воплощением евразийской инициативы стало действие целого ряда межгосударственных структур, таких, как ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС и Таможенный совет.

Сегодня Президент Казахстана создал условия для разноскоростной и многоярусной интеграции, что позволяет республике принимать участие в многопроектных вариантах интеграции. Одним из направлений остается и азиатский интеграционный вектор. В настоящее время идет сложный и неоднозначный процесс смещения мировых центров сил. XXI век выдвигает Азию на передовые позиции и в мировой экономике, и – как следствие – в мировой политике.

Очень важно учитывать темпы развития азиатских государств, которые являются привлекательными в интеграционном отношении для всех стран евразийского региона. Масштабы и темпы экономического роста азиатских стран поражают своим размахом. Так, например, если США понадобилось 47 лет, чтобы удвоить свой ВВП на душу населения, то Япония это сделала за 33 года, Индонезия за 17, Южная Корея за 10 лет. Темпы роста экономики КНР в 1980-90-е годы составили в среднем 8% в год. Средний темп прироста ВВП азиатских стран превышает 6% в год, а у Запада он равен 2,5-2,7%. Феноменальный экономический рост позволил азиатским странам сделать за несколько десятилетий то, на что Западу понадобились столетия. Около 2020 года Азия будет производить более 40% мирового ВВП. На Азию будут приходиться 16 из 25 крупнейших городов мира. Именно в этом регионе за последние годы построены шесть (из семи созданных в мире) атомных реакторов [257].

Все это свидетельствует, о том, что Азия на наших глазах превращается в основной гигантский духовно-творческий полигон человечества, где вырабатываются новые формы жизни и труда, формируется новый облик человеческой цивилизации. Поэтому, естественно, что Президент Казахстана рассматривает вопросы об активизации интеграционных взаимоотношений в этом направлении. Приоритетными выделены экономические и военно-политические.

Современное положение дел в проблемных регионах, в том числе и в Азиатском регионе вызывает большие опасения со стороны мировой общественности. Сегодня война и насилие в Афганистане, Пакистане и Ираке явля-

ются не проблемами Азии, а угрозами глобального характера. Нарастание напряженности вокруг ядерного потенциала Индии, Пакистана, Ирана, Северной Кореи актуализирует вопрос создания современной архитектуры международной безопасности на пространстве Евразии и превращают его в центральный для мировой политики.

Стратегическое партнерство России и Казахстана по поддержке других республик бывшего Советского Союза сыграло ключевую роль в формировании региональной системы безопасности на постсоветском пространстве. Центральную роль здесь играет Организация Договора о коллективной безопасности. Ее роль чрезвычайно велика и сегодня ее называют военно-политическим измерением евразийской интеграции. В настоящее время ОДКБ вступает в новый этап своего развития, созданы Коллективные силы оперативного реагирования, Объединенная система ПВО, Антитеррористический центр СНГ. Большую роль в поддержании общевразийской безопасности играют и Шанхайская организация сотрудничества и Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии. Потенциал их развития напрямую связан с формированием Евразийского пояса безопасности.

Существенно, что Глава государства расширяет контекст евразийства. Теперь евразийская проблематика включает не только страны СНГ, но взаимодействие Европы и Азии в целом. Президент Казахстана заявляет о необходимости «добрососедских, доверительных отношений на всем евроазиатском континенте». И в результате, – Казахстан «не будет находиться на заднем плане мировых событий». Наоборот, Казахстан, «являясь центром Евразии, будет играть роль экономического и культурного связующего звена между тремя быстро растущими регионами – Китаем, Россией и Мусульманским миром» [48].

Перспективы реализации евразийской модели велики и в значительной степени обусловлены темпами экономического развития на постсоветском евразийском пространстве.

Таким образом, дальнейшая практическая реализация евразийской модели способна создать благоприятное для нашей страны внешнеполитическое и внешнеэкономическое окружение, следствием чего стало бы преобладание центростремительных тенденций, как на политическом, так и экономическом пространствах. Политика активизации разносторонних контактов в первую очередь со странами «ближнего зарубежья», опирающаяся на мощный фундамент взаимной заинтересованности, способна привести к формированию системы экономических, культурных, информационных, политических коммуникаций.

– В рамках евразийской модели создаются и формируются действенные механизмы межэтнического и межкультурного диалога, разрешения конфликтов на этой почве, что в свою очередь окажет стабилизирующее воздействие на всем евразийском регионе.

– Кроме того, выход экономического сотрудничества со странами СНГ и другими государствами Евразии на новый уровень способен серьезно осла-

бить зависимость Казахстана от западных финансовых институтов. Создание Евразийского экономического сообщества, важнейший шаг в этом направлении.

– Сохранение культурно-цивилизационной идентичности может быть обеспечено посредством последовательной внешней политики и государственного строительства на основе идей евразийства. Сама по себе постановка вопроса об интеграции на постсоветском пространстве (а в перспективе и за его пределами), обращение к евразийским ценностям сохранения уникальности и многообразия, «цветущей сложности» европейских и азиатских культур свидетельствует о признании за каждым государством, в том числе и за Казахстаном, права своего собственного пути в истории.

– Проблемы геополитического характера, в контексте евразийской интеграции, могут найти свое выражение в усилении интеграции в сфере военного сотрудничества, а впоследствии в создании единых механизмов военного строительства и управления. Объединение военных потенциалов стран СНГ и других заинтересованных евразийских государств создаст для Казахстана и ее партнеров гарантии соблюдения их прав и законных интересов на международной арене, обеспечив возможность адекватного военного ответа любым угрозам.

В целом, евразийская интеграционная модель, предполагающая в перспективе создание на постсоветском пространстве структур аналогичных по своим функциям Евросоюзу и НАТО, открывает возможность выхода на новый уровень взаимоотношений. Возможность политического, экономического, технологического диктата в отношении Казахстана и постсоветских республик значительно снижается при условии принятия ими евразийской интеграционной модели, что, в свою очередь, не гарантирует, но значительно способствует формированию основ постиндустриального общества.

В современной евразийской концепции, выдвинутой Н.А. Назарбаевым подлинная интеграция, предопределяет безусловное соблюдение и уважение суверенитета и независимости государств и их подлинное равноправие.

В современных условиях диалога Восток - Запад евразийская инициатива, проявленная политиком мировой величины – Н.А. Назарбаевым, предстает в качестве востребованной временем доктрины межгосударственного политического, экономического, культурного взаимодействия, основанного на принципах толерантности, поддержания мира и стабильности в регионе, партнерских взаимовыгодных отношениях.

На Евразийских форумах, проводимых в республике, Н.А. Назарбаев неоднократно подчеркивал ценность идеи евразийства, которая заключается в смелости, самостоятельности суждений, научной добросовестности, позволившей по-новому взглянуть на историю народов, населяющих Евразию. Евразийское видение и понимание хода исторического процесса на евразийском пространстве позволяют современным ученым представлять дальнейшую картину альтернативного евразийского взаимодействия многих постсоветских республик [54].

Очень важно отметить, что современное евразийство Президента Казахстана Н.А. Назарбаева – это не только интеграционный и экономический аспекты, но в большей степени цивилизационный подход к решению многих общечеловеческих проблем. Президент Казахстана указывает: «Говоря об интеграции, мы должны иметь в виду не только экономический аспект. Есть и человеческое измерение интеграции» [258].

Особенного внимания заслуживает то, что, как подчеркивал Президент Н.А. Назарбаев, евразийская интеграция должна обладать таким единством и целостностью, которые бы не подавляли и не ассимилировали уникальность народов, а, напротив, питались их разнообразием. Ведь фундаментальной особенностью современной Евразии является этнокультурное богатство и соединение в одной модели элементов западноевропейской, славянской, исламской и тюркской цивилизаций. В нашем регионе, и, даже более конкретно, в нашей стране, переплетаются и взаимопроникают традиции Востока и Запада, происходит реальный диалог культур и цивилизаций.

Именно поэтому многонациональный Казахстан стал площадкой для международного диалога культур и религий. В 2003 и 2006 годах были проведены съезды лидеров мировых и традиционных религий в Астане, на которых религиозные авторитеты искали не только язык взаимного понимания, но и механизмы снятия межрелигиозного напряжения в «горячих точках» планеты. В 2009 году в Астане состоялось уже третье проведение этого авторитетного международного форума.

Важно отметить, что смысл идеи евразийства Президента Н.А. Назарбаева не ограничивается рамками внешнеполитического курса.

Идея евразийского созидания и толерантности стала основополагающей в государственной политике, проводимой в стране. Она гармонично перекликается с духовной природой и национальной особенностью казахского народа: терпимостью, добрососедством, дружелюбием, открытостью. Тесно переплетаясь с национальным духом, идея евразийства синтезировала в себе толерантность, как единство в многообразии. В качестве идеологии идея евразийства пропагандирует уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, форм самовыражения и проявления человеческой индивидуальности.

Важнейший принципиальный шаг в продвижении евразийской инициативы Президента республики, отраженный в Послании 1997 года был связан с определением пути, по которому стране следует идти в XXI веке. Глава государства отметил, что есть разные пути: западноевропейский, восточноазиатский, российский, новотюркский. Сторонники этих путей «правы и одновременно не правы». И здесь Президент Казахстана сделал фундаментальный вывод: «Мы – евразийская страна, имеющая свою собственную историю и свое собственное будущее. Поэтому наша модель не будет похожа ни на чью другую. Она впитает в себя достижения разных цивилизаций» [45]. Историческое значение этого тезиса в том, что впервые на уровне такого программного документа Главой государства сделан вывод о евразийском качестве, о

евразийской «природе» Казахстана.

Республика Казахстан, являющаяся по своему географическому расположению «сердцем» Евразии, представляет собой уникальное сочетание азиатского и европейского начал. Представители различных народов составляют единство в своем многообразии. Сочетание разных культур, религий и традиций позволило впитать лучшие достижения европейской и азиатской культур. Тысячелетняя история казахского народа тесно вплетена в историю Евразии и является ее неизменной частью, без которой нельзя было бы представить историю древних кочевников, тюркской государственности, этногенеза многих народов и народностей.

В силу многих исторических обстоятельств казахстанская земля стала родиной для представителей 140 этносов и более чем 40 конфессий. В Республике Казахстан сложилось уникальное полиэтничное общество, которое развивается по принципу: «Одна страна – одна судьба», «разное происхождение – равные возможности», который вытекает из консолидирующей евразийской идеи и сплачивает казахстанцев в единую нацию. В свою очередь, общепринятый консолидирующий принцип «Единство – через многообразие» позволил за годы независимости сохранить всем этносам свой язык и культуру, не подвергаясь угрозе ассимиляции или какой-либо дискриминации.

Во внутренней политике суверенного Казахстана особое место занимают вопросы укрепления межэтнического согласия, достижения цивилизованного консенсуса. На протяжении веков в Казахстане проживают представители разных этносов, выработавшие особый казахстанский менталитет, его особое духовное состояние. И в том, что наша страна, несмотря на прогнозы многочисленных зарубежных экспертов, избежала судьбы стран, в том числе и постсоветских, ввергнутых в межэтнические конфликты и нескончаемые обвинения в адрес друг друга, несомненна заслуга евразийской инициативы Главы государства. Нельзя не отметить то, что межнациональное согласие является значимым условием благополучия Казахстана. Неслучайно Президент нашей республики Н.А. Назарбаев постоянно подчеркивает, что мир и согласие между представителями всех проживающих в нашей стране народов – это важнейшие достижения и ценности Казахстана. Сегодня человечество покоряет все новые и новые вершины прогресса, но главная из них — жизнь в мире и согласии – для многих народов, к сожалению, пока остается мечтой. Современный мир – свидетель проявлений фанатизма, межнациональных столкновений на планете, в том числе и на религиозной почве. И от этого не застрахован никто: ни благополучные Европа и Америка, ни бурно развивающиеся Азия и Африка, ни страны постсоветского пространства. В сознании людей все еще остаются барьеры, разделяющие человечество по цвету кожи, вероисповеданию, принадлежности к тому или иному культурному пласту и идеологии. И все это подкрепляется различными деструктивными теориями о конфликтах цивилизаций, потенциальных межэтнических столкновений и т.п.

Между тем, как утверждал идейный вдохновитель евразийства Л.Н. Гумилев, «этническая пестрота – это оптимальная форма существования человечества» [259]. В этом смысле Казахстан является уникальной страной, опровергающей пессимистические концепции будущего и сочетающей в себе все мультикультурное и цивилизационное многообразие Евразии.

Политика евразийства, инициированная Президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым, объединяет многие этносы, культуры и религии. Не случайно нашу страну называют «перекрестком цивилизаций». Казахстан является естественной границей между крупнейшими мировыми религиями – исламом, христианством и буддизмом. Веками здесь вместе жили и трудились представители разных народов и этносов. Здесь складывались прочные культурные и хозяйственные связи, способствовавшие взаимному обогащению и процветанию. И в этом диалоге культур решающая роль в настоящее время, конечно же, принадлежит этносу – доминанту. Осуществив в форме национального суверенитета давнюю свою мечту – казахскую идею «Атамекен», казахи осознали, что на их долю выпала поистине историческая миссия: объединить в крепкое демократическое, культурное единство все этносы, которые живут в Казахстане, считают его своей Родиной, искренне и глубоко любят Отечество.

Одним из ключевых факторов, несомненно, в сохранении межэтнического мира и согласия является толерантность казахского народа. Природа этой толерантности обуславливается историей народа, формой исторического хозяйствования, ландшафтом и религиозной терпимостью. Таким образом, единство национальных культур нашей страны является базой зарождения нового евразийского культурного феномена в пространстве срединной Азии, а также оригинальной и весомой частью современной культуры Евразийского континента. В новейшей истории Казахстана число религиозных объединений достигло около 3,5 тысячи, представленных 46 религиозными конфессиями [260]. Накоплен богатый, исторически бесценный опыт мирного сосуществования разных культур и цивилизаций. Он способствует формированию сходных ценностных ориентаций большинства населения страны, созданию толерантной атмосферы межэтнического согласия и взаимоуважения.

Именно поэтому Глава нашего государства всегда подчеркивает, что этнокультурное многообразие Казахстана – это огромное богатство, общее достояние нашего народа, дающее казахстанцам возможность обмена с другими народами ценными культурными достижениями. Так целостность и совокупность всеобщих ценностей евразийства приобретают цивилизационные очертания.

В первые годы независимости Казахстана в стране происходили сложные процессы, связанные с духовной жизнью общества, его социальным самочувствием, возрождением национального самосознания.

Весьма остро обозначились национальный и религиозный вопросы. Тогда существовали опасения, что Казахстан пойдет по пути построения этнократического государства и тем самым предрешит свою судьбу, распавшись на

множество частей. Но, в отличие от многих, республика сумела избежать межэтнических распрей и столкновений, дестабилизации и раскола общества. Несомненно, что огромная роль в консолидации казахстанского общества принадлежит Главе государства.

История современного Казахстана показывает, что евразийская инициатива Президента республики способствовала укреплению внутривнутриполитической стабильности, сохранению демократических завоеваний и межэтнического согласия в стране. Идея евразийства оказала существенное влияние на выбор базовых принципов, применяемых в политике межнационального и межконфессионального диалога и согласия в нашей республике.

Во-первых, базой межэтнической интеграции стала общегражданская принадлежность, политическое самоопределение людей с судьбой казахстанской государственности. Руководство Казахстана в стратегии государственного строительства и реализации модернизационных реформ сделало главный акцент на проведение политики поэтапной демократизации и раскрепощения инициативы граждан вне этнической и религиозной принадлежности своих граждан, обеспечивая экономический рост и благополучие исключительно через конкуренцию. Сегодня казахстанская государственность основывается на этническом многообразии, самобытности всех этносов Казахстана, при одновременном укреплении гражданской идентичности и казахстанского патриотизма.

Во-вторых, проводится сбалансированная языковая политика, благодаря чему среди казахстанцев, к какой бы этнической группе они ни принадлежали, крепнет осознание важности сохранения и укрепления казахского языка, расширения его функций.

Одновременно созданы все условия для развития и языков других этносов. Так, в области национального образования активно действует более 100 этнических школ, 170 воскресных языковых центров. В школах национального возрождения работают 29 отделений по изучению 11 языков.

Наряду с казахскими и русскоязычными СМИ, в стране издаются газеты и журналы, выходят в эфир передачи на 11 языках, в том числе на украинском, польском, немецком, корейском, уйгурском, турецком и дунганском.

В-третьих, в стране идет активный процесс возрождения национальных культур.

За 19 лет независимости в республике успешно решались задачи сохранения единства многообразия. В сознании нации утвердилось понимание, что этническое многообразие Казахстана - это огромное богатство, общее достояние всего нашего общества, дающее казахстанцам возможность обмена с другими народами ценными культурными достижениями. Сегодня государство поддерживает деятельность 471 национально-культурного объединения, 19 республиканских и региональных национальных газет, радио- и телепрограмм, 6 национальных театров. За последние годы в регионах страны построено 11 домов дружбы. В республике функционируют 373 музыкальных школы, 41 художественная и 97 школ искусств [260].

В-четвертых, основой национального согласия является межконфессиональный диалог. Уважая и поддерживая лучшие традиции мировых и традиционных религий, общество строит современное светское государство. Религия не вторгается в политико-государственные процессы. В свою очередь, государство не вмешивается в жизнь религиозных общин, создавая либеральные условия для полноценной реализации ими своих социальных, ритуальных, просветительских и иных задач, глубокой интеграции в общественную жизнь.

Придерживаясь политики невмешательства во внутреннюю жизнь конфессий, государство стимулирует развитие диалога между ними, способствуя полноценной реализации ими своих функций.

В 2010 году исполнилось 15 лет такому важному инновационному политическому институту, консолидирующему всех казахстанцев, как Ассамблея народа Казахстана. Как отметил Глава государства: «деятельность Ассамблеи – основа нашей модели межэтнического, межкультурного диалога. За прошедшие 15 лет проведена колоссальная работа. Мы изо дня в день крепили доверие между людьми. Мы выработали новые традиции общей ответственности за судьбу Родины. Мы обеспечили транспарентность – открытость межэтнических и межконфессиональных отношений. Толерантность стала важным фактором успешного и уверенного развития Казахстана. Эти принципы отражают дух и внешней, и внутренней политики нашей страны» [52].

Ассамблея стала уникальной площадкой для межнационального диалога. В ее деятельности заключен колоссальный позитивный опыт, который вносит в мировую практику решение межэтнических проблем. Налицо и рост международного авторитета Ассамблеи народов Казахстана. Подтверждением этому является тот факт, что по опыту нашей страны аналогичные общественные структуры создаются в ряде постсоветских стран. На своем примере Казахстан ярко демонстрирует, что диалог и мирное сосуществование множества наций и конфессий возможны. И единственным средством для этого является кропотливая и выверенная работа по согласованию различных интересов многонационального народа Казахстана.

Таким образом, историческое значение евразийской инициативы казахстанского лидера состоит в том, что по сравнению с евразийством 1920-х - 1930-х годов, он существенно расширил идею евразийства. И это расширение произошло, как в духовном, интеллектуальном, экономическом, так и политическом отношении. До Н.А. Назарбаева евразийство ассоциировалось преимущественно с российской проблематикой. Теперь же новое евразийство неразрывно связано и с Казахстаном. Российские ученые и политики уже никак не являются монополистами в этой интеллектуальной области.

Президент Н.А. Назарбаев придал евразийскому теоретическому учению зримое воплощение в реальной жизни, а также внес в евразийское мировоззрение огромный теоретический и практический вклад, сочетав его с новаторским экономическим, социальным, стратегическим подходом, неразрывно связав евразийство с демократией, толерантностью, императивом развития

гражданского общества, социальной динамикой. Речь идет не просто об адаптации евразийских идей к конкретным условиям современного Казахстана и Центральной Азии, но о развитии универсального содержания этого учения [62, с.28].

Глава нашего государства сделал евразийство главной точкой приложения образовательных, культурных, исторических и мировоззренческих усилий в Казахстане. Был образован и приступил к работе Евразийский Университет в Астане, начало активно изучаться наследие великого евразийского историка Льва Гумилева. Все это позитивно сказалось на активизации проекта ЕАС. В результате стали постепенно реализовываться некоторые его аспекты. Так, пять стран СНГ объединились в Таможенный союз. Политическую практику евразийской интеграции на определенном этапе подхватил Президент Беларуси А.Г.Лукашенко. Сформировался прообраз ЕАС между тремя странами – Казахстаном, Беларуссией и Россией – обновленный Таможенный союз.

Евразийство Н.А. Назарбаева, как свидетельствует историческая практика, имеет уникальные новаторские черты. С одной стороны, он первым из крупных политиков СНГ придал евразийскому теоретическому корпусу зримое воплощение в реальной политике, внес в евразийское мировоззрение серьезный теоретический вклад, сочетав его с новаторским экономическим, социальным, стратегическим подходом, неразрывно связав евразийство с демократией, толерантностью, императивом развития гражданского общества, социальной динамикой. При этом следует особо подчеркнуть, что речь идет не просто об адаптации евразийских идей к конкретным условиям современного Казахстана и Центральной Азии, а о дальнейшем развитии содержания этого учения в странах Содружества.

Сегодня трудно недооценить роль евразийской инициативы Первого Президента Н.А. Назарбаева в современной истории Казахстана и стран СНГ. Евразийская инициатива Главы нашего государства позволила создать широкое динамичное поле взаимовыгодного сотрудничества евразийских народов и стран на основе уважения суверенитета и поддержания мира и стабильности в регионе. На сегодняшний день Казахстан является самым последовательным и активным сторонником евразийской идеи. Создание евразийского сообщества явилось качественно новым уровнем интеграции. Евразийская модель предусматривает осуществление согласованной образовательной политики, культурного, научного сотрудничества и обмена. Совмещение в одной модели элементов мусульманской, славянской и западноевропейской цивилизаций является благоприятным условием для совместного развития.

Эволюция евразийства от классического содержания, наполненного русскими эмигрантами в 1920-30 годах до современного евразийского императива пережила значительное изменение в восприятии, содержательной части интеграционных обобщающих евразийских народов от философских, историко-культурных к экономическим, геополитическим составляющим.

Исторические приоритеты развития евразийских народов на современ-

ном этапе основаны на сохранении и уважении суверенитета государств, поддержании мира и стабильности в регионе, взаимовыгодных партнерских отношениях, обеспечивающих динамичное развитие стран евразийского региона. В республике налажено взаимное понимание, терпимость, бережное восприятие духовных и культурных ценностей людей разных национальностей, составляющие глубинную суть казахстанского общества, позитивно отразились на менталитете народа, сформировали общие для всех этносов идеалы и ценности. И в этом, безусловно, большую роль играет евразийская политика Президента Н.А. Назарбаева.

Таким образом, благодаря активной евразийской инициативе казахстанского лидера созданная евразийцами историческая концепция единства евразийских народов методологически выливается в русло современного евразийского диалога Восток-Запад, инициированного лидерами Казахстана и России, в основе которого лежит взаимовлияющий, взаимосвязующий, цивилизационный фактор.

Новейшая история показывает, что евразийство в современных условиях является историческим феноменом практического характера, обозначающим не только целостность постсоветского пространства, но и обобщающим группы людей, выступающих против негативных последствий глобализации, за сохранение национальной истории, культуры и за интеграцию по экономическим параметрам, со сходной социальной системой, с исторической общностью судьбы.

Мир становится многополярным, все стремятся к успеху, и конкуренция разных центров развития растет. Казахстан является очень важным звеном в этих сложных процессах. Евразийский проект Н.А. Назарбаева становится все более востребованной концепцией, и отнюдь не для одного лишь Казахстана.

4.2 Возникновение неоевразийства: историко-социальный контекст

Евразийская модель, возникшая на волне общественно-политических потрясений начала XX века, в современных условиях оказалась привлекательной не только для широкого круга людей, но и для определенной части интеллигенции. Она предложила набор идей для объяснения не только причин распада одной из ведущих мировых держав, но и обозначала оригинальные теоретические пути для выхода из кризиса. Реанимация евразийства стала очередной попыткой применить на практике концептуальные построения, направленные на борьбу с глобальными вызовами современности, предотвращение межконфессиональных и межэтнических конфликтов, сохранение национально-территориального единства страны, сплочение общества.

С возникновением необходимости смены цивилизационной парадигмы в 90-х годах XX века и с поиском альтернативной идеи, способной интегрировать постсоветское пространство, возрос интерес к историческому наследию. Многие позиции евразийства совпали с проблемами конца XX века: критиче-

ская социально-политическая ситуация, идентификация русской культуры между Востоком и Западом, Европой и Азией, способность противостояния набирающему темпы процессу вестернизации («европеизации», американизации). Взгляд общественности обратился к евразийскому наследию.

Специфика евразийских взглядов заключается в том, что, во-первых, они не просто заявлялись декларативно, но и находили в трудах евразийцев детальное и научно аргументированное изложение (евразийцы редко писали политические программы, и в основном их идеи отражены в пространственных научных статьях и монографиях). И, во-вторых, в – самой многосторонности и сложности евразийских научных концепций. Можно сказать, что евразийцы на деле осуществили те идеи создания синтетического мировоззрения, достижения того «цельного знания», о котором говорили мыслители конца XIX - начала XX вв. Действительно, их мировоззрение представляет собой синтез достижений целого ряда научных дисциплин, как естественных, так и гуманитарных. Евразийские концепции нашли отражение в трудах по географии, истории, философии, в ряде работ политологического характера и даже в художественном творчестве. Все эти элементы в совокупности и составляют целостную евразийскую доктрину

В настоящее время евразийское научное и идеологическое наследие перестало быть достоянием только науки – историографии, философии, политологии. Интерес к евразийству не является чисто академическим. Современная общественно-политическая ситуация в России и СНГ способствует актуализации евразийского наследия.

Представитель позднего евразийства – Л.Н. Гумилев утверждал, что «если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство»; «исторические закономерности середины континента, его западной и восточной окраин, лесной и степной зон, имеют общие черты, точнее специфику культуры, которая резко отличает этот регион и от Запада» и от «Востока» [131, с.18.]. Таким образом, Л.Н. Гумилева можно отнести к последователям евразийства, достаточно полно воспринявшим евразийское учение в современных условиях. Как уже говорилось в предыдущих главах, Л.Н. Гумилев привнес в евразийство собственные, оригинальные положения: теорию пассионарности и учение о влиянии биосферы на процессы этногенеза.

В советский период по идеологическим и политическим соображениям идеи евразийства либо замалчивались, либо искажались. В отечественной литературе этого времени наблюдалась идеологически заданная критика течения, сочетающаяся с кратким, тенденциозным анализом его идей в основном через призму оценок его как вырождающегося славянофильства.

До перестройки теме евразийства были посвящены редкие научные публикации. В те годы об этом движении в среде белой эмиграции сказать можно было не много и не всегда лестно. Однако косвенно евразийская тема звучала в дискуссиях вокруг книг Л.Н. Гумилева. Дискуссия шла не прямо о путях России (пути тогда считались вполне определенными), а о проблеме

взаимоотношений русских со степью. Для Л.Н. Гумилева эта дискуссия означала новый виток притеснений, но была очень важна для ознакомления с его точкой зрения весьма широких кругов читателей. Полемическое заострение темы привело в лагерь противников Л.Н.Гумилева и многих патриотически настроенных людей, в том числе писателя В. Чивилихина. Многие страницы его знаменитой книги «Память», посвящены критике взглядов Л.Н. Гумилева. Свой вклад в обсуждаемые проблемы внесла и книга Олжаса Сулейменова «Аз и Я», также встреченная неодобрительно официальной критикой.

К середине 1980-х годов советское общество стало, во многом, утрачивать способность к точному и адекватному анализу внутренних и внешних процессов. Модели советского самосознания рушились. Общество теряло привычные ценности. В тот период сформировалась довольно неопределенная линия водораздела: «силы прогресса» и «силы реакции», «реформаторы» и «защитники старого», «сторонники реформ» и «противники реформ». Вопрос ставился примерно следующим образом: одни утверждали, что советская система находится в кризисе, другие продолжали настаивать, что никакого кризиса нет. Так как все дискуссии шли в основном вокруг такой (довольно второстепенной) проблемы, о содержании «реформ», об их ориентации, об их соотношении с другими историческими этапами мало кто задумывался.

В сложившейся ситуации термин «реформы» сам собой стал синонимом «либерал-демократии». Из факта кризиса советской системы был сделан поспешный вывод об очевидном превосходстве западной модели и о необходимости ее копировать. На теоретическом уровне это совершенно неочевидно, поскольку «карта идеологий» имеет гораздо более разнообразную систему выбора, нежели простой дуализм: социализм – капитализм, Варшавский договор – НАТО. Однако возобладала именно упрощенная двоичная логика: «сторонники реформ» стали безусловными апологетами Запада, логике и структуре которого они ускоренно обучались, «противники реформ» выступали как инерциальные защитники позднесоветского уклада, логика и структура которого все больше становилась им самим непонятной. В такой неравновесной ситуации на стороне реформаторов-западников был энергетический потенциал, новизна, ожидания перемен, созидательный импульс, перспектива, у «реакционеров» оставалась инерция, определенная негибкость, апелляции к привычному и знакомому. Именно в такой психологической и эстетической оболочке западная либерал-демократическая идея политически возобладала в России 1990-х, хотя ясного и сознательного идеологического выбора никому осуществить, строго говоря, не дали [261].

Результатом реформ стал распад советской государственности и начало распада России, как остатка СССР. По мере разрушения советской системы и «советской рациональности» новой системы и новой рациональности, адаптированных к национальным и историческим условиям не создавалось. Постепенно к России и национальной истории возобладало специфическое отношение: прошлое, настоящее и будущее России стали рассматривать с за-

падной точки зрения, оценивать как нечто внешнее, постороннее, отчужденное. Это был не взгляд из России на Запад, но взгляд на Россию с Запада. Неудивительно в такой ситуации, что заимствование западных механизмов даже в теории «реформаторов» было призвано, не создать, укрепить национальную структуру государственности, но разрушить то немногое, что еще оставалось. В этой перспективе напрашивается вывод: деструкция государства была не случайным результатом «реформ», но фактически, одной из их стратегических задач.

По мере развития «реформ» и их «углубления» недостаточность простой реакции стала очевидна для всех. В этот период (1989-90 гг.) стала формироваться «национально-патриотическая оппозиция», куда вошли часть «советских консерваторов» (способная к определенной доли рефлексии), ряд «реформаторов», разочаровавшихся в «реформах» или осознавших их антигосударственную направленность, ряд представителей патриотического движения, сформировавшегося уже в перестройку и пытающегося оформить державные эмоции в некоммунистическом контексте (православно - монархическом, национально-ориентированном и т.д.) С серьезным опозданием и при полном отсутствии внешней стратегической, интеллектуальной и материальной поддержки стала хаотически складываться концептуальная модель постсоветской государственнической идеологии.

Появившаяся возможность обсуждать будущее страны вне старых схем, а затем и все убыстряющийся распад государства постепенно возродили интерес к идеям евразийства. Одновременно с первыми переизданиями в тогдашней, «постперестроечной» России работ евразийцев, вместе с первыми попытками их беспристрастного обсуждения в научной и околонуучной среде стало ясно – это не просто архивные материалы. Уже тогда актуальность евразийского наследия не вызвала сомнений. Даже те, кто, в силу идеологической ограниченности, отрицали возможность использования евразийских идей в современной политической практике, не могли подвергнуть сомнению актуальный характер евразийства.

Неоевразийство возникло как идеологическое и политическое явление в этом контексте, став постепенно одним из основных направлений патриотического, государственнического самосознания в постсоветской России, наряду (а подчас и вместе) с инерциальным советизмом (КПРФ, РКРП, «Трудовая Россия»), маргинальным монархизмом и смутным национализмом (ЛДПР).

Если Л.Н. Гумилева можно назвать «последним евразийцем» (в качестве такового он и выступал в своих последних интервью и публикациях), то помимо этого продолжателя классической евразийской традиции (т.е. традиции П.Н. Савицкого, Г.В. Вернадского, Н.С. Трубецкого, Л.П. Карсавина и др.) в современных условиях проявляется также феномен так называемого неоевразийства, сторонники которого используют некоторые фрагменты евразийского учения для решения ряда современных, особенно геополитических проблем.

Неоевразийство (конец 80-х годов XX века – наше время) – это группа

современных евразийских течений. Неоевразийство теоретически состояло в возрождении классических принципов этого движения на качественно новом историческом этапе и в превращении этих принципов в основу идеологической, мировоззренческой и политической программы. Наследие евразийской классики было взято как мировоззренческое основание для идейной (политической) борьбы в постсоветский период, как духовно-политическая платформа «интегрального патриотизма». Эта идеологическая, мировоззренческая и политическая актуализация принципиально отличает неоевразийство от трудов историков, занимавшихся евразийством как идейным и социально-политическим феноменом прошлого. Библиографией евразийства, а также развитием взглядов Льва Гумилева строго в рамках исторической науки занимались разные группы (В.В. Кожин, Л.И. Новикова и И.Н. Сиземская, С.Ю. Ключников и многие другие). Но активно взяли евразийство, как руководство к действию, на вооружение единицы. Их то и следует называть в строгом смысле «неоевразийцами».

Неоевразийцы взяли на вооружение основные положения классического евразийства, приняли их в качестве платформы, отправной точки, теоретической базы и основы для дальнейшего развития и практического применения. В теоретической области неоевразийцы значительно развили основные принципы классического евразийства с учетом широкого философского, культурного и политического контекста идей XX века.

Сегодня можно говорить о некотором расколе в евразийском движении. С одной стороны, есть западное евразийство, ориентированное на культурную ситуацию Западной Европы. С другой стороны – восточное российское евразийство, где акцент ставится на свободное развитие молодой российской цивилизации, а вся политическая активность, евразийское блокирование, подчинена только одной вспомогательной цели – защитить это пространство от внешнего натиска. Речь идет о глубинном концептуальном размежевании, причем каждое из направлений тяготеет в некотором смысле к преувеличению. Ниже обрисованы основные пункты этого принципиального размежевания.

Для западных евразийцев борьба с «Западом», с американизмом, с атлантизмом – это самоцель. Россия для них – лишь большая пешка на «великой шахматной доске». Для восточных евразийцев целью является свободное самобытное развитие народов Евразии, а все остальное – только средство. Западные евразийцы в большей степени склонны к политическому манипулированию, они подвергают сомнению возможность органического развития снизу. «Русские» евразийцы полагаются на свободную волю России, на ее естественное движение по собственному пути, хотят создать идеальную среду для её самобытного развития. Западные евразийцы верят только в жесткое руководство организующего центра, делают ставку на управление сверху, сфокусированы в рамках дихотомии либеральное / тоталитарное. Восточные евразийцы делают ставку на органическое развитие снизу, они пропагандируют свободу и соборность.

Западные евразийцы питают склонность к «внутриевразийскому космополитизму», к отрицанию национальной самобытности, а для восточных самобытность и свобода всех евразийских этносов, земель и культур является базовой идеей.

Для западного евразийства характерно рассмотрение России на уровне чистой геополитики, она для них – в некотором роде геополитический конгломерат. И, наоборот, для восточных евразийцев Россия, несмотря на многосоставность, несмотря на различие культур и ландшафтов, является чем-то неделимым.

Как западные, так и восточные евразийцы рассуждают о русской цивилизации, о праве каждого народа самому определять свой культурный проект и образ жизни, об особом российском пути, об уникальном смысле, которым наделено существование России и т.д. В то же время западное евразийство направлено против США и западной экспансии, но при этом оно пользуется многими принципами западной философии и западной геополитики.

В современном неоевразийстве каждое из основных положений евразийской классики получил концептуальное развитие. [380]

Так, тезис кн. Н.С. Трубецкого «Запад (Европа) против человечества» дополняется германской политической философией (О. Шпенглер, В. Зомбарт, К. Шмитт, А. Мюллер ван ден Брук, Л.Фробениус, Э. Юнгер, Ф. Юнгер, Ф. Хильшер, Э. Никиш и т.д.), европейским традиционализмом (Р. Генон, Ю. Эвола, Т.Буркхардт, Ф.Шуон. Г. да Джордже и т.д.), «новой левой» критикой западного капитализма (Г. Маркузе, Ж. Батай, Ж.-П. Сартр, Г. Дебор, М. Фуко, Ж. Делез), марксистской критикой «буржуазного строя» (А. Грамши, Д. Лукач и т.д.), европейскими «новыми правами» (А. де Бенуа, Р. Стойкерс и т.д.) [261, с.42]

Критика западного буржуазного общества с «левых» (социальных) позиций накладывается на критику того же общества с «правых» (цивилизационных) позиций. Евразийская идея «отвержения Запада» подкрепляется широким арсеналом «критики Запада» представителями самого Запада, не согласными с логикой его исторического пути (по меньшей мере, за последние несколько столетий). К этой идее слияния самых разных (подчас политически противоположных) концепций отрицания западной цивилизации в качестве «нормативной» неоевразийцы приходят не сразу, но постепенно с конца 1980-х до середины 1990-х годов.

В критику романо-германской цивилизации вносится важный акцент, поставленный на критике приоритетно англосаксонского мира, США. В духе немецкой консервативной революции и европейских «новых правых» «западный мир» дифференцируется на атлантические США, Англию и континентальную (собственно, романо-германскую) Европу, где континентальная Европа рассматривается как явление нейтральное и могущее быть положительным. Термин «романо-германский» в неоевразийстве не употребляется (в отличие от классического евразийства), намного чаще говорится об «атлантизме», «англосаксонском мире», «мондиализме» («глобализме»), «новом

мировом порядке», «планетарном либерализме».

Тезисы «месторазвитие» и «географический детерминизм» получают фундаментальное базовое парадигмальное значение, сопрягаются с «пространственным мышлением», «синхронизмом», отказом от идеи «универсальной истории», от историцизма в целом.

Неоевразийство выдвигает идею ревизии истории философии с позиции «пространства». В этом обобщаются самые разнообразные модели циклического взгляда на историю – от Н.Данилевского до О.Шпенглера, А. Тойнби и Л.Гумилева.

Наиболее полное выражения этот принцип получает в контексте традиционалистской философии, которая радикально отвергает идеи «эволюции» и «прогресса» и развернуто обосновывает это отвержение подробными метафизическими выкладками. Отсюда традиционная теория «космических циклов», «множественного состояния бытия», «сакральная география» и т.д. Основные принципы теории циклов развернуто представлены в трудах французского философа-традиционалиста Р. Генона (и его последователей: Г. Жоржель, Т.Ф. Буркхардт, М. Элиаде, А. Корбен) [261] Полностью реабилитируется понятие «традиционное общество», которое либо не знает «истории», либо релятивизирует ее обрядами и мифами «вечного возвращения». История России видится не просто как одно из месторазвитий, но как авангард «пространственных» систем («Восток»), противопоставленных «временным» («Запад»).

Тезис «неославянофильство» уточняется в сторону противопоставления народов Востока народам Запада, особый положительный акцент ставится на великороссах. Это не противоречит классикам евразийства, но развивает и заостряет их интуиции. Народы Запада квалифицируются как носители «профанного» начала, в отличие от «сакрального» (структуры народов Востока и Третьего мира). Для славян, а еще точнее, для автохтонов России-Евразии не просто требуется «равноправия» наряду с другими европейскими народами (как можно понять ранних славянофилов), но центрального места в авангарде народов всего мира, стремящихся противостоять «глобализации Запада». Это предельная форма универсализации национального мессианства в новых постсоветских терминах. От собственно «славянофильства» в неоевразийстве остается любовь к национальным корням русского народа, повышенная чувствительность к старообрядчеству, критичность в отношении петровских реформ. При этом подчеркивание расового родства славян между собой не только не приветствуется, но отвергается, так как культурно, конфессионально, геополитически и цивилизационно славяне глубоко различны.

Вслед за К.Леонтьевым неоевразийцы подчеркивают «славяне есть, славизма (в смысле расового единства, осознанного как основа интеграционного проекта) нет». В некоторых случаях определение «славянофил» в последнее время может выступать как антитеза определению «евразийца», что несет смысл противопоставления патриота, с этно-расистскими (ксенофобско-шовинистическими) наклонностями патриоту, осознающему свою идентич-

ность геополитически и цивилизационно.

Туранский фактор, позитивно оцененный классиками евразийства в становлении российской государственности рассматривается в более широком контексте, как положительное влияние традиционного и сакрального Востока, оказанное на русских, занимавших промежуточное положение между Европой и Азией. Функция Турана осмысливается в терминах сакральной географии и священной истории.

Диалектика национальной истории доводится до окончательной «догматической» формулы, с включением историософской парадигмы «национал-большевизма» (Н. Устрялов) и его осмысления (М. Агурский). Модель следующая:

- Киевский период как провозвестие грядущей национальной миссии (IX-XIII вв.);
- Монголо-татарские завоевания как щит от нивелирующих европейских тенденций, геополитический и административный заряд орды передается русским, распад русских на западных и восточных, разделение культурных типов, формирование на базе «восточных русских» под контролем Орды великороссов (XIII-XV вв.);
- Московское царство как пик национально-религиозной миссии Руси (Третий Рим) (XV- конец XVII в.);
- Романо-германское иго (Романовы), распад национального единства, разделение на западнические элиты и национальные массы (конец XVII- начало XX в.);
- Советский период, реванш национальных масс, период «советского мессианства», восстанавливающего основные параметры Московского вектора (XX в.);
- Смутное время, которое должно завершиться новым евразийским рывком (начало XXI века).

Тезис «евразийский отбор» пополняется методологией школы европейских политологов Парето и Моски, движется по логике реабилитации «органической иерархии», обретает некоторые ницшеанские мотивы, развивается учение об «онтологии власти», о православном «катехоническом» значении власти в Православии. Идея «элиты» дополняется конструкциями европейских традиционалистов, исследовавших кастовую систему древних обществ, онтологию и социологию каст (философы и историки Р. Генон, Ю. Эвола, Ж. Дюмезиль, Л. Дюмон). Гумилевская теория «пассионарности» ложится в основу концепции «новой евразийской элиты» [261, с.107-108].

Тезис «демотия» пополняется политическими теориями «органической демократии» от Руссо до К. Шмитта, Ж. Фройнда, Ф. Ницше, А. де Бенуа, А. Мюллера ван ден Брука. Определение неоевразийского понимания «демократии» («демотии») как «соучастия народа в свое собственной судьбе».

Тезис «идеократия» фундаментализируется апелляциями к идеям «консервативной революции», «третьего пути», учитывается полный опыт «со-

ветской», израильской, исламской, консервативно-революционной идеократий, анализируются причина их исторического провала. Критически переосмысливается качественное содержание идеократий XX века, разрабатывается последовательная критика советского периода (доминанция количественного подхода, профанические теории, диспропорция классового подхода).

К развитию идей классических евразийцев добавляются следующие концептуальные положения:

Философия традиционализма (представители: Р. Генон, Ю. Эвола, Т. Буркхардт, А. Корбен), идея радикального упадка «современного мира», глубинное исследование Традиции. Глобальная концепция «современного мира» (негативная категория) как антитезы «мира Традиции» (как позитивная категория) придает критике западной цивилизации фундаментальный метафизический характер, уточняет эсхатологическое, кризисное, фатальное содержание основных процессов – интеллектуальных, технологических, политических, экономических – исходящих с Запада. Интуиции русских консерваторов от славянофилов до классических евразийцев дополняются фундаментальной теоретической базой.

Исследование структур сакрального (представители: М. Элиаде, К.Г. Юнг, К. Леви-Стросс), представление об архаическом сознании как о парадигмальном манифестационистском комплексе, лежащем в основе культуры. Приведение многообразия человеческой мысли, культуры к древнейшим психическим слоям, где сосредоточены фрагменты архаических ритуалов инициации, мифы, изначальные сакральные комплексы. Интерпретация содержания современной рациональной культуры через систему дорациональных древних верований.

Поиск изначальной символической парадигмы пространственно-временной матрицы, лежащей в основе обрядов, языков и символов (Г. Вирт, палео-эпиграфические исследования). Стремление на основании лингвистических (ностратика, Свитыч-Иллич), эпиграфических (рунология), мифологических, фольклорных, обрядовых и иных памятников воссоздать изначальную картину «сакрального мировоззрения», общего для всех древних народов Евразии, нахождение общих корней.

Неоевразийцы проанализировали геополитические идеи западных геополитиков Х. Маккиндера, К. Хаусхофера, И. Лохаузена, Ч. Спикмена, З. Бжезинскийя, Ж. Тириара и т.д. [261, с. 102].

Х.Маккиндер, предложил в 1913 году геополитическую модель согласно которой евразийский континент рассматривался как Мировой остров, центром которого является Хартленд (heart — «сердце») – территория суши, расположенная между Белым, Восточно-Сибирским, Каспийским морями и озером Байкал, то есть собственно территория России. Дугин рассматривает две геополитические теории как тождественные – Х.Маккиндера и П.Савицкого, при этом отметил: «Россия-Евразия (=heartland Маккиндера) и есть синтез мировой культуры и мировой истории, развернутый в пространстве и времени. При этом природа России соучаствует в ее культуре» [238].

Геополитическая наука с эпохи Маккиндера получила существенное развитие. Роль геополитических закономерностей в истории XX века оказалась настолько наглядно подтвержденной, что геополитика стала самостоятельной дисциплиной.

Исследовательский интерес вызывает концепция Ж.Тириара об объединении европейского пространства в единую европейскую империю. Ж.Тириар первым среди европейских националистов еще в 1960-е годы выдвинул тезис о том, что главный враг европейских народов не СССР, а США. В процессе своей научной деятельности Ж.Тириар сотрудничал с Ю.Эволой и Х.Ортега-и-Гассетом. Кроме того, он поддерживал отношения с такими видными политиками, как Н.Чаушеску, Чжоу Энь-Лай. Ж.Тириар был лидером европейского движения «Юная Европа», автором более 20 книг. Умер в Брюсселе в 1993 г.

Доминантой теоретических взглядов Ж.Тириара являлся антиамериканизм. Чтобы успешно противостоять США, Европа, по его мнению, должна распространиться на Сибирь с ее богатыми природными ресурсами. «Я утверждаю, – писал он, – что, с экономической точки зрения, Сибирь это провинция Европейской империи, наиболее необходимая для ее жизнеспособности» [238, с.39].

Ж.Тириар избегал понятия «Евразия», а также термина «мондиализм». Под последним (ультраимпериализм, глобализм) обычно понимается идеология, выражающая интересы наиболее влиятельных кругов международного финансового капитала, направленная на установление единого в масштабах планеты правительства и реализацию планов достижения тотального контроля над человечеством, включая контроль над странами и нациями. В идеологии мондиализма обычно выделяют три основных аспекта: экономический (идея всемирного рынка), политический (идея глобального парламентаризма, когда политические настроения масс и парламентов контролируются через средства массовой коммуникации или методами силового воздействия) и духовный (агрессивное распространение массовой культуры).

Неоглобализму США Ж.Тириар противопоставил евроглобализм. В отличие от «новых правых» Ж.Тириар отрицательно относился к попыткам видеть в качестве союзника исламский мир; он игнорировал возможность духовного обоснования антиамериканизма посредством ислама. Китай рассматривался им как потенциальный противник. «Между Исландией и Владивостоком, писал он, мы можем объединить 800 миллионов человек (хотя бы для того, чтобы уравновесить 1200 миллионов китайцев» [261, с.139].

В концепции Ж.Тириара практически полностью отсутствуют элементы религиозной метафизики, составляющей основу большинства евразийских теорий. Антиамериканизм Ж.Тириара, по существу, есть не что иное, как глобальная переориентация мондиализма с американоцентристского на европейский мировой порядок. Таким образом, идеи Ж.Тириара имеют весьма далекое сходство с классическим евразийством, направленным как раз на обоснование консолидации России-Евразии и ее дистанцирование от Европы.

Подобные концепции можно обозначить как «псевдоевразийские». В то же время, яркой чертой его взглядов является последовательное разоблачение универсальности и общеобязательности американской модели развития, разоблачение мифа об «обществе всеобщего благоденствия».

В рамках геополитики само понятие «евразийство», «Евразия» приобрело новый смысл, более широкий, нежели ранее. «Евразийством» в геополитическом смысле начиная с некоторых пор, стали обозначать континентальную конфигурацию стратегического блока (существующего или потенциального), созданного вокруг России или на ее расширенной основе, и противодействующего (активно или пассивно) стратегическим инициативам противоположного геополитического полюса – «атлантизма» (западничества, глобализма), во главе которого с середины XX вв. утвердились США, сменив Англию. Философия и политическая идея русских классиков евразийства в такой ситуации были осознаны как наиболее последовательное и емкое выражение (дополнение) «евразийства» в стратегическом и геополитическом смысле. Благодаря развитию геополитических исследований неоевразийство становится развитой методологической системой. Особо выделяется значение пары Суша-Море (по Карлу Шмитту), проекция этой пары на многомерные явления - от истории религий до экономики.

Поиск глобальной альтернативы «мондиализму» («глобализму»), как ультрасовременному феномену, резюмирующему все то, что оценивается евразийством (и неоевразийством) со знаком минус. «Евразийство» в широком смысле становится концептуальной платформой «антиглобализма» или «альтернативного глобализма». «Евразийство» обобщает все современные тенденции, отказывающиеся признавать «объективное» и тем более «позитивное» содержание «глобализма», придает антиглобалистской интуиции новый характер доктринального обобщения.

Для «новых правых» характерна идея об особом противостоянии, фундаментальном конфликте, разделяющем Европу и США. Сама Европа, по мнению «новых правых», поляризована на «континентальную» и «атлантически-космополитическую», традиционно находящуюся в оппозиции к европейским «внутренним землям» на Востоке. Содержание геополитических концепций «новых правых» составляет обоснование антиамериканизма.

Так, современными идеологами европейских «новых правых» являются Р.Стойкерс (Бельгия) – политолог, геополитик и публицист, главный редактор журнала «Орьентасьон» и А.де Бенуа (Франция) – современный французский философ, основатель «Группы исследований европейской цивилизации», главный редактор журналов «Нувель Эколь», «Кризис», «Элеман». Идейным источником формирования идеологии «новых правых» послужили взгляды немецкого мыслителя XX в. Юлиуса Эвола.

Противопоставляя американскую и европейскую культуру, «новые правые» прибегают к некоторым метафизическим аргументам, а также к геополитическим рассуждениям.

В неоевразийстве происходит ассимиляция социальной критики «новых

левых» в «право-консервативной интерпретации» (переосмысление наследия М. Фуко, Ж. Делеза, А. Арто, Г. Дебора), освоение критической мысли противников современного западного буржуазного строя с позиций анархизма, неомарксизма и т.д. Данное концептуальное поле представляет собой развитие на новом этапе «левых» («национал-большевистских») тенденций, присутствовавших и у ранних евразийцев (П.Сувчинский, Л. Карсавин, С.Эфрон), а также методология взаимопонимания с «левым» крылом «антиглобализма».

Экономика «третьего пути», «автаркия больших пространств». Применение к российской постсоветской действительности моделей «гетеродоксальной» экономики. Применение теорий «таможенного союза» Ф.Листа. Актуализация теорий С.Гезелля, Ф.Шумпетера, Ф.Леру, новое «евразийское» прочтение Кейнса. [261, с.140]

Несмотря на существующие противоречия внутри неоевразийства, можно сказать, что оно сложилось как социальное, философское, научное, геополитическое, культурное течение конца XX - начала XXI вв. Всего можно выделить пять принципиальных идейно-научных евразийских школ:

1) Неоевразийство осуществившее радикальное и системное развитие идей классического евразийства. Необходимо подчеркнуть, что неоевразийство возникает и развивается, преломляясь через судьбу его идеолога А.Г. Дугина. А.Г. Дугин предлагает рассматривать евразийство в рамках общемирового контекста, как одну из идеовариаций «Третьего пути». При этом евразийство в системе А.Г. Дугина сопрягается с традиционалистской философией (представители: Р.Генон, Ю.Эвола, А. Кумарасвами), историей религий (М.Элиаде), геополитикой (К.Хаусхофер), идеологией «консервативной революции» (Э.Никиш, Э.Юнгер, Ж.Тириар) [262]. Евразийство у А.Дугина выступает как вариант фундаменталистского синтеза в широком смысле этого слова.

В отличие от «классических евразийцев» понятие Евразия у А.Дугина, как и у идеологов «новых правых», включает в себя не только историческую Россию, но и весь одноименный материк. По-своему развивая концепцию традиционного евразийства, в рамках которого Россия-Евразия была обозначена как «континент-океан» А.Дугин противопоставил две альтернативные культуры - океаническую (культуру атлантистов) и континентальную (культуру евразийцев). Процесс исторического развития рассматривается им в виде непрерывного противостояния этих непримиримых культур («Великая война континентов»), в ходе которой та или иная сторона одерживала победы.

Согласно взглядам Дугина, основной принцип евразийства «почва над кровью», т.е. географический принцип преобладает над этническим [263]. Так, анализируя взгляды В.И.Ленина, Дугин утверждает, что «на геополитическом уровне действия правительства Ленина носили евразийский характер хотя бы уже потому, что он, вопреки чисто марксистской доктрине, сохранил единым гигантское евразийское пространство Российской импе-

рии» [263]. Подобная интерпретация большевизма близка к оценкам представителей «классического евразийства».

2) Школа евразийцев - последователей Л.Н. Гумилева, состоящее в основном из учеников Льва Николаевича из среды естественнонаучной интеллигенции. Л.Н. Гумилев и его последователи (С.Б. Лавров, И.С. Шишкин и др.), рассматривают евразийство как вариант национально-державной идеи [264].

3) С 1995 года можно говорить о появлении академического неоевразийства, своеобразной концепции, ясно прослеживающейся в трудах А.С. Панарина, В.Я. Пащенко, Ф. Гиренка. Современные академические евразийцы рассматривают евразийство в его геополитическом аспекте, как новейшую методологию развития России в современных условиях. А.С. Панарин, анализируя возможные варианты российского будущего с точки зрения «цивилизационного универсализма», отмечал, что поиск евразийского единства мог бы стать толчком для нового подъема России во многих областях [265]. Представители «цивилизационного евразийства», А.С. Панарин, Б.С. Ерасов, Ф.И. Гиренок, а также индийский автор М.К. Палат и корейский исследователь Син Бом Сик видят в евразийской идее стратегию выживания России в постиндустриальном обществе [266]. По мнению В.Я. Пащенко евразийство в его классическом варианте явилось совершенно законченной формой самобытного и новаторского идейно-политического течения, predeterminedного всем предыдущим ходом исторического развития русской идейно-политической мысли. Авторы этого подхода акцентируют внимание на целостности и системности евразийства, на взаимосогласованности и многообразии его методов, с помощью которых может быть выделена сущность России-Евразии на всем протяжении ее исторического бытия [267].

Как отмечает академик РАН В.В. Алексеев, «вопрос оценки учения евразийцев сегодня сводится не столько к буквальному прочтению их наследия, сколько к осмыслению природы тех общих ценностей и идейных конструкций, при которых возможно достижение «симфонического» единства крупных государственных форм без жертвы самобытности слагающих его этнокультурных «миров»» [268].

4) Развитие политического процесса привело к разделению неоевразийства на левое (Р. Вахитов, С.Г. Кара-Мурза, Г.А. Зюганов, Г.Н. Селезнев и др.) и правое направления. Современное левое евразийство (Р. Вахитов, С. Г. Кара-Мурза). Основными чертами этого идейного течения стала попытка применения цивилизационного подхода к рассмотрению утраченного биполярного мира и советской цивилизации.

5) Современное право-консервативное евразийство (В.В. Кожинов). С точки зрения этого автора, стремящегося соединить евразийство с черносотенным консерватизмом начала XX столетия, история России предстает как драма борьбы западного влияния на Россию с подлинно патриотической народной линией. Правое евразийство, продолжая идейную линию Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Н.Н. Алексеева в стремлении влиять на власть,

стало все более сближаться в «путинскую эпоху» с господствующим проектом «Единой России» [269].

Условно эти школы можно обозначить тремя направлениями развития евразийской мысли:

1) продолжение либеральной критики евразийства, заложенной еще в эмиграции (И.А.Исаев, Л.И.Новикова, И.Н.Сиземская, О.Д.Волкогорова, Н.А. Омельченко и др.) и стремление вписать евразийцев в мировую культурологическую традицию (Ф.И.Гиренок, Л.В.Пономарева, В.М.Хачатурян и др.);

2) утверждение позиций евразийства как развития русской идеи от придерживания позиций общенациональных ценностей до националистических идей (С.С.Хоружий, АЗ. Соболев, Р.А.Урханова, В.В. Кожин, С.Ю. Ключников, Т.И. Очирова, Ю.К. Герасимов и др.);

3) продолжатели евразийства как самобытного явления, не являющегося ни западной, ни русской национальной традицией.

В теоретических исследованиях евразийской идеи на современном этапе российский историк О.В.Лушников выделяет следующие направления:

а) «социо-естественное» (Б.С.Лавров, И.С. Шишкин, В.Пантин, С. Кульпин, и др.);

б) «цивилизационное» (Б.С. Ерасов, И.Б. Орлова, А.С.Панарин, Ф.И. Гиренок, Э.А.Баграмов и др.);

в) «геополитическое» (В.Л.Цымбурский, О.Б.Арин, К.С.Гаджиев, А.Г. Дугин и др.).

На основе сравнительного анализа взглядов их представителей О.В. Лушников выявляет следующие актуальные аспекты евразийской идеи:

1) самоидентификация России как особой цивилизационной общности появившейся в результате многопланового этнополитического и культурно-исторического синтеза народов Востока и Запада, построенного на сочетании национальной самобытности с евразийской идентичностью и этноконфессиональной толерантностью (Л.Н. Гумилев, Б.С. Лавров, И.С. Шишкин, И.Б.Орлова и др.);

2) противопоставление американскому глобальному мировому порядку цивилизационного и геополитического полицентризма (многополярного мира), поддерживающего через систему стратегических альянсов экологическое, социокультурное и социально-политическое равновесие мира (Б.С. Ерасов, И.Б.Орлова, А.С.Панарин, А.Г. Дугин, К.С. Гаджиев, М.Л.Титаренко и др.);

3) воссоздание в России и СНГ единого культурного, экономического и политического пространства, способствующего социальному и международному миру, равноправному сотрудничеству и интеграции народов Евразии – стратегический и исторический императив России, и основа для выживания всех народов Евразии в условиях вызовов современности (Э.А.Баграмов, А.Т. Горяев, Б.С.Ерасов, А.Г. Дугин, А.С.Панарин и др.);

4) признание единственно перспективным для Евразии самостоятельного

неподражательного развития, опирающегося на национально-культурные традиции, ценности и опыт многовекового взаимодействия евразийских народов, дополненные постиндустриальной технологической модернизацией и созданием нового центра геоэкономики в Евразии (И.Б. Орлова, Б.С. Ерасов, А.Г. Дугин, А.С. Панарин, В.Л. Цымбурский, Н.Н. Моисеев, Д.С. Львов и др.) [269, с.22].

Краеугольным камнем в изучении современного евразийства является вопрос о перспективности евразийского проекта. Сторонникам евразийского проекта развития России (Э.Баграмов, А.Г.Дугин, Б.Ерасов, В.В.Кожин, В.В. Малявин, А.С. Панарин, В.Я. Пашенко, И.Б. Орлова, Г.Д.Чесноков и др.) импонирует желание сохранить уникальный союз азиатской и европейской культур, сохраняя оппозицию Западу. Противники евразийского проекта (О.В. Гаман, А.Игнатов, К.Г. Мяло, игумен Иоанн (Экономцев), Сендеров и др.) отмечают разные причины невозможности его осуществления. Прежде всего, речь идет об идеализации азиатского начала в культуре России, что может препятствовать проникновению западной культуры и движению к рыночной экономике. По мнению православных исследователей, евразийство содержит антиправославную тенденцию и, придерживаясь ее, Россия в дальнейшем пойдет по пути усвоения исламского и буддистского факторов, сознательно, исключая фактор православный (что совершенно противоречит утверждениям классиков евразийства).

В контексте нынешней социально-политической ситуации возникает проблема возможности использования евразийских идей представителями различных политических движений. Таким образом, это становится вопросом не только политической теории, но и политологической практики, проблемой применения евразийских концепций в современном политическом процессе. Можно сказать, что отдельные положения евразийства берутся на вооружение самыми различными политическими и общественными движениями. Используются некоторые положения, взятые из евразийства и приспособленные к нынешней политической реальности политическими лидерами: например, идея «Евразийского союза» в изложении Президента Казахстана Н.А. Назарбаева.

Евразийский лидер Н.А. Назарбаев придал евразийскому теоретическому учению зримое воплощение в реальной жизни, а также внес в евразийское мировоззрение огромный теоретический и практический вклад.

По мнению российского исследователя А.В. Белошапко в своем развитии неоевразийство прошло следующие этапы [261, с.98-104].

1 этап (1985-1990 гг.), интерес к евразийству в академических средах, «правое неоевразийство» в русле национал-консервативного течения.

Период перестройки и гласности позволил начать серьезное обсуждение проблем евразийства. В рамках данного периода имеют место следующие события.

Проходят семинары в обществе охраны памятников, лекции в различных группах нарождающегося консервативно-патриотического движения. Ведет-

ся критика советской парадигмы за отсутствие в ней качественного духовного и национального элемента.

В 1989 году появилась статья С.С. Хоружего о Л.П. Карсавине в журнале «Вопросы философии» [270], работы И.А. Исаева. О.С. Широков организовал серию публикаций материалов евразийцев в Вестнике МГУ (филология), начиная с 1990 года. В Институте философии в 1990 году прошла конференция по евразийству, организованная А.В. Соболевым.

В 1989 г. появляются первые неоевразийские публикации в журнале «Советская Литература» (А. Дугин «Конец пролетарской эры») [271], выходит издание альманаха «Континент-Россия» (1989), публикуется ряд статей в оппозиционной прессе. Но многие патриотические издания относятся к евразийству гораздо более сдержанно, а иногда и резко критически. Тем не менее, евразийские идеи увлекают все больше людей.

В 1990 г. выходит 1-е издание книги «Кризис Современного Мира» французского философа-традиционалиста Р. Генона с развернутыми комментариями [272], что позволяет всем интересующимся тематикой евразийства подключить к ней опыт традиционалистского движения Европы. Затем выходит ряд книг с изложением основ традиционалистской философии.

В этот период неоевразийство носит «право-консервативный» характер, близкий к историческим традиционалистам, с элементами православно-монархическими, «почвенно-этническими», с жесткой критикой «левой» идеологии. На этом этапе у неоевразийцев не так уж много пересечений с последователями Льва Гумилева (стоит отметить, что многие ученики и последователи Льва Гумилева сами себя «евразийцами» не называют).

Статьи и публикации в ведущих литературных журналах пробуждали читательское внимание и подогрели полемический задор оппонентов. Параллельно с публикациями в научной и научно-популярной периодике, посвященными евразийцам 1920-х годов, современные политологи осваивали тему, отталкиваясь от реальности межнациональных конфликтов, которая настойчиво требовала осмысления евразийских идей.

Евразийские мотивы постоянно звучали на заседаниях клуба «Постперестройка» С.Е. Кургиняна, начиная, по крайней мере, с 1988 года в связи с предсказаниями о распаде страны.

2 этап (1991-1993 гг.) неоевразийство сближается с «посткоммунистическими коммунистами» (КПРФ, «Завтра»)

Оказавшиеся в сложном идеологическом положении коммунисты-консерваторы срочно ищут новую идеологию. Лидер КПРФ Г.Зюганов сближается с кругами, близкими к газете «Завтра», ряд идей, предложенных ее главным редактором Александром Прохановым, ложится в основу «красно-белой» оппозиции (уничжительно названная противниками «красно-коричневой»). Она становится вначале идейной платформой «Фронта Национального Спасения», потом ложится в основу программы КПРФ. [271] Зюганов считает, что уникальное географическое положение России с сохранившимися военно-экономическими, демографическими и политическими воз-

возможностями диктует тот вариант развития, который вернет России многовековое положение своеобразного «геополитического баланса» – гаранта мирового геополитического равновесия. При этом Россия должна избегать интеграции в мировую хозяйственную систему, что породило бы зависимость России от внешних факторов. Автор считает, что Россия в состоянии автономно существовать, поскольку обладает достаточным количеством природных ресурсов и интеллектуальным потенциалом [273].

Происходит пересмотр «антикоммунизма», свойственного первому этапу неоевразийства. Следует переоценка «советского периода» в духе национал-большевиков и «левых евразийцев». Выходит серия статей в «Завтра», «Нашем Современнике», «Советской России». Первые публикации о геополитике (А.Г. Дугин «Великая война континентов», 1992) [271], сакральной географии, традиционализме, консервативной революции.

В Москву приезжают европейские «новые правые», некоторые, из положений которых впоследствии будут взяты неоевразийцами на вооружение (А. де Бенуа, Р. Стойкерс, Ж. Тириар, К. Террачано, М. Баттара, К. Мутти и т.д.). Евразийство становится популярным в патриотической оппозиции и среди интеллигенции.

Основываясь на сходстве терминов один из интеллектуальных лидеров «реформаторов» – А. Сахаров также говорил о «Евразии», но не в политическом и геополитическом смысле, а в чисто географическом (и никогда не обращался к «евразийству» как таковому). Ряд «демократов» пытались выдвинуть проект «демократического евразийства» (Р. Попов, С. Станкевич, Л. Пономарев). Смысл состоял в том, чтобы «не накалять противоречия между радикальным либерализмом (Гайдар-Чубайс-Козырев) и радикальными патриотами («красно-коричневыми»). В политике это дублируется «социал-демократической» фразеологией. С этой стороны к «демократическому евразийству» подходил Г. Шахназаров («Горбачев-фонд»). Однако серьезного теоретического развития эта линия не получила. Яркость оппозиционного патриотического евразийства слишком привлекательна с одной стороны, но одновременно не приемлема для режима, ориентированного на «умеренность» и «центризм».

В «демократической» печати термин «евразийцы» использовался с неким пренебрежением, в таком контексте, например, его употребляла «Комсомольская правда» в статье «Кто крайний в очередь за властью?» [269, с.22].

Однако, когда государственный советник С. Станкевич весной 1992 года провозгласил себя евразийцем, термин «евразийство» все чаще стал попадать на газетные страницы самой разной политической направленности. Такое трагическое событие как смерть в июне 1992 года Л.Н. Гумилева, «последнего евразийца», как он сам себя называл, вызвало дополнительный подъем внимания к евразийским материалам.

Проблемы евразийства обсуждались на Конгрессе соотечественников в Москве в памятный август 1991 года. В конце этого же года Комиссия СССР по делам ЮНЕСКО также провела конференцию по евразийству. В Институ-

те восточных языков МГУ весной 1992 года прошел научный симпозиум по евразийству, на осень 1992 намечены Карсавинские чтения в Санкт-Петербурге. Аналитический центр РАН по проблемам социально-экономического и научно-технического развития организует в феврале 1993 года конференцию «Биосферная теория и евразийство, общие истоки», посвященную памяти В.И. и Г.В.Вернадских.

Перед расстрелом «Белого Дома» 1993 Р. Хасбулатов и глава Конституционного Суда Зорькин говорят о своем «евразийстве» (в смысле Зюганова-Проханова) в интервью газете «Завтра». О своем евразийстве также говорят О.Лобов, О.Сосковец, С.Бабурин.

В 1992-93 годах начинается выпуск журнала «Элементы. Евразийское Обозрение» [274] темы евразийской геополитики и геостратегии, разрабатываемые журналом, порождают интерес к этим дисциплинам со стороны высшей школы. Идет преподавание геополитики и основ евразийства в высших учебных заведениях и многочисленных семинарах и лекциях. В этот же период Э.А. Баграмов издает и редактирует журнал «Евразия».

3 этап (1994-1998 гг.) – теоретическое развитие неоевразийской ортодоксии.

В этот период происходит публикация некоторых важных работ, образующих идеологический базис нового евразийства («Мистерии Евразии» (1996), «Основы Геополитики» (1997) [238], издание в издательстве «Аграф» книг Н.Трубецкого, Г.Вернадского, Н.Алексеева, П.Савицкого (1995-1998 гг.)) Начинается работа над созданием евразийских сайтов в сети Интернет.

Этот период характеризуется: наличием прямых и косвенных обращений к «евразийству» в программных документах КПРФ, ЛДПР, НДР (т.е. левых, правых и центристов), увеличением объема публикаций на тему «евразийства», изданием многочисленных евразийских сборников, критикой «евразийства» со стороны русских националистов, православных фундаменталистов, и коммунистов-ортодоксов, а также либералов, появлением «академического» неоевразийства (Б.С. Ерасов, А.С. Панарин) с элементами просвещенческой парадигмы, которое постепенно эволюционирует в сторону радикализации антизападных, антилиберальных, антиглобалистских позиций. Публикуются основные работы А.С. Панарина [265], издаются работы В.П. Кошарного, В.Я. Пащенко, Н.А. Омельченко и др.

В эти же годы определенные круги неоевразийцев сотрудничают с крайне левым политико-молодежным проектом «НБП». Выходит в свет молодежная газета «Лимонка». В 1996-1997 годы происходит резкая деградация НБП, переход от эстетико-интеллектуального течения в «политико-хулиганское». 1997 году произошел полный разрыв евразийцев с НБП, которая остается «национал-большевистской» номинально.

Заметным событием в изучении евразийского исследования стал выход в 1997 году сборника трудов евразийцев «Русский узел евразийства. Восток в русской мысли» под редакцией академика Н.И. Толстого, со вступительной

статьей и примечаниями С. Ключникова. Это наиболее полное издание трудов евразийских мыслителей, вышедших за последние годы в России. Наряду с уже известными работами Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского, Г.В. Вернадского, Д.П. Святополка-Мирского в сборнике помещены ранее неизвестные архивные материалы, в том числе неопубликованные статьи, заметки и переписка евразийцев.

4 этап (1998-2001гг.) Происходит постепенное разотождествление неоевразийства с побочными политико-культурными и партийными явлениями, превращение в самостоятельное направление

В этот период фундаментализируется геополитическая методология Происходит переход на центристские позиции в политике. Один из теоретиков неоевразийства А.Г. Дугин становится советником спикера Госдумы Г.Н. Селезнева. В этот период вышли в свет евразийские брошюры «Наш Путь» (1998), «Евразийское Вторжение» как приложения к «Завтра». Проводятся многочисленные теоретические исследования, разработки, выходят различные публикации в «Независимой Газете», «Московских Новостях», программы на радио, цикл геополитических программа по неоевразийству и геополитике на радио «Свободная Россия» (1998-2000).

5 этап (2001 - до настоящего времени).

Создается ОПОД «Евразия» на позициях «Радикального Центра». Глава ЦДУМа, шейх-уль-ислам Талгаа Таджуддин вступает в ряды «Евразии». Начинает выпускаться газета «Евразийское обозрение». Появляется еврейское неоевразийство (А. Эскин, А. Шмулевич, движение «Беад Арцейну», В. Букарский). В 2002 г. ОПОД «Евразия» регистрируется как политическая партия.

На основе сравнительного анализа взглядов сторонников евразийства, О.В. Лушников предлагает следующую периодизацию развития евразийской идеи на современном этапе:

1) 1989-1992 гг. – этап возрождения, начало которого можно обозначить массовым выходом концептуальных книг Л.Н. Гумилева, републикацией отрывков из наследия классиков евразийства, формированием «социально-естественного» направления неоевразийства;

2) 1993-1999 гг. – этап развития теоретических исследований в области актуальных аспектов евразийской идеи, появление среди неоевразийских теоретиков групп «цивилизационного» и «геополитического» неоевразийства;

3) 2000-2008 гг.– этап появления различных направлений в рамках евразийства (левое и правое евразийство), политизация евразийских идей, создание евразийских политических партий и движений («Евразия», «Международное евразийское движение» и др.), влияние евразийской идеи на внешнюю и внутреннюю политику России, появление международных евразийских организаций (ЕвразЭС, ОДКБ, ШОС и др.) [269, с.21].

Усиливающаяся глобализация стимулировала напряженные поиски путей сохранения целостности государства и нации, что являлось приоритетным

направлением в творчестве евразийцев. Следует, однако, отметить, что интерес политологов и политиков к евразийству приобретает все более политизированные формы.

В современной России многие евразийские идеи занимают значительное место (хотя зачастую и без указания авторства) в программных документах наиболее влиятельных политических партий и движений России (КПРФ, «Отечество», «Единство» и др.) и могут, если не останутся на вербальном уровне, оказать существенное влияние на политические процессы России.

В условиях развития евразийских интеграционных процессов, актуализируются вопросы изучения исторического опыта развития евразийских государств, стремящихся к созданию единой евразийской геополитической модели, основы которой были заложены в евразийском учении.

Казахстан и Россия последних лет переживают настоящий бум евразийства. О нем говорят и пишут ученые, писатели, журналисты, политики, педагоги. В настоящее время достаточно популярной становится евразийская идея, как современная социально-политическая концепция, позволяющая найти для идеологии государства и его практической деятельности то оптимальное соотношение национальной специфики и иностранного опыта, которое позволит обеспечить политический, экономический и социальный прогресс государства.

Следует отметить, что идеи евразийства регулярно появляются в социально-политической литературе именно в эпохи цивилизационных разломов, стремительных и глубоких перемен в жизни общества. Современное неоевразийство отстаивает национальные интересы народов и народностей евразийского геополитического, географического пространства и выступает против тотальной «вестернизации» всех сфер деятельности человека и навязывании потребительских ценностей.

Сегодня евразийские идеи получили большое распространение в современной политике, политологии, политической публицистике Казахстана. Евразийский концептуальный дискурс используют в своих программах общественно-политические движения и партии. Связано это с поиском новых оснований для самоидентификации, и с этой точки зрения, политико - идеологическая концепция евразийства представляет интерес для разных политических направлений.

4.3 Современное евразийское измерение межгосударственных отношений Республики Казахстан и Российской Федерации

Распад Советского Союза стал отправной точкой формирования нового постсоветского геополитического пространства, имеющего не только внешние отличия от существующих ранее реалий, но и обретающего качественно иные сущностные характеристики.

Возникновение СНГ породило много сложных вопросов, решение которых возможно было только на многостороннем уровне, усилиями всех бывших советских республик, тесные в прошлом связи, прежде всего в экономической и военно-технической сферах, не позволяли новообразованным государствам вести полностью независимую внутреннюю политику. Любые односторонние политические шаги в одной республике незамедлительно вызвали последствия в другой.

Определяя долгосрочную стратегию развития молодого суверенного государства, в качестве первого приоритета Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев выдвинул интеграцию республики в мировую экономику как необходимое условие качественного «прорыва» в экономическом развитии Казахстана. В этой связи, для обеспечения устойчивого экономического роста, увеличения производства валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения, достижения качества жизни населения, интенсификации производства, опережающего роста отраслей и производств с высокой добавленной стоимостью посредством внедрения ресурсосберегающих технологий, инновационно-индустриального развития необходимо эффективное участие страны в интеграционных процессах. Одним из приоритетных международных направлений для Казахстана всегда являлось тесное взаимодействие с Россией. Между Казахстаном и Россией на современном этапе сложились партнерские отношения, для которых в полной мере характерны стабильность, взаимное доверие и открытость. Высокий уровень сотрудничества имеет объективные причины, связанные не только с огромной, общей протяженностью границ, активным взаимодействием сопредельных регионов, но и общностью исторических, хозяйственных и духовных ценностей двух крупнейших евразийских народов – казахов и русских.

В новейшей истории российско-казахстанские отношения прошли несколько этапов развития:

- формулирование новых принципов отношений между двумя странами и конституирование их правовых рамок (1991-1994 гг.);
- моделирование межгосударственного экономического и политического сотрудничества (1994-1998 гг.);
- реализация стратегического партнерства (с 1998 г. по настоящее время) [275].

Установление дипломатических отношений между двумя странами было оформлено 22 октября 1992 года. Странам совместно удалось сделать очень многое в деле построения гармоничных и дружественных отношений. Отно-

шения Казахстана и России многими экспертами рассматриваются как образцовые.

Первостепенным фактором, возведшим такую трактовку в ранг аксиомы, стали дружеские отношения между народами Казахстана и России, складывавшиеся на протяжении столетий. Это историческая данность, обусловленная не только географическим соседством, но и культурной близостью двух стран, искренним стремлением сообща преодолевать вызовы судьбы.

По словам Президента Н.А. Назарбаева: «Важнейшее значение для Казахстана, имеет развитие отношений с Российской Федерацией. Это обусловлено ее политическим и экономическим весом в мировом сообществе, большой протяженностью наших общих границ. Россия - крупнейший торговый партнер нашей Республики. Во многом совпадают наши позиции по различным международным вопросам. Наконец, граждан наших стран связывают миллионы родственных связей. Это делает Россию естественным союзником нашего государства» [276].

На первом этапе в Казахстане, как и в других постсоветских странах, наряду с реформированием в политической, экономической и других сферах, внутри страны шли процессы определения межгосударственных правовых отношений. Оказавшись в новых для себя условиях, новообразовавшиеся государства двигались путем осторожных поисков самых первоначальных, необходимых и естественных контактов, позволяющих наладить нормальные взаимоотношения между народами не так давно единого государства. Оба государства на этом этапе решали проблемы определения своего статуса в системе мировой политики, построения взаимоотношений с ведущими мировыми державами, вхождения в международно-правовое поле.

Кроме того, первоначальный период характеризовался попытками поиска правовых отношений между Казахстаном и Россией на базе многовековых традиций добрососедства, дружбы и взаимной помощи братских народов, исконно проживавших на обширном евразийском пространстве. Достаточно вспомнить договор между Казахской ССР и РСФСР от 21 ноября 1990 г. Необходимо учесть, что он был заключен между двумя союзными республиками одного государства, но, тем не менее, эти республики, объявив о своем суверенитете, пошли по пути установления нормальных правовых отношений как независимые государства. Уже данный договор очертил тот круг проблем, который впоследствии станет предметом специальных договоренностей и крупных двусторонних документов.

После развала советского государства во взаимоотношениях между Казахстаном и Россией возникли серьезные проблемы, решать которые предстояло как на двустороннем, так и на многостороннем уровне. Среди комплекса вопросов, требовавших решения необходимо выделить следующие:

- сохранение военно-стратегического пространства бывшего СССР;
- определение статуса военного-космического комплекса «Байконур»;
- дальнейшая судьба ядерного арсенала, испытательных полигонов и военных объектов СССР, оказавшихся на территории независимого Казахстана;

- перспектива единого экономического пространства и одной из важнейшей его составляющей – «рублевой зоны»;
- распределение долговых обязательств СССР и советской собственности;
- статус русскоязычного «нетитульного» населения в независимых республиках и статус русского языка в них;
- разрешение межэтнических конфликтов на территории бывшего СССР и предупреждение появления новых;
- определение границ Содружества и статуса Каспийского моря;
- сохранение единого культурного пространства.

Взаимодействие России и Казахстана в решении вышеизложенных проблем во многом предопределило дальнейший процесс становления сотрудничества двух стран [277].

Республика Казахстан и Российская Федерация имели необходимые объективные предпосылки для налаживания и интенсивного развития взаимовыгодных двусторонних отношений в рамках СНГ. Рассмотрение процесса сотрудничества на примере России и Казахстана, как двух наиболее крупных республик бывшего СССР, представляется актуальным вопросом, поскольку отношения между обеими странами пронизаны теснейшими социально-экономическим, политическими и культурными связями. Также важнейшую роль играет географическое расположение Республики Казахстан, которая является как бы естественным буфером, отделяющим Российскую Федерацию от очагов нестабильности Южной Азии. Более того, важнейшим является соседство двух государств и наличием общей протяженной границы, что привело к сложившимся в силу этого приграничным экономическим, культурным, историческим и родственным связям. Несомненно, что территориальная близость является фактором не только углубления сотрудничества, но и экономической интеграции.

Существенно важно, что две страны были едины в своем стремлении развивать демократические реформы, идти по пути формирования гражданского общества и правового государства. Их объединяла, таким образом, общая стратегическая цель общественного развития, а приверженность демократии служит необходимым условием достижения этой цели. К тому же Казахстан и Россия представляли собой огромный евразийский регион, в котором исторически существовали устойчивые геополитические, хозяйственные, этнические и культурные связи двух стран и народов.

После распада СССР Казахстан и Россия мобилизовали усилия для того, чтобы минимизировать ущерб от дезинтеграционных процессов и строить свои отношения на основе общности интересов, добрососедства и взаимного уважения. Подписанный 25 мая 1992 года президентами двух стран Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи заложил прочный фундамент официальных межгосударственных взаимоотношений, стал правовой базой практически всего спектра двустороннего сотрудничества.

В документе зафиксировано, что Казахстан и Россия опираются на исто-

рически сложившиеся прочные связи и строят дружественные отношения как государства-союзники на принципах взаимного уважения государственного суверенитета, территориальной целостности и нерушимости границ, мирного урегулирования споров, неприменения силы и угрозы силой, включая экономические и иные способы давления, равноправия и невмешательства во внутренние дела, соблюдения прав человека и основных свобод, добросовестного исполнения обязательств.

Руководство Казахстана и России с самого начала заявило о своей заинтересованности в обеспечении национальной безопасности, в развитии сотрудничества, как со странами СНГ, так и с НАТО в рамках программы «Партнерство ради мира».

Создавая собственную систему коллективной безопасности, еще в феврале 1992 года на заседании Совета глав государств Содружества Независимых Государств был учрежден Совет министров обороны, были подписаны соглашения о статусе Стратегических сил, а между Арменией, Беларусью, Казахстаном, Киргизией, Россией, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном – Соглашение о силах общего назначения на переходный период. Большой пакет документов был принят 20 марта этого же года. Среди которых:

- соглашение о полномочиях высших органов СНГ по вопросам обороны;
- об Объединенных Вооруженных силах на переходный период;
- о принципах комплектования Объединенных Вооруженных сил СНГ и прохождения в них военной службы;
- о правовых основах деятельности Объединенных Вооруженных Сил СНГ;
- о принципах обеспечения Вооруженных Сил государств-участников СНГ вооружением, военной техникой и другими материальными средствами;
- об организации научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и т.д.[278].

Важной вехой становления основ взаимодействия стало подписание 28 марта 1994 года Договора о военном сотрудничестве. Наряду с Договором о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года этот документ заложил основы обеспечения стабильности на евразийском пространстве, а также открыл горизонты для дальнейшего совершенствования механизмов поддержания мира.

Вне всякого сомнения, к стержневым документам, составляющим договорно-правовую базу российско-казахстанских отношений, следует отнести Декларацию о вечной дружбе и союзничестве от 1998 года, в которой подчеркивается, что вечная дружба между нашими странами является гарантией национальной безопасности, политической стабильности, межнационального согласия и процветания обоих государств. В начале 2005 года был подписан Договор о государственной границе, имеющий огромное значение для углубления доверия между нашими странами. В 2009 году приступила к работе

Совместная российско-казахстанская демаркационная комиссия.

Сближению Казахстана и России в наше время способствует ряд важных относящихся к Казахстану геополитических факторов. [277] Среди них:

1) Республика Казахстан находится в центре Евразийского континента, занимает обширную территорию, имеющую большую общую границу (свыше 6.000 км) с Россией, что имеет для двух стран серьезное значение в деле укрепления их национальной и коллективной безопасности;

2) Казахстан обладает крупными минеральными ресурсами, практически всей периодической системой элементов таблицы Д.И. Менделеева, в связи с этим создаются необходимые предпосылки для развития взаимовыгодного экономического сотрудничества с Россией, занимающей первое место в мире по богатству земных недр;

3) страна находится на стыке двух мировых религий: христианства и ислама с их богатой культурой, имеющей евразийское и общечеловеческое значение;

4) Республика Казахстан перекресток торговых и транспортных путей из Европы в Азию; через Китай на дальневосточные порты, тихоокеанские государства; через Иран и Турцию в Средиземноморский бассейн;

5) Казахстан важное связующее звено с Центральноазиатским регионом (ЦАР); член ООН и большинства крупных международных организаций, работающих под ее эгидой; член (с 1992 г.) Организации Экономического Сотрудничества, куда входят также Турция, Пакистан, Иран (всего 10 стран); Евразийского Экономического Союза; член Экономического союза центральноазиатских стран (вместе с Узбекистаном и Кыргызстаном) и Центральноазиатского банка сотрудничества и развития (ЦАБСР); член «четверки» в рамках СНГ (Россия, Казахстан, Беларусь, Кыргызстан);

6) Республика Казахстан, как и Российская Федерация, – страна с полиэтничным составом населения, в т.ч. компактным проживанием ряда нетитульных наций, с многообразием языков и наречий, что создает объективную основу для взаимного ознакомления с соответствующим опытом и оптимального решения национального вопроса в каждой из стран. Проживание в республике большой этнической прослойки европейского происхождения (русские, украинцы, немцы) служит одним из факторов сближения Казахстана с европейской цивилизацией и культурой.

Что касается геополитических факторов, которые в настоящее время потенциально для Казахстана не всегда неблагоприятны, то, по нашему мнению, речь может идти о следующем:

– РК не имеет прямого выхода к Мировому океану, внешним теплым морям, что затрудняет его связи с крупнейшими центрами современной цивилизации; строительство протяженных транспортных артерий для связи с этими центрами требует огромных инвестиций, непосильных для республики; ее геоэкономическая инфраструктура развита слабо;

– Центральноазиатский регион, в котором Казахстан занимает ведущее положение, остается нестабильным, чреватым разного рода потрясениями,

вплоть до вооруженных конфликтов. К тому же границы ЦАР с точки зрения международного права должным образом не демаркированы; Казахстан оказался фактически отрезанным от Западной Европы, ее демократий огромным постсоветским геополитическим пространством по периметру национальных западных границ и далее;

– Казахстан остается зоной не только определенного экономического, но и экологического неблагополучия, что ослабляет его позиции в регионе и мире, сужает возможности быстрого индустриального роста;

– ЦАР, включая Казахстан, представляют собой один из районов и даже эпицентров возможной миграции населения по вектору Восток-Запад [26].

Реальная практика вхождения в мировое хозяйство обеих стран достаточно убедительно показала, что взаимные экономические связи обладают весомым потенциалом для развития. Причинами такого положения, на взгляд автора, являются следующие:

Во-первых, наличие целого ряда системных связей, сформированных ещё в советский период, но, тем не менее, объективно подталкивавших новые независимые государства к воссозданию в новых условиях комплекса международных связей интеграционного типа. Речь идет, в частности, о единой энергетической системе, единой системе транспорта, связи, телекоммуникаций, нефте- и газопроводов, стандартов и т.д. Строительство таких собственных систем в каждой из стран Содружества весьма дорогостоящее удовольствие, особенно в условиях трансформационного кризиса и нехватки финансовых средств, требует длительного периода времени (порядка 10-20 лет), а, кроме того, и экономически неэффективно в силу «эффекта масштаба».

Во-вторых, в результате технического отставания от мировых аналогов производственных процессов, доставшихся в наследство от когда-то единого производственно-хозяйственного механизма, не удалось массово выпустить на рынок конкурентоспособные и идущие в ногу со временем товары (услуги), чтобы получать средства для модернизации и развития производства и экономики в целом (исключения, безусловно, есть). Поэтому доминировала идея, что выпускаемые промышленным комплексом обеих стран товары можно было бы продавать внутри СНГ, ведь взаимный обмен между ними остается основным каналом реализации их экспортной продукции.

В-третьих, многие члены мирового экономического сообщества видели и видят в лице России и Казахстана своих конкурентов и поэтому не испытывают желания помогать им в развитии перспективных отраслей экономики, отводя этим странам роль сырьевой базы. Иностранцев интересуют здесь, главным образом, полезные ископаемые, но никак не восстановление и поддержание конкурентоспособности национального производственно-хозяйственного комплекса. Именно поэтому практически все инвестиции вкладываются либо в добывающую промышленность (или в разведку недр с целью обнаружения и последующей разработки, найденных месторождений), либо в строительство (или модернизацию) путей транспортировки добываемых для собственных нужд местных полезных ископаемых [275, с.8].

Часть исследователей полагает, что в новых условиях СНГ в целом и двусторонние отношения и связи в его рамках не имеют большой перспективы. По нашему мнению, напротив, именно в силу особенностей возникшей геополитической и геоэкономической ситуации необходимо на добровольной, демократической основе максимально интенсифицировать интеграционные связи в рамках Содружества: и на двусторонней, и на многосторонней базе. Другой, приемлемой для всех нас, разумной альтернативы просто не существует.

Взаимодействие Казахстана с Россией является приоритетом номер один во внешнеполитическом, внешнеэкономическом и военно-стратегическом курсе республики. Это обусловлено комплексом причин, условий и факторов, имеющих не конъюнктурный, а принципиальный и долговременный характер.

Опираясь на прошлое, в новых условиях суверенного развития Россия и Казахстан заложили фундаментальную правовую базу межгосударственных отношений, составной частью которых стало сотрудничество в военно-технической сфере на равноправной и стабильной основе. В результате, только в 1990-е годы Российскую Федерацию и Республику Казахстан связывало более 200 заключенных договоров и соглашений в экономической, политической, военной, культурной и других областях сотрудничества [26].

К ним в частности относятся: Договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи; о военном сотрудничестве; о совместных усилиях в охране внешних границ; Декларация о вечной дружбе и союзничестве, ориентированном в XXI век; Соглашение о военно-техническом сотрудничестве; Соглашение о сотрудничестве и взаимодействии в обеспечении безопасности комплекса «Байконур».

Согласно Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Казахстан и Российской Федерацией, других соглашений стороны обязались содействовать взаимовыгодному экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Взаимные интересы двух стран могут в ближайшем будущем кардинально изменить экономическую ситуацию между Россией и Казахстаном. На сегодняшний день наиболее реальным шагом к углублению интеграции является создание Таможенного союза.

После распада СССР единый механизм управления экономикой оказался раздробленным на 15 механизмов, мало, чем отличающихся друг от друга. В их основе лежал распределительный, административно-централизованный механизм управления хозяйством. Сразу же после раздела общесоюзной собственности началось формирование 15 экономических организмов с оставшимися основными чертами постсоветской экономической модели.

Обладая практически всеми основными видами сырья и ресурсов, доступом к трем океанам, международным сухопутным и воздушным, транспортным артериям, крупным населением, научным потенциалом, сопоставимым с США ядерным потенциалом, химическими и обычными вооружениями, Россия в настоящее время и на обозримую перспективу должна рассматри-

ваться как цементирующее ядро большой группы сопредельных государств, стремящихся к прогрессу, новым формам общественной жизни.

С Казахстаном поддерживают активную связь приграничные российские области, в которых проживает большая диаспора этнических казахов (свыше 730 000 чел.). В свою очередь, в Казахстане проживает около 5 млн. русских. Ключевыми факторами, определяющими казахстанско-российские отношения, являются взаимозависимость хозяйственных связей, общность историко-культурных традиций и, наконец, менталитет. В то же время предстоит привести в соответствие с нормами межгосударственных отношений некоторые вопросы, представляющие взаимный интерес, устранить взаимные претензии, достигнуть компромиссных договоренностей.

Двусторонние межгосударственные отношения и связи наших двух стран обнаружили устойчивую зависимость от степени экономического и внутреннего развития. Одновременно межгосударственные отношения обретают относительную самостоятельность в качестве набирающего силу фактора, воздействующего на собственную национальную динамику каждого из субъектов рассматриваемого процесса. Новый тип внутреннего социального развития и обусловленный им новый тип внешних отношений и связей, взаимодействуя между собой, определяют вектор движения России и Казахстана по пути реформ, экономической и политической модернизации. Весьма логично на наш взгляд, что построение казахстанско-российского сотрудничества на симметрично-прагматичной основе, ориентация, прежде всего, на взаимовыгодные, деполитизированные проекты привлекает и другие государства.

Несмотря на национальную специфику Российской Федерации и Республики Казахстан, неповторимые особенности в их экономике, общественном укладе и государственном устройстве, имеется немало общих черт, присущих их развитию. К ним относятся:

1) в экономической сфере – продолжение курса экономических реформ и одновременно – некоторый спад производства, нестабильность народного хозяйства, его основных структур – промышленного, аграрного комплекса, строительства, всех видов транспорта, торговли и сферы обслуживания, услуг; развитие всех форм хозяйствования и собственности, в том числе частного бизнеса, предпринимательских и коммерческих структур; в валютно-финансовой, кредитной области – адаптация к собственной монетарной политике, национальной денежной системе, стабилизация денежного обращения, снижение темпов инфляции; реформирование и совершенствование кредитной системы, развитие структур сберегательных, земельных, инвестиционных, коммерческих, внешнеэкономических, строительных, частных и других банков, иных кредитных организаций и учреждений;

2) в политической сфере – стратегический курс на демократизацию системы национально-государственного устройства, политической власти, властных структур всех уровней, укрепление национальной государственности на основе ее связи с народом, преодоления рецидивов местничества и сепаратизма, борьбы с бюрократизмом и коррупцией, всеми видами преступности;

развитие и совершенствование политической системы общества; обеспечение функционирования в рамках законности политических партий и общественных движений; обеспечение легитимной деятельности законодательных, исполнительных и судебных структур; законности и правопорядка в стране; проведение военной реформы; укрепление Вооруженных Сил, обеспечение безопасности общества и государства;

3) в социальной сфере – обеспечение стабильности в обществе на основе совершенствования отношений между различными социальными общностями и группами, многочисленными этносами, людьми разных поколений, верований и убеждений, проведение сильной социальной политики со стороны государства и общественных организаций, включая такие ее важнейшие направления, как национальная, конфессиональная, демографическая, экологическая, молодежная политика, деятельность по развитию здравоохранения, укреплению семьи, повышению роли в обществе женщины, социальному обеспечению малоимущих граждан, развитию сервисных инфраструктур; профилактика межнациональных, социально-трудовых и иных конфликтов, их разрешение с использованием демократических процедур, средств и методов;

4) в духовной сфере – возрождение национального самосознания и культуры, передовых традиций, обычаев в таких областях, как труд, семья, быт, религия, человеческое общение; создание новой системы народного просвещения и образования – от начальной до высшей школы; усилия по преодолению кризиса в развитии науки – фундаментальной и прикладной, естественных, технических и общественных наук; поощрение народного творчества наряду с развитием всех видов профессионального искусства, литературы; формирование у населения народов стран ближнего и дальнего зарубежья нового облика Казахстана и России, как независимых, суверенных государств, образа друга по отношению к соседним народам.

Указывая на общий характер целей и задач, стоящих перед нашими странами в различных сферах общественной жизни, мы одновременно признаем также наличие огромных трудностей и препятствий объективного и субъективного порядка, стоящих на пути реализации национальных планов модернизации. Эти трудности обладают общими свойствами и признаками. Например, в экономике это острая нехватка инвестиций; в политической области – сохраняющаяся инерционность развития государственных структур руководства и управления; в социальной сфере – невысокий жизненный уровень значительной массы населения; в духовном развитии – отсутствие надлежащих ресурсов для обеспечения приоритетного финансирования потребностей науки и культуры.

Казахстанско-российское содружество – залог безопасности, стабильности и развития наших двух государств. Одновременно это вклад в дальнейший прогресс обширного евразийского региона, единство и взаимодействие государств этого суперконтинента.

В основу двустороннего сотрудничества между Казахстаном и Россией

положены общепринятые нормы современных международных отношений, закрепленные в документах ООН.

Казахстан и Россия заявили также о намерении координировать свои действия в области внешней политики, имея в виду согласование позиций и действий по основным международным и региональным проблемам, представляющим взаимный интерес в ООН, ОБСЕ и других международных организациях. [279]

Приверженность дальнейшему укреплению сотрудничества между Казахстаном и Россией, общность истории и родственные чувства между народами двух стран не раз отмечались в выступлениях Президента РК Н. Назарбаева. В Послании Президента Казахстана народу нашей страны (2006 г.) подчеркивается: «Казахстанско-российские отношения находятся на высоком уровне доверия и стратегического партнерства. Российский вектор — важнейший приоритет внешней политики Казахстана. Между Казахстаном и Россией не существует проблем, которые не были бы решены путем конструктивного диалога и учета взаимных интересов» [280].

За годы суверенного, независимого развития между Казахстаном и Россией подписано более 30-ти договоров и соглашений на уровне Глав государств, Правительств, а также министерств и ведомств [281].

Эти договорно-правовые документы, затрагивающие интересы двух стран, призваны, прежде всего, оформить их отношения в качестве независимых субъектов международного права, обеспечить гарантии выполнения взаимных обязательств, создать правовую основу для формирования условий взаимовыгодного сотрудничества на перспективу. Рабочие визиты Глав государств и Правительств, контакты руководителей министерств и ведомств способствовали конкретизации многих достигнутых договоренностей в наиболее сложных сферах сотрудничества: экономической, военной, в вопросах гражданства и др. В целом межгосударственные документы подтверждают устойчивость новой, партнерской тенденции в развитии российско-казахстанских отношений, базирующихся на признании и взаимном учете национальных интересов друг друга.

В современном обществе утвердилась точка зрения, согласно которой национально-государственные интересы — это точки отсчета новой системы координат, в которой развиваются международные отношения. В условиях советской перестройки, они нередко игнорировались. Теперь они постепенно встраиваются в создаваемый общими усилиями механизм взаимодействия и сотрудничества. Сверхзадача действия этого сложного механизма видится в том, чтобы политико-дипломатическими усилиями демпфировать (гасить) противоречивые тенденции сталкивающихся национально-государственных интересов.

Само понятие «национальный интерес» по-разному трактуется учеными. Одни из них вкладывают в это понятие совокупность целевых установок, отражающих интересы того или иного общества, баланс которых обеспечивает существование свободного и независимого государства, стабильность и це-

лостность, устойчивое внутреннее и внешнее развитие, предотвращение внешней угрозы, равноправные отношения с другими странами и народами [281].

Существует точка зрения, согласно которой под национальными интересами следует понимать интересы национальной общности или группы, объединенной специфическими связями и взаимоотношениями генетической и культурной общности [282].

Высказывается и такое мнение, что в условиях нестабильного развития общества и государства, а также в силу конфликтогенности разных представлений об интересах страны, адекватное толкование национальных интересов не представляется возможным [283]. Не разделяя последнюю точку зрения, автор полагает, что для общества, меняющего парадигму собственного развития, действительно сложно найти оптимальную формулу национального интереса. Однако задачи выживания постсоветских стран в условиях охватившего их системного кризиса диктуют необходимость в осмыслении ими своих собственных национально-государственных интересов, основанных на научном и практически-политическом анализе соотношения внутренних и внешних факторов развития.

В методологическом плане к понятию «национально-государственный интерес» следует подходить с учетом современных толкований сущности нации и государства. И то, и другое, как известно, толковалось в течение многих десятилетий советского периода развития сугубо догматически: нация в сталинской интерпретации (по четырем незыблемым признакам), а государство – в ортодоксальном марксистском духе как машина подавления одной части общества другой, как диктатура класса.

В самое последнее время в данном вопросе наметились принципиально новые научные подходы. Не рассматривая их детально (это выходит за рамки данного исследования), можно лишь отметить сближение понятий «нация» и «государство», вплоть до их рассмотрения в качестве синонимов, когда речь идет о мононациональных странах. [283]

По мнению автора, нация как общественное образование не может составлять абсолютного тождества с государством. Однако синонимичность и не предполагает такого тождества. Речь идет о близком значении этих понятий в условиях, когда государство в однонациональном обществе аккумулирует все основные его потребности и интересы. Действительно, в западной научной литературе традиционно в дефиницию «нация» не вкладывается исключительно в этническое содержание.

С учетом сказанного, можно согласиться с тезисом Н.В. Загладина, что при рассмотрении интересов Российской Федерации правомерно говорить о национально-государственных, а не просто национальных интересах, так как при этом исключаются любые попытки низвести национальные интересы российского многонационального государства до интересов титульной нации.

Данный тезис вполне можно экстраполировать и на Казахстан. Он стоит

перед проблемой осознания своих национально-государственных интересов, целью которых является обеспечение безопасного и устойчивого развития. Вполне понятно, что в силу объективных причин абсолютного совпадения интересов двух стран быть не может. И это не представляет угрозы для национальной и международной безопасности. Однако совершенно очевидно, что согласование интересов требует активного конструктивного диалога, совместного поиска компромиссов, как необходимого условия предотвращения конфликтных ситуаций, обеспечения достаточного баланса взаимных интересов.

С учетом сказанного представляет, в частности, теоретическую и практическую значимость типология внешнеполитических интересов. Она строится по разным основаниям, например, в зависимости от характера взаимодействия субъектов межгосударственных отношений. Это: во-первых, непересекающиеся интересы, реализация которых не затрагивает позиций взаимодействующих стран; во-вторых, конфронтационные интересы, противоречащие друг другу; в-третьих, параллельные интересы, когда внешнеполитическая линия одного государства реализуется в русле действий другого; в-четвертых, расходящиеся интересы; они полностью не совпадают, но и не вступают в противоречие между собой. [284]

Данная классификация помогает, на наш взгляд, определить конкретное содержание интересов, типологизировать внешнеполитические интересы и по временным основаниям. В данном случае казахстанско-российские отношения можно охарактеризовать как взаимовыгодные и не противоборствующие.

Взаимоотношения России и Казахстана являются локомотивом интеграции постсоветского пространства. Формат, содержание и глубина двусторонних отношений Казахстана и России сегодня являются эталоном интеграции на всем постсоветском пространстве. Разнообразие внешнеполитических интересов предполагает адекватное использование форм межгосударственного взаимодействия.

Среди важных направлений развития отношений между Российской Федерацией и Республикой Казахстан стало экономическое сотрудничество. Казахстан и Россия представляют собой ядро интеграционных процессов во всем Содружестве Независимых Государств. В свою очередь, само существование СНГ расширило для всех стран – бывших республик союзного государства возможности поиска путей и форм налаживания более эффективных связей, следствием чего и явилось образование тесно интегрированных структур в рамках Содружества. Все это означает, что в Содружестве складывается гибкий механизм сотрудничества, позволяющий учитывать разную степень готовности и интереса к интеграции у государств-участников этого процесса.

Между двумя странами в рамках СНГ подписан пакет документов, охватывающий широкий спектр экономических вопросов. Среди них: Соглашение о Таможенном союзе между Российской Федерацией, Республикой Бела-

рუსь и Республикой Казахстан, к которому позднее присоединилась Республика Кыргызстан; Декларация о расширении и углублении казахстанско-российского сотрудничества; Соглашение о совместной разработке и развитии Карачаганского нефтегазоконденсатного месторождения; Протокол о введении режима свободной торговли без изъятий и ограничений, Договор о создании Таможенного Союза между Россией, Казахстаном и Беларусью и др.

Сотрудничество Казахстана и России в топливно-энергетической сфере носит стратегический характер и является важнейшей составной частью казахстанско-российских отношений. Эффективное взаимодействие в данной области будет служить необходимым условием жизнедеятельности экономических комплексов и социальной сферы двух государств.

В условиях либерализации экономических отношений целесообразным становится создание условий для налаживания горизонтальных связей непосредственно между субъектами рынка, использование новых демократических форм экономического сотрудничества (совместные предприятия, финансово-промышленные группы, фирмы, ассоциации и пр.). Эти связи должны быть основаны на взаимной выгоде, четких обязательствах и неотвратимых санкциях за их нарушение.

Опыт Европейского Союза и других зарубежных интеграционных объединений свидетельствует о том, что различные формы межгосударственного регулирования эффективны лишь в том случае, если они нацелены на обеспечение общего пространства для самостоятельных товаропроизводителей, их производственной кооперации [285].

Что же касается деятельности межгосударственных рыночных структур, то практика обнаружила преимущества таких объединений. Они действуют, интегрируя хозяйствующие субъекты в соответствии с принципами экономической целесообразности, независимо от политической конъюнктуры [286].

Несмотря на стремление двух государств активизировать усилия в области экономической интеграции, формирование общего экономического пространства требует активизации. Это связано, в частности, с тем, что Казахстан, как и другие постсоветские страны, развивая экономические связи с Россией, одновременно сотрудничает в экономической области и со странами дальнего зарубежья, с различными региональными и межрегиональными организациями. Среди последних – Организация Прикаспийских Государств (ОПГ), Организация Экономического Сотрудничества (ОЭС), Евразийское Экономическое Сообщество (ЕврАзЭС – Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан), Единое экономическое пространство (ЕЭП – Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан), Антикризисный фонд и др. В результате 80% экспорта продукции Казахстана, например, в 1998 году приходилось на страны дальнего зарубежья, в то время как еще в конце 1990-х годов почти весь экспорт республики направлялся в страны СНГ [287]. Думается, что для России представляется целесообразным не только сохра-

нить, но и упрочить экономические отношения с Казахстаном с учетом традиционно сложившихся связей и строить их на основе взаимовыгодного, эквивалентного товарообмена.

Сегодня казахстанско-российские отношения вышли на качественно новый уровень взаимодействия, став стабилизирующим фактором на всем пространстве СНГ, и вносят весомый вклад в региональную стабильность и безопасность. Экономические интересы России и Казахстана, их экономико-технологическая близость выступают одним из гарантов хозяйственной интеграции двух стран. Казахстан и Россия формируют контуры будущего – создают новые узловые точки интеграции, как в двухстороннем формате, так и в рамках всего евразийского континента.

Одним из наиболее ярких примеров взаимодействия наших стран в сфере высоких технологий является создание российско-казахстанского венчурного фонда нанотехнологий с участием «Роснано» и «Казына Капитал Менеджмент». Сотрудничество Казахстана и России в технологической сфере направлено на объединение научных, производственных ресурсов, создание совместных фондов, формирование системы обмена передовыми технологиями, благодаря этому возникла возможность строить открытую систему обмена знаниями и опытом, обеспечить трансферт передовых технологий для наших стран.

Одним из перспективных направлений экономического сотрудничества между Казахстаном и Россией является взаимодействие в банковской сфере. Как известно, в продолжение сотрудничества в январе 2006 года был создан Евразийский банк развития (с уставным капиталом в 1,5 млрд долларов, в котором доля России составляет 1 млрд, доля Казахстана – 500 млн долларов). Деятельность данного банка направлена на расширение взаимовыгодных торгово-экономических связей между Казахстаном и Россией, а в перспективе – между государствами-участниками ЕврАзЭС и ЕЭП. Активное развитие межбанковских связей двух государств становится важным фактором их устойчивого экономического роста и будет способствовать успешной реализации совместных проектов в реальном секторе экономики, а также в вопросах интеграции финансово-экономических инфраструктур Казахстана и России [288].

Зримая перспектива будущих направлений экономического сотрудничества – это проекты создания новых транспортных коммуникаций, Дело в том, что через Казахстан проектируется строительство железнодорожных и шоссейных магистралей, выводящих в Китай, страны Юго-Восточной Азии, к портам Индийского и Тихого океанов. На Западе уже вынашивается идея железнодорожной магистрали и автострады «Европа – Стамбул – Ближний и Средний Восток – Пакистан – Индия» и далее до Тихого океана. Маловероятно, что западных конкурентов удовлетворило бы участие России в строительстве этого великого торгового пути XXI века. Выход на этот путь Россия может обеспечить себе только в сотрудничестве со среднеазиатскими республиками и Казахстаном. Учитывая ограниченность средств и ресурсов, на

данном этапе было бы, по нашему мнению, целесообразно интенсифицировать связи с теми предприятиями и организациями, которые остаются ориентированными на российскую экономику, особенно в сопредельных районах.

Очевидные преимущества от экономического сотрудничества являются обоюдными. Ведь степень взаимозависимости экономик двух стран все еще остается высокой. Об этом свидетельствует тот факт, что практически во всех государственных экономических программах, действующих в настоящее время в Казахстане (а их более 90), присутствует сотрудничество с Россией. Кроме того, как известно, Россия остается важнейшим внешнеторговым партнером Казахстана: так, в 2007 году товарооборот между двумя странами преодолел отметку в 16,5 млрд долларов (это самый высокий показатель среди внешнеторговых партнеров Казахстана). При этом доля России в казахстанском экспорте ежегодно составляет порядка 20%, а в казахстанском импорте – выше 40% на протяжении уже нескольких последних лет. Надо сказать, что Казахстан импортирует из России в полтора раза больше, чем из всех европейских стран, вместе взятых. Казахстан, в свою очередь, входит в десятку основных торговых партнеров России, причем его удельный вес во внешнеторговом обороте России со странами СНГ колеблется в пределах 20% (это третий результат после Украины и Белоруссии) [288, с.73.] Оба государства в целом могли бы стимулировать создание совместных товарных бирж; холдинговых, аудиторских, брокерских компаний, коммерческих центров и банков, торговых домов, проведение российско-казахстанских аукционов, выставок, ярмарок и т.п.

Перспективным и взаимовыгодным как для Казахстана, так и для России, могло бы быть сотрудничество в освоении природных богатств Каспийского моря. Однако проблема Каспия вышла далеко за рамки экономической и приобрела острый политический характер. Переговорный процесс России и прикаспийских государств затянулся на несколько лет. Только недавно были практически решены вопросы – о правовом статусе Каспийского моря и использовании его нефтяных ресурсов. Специалистами подсчитано, что суммарные морские запасы нефти в районе Каспия достигают 10 млрд. тонн и 6 млрд. кубометров газа. Азербайджан, Казахстан, Россия и Туркмения, обладая значительной частью этого сырьевого потенциала, по мнению экспертов, могут образовать третий в мире по масштабам нефтедобычи район после Сибири и Персидского залива. Поэтому отнюдь не случайно, что Каспийский регион оказался в орбите геополитических интересов не только региональных государств (особенно Турции и Ирана), но и таких мировых держав, как Россия и США [289].

Учитывая, что проблема статуса Каспийского моря, использования его дна и ресурсов носит долговременный политический характер, не исключая конфликтного варианта развития событий, единственно правильным решением проблемы становятся переговоры. Такая модель регулирования отношений между странами, способная обеспечить через диалог и компромисс согласование сложных и противоречивых интересов, являет собою

пример - консенсусной демократии [290].

Компромиссное решение рассматриваемой проблемы может быть достигнуто, как представляется, в ходе обмена информацией, дискуссий, сопоставления альтернативных точек зрения, путем синтеза предложений и выработки качественно новых подходов. В конечном счете, задача состоит в том, чтобы создать максимально либеральный режим судоходства на Каспии, обеспечить эффективное сотрудничество в области сохранения и воспроизводства биоресурсов, защиты экосистемы, что, вне всякого сомнения, отвечает интересам всех прикаспийских государств, в т.ч. России и Казахстана.

Что касается вопросов территориального разграничения в данной зоне, то они должны решаться в соответствии с нормами международного права. Силовое давление, прессинг, различного рода санкции способны лишь осложнить отношения наших стран, привести к поиску других союзников и партнеров. А это чревато разрушением и без того хрупкого баланса интересов, что может привести к соперничеству региональных и супердержав на этом континенте.

Рассмотрение проблемы Каспия, как и других сложных проблем межгосударственных отношений, позволяет сделать обобщающий вывод, имеющий принципиальное значение для исторической науки. Он состоит в том, что политические (геополитические) и экономические (геоэкономические) интересы государств, во-первых, порождаются, как правило, определенными их потребностями, а во-вторых, сами выступают как реальная побудительная причина действий государств, направленных на достижение тех или иных целей, задач и программ.

В этом смысле потребности наших двух государств выступают как цель, а интересы – как средство их реализации (достижения). Конкретнее: если нефть и вырученная за нее валюта – потребность и для Казахстана, и для России, то удовлетворяется она посредством формирования и отстаивания в межгосударственных отношениях интересов, касающихся трубопроводов, портов, танкеров и пр. Национальная потребность во благе (сырье, как источнике благосостояния) осуществляется посредством деятельности государств, заинтересованных в данном благе.

За годы существования суверенного, независимого существования Республики Казахстан и Российской Федерации внесено немало позитивных инициатив на международном уровне, касающихся безопасного развития, ограничению самой возможности развязывания вооруженных конфликтов. Среди них – объявление моратория над ядерными испытаниями; предложения по контролю над вооружениями, инспектированию демилитаризованных зон и мест хранения оружия, проведению миротворческих операций; меры по решению проблем беженцев и вынужденных мигрантов и др.

Россия и Казахстан резко сократили численность своих Вооруженных Сил, ликвидировали значительную часть военных баз. Так, например, в 1996 году с территории Республики Казахстан был завершён вывод межконтинентальных баллистических ракет СС-18, вывезено более 1200 ядерных боепри-

пасов, уничтожен последний испытательный ядерный заряд, находящийся в штольне Семипалатинского ядерного полигона [291].

Вместе с тем проблема ядерного оружия настолько сложна и многомерна, что Казахстан, будучи в географическом соседстве с ядерными и околоядерными державами (Россией, Китаем, Индией и Пакистаном) правомерно ставит вопрос об обеспечении гарантий своей безопасности.

Национальная безопасность, как отмечают исследователи, обусловлена целым рядом объективных факторов. Это «факторы природно-экономические (характер экосреды, уровень и темпы роста (падения) производства, состояние науки, техники, транспорта и связи, финансово-кредитной системы); геополитические (размеры и освоенность территории, протяженность и состояние границ, характер взаимоотношений с определенными странами, геостратегическая инфраструктура); собственно социальные (прежде всего обобщенные показатели жизненного уровня населения); межклассовые, этнические и межэтнические; информационные (правомерной является постановка вопроса об информационной безопасности) и культурологические (включая уровень политической культуры общества, национальный менталитет) и др.» [292].

Все эти факторы взаимообусловлены и взаимосвязаны между собой; в совокупности они формируют национально-государственные интересы и соответствующие им направления внутренней и внешней политики [26, с.187].

Исключительное значение для России и Казахстана вопросов их обороны и безопасности ставит перед ними задачи изыскания не только внутренних резервов их укрепления, но и дальнейшего совершенствования военного сотрудничества двух стран. Они исходят при этом из того, что улучшение международного климата в связи с окончанием «холодной войны» и снижением напряженности на глобальном уровне, не устранило потенциальной угрозы возникновения войн и вооруженных конфликтов.

Продолжается усиленная милитаризация многих стран бывшего «третьего мира», ядерные и «пороговые» (в деле овладения ядерным оружием) государства располагаются вблизи границ СНГ. Сохраняются конфликтные области, охватившие центр Европы и часть периферии бывшего СССР [26, с.201] Значительная часть конфликтной зоны СНГ соприкасается с Афганистаном, в котором опасные масштабы приобрела гражданская война, деятельность исламских фундаменталистов. Можно прогнозировать, что дестабилизирующее воздействие Афганистана на среднеазиатские государства будет нарастать.

Учитывая, что национальные Вооруженные Силы Казахстана, как и других постсоветских стран, находятся в стадии становления, не имеют достаточного опыта в организации обороны страны, испытывают дефицит квалифицированных кадров и требуют отвлечения значительных финансовых средств для их содержания, важно понять заинтересованность Республики в координации действий с Россией, другими государствами Содружества в сфере обороны и безопасности.

Прежде всего, речь идет о разработке совместных мер, направленных на предотвращение вооруженных конфликтов; определение единых подходов к формированию военной политики; создание системы формирования и надежного использования стратегических сил, а также определение районов их базирования; развитие военной инфраструктуры; проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) в области вооружения, развития и совершенствования военной техники, технологии и науки; эффективное использование потенциала предприятий оборонных отраслей; защиту социальных прав военнослужащих и др. [293]

Обе наши страны заинтересованы в сохранении и упрочении мира и стабильности в Центральноазиатском регионе. Об этом свидетельствуют многие решения, принятые ими на межгосударственном уровне, о чем будет рассказано в одном из разделов этой работы. Тем не менее, и в данной области остается ряд проблем, несмотря на достигнутые договоренности о военно-техническом и военно-политическом сотрудничестве.

Стратегическое партнерство России и Казахстана по поддержке других республик бывшего Советского Союза сыграло ключевую роль в формировании региональной системы безопасности на постсоветском пространстве. Центральную роль здесь играет Организация Договора о коллективной безопасности. Ее роль чрезвычайно велика и служит своего рода военно-политическим измерением евразийской интеграции. В новейший исторический момент ОДКБ вступает в новый этап своего развития, созданные Коллективные силы оперативного реагирования, Объединенная система ПВО, Антитеррористический центр СНГ. Примечательно то, что и в ходе нынешнего председательства Казахстана в ОБСЕ предпринимаются шаги, для того, чтобы использовать потенциал и инструментарий данной международной организации в процессе построения безопасной, стабильной и процветающей ЦА, повышения привлекательности региона, в том числе экономической. Для этого Н.А. Назарбаевым инициируется проведение в Астане в декабре 2010 г. Саммита глав государств-членов ОБСЕ.

Некоторые эксперты в качестве негативного примера взаимодействия Казахстана и России в военной области приводят Соглашение по космодрому Байконур. Так, авторы исследования «Российская Федерация: безопасность и сотрудничество» прогнозируют, что Казахстан в недалеком будущем «осознает ошибочность своего решения сдать России в кабальную аренду полигон, построенный российскими специалистами».[408] Сумма арендной платы России за использование Байконура постоянно меняется. Однако дело здесь не только в размерах Байконура и валютных поступлений. Эксперты из Казахстана ссылаются на губительный характер экологических последствий запусков ракет с территории полигона. По расчетам специалистов Министерства экологии и биоресурсов РК, только в Жезказганской области в настоящее время находится около 20 тыс. тонн военно-космического лома – отделившихся ступеней ракет с остатками ядерного топлива [294]. На ликвидацию экологической угрозы от этого «мусора» потребуются довольно

большие расходы.

Россия арендует космодром Байконур у Казахстана начиная с 1994 года. В январе 2004 года в Астане президенты России и Казахстана приняли решение о продлении срока аренды космодрома до 2050 года. В соглашении оговаривается расширение участия Казахстана в реализации космических программ и проектов, осуществляемых на космодроме «Байконур» путем долевого участия в финансировании и реализации проектов по созданию и использованию новых, экологически безопасных ракетно-космических комплексов, других космических программ и проектов по модернизации инфраструктуры космодрома. С принятием в Казахстане государственной программы «Развитие космической деятельности в Республике Казахстан на 2005-2007 годы» для сотрудничества в космической области открылись новые перспективы, что подтверждает успешный запуск и вывод на орбиту

Азахстанского спутника связи «KAZSAT-1» в июне 2006 года. Кроме того, Казахстан настоял на радикальном пересмотре сложившегося взаимодействия двух стран в сфере освоения космоса. Результатом пересмотра стало создание космического комплекса «Байтерек», позволяющего Казахстану стать полноправной космической державой, а не просто страной, с территории которой другие страны осуществляют запуск космических кораблей.); Соглашение о воинских формированиях Российской Федерации, временно находящихся на территории Республики Казахстан и лиц, входящих в их состав; Соглашение о порядке использования 4-го Государственного центрального полигона, 929-го Государственного летно-испытательного центра МО РФ; Соглашение об условиях использования и аренды полигонов «Сары-Шаган», «Эмба» и др. [295].

Существуют серьезные проблемы и с ликвидацией шахтных пусковых установок после демонтажа и вывоза в Россию ракет с ядерными боеголовками. Есть график их уничтожения, взрывы фиксируются американскими спутниками. Цель мероприятия очевидна – свести до минимума любую возможность реанимации ядерных ракетных баз в Казахстане.

В целом, по мнению автора, реализация решений в области военного сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Казахстан осуществляется не всегда последовательно и не во всем соответствует достигнутым договоренностям, хотя в последнее время здесь заметны позитивные сдвиги, наметилась интеграционная тенденция. Последняя может стать жизнеспособной лишь при условии решения межгосударственных военных проблем на подлинно демократической основе, исходя из принципов уважения суверенитета и взаимной заинтересованности в развитии военных отношений и связей.

Анализ наиболее важных аспектов сотрудничества двух стран в различных областях свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования договорно-правовой основы российско-казахстанских отношений, разумной «стыковки» национальных законодательств. Как нам представляется, необходимо разрешить юридические противоречия в той их части, которая

касается общих систем жизнеобеспечения.

Реализации этих и других аналогичных задач могло бы способствовать активное участие России и Казахстана в деятельности Межпарламентской Ассамблеи СНГ (МПА), занимающейся, в частности, разработкой модульных правовых актов. Последние не являются нормативными, не имеют обязательной силы, однако могут служить для государств-участников Содружества определенной моделью создания ими собственного законодательства. МПА уже приняла модульные законы о согласованных принципах регулирования гражданства, едином таможенном деле, об экологической безопасности, об иностранных инвестициях и др.

В условиях нормализации межгосударственных связей и отношений существует настоятельная необходимость совершенствования парадипломатии, связанной с повышенной активностью приграничных областей, городов и районов, стремящихся сохранить связи с родственными этническими группами, проживающими в сопредельных странах. В Западной Европе указанный фактор имеет, например, немаловажное значение во внешних связях немецких земель, швейцарских кантонов и бельгийских общин. Такая проблема характерна для австрийских провинций, которые соседствуют с Италией и Югославией. Исключением не стали Казахстан и Россия, где проживают многочисленные русская и казахская диаспоры. Так встают важные задачи сохранения баланса интересов государства в целом и его этнических составляющих, обеспечение стабильности в обществе, нейтрализация сепаратистских тенденций.

Нельзя игнорировать тот факт, что стремление сохранять и развивать исторически сложившиеся связи в сопредельных Казахстану и России регионах имеет устойчивую тенденцию роста. Что касается содержания этих связей, то они носят не только экономический характер. Важное место занимают также вопросы взаимодействия в области образования, культуры, охраны окружающей среды [295].

Входят в практику регулярные встречи руководителей областных администраций пограничных областей, в частности, Омской, Кемеровской, Астраханской, Алтайского края Российской Федерации и Северо-Казахстанской, Павлодарской, Восточно-Казахстанской, Актыбинской, Западно-Казахстанской областей Республики Казахстан, на которых обсуждаются представляющие взаимный интерес проблемы: экспорт товаров, трансграничные поставки электроэнергии, передвижение грузов, деятельность таможенных служб и пр. Было бы политически неверным, тактически ошибочным, решением минимизировать такие контакты. Напротив, легитимизация различных форм приграничной деятельности, разработка эффективных мер приграничного сотрудничества, разумеется, в рамках конституционного законодательства Казахстана и России, могли бы способствовать сохранению стабильности в регионах, представляющих потенциальную опасность для возникновения конфликтов на сепаратистской основе.

Формирование внешней политики современных государств – это слож-

ный и многоступенчатый процесс, в котором на разных стадиях и в разной степени оказываются задействованными как официальные структуры, так и множество неправительственных организаций. В последние годы в России и в Казахстане активизировалась деятельность общественных институтов, созданных в целях содействия конструктивному сотрудничеству двух стран. Среди них фонд «Евразия», «Общество казахстанско-российской дружбы», «Ассоциация казахстанско-российского предпринимательства» и др. Всего таких объединений только в Казахстане, по некоторым данным, насчитывается более 150.

Идея гуманизации международного общения стала приобретать поистине императивный характер, с чем не могут не считаться правящие элиты. Взаимное ознакомление с культурными и нравственными ценностями друг друга, уважительное отношение к традициям и обычаям, гласность при проведении международной политики, строгое следование принципам уважения прав человека и гражданина способствуют на деле «очеловечиванию» межгосударственных отношений. Строго говоря, «гуманизация международных и межгосударственных отношений означает, что политика ведется ради людей; что интересы человека, его права и свободы выше интересов и прав государства; что не люди живут и трудятся ради государства, а напротив, государство должно существовать ради людей, быть их орудием, средством, а не самоцелью и самоценностью. Высший суверенитет – у народа ...» [296].

Качественные изменения в межгосударственном сотрудничестве обуславливают необходимость расширения информационно-культурного обмена, эффективного использования средств массовой коммуникации, что закреплено в качестве обязательства, в частности, в Соглашениях об образовании Содружества Независимых Государств, о международно-правовых гарантиях деятельности Международной телерадиокомпании «Мир», а также в двусторонних документах [297]. Очевидно при этом, что государства должны нести правовую ответственность за соответствие национальной деятельности в области распространения массовой информации общим принципам международного права и достигнутым межгосударственным соглашениям. Эффективность последних во многом зависит от характера действия институционализированного механизма подготовки совместных решений.

При всей противоречивости дискуссий о судьбе Содружества Независимых Государств почти консенсусным выглядит убеждение в целесообразности найти такую оптимальную форму взаимодействия постсоветских государств, которая могла бы гармонизировать их во многом противоречивые интересы, привести в состояние устойчивого равновесия центробежные и центростремительные тенденции.

В этой связи идея формирования Евразийского союза государств (ЕАС) объективно направлена на поддержание осевых соединительных компонентов в экономической, политической, гуманитарной, иных сферах сотрудничества новых независимых государств. Более того, как отмечает Г.Х. Шахназаров, «евразийская концепция в нынешней ее интерпретации разумно обере-

гает наши международные связи от перекоса в одну сторону, ориентирует их на все азимуты, в том числе – на весьма перспективные, и пока еще в ничтожной мере используемые возможности сотрудничества в Азиатско-тихоокеанском регионе» [26, с.290].

Следует согласиться с мнением, что в рамках СНГ по разным причинам, прежде всего экономическим, целесообразно развивать интеграцию «разных скоростей». При этом первоначально должно сформироваться ядро государств с более широким набором взаимных обязательств.

Для Казахстана страны СНГ были и остаются приоритетным направлением его внешней политики.

Вполне логично, что политика России в СНГ (а в Центральной Азии особенно) определяется в первую очередь актуальностью Содружества для

Амоя России, ее абсолютными интересами в сфере экономики, геополитики, безопасности. А с ведущими государствами Содружества, представляющими особый стратегический интерес, Россия идет на установление режима наибольшего благоприятствования, обеспечивая и себе, и своему партнеру особый и стабильный выигрыш. Если на западном направлении такими странами можно считать Беларусь, то на востоке евразийского пространства такой страной однозначно является Казахстан – ведущее государство Центральной Азии практически по всем основным показателям жизнеобеспечения. Это положение хорошо подтверждается даже несколькими цифрами: при населении всей Центральной Азии в 50 млн. человек в Казахстане проживает 15 млн., в том числе более 4 млн. русских. Находясь на 9-м месте в мире по занимаемой площади, по численности населения Казахстан находится на 50-м месте. А вот разведанные запасы нефти выводят республику на 13-е место в мире, при общих ее запасах в размере 23 млрд тонн. Совокупная же доля Казахстана в ВВП стран СНГ подходит к 4%. [26, с.295].

Заинтересованность России в сохранении и развитии СНГ можно объяснить и тем, что, несмотря на свою обширную территорию с огромными природными ресурсами и обладание мощным ракетно-ядерным потенциалом, РФ по ряду других качественных показателей является фактически региональной державой, и ее жизненно важные интересы в значительной степени связаны с государствами Содружества.

Вполне очевидно, что Центральная Азия (и, прежде всего, Казахстан) была и остается зоной особых стратегических интересов России. Следует помнить, что этот регион оказался после событий 11 сентября 2001 г. в США в фокусе особого внимания и «жизненно важных интересов» мировых и ведущих региональных держав, стал ареной соперничества внерегиональных сил. Это обусловлено геостратегической значимостью региона, его нефтегазовыми и другими минерально-сырьевыми ресурсами.

Центральная Азия, по оценкам ряда ведущих политологов, становится «хребтовой» частью качественно нового евразийского пространства. Возникает тогда вопрос, а станет ли Центральная Азия «сердцем» Евразии или останется только ее географическим центром?

На наш взгляд, Центральная Азия уже сегодня представляет собой сформировавшийся в новых геополитических условиях регион, общность которого базируется на исторических корнях, экономическом сотрудничестве, духовной близости наших народов. В подтверждение сказанного можно привести десятки, сотни примеров, роднящих и сближающих жизненные пути русского и казахского народов.

Достаточно вспомнить, что в сложнейшее время судьбоносного выбора пути, вставшим перед молодым независимым Казахстаном Президент Н.А. Назарбаев выбрал единственно верный и возможный путь – опору на Россию. И как показало время, он не ошибся в своем предвидении. Имея формально около 10 тыс. км границы только с Россией и Китаем, почти 3 тыс. км с республиками своего региона руководство Казахстана сумело сдержать эмоции, амбиции свои и соседних лидеров, не допустить практически ни одного конфликта на этой почве. И здесь главной опорой была Россия.

Провозглашение Президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым Евразийского Союза стало переломным моментом, как в истории нашей страны, так и особым стабилизирующим фактором во всей Центральной Азии. Современное евразийство не отвергает глобализацию, а говорит о том, что планету населяет множество народов с совершенно особым, отличным от других историческим и культурным опытом. Диалог их национальных культур, их сближение и размежевание требуют внимательного и тонкого подхода.

У каждого народа есть свои особенности и традиции, своя история. Только понимание друг друга ведет к интеграции и сближению народов как внутри государства, так и на всем Евразийском континенте. Современное евразийство по оценкам многих специалистов в этой области, готово к интеграции и даже глобализации, но постепенно, ступенчато. И стоит особо отметить, что Президент Казахстана впервые обозначил евразийство не как теоретический подход, но как вектор практической политики. Исходя из такого видения, что евразийство для Казахстана – это развитие эффективного, многостороннего сотрудничества и регионального партнерства с Россией, Центральноазиатскими республиками, со странами Востока и мусульманского мира, не исключая при этом ни Евросоюз, ни США, ни НАТО. Нельзя не отметить, что идея евразийства в таком ее виде была поддержана и Президентом России В.В. Путиным, а затем и Президентом Д.А. Медведевым. Единство взглядов президентов в таком вопросе – залог успеха современного евразийства и самой широкой интеграции по всем радиусам совместных действий.

Трудно отделить процесс строительства государства от личности его руководителя. Этому подтверждение – вся история человечества. Президент Казахстана Н.А. Назарбаев был и остается самым популярным, стабильным политиком в Центральной Азии, да, пожалуй, и во всем СНГ. Приверженность Назарбаева интеграции обеспечила ему как поддержку населения республики (доказательство тому результаты последних выборов в 2005 г. так и популярность за границей) [26, с.315].

Отношения Казахстана и России пережили значительную эволюцию за последние годы. От деклараций 1990-х годов обе державы перешли к стратегическому партнерству. Казахстан и Россия сумели решить пограничные проблемы, заключив межгосударственный договор в декабре 2004 года. Как уже отмечалось, вместе Казахстан с Россией образует ядро таких организаций, как Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) и Организация договора о коллективной безопасности. Оба государства выступают с близких позиций в вопросах функционирования Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

В новейшей истории казахстанско-российских отношений Казахстан сумел выйти на уровень равноправного партнерства с Россией. Достаточно напомнить, что в крупномасштабные проекты на Каспии Российская Федерация и Республика Казахстан вкладывают примерно равные капиталы (и это при очевидной разнице экономических потенциалов). Достойным ответом на российское экономическое присутствие в Казахстане стала успешная деятельность казахстанских банков в России.

Все эти годы казахстанско-российские отношения развивались устойчиво и динамично, последовательно решались важные вопросы в экономической, политической, гуманитарной и иных сферах. Что касается дальнейших отношений Казахстана с Россией, то Президент Н.А. Назарбаев прикладывает максимум усилий для дальнейшего углубления партнерства, так как понимает, что ни США, ни какая другая мировая держава не в состоянии обеспечить ту экономическую, политическую, военную поддержку и безопасность Казахстану, которую дает ему Россия.

На сегодняшний день вполне понятно, и руководство России, в лице Президента Д.А. Медведева, отдает свое предпочтение Казахстану на всем постсоветском пространстве. Яркое тому подтверждение – прошедшие девять официальных встреч президентов наших стран в 2009 г. и доведение взаимного товарооборота до самого высокого уровня за все предыдущие годы. Россия остается главным поставщиком товаров, машин и оборудования на казахстанский рынок. А многие российские компании являются основными торговыми партнерами Казахстана.

Отношения между странами и в обозримой перспективе будут определяющими для политической, экономической жизни и безопасности независимого Казахстана. Еще в ноябре 2000 г. В.В. Путин, являвшийся тогда Президентом РФ в одном из своих выступлений отметил: «Россия всегда ощущала себя евро-азиатской страной. Мы никогда не забывали о том, что основная часть российской территории находится в Азии. Правда, надо честно сказать, не всегда использовали это преимущество. Думаю, пришло время нам вместе со странами, входящими в Азиатско-Тихоокеанский регион, переходить от слов к делу – наращивать экономические, политические и другие связи. Все возможности для этого в сегодняшней России есть» [298].

Данная цитата Президента России в полной мере подходит ко всей Центральной Азии и, конечно, к интеграционным процессам, происходящим и в

России, и в Казахстане. В марте 2007 г. после состоявшихся переговоров В.В. Путин отметил: «Мы проанализировали выполнение достигнутых ранее соглашений, в частности, по вопросам транзита энергоресурсов, по продвижению инновационных проектов в ТЭК и созданию в этой сфере совместных предприятий». Н.А. Назарбаев уверенно заявил: «Сотрудничество двух соседей должно быть примером для остальных стран. А в отношениях наших стран ни в экономике, ни в политике, ни в военно-политических вопросах нет никаких серьезных проблем. Россия и Казахстан не являются конкурентами, а являются партнерами. Яркое тому подтверждение, что в 2006 г. через территорию России Астана транспортировала 43 млн т нефти и 24 млрд м³ газа» [298]. Являясь двумя основными центрами Евразийского экономического сообщества, Москва и Астана видят будущую экономическую интеграцию всего пространства СНГ в рамках ЕврАзЭС. В ходе встречи были затронуты и обсуждены международные проблемы.

Стратегический характер сотрудничества между Казахстаном и Россией во многом обусловлен общностью истории, культуры, традиций, менталитета, осознанием народами двух стран духовного родства и единства. По словам Президента РФ В. Путина, «мы не вправе забывать, что у нас за плечами несколько поколений казахстанцев и россиян, неразрывно связанных столетиями братства, общей жизнью, памятью и просто кровным родством, создавшим наше общее культурное и интеллектуальное богатство» [299].

Весьма симптоматично, что сегодня взаимное понимание лидеров двух ведущих государств возможностей евразийского пространства СНГ открывает новые горизонты двустороннего и регионального сотрудничества.

В своем интервью «Российской газете» Президента Казахстана Н.А. Назарбаев отметил: «С того момента, как распался Союз, и Казахстан, и Россия делают все, чтобы укрепить эти связи. Мы всегда открыты друг для друга. Таможенный союз – еще одно подтверждение наших добрых намерений. В 1998 году мы подписали Декларацию о вечной дружбе и союзничестве, ориентированном на XXI столетие.

С каждым годом количество совместных казахстанско-российских проектов увеличивается. Только за 6 месяцев 2010 года товарооборот между нашими странами составил почти 8 миллиардов долларов, это более чем на 40 процентов превышает показатель аналогичного периода прошлого года. Мы вместе осваиваем каспийские месторождения. С нашей земли, с Байконура, стартуют российские ракеты. И так везде, не перечислять все сферы нашего сотрудничества и взаимодействия» [300].

Республика Казахстан и Российская Федерация переживают в настоящий момент один из самых ответственных периодов в своем развитии, поскольку именно сейчас происходит их внутренняя трансформация, переход в новое качество. Указанные процессы вызывают острую потребность в научном анализе и обобщении новых явлений и обстоятельств утверждения на этой основе приоритетов как во взаимодействии между собой, так и с другими странами Содружества. Многовековой ход истории казахстанско-российских

отношений, в том числе в различные эпохи и в составе единого государства, стал в современный период основой зарождения и развития отношений равноправного партнерства Республики Казахстан и Российской Федерации.

4.4 Современные дискуссии вокруг евразийства

Как уже отмечалось в предыдущих разделах, в начале 1990-х годов всевозрастающий интерес к евразийству проявился в большом количестве материалов, знакомящих читателя с этими новыми для постсоветской действительности идеями и понятиями. Стали появляться многочисленные статьи по истории евразийства, рассматривались евразийские идеи, было проведено несколько дискуссий, напечатанных в центральных журналах. После первой волны публикаций, стали появляться работы, посвященные изучению отдельных сторон классического евразийства 1920-30-х годов. С середины 90-х годов XX века все активнее стали появляться материалы, содержащие различную интерпретацию евразийства с современных позиций. Одновременно с актуализацией евразийского наследия произошло активное обсуждение евразийских положений, завязывались жаркие дискуссии вокруг основных проблем современного понимания евразийского наследия.

Эти дискуссии, на наш взгляд, позволяют осветить восприятие обществом основных тенденций возрожденного евразийства, который в первую очередь связан с неоевразийством и евразийской инициативой казахстанского Президента Н.А. Назарбаева. Они представляют важный исторический материал, позволяющий осветить процесс осмысления идей, их критического восприятия в режиме оппонирования и нередко построения антиидей.

Дискуссии, проходившие в связи с проблематикой нашего диссертационного исследования в основном носят полемизирующий характер телевизионных дебатов, выступлений в прессе, на различных форумах в Интернете, а так же выражены в заявлениях политических и общественных деятелей.

Прежде чем обратиться к основным дискуссиям необходимо отметить, что современное научное осмысление евразийской традиции условно делится на несколько дискуссионных течений, в разной степени воспринимающих и понимающих эту традицию.

На территории СНГ неоевразийство наиболее значимо проявляется в Казахстане, где оно и положено в основу предложенного Президентом Н.А. Назарбаевым Евразийского Союза, а фрагментарно практически во всех других составляющих содружество странах. В отличие от казахстанских инициатив объединения в Евразийский союз постсоветского пространства, российские проекты подобного плана мало известны. В России политическое неоевразийство (существующее наряду с теоретическим, метафизическим, геополитическим, эмпирическим и др.) представлено, прежде всего, двумя федеральными партиями: Политической партией «Евразия» (лидер А.Г. Дугин) и Евразийской партией России (председатель политсовета – А.В. Ниязов), преобразованных из ранее существовавших: соответственно первая из Общерос-

сийского политического общественного движения «Евразия» и вторая из Общероссийского политического общественного движения «Рефах» («Благоденствие»).

Так, в современной России рассуждают о евразийской интеграции как инструменте восстановления утраченных позиций в постсоветском пространстве. Для Узбекистана и в большей степени Туркменистана темпы интеграционного движения носят ситуативный характер (особенно в период кризиса, чему яркий пример Кыргызстан). Поэтому в этих республиках исследование данной проблематики не получило такого размаха как в Российской Федерации и в Казахстане.

Первыми исследователями и критиками евразийства были их современники, представители русской послереволюционной эмиграции. Статьи, посвященные этому движению, носили позитивный, приветственный характер. Вскоре на евразийство обрушился поток критических публикаций. Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, А.А. Кизеветтер, П.Н. Милуков, Ф.А. Степун рассматривали его как систему антизападнических настроений, навеянных Первой мировой войной и революцией 1917 года. Они оценивали евразийство как разновидность русского утопизма [301]. Критика затрагивала практически все аспекты учения: политические, экономические, религиозные, культурологические. Евразийцев обвиняли в ненаучности, пассивном богоискательстве, в национал-большевизме и т.д.

Широкое распространение евразийские положения, как уже отмечалось в предыдущих разделах, получили в 1990-х годах на страницах журналов «Вопросы философии», «Философские науки», «Свободная мысль» и др. Сразу же развернулись острые дискуссии, в ходе которых давались различные противоположные оценки политических и идеологических основ евразийской концепции прошлого, настоящего и будущего России-Евразии.

Современный спектр сторонников евразийства достаточно представлен, включает различно ориентированные идеологические, интеллектуальные силы, стремящиеся как к сохранению и консервации классического наследия, так и к творческому развитию наследия, вплоть до выхолащивания сути построений первых евразийцев.

Среди основных идей, которые современные российские неоевразийцы пытаются адаптировать и развивать применительно к современным условиям, можно назвать следующие:

1. Самоидентификация России как особой цивилизационной общности, появившейся в результате многопланового этнополитического и культурно-исторического синтеза народов Востока и Запада, построенного на сочетании национальной самобытности в сочетании с евразийской идентичностью и этноконфессиональной толерантностью (Л.Н.Гумилев, Б.С.Лавров, И.С. Шишкин, И.Б.Орлова и др.)

2. Противопоставление американскому глобальному мировому порядку цивилизационного и геополитического полицентризма (многополярного мира), поддерживающего через систему стратегических альянсов экологиче-

ское, социокультурное и социально-политическое равновесие мира (А.С. Панарин, Б.С.Ерасов, А.Г.Дугин, К.С.Гаджиев, А -В. Ниязов). Россия в геополитическом плане противопоставляется всему миру.

3. Воссоздание в России и СНГ единого культурного, экономического и политического пространства, способствующего социальному и международному миру, равноправному сотрудничеству и интеграции евразийских народов (Э.А. Баграмов, А.Т.Горяев и др.).

4. Признание единственно перспективным для Евразии самостоятельное, неподражательное развитие, опирающееся на национально-культурные традиции, ценности и многовековой опыт взаимодействия евразийских народов, дополненное постиндустриальной технологической модернизацией и созданием нового центра геоэкономики в Евразии (И.Б. Орлова, Б.С. Ерасов, А.С.Панарин, А.Г. Дугин, В.Л.Цымбурский и др.).

Современное научное осмысление евразийской традиции мы условно поделили в предыдущем параграфе на несколько интеллектуальных течений, в разной степени воспринимающих и понимающих эту традицию.

Одной из первых реакций академических кругов на возрождение евразийских идей стали работы российского философа и политолога Александра Панарина [265]. Он рассматривает современное евразийство в рамках цивилизационного и геополитического дискурса, видя в нем «мощную цивилизационную идею», которую можно использовать для успешной модернизации страны. В противовес концепции конца истории Ф. Фукуямы, Панарин считает, что на сегодняшний день процесс формирования новых цивилизационных моделей продолжается [265]. Наряду с атлантической и, сформировавшейся в последние 30-40 лет, тихоокеанской цивилизационными моделями, он видит возможность появления еще одной модели – евразийской. Возможность эта зависит от того, насколько успешно будет проведена модернизация страны.

В зависимости от взглядов на пути развития и модернизации страны ученый делит современную элиту на несколько «субкультур» леволиберального или атлантического толка, а также на субкультуры «новых правых», к которым относит «евразийскую идею».

Атлантизм, как стратегия развития страны по западной модели, по мнению ученого, показала свою несостоятельность. Евразийство, как современная версия российского консерватизма, представляется ему наиболее перспективным направлением развития. Успешная модернизация России может быть позитивно осуществлена только с позиции уважения ее самоценности. Вводя понятие «самоценности», А.С. Панарин отмечает спорность и этноцентричность привычного понятия «самобытность» [302].

Понимая Россию как самостоятельную цивилизацию, А.С. Панарин пишет: «Россия – не этническое «государство русских», а особая цивилизация, обладающая своим суперэтническим потенциалом и соответствующим набором геополитических идей» [302, с.16] Поэтому модернизация страны, учитывая достижения Запада, должна основываться на собственной историче-

ской и культурной традиции. Задачу современного евразийства он видит в реабилитации самобытных культур Евразии и утверждении «специфической евразийской идентичности», сочетающей славянские и тюркские элементы [303].

В середине 1990-х годов Александр Панарин выделяет существование трех, конкурирующих между собой евразийских проектов, два из которых представляются ему утопичными – тюркский и тихоокеанский [265].

У тюркского проекта, связанного с объединением всего «туранского» элемента России под эгидой «великой Турции», А.С. Панарин отмечает геополитическую беспочвенность. Проект межконтинентального моста – связи Тихого и Атлантического океанов помимо России не заявлен в полную силу и отражает экспансионистские возможности тихоокеанского региона. Оба эти проекта основаны на отрицании самого факта существования российской цивилизации. Евразийский проект, который ученый поддерживает и развивает, основан на двух принципах: невозможности эмигрировать из Евразии, и единой исторической судьбы и перспективы народов Евразии. Ученый разрабатывает собственный евразийский проект как альтернативу атлантизму. Его цель «решение двух основных задач: восстановление целостности постсоветского пространства и восстановление духовного тонуса нации» [303, с. 45].

Евразийский проект видится А.Панарину вне формационных представлений о «третьем пути», вне почвеннического изоляционизма, и представляется как «бесконечное разнообразие путей, связанных с наложением цивилизационных универсалий современного мира» на сложившиеся культуры и цивилизации. По мнению философа, проект «должен» отвечать следующим требованиям: во-первых, содержать идею сильной верховной власти как защитницы слабых; во-вторых, обязательным компонентом должна выступать «героическая аскеза», поскольку «строить заново большое многонациональное государство в Евразии без массовой героической жертвенности невозможно» [303, с.46]. Предлагая собственный вариант евразийства, дистанцированный как от атлантизма, так и от большевизма, А.Панарин соединяет в современном евразийстве русскую идею с идеей Просвещения и рассматривает его в аспекте цивилизационной и геополитической специфики России.

Исторические истоки своеобразия российской цивилизации А.Панариным оцениваются с позиций евразийской исторической традиции. По его мнению, со времен церковного раскола, реформ Никона и Петра I были заложены противоречия в русской культуре и духовности. И если Никон для Панарина «олицетворяет борьбу великой и малой традиций, то Петр – борьбу большого государства с народностью как выражением естественно локализуемой общности» [303, с.50].

Насколько используемый А.С. Панариным термин «евразийский» включает в себе элементы евразийской традиции, рассматриваемой нами? Автор проекта отмечает «неудобство» использования термина «евразийский», поскольку считает его скомпрометированным большевистским соблазном евразийцев 1920-х годов и современными российскими ультраправыми. Однако

альтернативы этому термину ученый не видит, поскольку только он отражает специфику российской цивилизации. [303, с.51].

Главная идея проекта А. Панарина – интеграция народов Евразии на основе общности исторической и географической судьбы. Содержит он и такие утверждения и идеи как «цивилизационная неделимость евразийского пространства», «евразийский федерализм», «евразийская конституция», «проблема славянотюркского синтеза». Все они, несомненно, продолжают линию евразийской традиции.

Современная реальность накладывает свой отпечаток на применение евразийской традиции в работах А. Панарина. Например, суть модернизации в Евразии для него не в уподоблении Западу, а в установлении плодотворного диалога великих цивилизационных традиций: православной, мусульманской, иудаистской; в поиске универсалий евразийской цивилизации, которые объединяют народы континента. «Цивилизованное евразийство», творчески интерпретируя духовное наследие и современность, может дать, по мнению А.С. Панарина, евразийской цивилизационной модели способность «эффективного ответа на все три формы современного вызова» – со стороны Запада, мусульманского Востока и Тихоокеанского региона.

Как большинство глобальных построений, предлагающих решение российских проблем на цивилизационном уровне, «евразийский проект» А.Панарина кажется несколько умозрительным. В ситуации растущего влияния глобализма, интересы ученого в конце 90-х годов XX века с разработки «евразийского проекта» трансформируются в область изучения этого явления современной жизни, как необходимой задачи сохранения духовного наследия и защиты прав народов региона, противостоящего глобализации.

В последних работах автора наблюдается смена семантики его исследований. Например, выражение «евразийская цивилизация» у А. Панарина заменяются «русской цивилизацией» или «православной цивилизацией», что привносит иные акценты в его работы. [303, с.52]. Термин «Евразия» употребляется больше в геополитическом значении для обозначения этногеографической специфики страны. Автор считает, что «загадочным артефактом, скрепляющим разнородное евразийское пространство, является сама Россия. Пока существует Россия, существует и Евразия, хотя, по всем законам истории и географии ее быть не должно». [448] А высказывания о «евразийском проекте» заменяют размышления о «православном альтернативном проекте» [302, с. 64].

Большой потенциал и перспективы видит в современных евразийских культурно-идеологических построениях Б.С. Ерасов [304]. Многие статьи ученого, несколько выпусков научного альманаха «Цивилизации и культуры», главным редактором, которого был Борис Ерасов, посвящены осмыслению цивилизационного статуса России как особой евразийской общности. Современное евразийство представляется ученому развитием новой парадигмы в мировой общественной мысли, основанной на принципах самобытности и плюрализма взаимодействия цивилизаций, и противостоящей глоба-

лизму.

Перспективность и содержание современного евразийства как одного из направлений цивилизационного самоутверждения, видится Б.Ерасову в признании им «существования евразийской цивилизации, как способа взаимодействия различных этнонациональных и конфессиональных сообществ в рамках особого континентального пространства» [304, с.74]. Подтверждение евразийской установки в восприятии российской цивилизации ученый видит в истории страны. По его мнению, Россия является евразийской территорией, где проживают разные народы, изначально принадлежащие к разным цивилизациям, но имеющие общую историческую судьбу и географическое проживание, что и определяет противоречивость ее цивилизационной идентичности, которую наиболее удобно определить как евразийскую.

Статьи Б.Ерасова в журналах и других изданиях показывают логику исследования цивилизационных отношений России и Востока, которая приводит автора к «принятию евразийской постановки вопросов». Б. Ерасов отвергает критические замечания оппонентов современного евразийства, а именно, обвинения в имперских настроениях, в выпячивании азиатского элемента и его влияния на русскую государственность и культуру, в неприятии Европы и искажении исторических фактов. Он подчеркивает, что большинство критиков настроены в «атлантическом» или западническом ключе. Различия между «старым и новым евразийством» Б. Ерасов видит в том, что в условиях распада российской державы, в нем возникают «альтернативные варианты цивилизационного устройства Евразии, от российско-дальневосточного до чисто тюркского или китайского» [304, с.75] Эти альтернативы представляются в высшей степени негативными. Другие авторы научного альманаха «Цивилизации и культуры» во многом солидарны с Б. Ерасовым в восприятии евразийского мировоззрения.

Среди авторов, труды которых вызывают споры необходимо отметить интересные работы философа, директора Научного центра евразийских исследований РАЕН Г.А. Югай [67]. В научном докладе, посвященном осмыслению философских истоков «новоевразийства» как поиска «среднего пути» для России, ученый дает высокую оценку философии классического евразийства, прежде всего, в трудах Л.П. Карсавина, которые позволяют обсуждать проблему создания синтетической философии. Рассматривая историю формирования евразийства и его историософию, Г.Югай приходит к следующим выводам. Она считает, что необходимо «использовать и наполнить новым содержанием термин «евразийство», потому что другого более удачного термина для выражения такого синтеза двух цивилизаций пока придумать трудно. Словом, речь идет о «новом евразийстве». Но ряд идей старых евразийцев необходимо воспринять» [67, с. 29]. Называя свой подход «евразийским», а концепцию российской цивилизации «новоевразийской», Г.Югай обращается не только к творчеству классического евразийства 1920-30-х годов, но и к разработкам Л.Н. Гумилева (изучение российского суперэтнуса и его культуры как системы).

В «новоевразийстве» исследователь видит новую парадигму развития России, которая может снять крайности западничества и славянофильства, гармонизировать межнациональные взаимоотношения, западное и восточное направления в нынешней России. Г.Югай видит в евразийстве средство и способ самопознания и самоутверждения русской культуры в силу ее «двуединой природы» [67, с.31].

В современных российских геополитических исследованиях, которые активно вызывают научные дискуссии, также активно используются евразийские идеи. Особенно заметна эта тенденция в работах М.В. Ильина, В.Л. Цымбурского, А. Дугина.

В исследовании М.В. Ильина подчеркивается «островной» характер геополитического устройства современной России, особенно выраженный на «пространствах Севера и Востока, где невелика плотность населения и где нередко восточнославянское по происхождению население живет попеременно с автохтонными народностями» [305]. Приводимая им примерная схема внутреннего геополитического членения России наглядно показывает всю абсурдность разговоров об отделении русских от других этносов. Выводы, к которым приходит исследователь, заключаются и в том, что российское государство изначально формировалось как полиэтническое, на межконфессиональных и межцивилизационных началах. И в этой специфике скорее видится огромный потенциал страны, а не ущемление интересов русских и России. Перекосы в национальной политике советского государства, да и царского времени не должны мешать объективному анализу национальной специфики России. По мнению исследователя, это лишь указывает, что свой евразийский потенциал Россия до сегодняшнего дня, к сожалению, плохо осознает и не умеет правильно использовать.

В работах В.Л. Цымбурского анализируется евразийская традиция в реалиях геополитики, дается новое ее видение в неоевразийстве [306]. Видя перспективы развития современной геополитики в соотношении ее с цивилизационными принципами, В. Цымбурский в начале 1990-х годов разрабатывает «островную» концепцию России, и анализирует вытекающую из нее геостратегию «похищения Европы» [307]. В российской истории эта стратегия проявляется в повторяющихся в определенном порядке событийных циклах. За последние три века Россия, по наблюдениям В.Цымбурского, проходила три таких цикла, каждый из которых состоит из пяти фаз, «где четыре непосредственно образуют «европохитительский» сюжет, а пятая - «закат», или «осень» цикла имеет характер евразийской интермедии» [307, с.77]. В периоды «евразийских интермедий» в России процветают доктрины обустройства автономного «российского мира», неконтролируемого Западом, и такой период переживается Россией в 1990-х годах.

С середины 1990-х годов В.Цымбурский разрабатывает понятие «лимитрофа» – промежуточного пространства между империями и цивилизациями, территория по окраинам империи, часто имеющая двойственный, размытый статус. Именно лимитроф-гигант, рассекая Евро-Азию, вычленяет Россию и

придает ей черты своеобразного острова внутри континента. Подлинным олицетворением Евразии «мира междумирий», является не столько сама Россия, а в большей мере цепь подвластных, а также и неподвластных ей земель лимитрофа. В.Цымбурский считает, что «России пора осмыслить пестроту отслоившегося лимитрофа-Евразии как Свое Иное – историческое и географическое» [307, с.78].

Ученый критично относится к геополитическому наследию классического евразийства и его представлениям о Российской империи как преемницы державы Чингисхана. Он считает, что на первое место должны выходить не «инвариантность пространства», к которому обращаются евразийцы, а различия в положении центров и способов объединения этого пространства. Отличия Московской Руси от Орды «неизмеримо нагляднее того «преемства», которое пытались заложить в свой проект евразийцы», – заключает В. Цымбурский [308].

В одной из своих работ В.Цымбурский обращается к разному пониманию смысла термина «Евразия» в западной и российской практике [308, с.65]. В. Цымбурский отмечает, что «на Западе «Евро-Азия», или «Евразия», – понимается как наименование континента в целом и «евразийская» геополитика К.Хаусхофера исходит именно из этого представления. «В русской же традиции, сперва сложившейся в эмиграции, потом усилиями Л. Гумилева натурализованной на советской почве термин «Евразия» утвердился как синоним «большой России» в ее противопоставленности главным образом, романо-германской Европе, и ослаблен, также и южными платформами Азии» [309.] В.Цымбурский подчеркивает, что в русском понимании «Евразия» – внутренние территории континента, где совершался симбиоз русских с иными народами (прежде всего, алтайцами, тюрко-монголами).

Наиболее острые дискуссии складывались вокруг идеологии евразийства А.Г. Дугина. В работах начала 1990-х годов геополитика и публициста А.Г. Дугина евразийская традиция претерпела самые серьезные изменения, притом настолько значительные, что многие исследователи отказывают ему в праве называться неоевразийцем [233, 234, 235]. Основное выражение эти идеи получают через журнал «Элементы», главным редактором которого является А.Г. Дугин. Предпринимаемый синтез евразийства с концепцией Ж. Тириара «Европа от Дублина до Владивостока» и идеями барона Унгерна о создании Евразии до Урала под эгидой династии Цинь, а также привлечение идей «новых правых» Франции и Германии, приводят А.Дугина к созданию довольно эклектической конструкции. Имея общее название «евразийские», они вмещают в себя две традиции, различные по ключевым подходам и сути.

На наш взгляд, дугинское неоевразийство нужно отнести скорее к политическому его варианту, нежели академическому. Исключение составляют его работы в области геополитики. В книге «Основы геополитики» А.Дугин делает не только качественный обзор современных геополитических теорий концепций Запада, но и дает свое видение евразийской геополитики России [235].

Более критичное отношение к наследию евразийцев и возможностям ее современной интерпретации находим у А.А. Кара-Мурзы. Размышляя о «кризисе идентичности» в современной России, ученый анализирует ее историю как «дурной синтез» Востока и Запада [310]. А.Кара-Мурза задается вопросом: «Не является ли Россия «пространством повышенного исторического риска», где происходит не позитивный, а «дурной синтез» Востока и Запада?» [311]. Элементы этого «дурного синтеза», по мнению ученого, рассматривались многими мыслителями XIX-XX вв. от А.И. Герцена до Г.П. Федотова и Ф.А. Степуна. У современных российских авторов присутствие таких идей отмечается у А.С. Ахиезера, А.С. Панарина, Е.Б. Рашковского и др.

В противовес представлениям о России как Евразии, А. Кара-Мурза размышляет над другими аспектами происходящего в российской цивилизации синтеза, а феномен российской «Азиопы» объясняет как дурной синтез цивилизаций, который периодически ведет к «варваризации» России и опасностям социальной деградации.

Классической моделью российского кризиса идентичности, по мнению А.Кара-Мурзы, является ситуация «между двумя варварствами» («русская азиатчина позади» и «псевдоевропеизм впереди»). Вывод ученого следующий. Он считает, что цивилизационные и геополитические задачи России тесно переплетаются в истории, но позиции, с которых они должны выполняться, различны. Свои цивилизационные функции в Евразии Россия способна успешно выполнить только с позиций ее европейской культурной просвещенности. Лишенная этого, Россия становится ненужной на собственном Востоке. Для Европы Россия значима, наоборот своим геополитическим евроазиатским потенциалом. Поэтому А. Кара-Мурза считает, что «экспансия геополитической доктрины «евразийства» в сфере культуры ведет не только к выхолащиванию европейского цивилизационного потенциала России, но и к введению жестко-авторитарных («чингисхановских») методов управления». Во многом негативная оценка неоевразийства, на наш взгляд, исходит из либерально-демократических установок автора, который является одним из лидеров партии СПС.

В культурно-историческом и этнологическом аспектах евразийские идеи также получили серьезное выражение и исследование в трудах многих современных историков, этнологов и культурологов. Можно отметить работы В.В. Кожина, М. Титаренко, И.Орловой, Т.Очировой, В.Пашенко, Н.Б. Нарбаева. Рассмотрим, как евразийская традиция используется в творчестве этих авторов.

Евразийские идеи были восприняты и творчески переработаны историком и литературоведом Кожинным Вадимом Валериановичем (1930-2001 гг.). Работы ученого содержат во многом новый взгляд на историческую судьбу России, рассматривают многие ее загадочные и драматичные периоды. Культура России воспринимается как порождение ее истории и является одной из центральных тем его книг [312].

Определяя свои позиции в восприятии России как уникальной цивилиза-

ции и культуры, В.В. Кожин подчеркивает ее евразийский характер. Взаимоотношения Руси с Хазарским каганатом, половцами показывают, по мнению Вадима Кожина, «насколько рано и прочно была связана Русь с Азией». Монголо-татарское иго в истории России оценивается им фактически с позиций евразийской исторической традиции. Правда, историк, обращаясь к творчеству, например, Г.В. Вернадского оговаривается, что «речь идет здесь не об его идеях, а об освоенных им исторических фактах» [312, с.171]. Тем не менее, выводы, историка очень близки евразийцам. Например, он пишет, что в XV-XVI веках Русь не столько воевала с Монгольской империей, сколько наблюдался «именно переход власти в руки Москвы», о чем свидетельствует и высокое положение в русском государстве бывших властителей присоединенных частей Монгольской империи. Именно восприятие монгольского наследия окончательно сделало Россию евразийской державой. Размышляя о месте России в мире, историк видит в ее евразийском единстве общечеловеческую или «вселенскую ценность, которая...еще сыграет свою благотворную роль в судьбах мира» [312, с.172].

Отношение ученого к евразийству как историософскому течению отразилось в одной из его статей [313]. Он видит в нем не только реакцию на трагические события русской истории, но и прямое продолжение, и развитие наиболее существенных и плодотворных традиций русской историософии в целом. Одно из несомненных достоинств этого движения, по мнению Вадима Кожина, – возвращение к заветам А. С. Пушкина, предостерегавшего от «подражания» русских историков западным коллегам.

Историк отмечает бережное отношение евразийцев к культуре и духовности своей страны. Итогом размышлений ученого о творчестве евразийцев стало утверждение, что «даже если евразийская идея станет только отражением прошлого, она все равно глубоко раскрывает причины тысячелетнего бытия России и безмерного богатства и величия этого бытия». [313, с.6] После выхода в свет его трудов сомнению подверглись сделанные им выводы другими исследователями. Однако многие продолжили его идеи в самостоятельных трудах.

Так свое видение неоевразийства предлагает востоковед М.Титаренко [314]. По мнению ученого, «новое евразийство» может стать «идеологией консолидации, возрождения и развития России» [314, с.50].

Отмечая «евразийскую гуманистическую природу русской нации», основанную на диалогичности, соборности и сочувствии, – М.Титаренко пишет, – что только благодаря России многие «малые» народы смогли сохранить свою самобытность. Более того, ученый подчеркивает, что «ни одна народность, малая или большая, которая вошла в состав Российской империи после татаро-монгольского нашествия, не исчезла с лица Земли, не утратила своей этнической самобытности» [314, с.52]. Евразийство, по мнению ученого, может стать не только «новой парадигмой возрождения России», но и основой новых межцивилизационных отношений, обеспечивающей сохранение этнического цивилизационного многообразия.

М.Титаренко анализирует азийские аспекты евразийства. В оценке монголо-татарского ига в истории России, ученый разделяет взгляды Л.Гумилева и В.Кожина. Он считает, что, несмотря на бесчисленные беды и страдания, принесенные монголо-татарским игом, в то же время оно «закалило, сплотило и воспитало русский суперэтнос, ускорило процесс роста его самосознания, стимулировало его пассионарность».

Аналогии принципам евразийства М.Титаренко находит в китайской и японской цивилизациях. В Китае – это выработанная в течении тысячелетий концепция «переваривания», «китаизации чужеродных культур», «китаизации западного». В Японии взгляды ведущих экономистов и политологов, по мнению М.Титаренко, также перекликаются с позициями классического евразийства. Ученый делает вывод, что в сфере межкультурных отношений евразийство роднит с японской и китайской культурами признание равноправия и диалогичности межкультурных контактов, необходимость сохранения многообразия культур, открытость творческому заимствованию на основе адаптации и «переваривания».

В монографии И.Б. Орловой «Евразийская цивилизация» Россия рассматривается как особая географическая, культурно-историческая общность, как ядро евразийской цивилизации [68]. «Новая современная евразийская идея» по мнению И.Орловой может стать ответом, России на тот исторический вызов, который она переживает в конце XX века, а также поможет решить социальные проблемы страны. Суть современного евразийства формулируется в следующих пунктах:

- благо совокупности народов, населяющих евразийский мир;
- самобытное неподражательное развитие;
- модернизация без вестернизации. [68, с.41].

По мнению И.Орловой, элементами предлагаемого современного евразийского проекта должны стать приоритет континентального или евразийского целого перед отдельной этно-психической общностью, терпимость к иным культурам, самобытная «логика» исторического развития России-Евразии, сохраняющая традиции совместного многонационального строительства. И.Орлова высказывает большую симпатию к евразийской концепции и веру в ее благотворное действие, ее новое творческое переосмысление в современных условиях.

Необходимо отметить и работы В.Я. Пашенко, посвятившего несколько статей и монографию изучению идеологии классического евразийства и сопоставлению ее с коммунизмом и большевизмом [267]. Автор отмечает, что евразийцы первыми разделили понятия «коммунизм» и «большевизм». Считая коммунизм порождением романо-германской культуры и не приемлемым для России-Евразии, в большевизме евразийцы видели «скорее русское явление, по сути, хотя прикрытое западной терминологией» [315]. По мнению В.Пашенко, позиции евразийства и большевизма сближает их отношение к идеологии: и те и другие настаивают на моноидеологии и вытекающей отсюда однопартийной системе. Главной отличие их в сути предлагаемой для уст-

ройства России идеологии. Евразийцы разрабатывали для России-Евразии национально-патриотическую, православную идеологию, носителем которой должна была быть евразийская партия. Ученый отмечает возрождение интереса к евразийской концепции и считает, вслед за Л.Н. Гумилевым, что России суждено возродиться только через евразийство.

Т.Очирова использует евразийскую терминологию и концепцию для рассмотрения культурологических и геополитических особенностей развития России в период Московского царства [316]. Особенно интересны работы, где концепция евразийского всеединства используется автором при исследовании проблемы «продвижения русских на Восток» и присоединения Сибири. На основании изучения приказной документации XVI-XVII вв. и других источников, Т.Очирова подчеркивает, что «присоединение Сибири лишено элемента какой бы то ни было стихийности и носит характер хорошо организованной, целенаправленной и продуманной политики правительственной государственной программы» [316, с.54]. Таким образом, Московское государство обрело свою евразийскую территориально-государственную плоть и утвердилось на просторах Евразии. Пространственная открытость на Восток, допускавшая наличие «размытых» пограничных зон со смешанной культурой, формировала особую евразийскую культурную модель. Для подтверждения своих выводов автор обращается к евразийским работам Г.В. Вернадского. Продолжая евразийскую традицию, автор считает, что произошедший в петровскую эпоху идейный перелом и последовательная европеизация России в императорский период ее истории привели к деформации прежнего культурного мышления и помутнению национального самосознания. В результате «духовные основы российской евразийской ойкумены были подорваны», что привело в 1917 г. к кризису и распаду России как единого государства.

В работе историка Н.Б. Нарбаева «Россия и Евразия: проблемы государственности» рассматривается теория государственности евразийцев, и на ее основе анализируется деятельность высших государственных институтов России второй половины XIX - начала XX вв. [317]. Изучение процесса формирования российско-евразийской государственности приводит ученого к выводу о необходимости творческого использования евразийских разработок в этой области.

В современных геополитических трактовках дастся новое видение евразийской традиции. Разрабатывается «островная» концепция геополитического устройства России, которая, по мнению М.Ильина, подчеркивает огромный евразийский потенциал страны (как полиэтнического, межконфессионального и межцивилизационного образования). В.Цымбурский отмечает цикличность геополитического развития в истории России и связанную с ней периодичность обращения к евразийской парадигме устройства страны. Несмотря на критичное отношение к геополитическому наследию классического евразийства, в понятие «Евразия» вкладывается примерно то же содержание («большая» Россия, где происходит симбиоз русских и других народов

внутреннего континента).

Для ученых, занимающихся культурно-историческим осмыслением евразийской идеи, характерен научный, взвешенный подход к проблеме. Делаются попытки ее плодотворного развития в области истории, культурологии. Большинство авторов дает положительную оценку основных евразийских идей и их значения для будущего устройства и развития народов Евразии. Исключение составляют либерально настроенные ученые, которые видят в евразийской традиции угрозу осуществления модернизации страны.

Российское неоевразийство, естественно, подвергается критике как «извне», так «изнутри». Как правило, оппонентами выступают идеологи националистически настроенных слоев населения. Так, например, в Татарстане в трудах Р.Хакимова, Д.Исхакова, Р.Сафина, Ф.Уразаева и др. подвергается критике основополагающий тезис о самом существовании евразийской цивилизации. По мнению татарских авторов, в качестве самостоятельных можно рассматривать лишь отдельные русско-православную и тюрко - мусульманскую цивилизации, а то, что выдается за евразийскую – есть на самом деле только государство, территория, «удерживающие народы вместе» (Р. Хакимов). При таком подходе следуют соответствующие геополитические рекомендации этих идеологов: самостоятельность Татарии в налаживании отношений, с одной стороны, с Европой, которая им ближе и которая дает прямой выход на современную цивилизацию и прогресс, а с другой стороны – обращение к Турции как некоему центру тюркской цивилизации и гаранту обеспечения прав тюркского населения в России [318].

Другим вариантом антиевразийства считают течение, возникающее по оси Крым – Северный Кавказ, которое определяет общетюркскую солидарность как условие последовательной реабилитации после репрессий тоталитарного режима и, соответственно, ориентировано на геополитические связи с Турцией и Азербайджаном [319].

Кроме того, в российской палитре политической мысли между евразийством и антиевразийством существует множество позиций со специфическими нюансами. Среди них вариант, отстаивающий доминирование туранского, элемента как носителя и гаранта евразийского единства в современных условиях. Так, например, башкирский исследователь И.Э. Кузеев, признавая интерпретацию классического евразийства истории Евразии как тесного взаимодействия тюрков и славян при циклически сменяющемся доминировании каждого из них (в давности – преобладание булгар, хазар, затем тюркомонголов, в московском царстве – славян), считает, что в настоящее время «России, переживающей глубокий системный кризис, достаточно сложно претендовать на роль инициатора евразийских интеграционных процессов» [320]. Он передает ведущую роль в «регионах» Евразии-Турции, то есть пересматривает саму классическую парадигму Евразии как срединного, внутреннего континентального положения евро-азиатского пространства.

Внероссийское евразийство на пространстве Евразии в современных рамках СНГ выступает как тот или иной инвариант неоевразийства, но при

этом критериями идентификации различных национально и этнически окрашенных концепций выступают следующие общие идейные послылки:

– неприятие сугубо европейского (или сугубо азиатского) пути развития для своей страны;

– отстаивание самостоятельности и самобытности евразийской цивилизации;

– признание значимости геополитического места и роли Евразии-СНГ.

Наиболее ярким представителем неоевразийства в странах СНГ является Казахстан в лице его Президента Н.А. Назарбаева. Президент Н.А. Назарбаев сформулировал евразийскую идею роли Казахстана в своем историческом выступлении в «Чатем Хаусе» в Лондоне 22 марта 1994 г.: «Расположенный в сердце евро-азиатского материка, гранича на севере с Россией и на юго-востоке с Китаем, Казахстан, волею судьбы заняв это срединное положение, не может не быть призванным осуществлять многополюсную внешнеполитическую ориентацию. Феномен нашей республики заключается и в том, что мы являемся одновременно членами и европейских, и азиатских региональных международных организаций и финансовых организаций. Несомненно, мы понимаем суть своего геополитического положения и, более того, готовы к тому, чтобы стать центром по укреплению безопасности на азиатском континенте» [37, с.28.]. В этом же выступлении содержится и соответствующая аргументация «евразийского» толка, призванная обосновать геополитическую миссию страны в качестве моста между Европой и Азией: «Казахстан – уникальное государство в Азии, в котором переплетаются европейские и азиатские корни... Сочетание разных культур и традиций позволяет нам впитывать лучшие достижения европейской и азиатской культур...» [37, с.29].

Как уже известно, чуть позже, 3 июня 1994 г. эта идея трансформировалась в известный проект Евразийского союза (ЕАС), активным идеологом и инициатором которого выступил Президент Казахстана. Основной стержень этого проекта – реинтеграция (политическая, научно-культурная, гуманитарная, но главным образом – экономическая), на территории бывшего Советского Союза.

Это сразу же вызвало оживленную дискуссию не только в политических кругах, но и в общественно-интеллектуальной среде на всем пространстве СНГ. На наш взгляд, не имеет смысла перечислять все критические замечания и обвинения в адрес проекта ЕАС. Их можно разделить на болезненное восприятие роли лидерства Казахстан в евразийской интеграции, а также обвинения в якобы суживании евразийства до рамок экономических интересов. В частности, в периодических изданиях того времени писалось: «Несмотря на прописанные в проекте ЕАС принцип равноправия и общность интересов стран СНГ, нетрудно отметить при этом претензию Казахстана на лидерство в этом новом образовании» [321]. Не найдя веских доводов в опровержении обоснования лидерства Казахстана в евразийской интеграции далее указывалось: «Претензии на геополитическое лидерство Казахстана восходят к первым же внешнеполитическим шагам, предпринятым после получения суве-

ренитета, когда были заметно расширены межправительственные и деловые контакты, как с европейскими, так и азиатскими странами: США, Францией, Германией, Великобританией, Австрией, Японией, Сингапуром, Италией, Турцией, Кореей, Китаем. При этом четко фиксировалась цель этих контактов, выраженная самим Н.А. Назарбаевым: учитывая природные богатства Казахстана и его твердый курс на реформы, можно предположить, что республика при активной помощи передовых стран могла бы стать важным оплотом демократии и рыночной экономики в самом центре евразийского материка» [321].

Болезненным восприятием можно назвать и реакцию некоторых авторов следующих строк: «С годами евразийская идея Н.А. Назарбаева трансформировалась в символический образ «Центральноазиатского Барса», каковым должен стать Казахстан (по аналогии с Азиатскими тиграми) в 20 – 30-е гг. XXI века. Этот «Казахстанский Барс», обещал Н. Назарбаев в своем послании народу Казахстана 10 октября 1997 г., будет обладать и западной элгантностью, помноженной на передовой уровень развития, и восточной мудростью и выносливостью. Не обходит стороной Президент Казахстана таких высокопарных слов, как «миссия Казахстана», или упование на неповторимость и уникальность прогнозируемого пути своей страны: «Наша модель не будет похожа ни на чью другую». И все это для того, чтобы еще раз продекларировать себя в качестве моста на геополитическом евразийском пространстве: «Казахстан, являясь центром Евразии, будет играть роль экономического и культурного связующего звена между тремя быстро растущими регионами – Китаем, Россией и Мусульманским миром» [322].

Дискуссии вокруг вопроса отхода казахстанского евразийства от главной заповеди евразийства – самостоятельности Евразии и его экономических приоритетов на тот момент не стихали. «Евразийский экономический союз Н.А. Назарбаева – это не что иное, как поиск наиболее экономически эффективного вхождения в глобальную мировую систему общечеловеческих отношений, гарантия от «растворения» в глобализме, которая далека от ценностей евразийства», – писалось в одной из статей [322].

Дискуссии, связанные с евразийской тематикой зачастую имеют форму диалогов, возникающих между отдельными представителями общественных движений. В этом плане можно сослаться в качестве примера на возникновение и деятельность такой общественной организации, как Платформа «Диалог Евразия». Учредителями ее в 1998 г. выступили 46 представителей интеллигентских кругов (ученых, журналистов, писателей и т.д.) из 20 стран Евразийского пространства. Данной Платформой учреждена Ассоциация писателей и журналистов Евразии, регулярно издается журнал «Диалог Евразия».

В программном документе Платформы отмечается: «Центральная часть Евразии играет и продолжает играть важную роль в формировании мировой истории, а также является колыбелью многих цивилизаций и культур. После разрушения блоков противостояния, роль Евразийского региона в формиро-

вании мира будущего и его влияние на процессы в этом мире с каждым годом будут расти» [323].

Вместе с тем, само появление данной общественной организации и ее нацеленность на практическую повседневную работу настойчиво подчеркивают сложность и проблемность нынешнего существования Евразии. В ходе своей деятельности эта организация неоднократно выступает с дискуссионными выступлениями на радио и телевидении, призывая расширить число участников широкого обсуждения проблем историко-культурного развития Евразии. Платформа провела за эти годы несколько международных конференций, посвященных проблемам Евразии, например, «Молодежь в Евразии», «СМИ в Евразии», «Глобализация и Евразия», «Миграция в Евразии», «Проблемы терроризма» и т.д.

Не всегда бывают едины во мнениях и сами участники этого общественного объединения. Наиболее ярко это проявляется при определении страны - лидера евразийского единства. Для председателя Фонда писателей и журналистов (последний является коллективным участником Платформы) Харуна Токая и его сограждан – это Турция, а для члена Союза писателей Казахстана Нурлана Оразалина «золотой мост Евразии – это Казахстан» и т.д. Но все участники Платформы согласны с ее целью: «Внести вклад в установление диалога между жителями Евразии, содействовать их взаимопониманию и мирному существованию» [323].

В таком же ключе проходили дискуссии в казахстанском дискуссионном клубе «Политон» имени Н.Масанова, который, еще при жизни принимал активное участие в обсуждении актуальных проблем новейшей истории Казахстана и стран Содружества. Одной из наиболее ярких, проведенных в клубе, стала дискуссия на тему «Современное переосмысление евразийства в России и Казахстане», состоявшаяся в марте 2005 года. В ней приняли участие представители казахстанской прессы, политической партии НП ДВК и другие. Приняла в нем участие и известный французский политолог М. Ларюэль. Основная полемика развернулась вокруг вопроса определения природы казахстанского евразийства. Его пытались объяснить как обоснование авторитаризма, как прикрытие политического патернализма. Звучали и мысли о том, что евразийство казахстанского формата все же утилитарнее российского академического евразийства и имеет значительные перспективы в будущем. В целом, позитивно оценивая неоевразийство в Казахстане, М. Ларюэль заключила: «В том виде, в котором оно формируется в Казахстане, евразийство отличается от других его вариантов, прежде всего, по форме. Многочисленные заимствования из советского языка типичных для советской эпохи терминов: синкретизм, сибиоз, многокультурность, многонациональность, поликонфессиональность, единство в многообразии делают его наименее проработанным в философском и культурном плане» [324]. Далее противопоставляя казахстанское евразийство российскому она говорит: «Чтобы имидж Казахстана не оказался слишком «тюркским» или «мусульманским», приходится разыгрывать карту национального многообразия, напоминать об

аккультурации титульного казахского населения в ходе его соприкосновения с русским миром» [324].

Подобные высказывания не являются оригинальными и новыми в подобного рода критических замечаниях в адрес евразийской идеи казахстанского направления. Дискуссиям, прошедшим за годы провозглашения идеи евразийства Президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым нередко были характерны слабое знание постановки проблемы, политическая и национальная ангажированность, мистификаторские подходы в определении цели евразийской интеграции, узость мышления. Стремление клеймить и вешать ярлыки так же встречались в различного рода пасквилях и разглагольствований псевдозащитников ценностей евразийского наследия. Однако результаты практической реализации идеи евразийства Н.А. Назарбаева в самых различных проявлениях от экономических до гуманитарных отметили все несущественные обвинения в свой адрес.

Достигнутые успехи в области евразийской интеграции позволяют в новейший исторический период утверждать, что идея евразийства по праву является продолжением мощных евразийских традиций, о которых писали теоретики классического евразийства.

По нашему мнению дискуссии, которые проходили и будут еще возникать вокруг темы евразийства представляют большой интерес в плане эволюции процесса адаптации данной идеи к существующим реалиям. Они позволяют судить так же о том, как прочно вошли в современный политико-экономический и культурологический лексикон основные положения евразийского учения и современного евразийского интеграционизма.

Изучение и различная интерпретация евразийских идей в интеллектуальных и политических кругах происходят нередко в контексте обсуждения исторических, политических, экономических, культурологических, идеологических и духовных проблем развития общества, государства и отдельных наций. В этой связи нередко появляются противопоставления идее евразийства, которая утрируется либо гиперболизируется с позиций проимперских настроений, ущемления национальных интересов отдельных народов, зачастую открытого шовинизма и радикализма. Порой возникают острые дискуссии, в которых обнажаются существующие в евразийских странах проблемы. В качестве примера достаточно вспомнить телевизионную дискуссию между известным казахстанским патриотом Азимбаем Гали и российским идеологом неоевразийства Александром Дугиным, которая состоялась 15 октября 2003 года.

У некоторых казахстанских ученых и общественных деятелей евразийская идея вызывает опасения растворения казахской нации в рамках отсталой периферии российского государства, а тесное казахстано-российское сотрудничество, по их мнению, грозит колониализмом. Так, например, свои опасения выражает политический деятель А.Айталы: «Нация, которая перенесла колониальное иго, труслива в своей основе, она податлива, она подвержена наущению, и поскольку веками правила другие, она бессознательно стремится

ся отдать бразды правления чужому дяденьке. Примером тому может, наверное, послужить Казахстан, который к месту и не к месту хочет укрыться под крылышком своей северной соседки. Это признак бывшего подчинения» [325].

На наш взгляд подобные опасения и критика со стороны некоторых представителей не наносят ущерба и тем более не могут остановить колесо истории, которое движется в прогрессивном направлении.

В этой связи хотелось бы отметить, что принципы евразийской идеи были четко определены Президентом РК Н.А. Назарбаевым: «...это отношения независимых государств, а не частей какой-то неведомой, утопической федерации». Любой призыв к восстановлению СССР или присоединению Казахстана к другому государству антиконституционен и недопустим. На шовинистические выпады российских «реставраторов» Президент отвечает так: «Никто почему-то не призывает к присоединению России к Казахстану. И это понятно. Тогда откуда такое неуважение и высокомерие в отношении к казахскому народу и его государственности? Хотел бы, чтобы все об этом помнили» [326].

На наш взгляд, дискуссии и противоречивое восприятие тех или иных аспектов идеи евразийства в интеллектуальной среде следует воспринимать как закономерную реакцию общественной среды, которая на первоначальном этапе осмысливает идейное содержание современного евразийства и испытывает его воплощение, согласно существующим историческим реалиям.

Таким образом, можно констатировать, что евразийская теория вызвала много дискуссий, и, пожалуй, необходимо согласиться с тем, что многие тезисы данной концепции являются спорными, но от этого она не теряет своей значимости и важности, не утрачивает своей ценности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новейшая история Республики Казахстан отмечена активным всплеском научного интереса к актуальным проблемам современности. Одной из наиболее актуальных в современной науке является тема развития идеи евразийства и ее перспективы практического воплощения в современной истории Казахстана.

Исходя из вышеизложенного в четырех разделах диссертации, автор приходит к выводу, что евразийская идея, безусловно, играет большую роль в становлении и развитии как внутренней, так и внешней политики суверенного Казахстана. Идея евразийства сегодня является одной из составляющих национальной идеологии нашей республики. Перспективы развития евразийской идеи в современной истории обозначены процессами модернизации казахстанского общества, евразийской интеграцией, формированием толерантности, взаимовыгодного сотрудничества с народами, проживающими на евразийском пространстве.

Идея евразийства в Казахстане в обновленном виде возникла не случайно. Первым Президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым был сделан осознанный шаг в сторону политической и экономической, а так же идейной трансформации общества всего евразийского пространства. Глубокая философия, здоровый прагматизм, политический реализм и твердое стремление укрепить позиции суверенного государства двигали Президентом Н.А. Назарбаевым в момент провозглашения идеи евразийства в качестве возрождения многовекового взаимодействия народов Евразии. Глава государства, учитывая реалии начала 1990-х годов, связанные распадом единой экономической и политической советской системы, с конкуренцией в мире между крупнейшими геополитическими, экономическими и военно-стратегическими силами решился на смелое преобразование внутренней и внешней политики, позволившее сохранить завоевания независимости и укрепить позиции Казахстана на мировой арене.

Автор диссертации хотел подчеркнуть, что идея евразийства, выдвинутая Президентом Казахстана в середине 1990-х годов наилучшим образом позволила нашей стране определиться в вопросах региональной безопасности, территориальной целостности страны, заручиться поддержкой и стратегическим союзом со стороны такой крупнейшей державы как Россия, выстроить экономическую, политическую концепцию государства, позволяющую модернизационным процессам динамично развиваться.

Существенный вклад в развитие евразийства, сделанный Президентом Республики Казахстан, убеждает в том, что общая эволюция евразийства, как интеллектуальной тенденции, в XXI веке расширяет пространственный и содержательный круг евразийской концепции. С 1990-х годов – по сегодняшний день идея евразийства Н.А. Назарбаева, пережив исторические реалии постсоветской действительности, достигла совершенно нового практического уровня, соответствующего реалиям новейшего времени.

Сегодня трудно недооценить роль евразийской инициативы Первого Президента Н.А. Назарбаева в современной истории Казахстана и стран СНГ. Евразийская инициатива Главы государства позволила создать широкое динамичное поле взаимовыгодного сотрудничества евразийских народов и стран Содружества на основе уважения суверенитета и поддержания мира и стабильности в регионе.

На сегодняшний день Казахстан является самым последовательным и активным сторонником евразийской идеи. Создание евразийского сообщества явилось качественно новым уровнем интеграции. Евразийская модель предусматривает осуществление согласованной образовательной политики, культурного, научного сотрудничества и обмена. Совмещение в одной модели элементов мусульманской, славянской и западноевропейской цивилизаций является благоприятным условием для совместного развития.

В республике налажено взаимное понимание, терпимость, бережное восприятие духовных и культурных ценностей людей разных национальностей, составляющие глубинную суть казахстанского общества, что позитивно отразилось на менталитете народа, формирующие общие для всех этносов идеалы и ценности. И в этом, безусловно, большую роль играет евразийская политика Президента Н.А. Назарбаева.

Эволюция евразийства от классического содержания, наполненного русскими эмигрантами в 1920-1930 годах до современного евразийского императива пережила значительное изменение в восприятии, содержательной части интеграционных обобщающих евразийских народов от философских, историко-культурных к экономическим, геополитическим составляющим.

Исторические приоритеты развития евразийских народов на современном этапе основаны на сохранении и уважении суверенитета государств, поддержании мира и стабильности в регионе, взаимовыгодных партнерских отношениях, обеспечивающих динамичное развитие стран евразийского региона.

Таким образом, благодаря активной евразийской инициативе казахстанского лидера, созданная евразийцами историческая концепция единства евразийских народов в обновленном виде методологически выливается в русло современного евразийского диалога Восток-Запад, в основе которого лежит взаимовлияющий, взаимосвязующий, цивилизационный фактор.

Новейшая история показывает, что евразийство в современных условиях является историческим феноменом практического характера, обозначающим не только целостность постсоветского пространства, но и обобщающим группы людей, выступающих против негативных последствий глобализации, за сохранение национальной истории, культуры и за интеграцию по экономическим параметрам, со сходной социальной системой, с исторической общностью судьбы.

В результате исследования были сформулированы следующие выводы:

– Евразийство, как уникальное течение русской философской мысли, возникло во многом благодаря политическим переменам начала XX века. Евразийцы пытались обосновать «азиатский» облик России и связанную с этим ее

уникальность. Они изучали не только географическую общность евразийских народов, но и историческое, экономическое и культурное взаимодействие, взаимообогащение евразийских народов, особенно славянских и тюркских. Евразийство несло в себе оригинальный сплав, синтез традиций русской мысли, оно было продуктом своего времени, своей исторической эпохи. «Катастрофическое» мироощущение эмигранта, насильственно вырванного из привычных условий стихией революции, безусловно, наложило отпечаток на это учение. Выразилось это, прежде всего, в особо пристальном анализе причин, истоков, смысла русской революции. Евразийцы одни из немногих в послереволюционной эмигрантской мысли смогли подняться выше своей личной трагедии и попытались принять свершившиеся в России события как данность, причем не в плане сменовеховского «восприятия и преодоления» большевизма, а скорее с претензией на конкуренцию с ним в идеологическом плане.

Под евразийской традицией сегодня понимают комплекс теоретических построений, прежде всего в историко-культурологическом плане, который составлял основу исторического евразийства и определял специфику его мировоззрения и представлений о сущности Евразии.

– Евразийство как направление исторической и социально-политической мысли вполне определенно выявляет многоуровневость и разноаспектность этого феномена. Евразийство, как учение, было представлено научными исследованиями разноотраслевого характера. Это способствовало разработке евразийских идей на материале многих наук (история, этнография, география, экономика, лингвистика, богословие, философия) и придало учению характер междисциплинарного синтеза. В качестве основного исторического концепта евразийцы определяли исторический аспект евразийского единства народов через выделение Евразии как самобытного месторазвития, которое, по их мнению, позволяет расширить рамки исторического обозрения и полнее охватить историю народов, населяющих это пространство. Не изолированно друг от друга, а только на фоне целостного исторического мира Евразии можно выявить черты своеобразия исторического развития каждого народа. В этом заключается принципиальная новизна подхода к исследованию российской истории, предложенного евразийцами.

– Теоретики евразийского учения Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский, Л.П. Карсавин и другие были объединены несколькими генерирующими идеями, где одним из главных было представление о России как особом культурном, историческом и географическом мире, не принадлежащем ни к Европе, ни к Азии, но представляющем собой совершенно самостоятельный культурно-исторический тип, «срединную цивилизацию». Выявлено, что независимо от того, насколько объективно и исчерпывающе было осознано евразийцами развитие России первой четверти XX века, уважения заслуживают сами цели этого движения. В этом отношении евразийство открыло большие возможности для развития самопознания, которое в послереволюционный период было прервано и лишь в последние десятилетия стало

набирать силу.

– Показано, что евразийство, как историческое явление, имеет свои истоки. Истоки этой традиции стали формироваться в историко-философской и общественно-политической мысли XIX – начале XX века, и евразийство, развив эти идеи и дополнив их своими взглядами, привнесло новое направление в развитие общественной мысли. Используя понятие «Евразия» как равнозначного понятию «Россия», евразийцы тем самым искали «срединный», собственный путь развития и самоидентификации России между Западом и Востоком. Сами евразийцы географический фактор ставили далеко не на первое место. Более важным для них было учение о симфонической личности, идее-правительнице и правящем отборе, то есть человек и идеи, двигающие им. Евразийцы писали, что понимание истории народа немислимо без уяснения понятия месторазвития – совокупности естественных условий (особенности ландшафта, почвы, растительности, климата и т.п.), в которых разворачивается история данного народа. Влиянием месторазвития обусловлен ряд черт психологии, культуры, «менталитета» этноса. При этом разные народы, не связанные общностью происхождения, но длительное время сосуществующие в пределах одного месторазвития, могут становиться ближе друг к другу, чем народы изначально родственные, но развивающиеся в разных месторазвитиях. Поэтому, несмотря на очевидные различия между ними, русский народ может быть ближе к другим народам России: тюркским, финно-угорским и д.р., чем к славянам, привязанным к европейскому месторазвитию.

– Евразийские ученые одними из первых использовали цивилизационный подход в изучении роли кочевых монгольских племен в истории Евразии. Они в некотором смысле создали историческую традицию, доказывающую существование кочевой цивилизации, внесли существенный вклад в формирование теории цивилизации кочевников на примере монгольского периода русской истории, которая до сегодняшнего дня включает в себя многочисленные данные археологического, этнологического, этнолингвистического характера. Ими было доказано, что монолитный евразийский регион, в широком смысле слова, всегда был полем взаимодействия многих этносов, населявших его. Тюркские народы, среди прочих, в критические моменты истории выступали в роли ведущего этноса, наиболее инициативного и восприимчивого к историческим вызовам того времени. Тесная взаимосвязь евразийских этносов, значение тюркского или «туранского», как его называли тогда фактора в истории Евразии, вызывали огромный интерес у многих исследователей евразийства.

– В восприятии и актуализации евразийского учения автором был выявлен ряд особенностей. В современных версиях евразийства, как правило, на передний план выдвигается географическая составляющая этой традиции. Такой подход наблюдается в трудах известного последователя евразийцев Л.Н. Гумилева, который получил известность как автор естественнонаучной теории этногенеза и исследователь этнической истории особого географиче-

ского региона Великой Степи. При знакомстве с евразийством, особенно близки ему оказались положения о «России-Евразии» и теории «месторазвития», которые Л.Н. Гумилев использовал как один из факторов этногенеза народов в истории. Он одним из первых выступил против европоцентристского мифа о монголо-татарском иге, об «извечной» борьбе кочевников Степи и Леса земледельцев Л.Н. Гумилев считал (в противоположность концепции «вечной борьбы» Леса и Степи), что между Русью и степняками существовала система динамических отношений, доминантой которых являлось чувство уважения (комплиментарность) к этническому своеобразию другой стороны. Работы Л.Н. Гумилева в общих чертах продолжают то же восприятие Евразии, что и у вышеуказанных евразийских авторов. Л.Н. Гумилев продолжает евразийскую традицию в освещении и изучении «восточного фактора» в развитии Древнерусского государства, в разрушении стереотипного восприятия степных народов как «диких» не только обыденным сознанием, но и широкими научными кругами. В работе выявлено, что Л.Н. Гумилевым, как незаурядным мыслителем, был внесен личный вклад в развитие евразийского наследия в виде концептуальных построений. Если для евразийцев предметом истории являлось «человечество в его социальном (т.е. общественном, политическом, материальном и духовно-культурном) развитии», то для Л.Н. Гумилева предметом исследования выступают этносы и их взаимодействие. На основании выдвинутой им концепции этногенеза и, в первую очередь, на основе введенного им понятия пассионарности, расставляются несколько иные акценты в объяснении происходящих исторических событий. В этом главное отличие евразийской проблематики Л.Н. Гумилева. Применение новых методик и подходов, создание и активное использование новой терминологии привели к тому, что феномен евразийства гумилевской версии приобрел новые черты. С 90-х годов XX века учениками и последователями Л.Н. Гумилева развивается его версия евразийства. В Казахстане так же развивается научная школа исторического наследия Л.Н. Гумилева. Сегодня Евразийский университет имени Л.Н. Гумилева в Астане является центром изучения наследия Л.Н. Гумилева и распространения евразийских идей. В нем, ежегодно проводятся «Гумилевские чтения», Евразийский научный форум, традиционный «Гумилевский лекторий».

– Принимая во внимание большие различия между классическим евразийством и современной интерпретацией евразийской инициативы Н.А. Назарбаева, можно однозначно утверждать, что евразийство Президента Н.А. Назарбаева, опирается на более широкую философию единства евразийских народов, связанных общностью территории, исторической судьбы, сохранением и укреплением дальнейших перспектив взаимодействия.

– Современное евразийское мышление Н.А. Назарбаева стало реакцией на вызовы глобализации и кризис в регионе, с четким пониманием результативности интеграционных процессов на разных уровнях. Об этом свидетельствует, в частности, выдвинутое президентом Казахстана Н. Назарбаевым еще в 1994 году предложение о создании участниками СНГ более сплоченно-

го межгосударственного интеграционного объединения - Евразийского союза (ЕАС), который должен был заложить основы нового сообщества, не обремененного марксистской идеологией и куда более свободно структурированного, чем бывший Советский Союз. Именно с этого момента стало возможно говорить о превращении евразийства из чистой теории в конкретную политическую практику.

Предложенный проект носит характер пошагового развития интеграции на евразийском пространстве. Сложности с его принятием и быстрой реализацией повлияли на его долгосрочную перспективу. Очень важно, что Евразийский союз с самого начала своей деятельности не создает препятствий для многовекторной, многополярной внешней политики, вхождения и включения Казахстана в другие региональные объединения, соответствующие приоритетам и целям государственной политики нашей республики. Формирование ЕАС происходит поэтапно. Глава Казахстана обозначил три измерения евразийской интеграции – экономическое, военно-политическое и культурно-гуманитарное. Важным этапом является создание ОДКБ, СВМДА и ШОС. Одним из главных достижений ЕврАзЭС на сегодняшний день является создание обновленного Таможенного Союза летом 2010 года, в который вошли республики Казахстан, Россия и Беларусь. Создание таких региональных союзов отвечает реалиям современной сетевой социальной морфологии, характерной для эпохи глобализации. И уже с учетом только этих обстоятельств можно констатировать, что на сегодняшний день евразийской интеграции альтернативы нет.

– Идея евразийства Н.А. Назарбаева во внутренней политике Казахстана – это идея межэтнического, межконфессионального и культурного развития казахстанского общества, актуализирующая принципы толерантности и гармоничного взаимодействия в качестве единственно возможного способа существования человека в XXI столетии.

– Сегодня Казахстан и Россия, в качестве крупнейших евразийских государств, являются лидерами в евразийском регионе. Во многом это связано с исторической осью развития этих стран, выгодным геополитическим расположением, огромными ресурсами и потенциалом, международной стратегией и авторитетом на мировой арене. Казахстанско-российские отношения в рамках евразийского проекта основываются на осознании необходимости сотрудничества и соблюдения единой экономической стратегии.

– Казахстан и Россия с начала 1990-х годов переживают настоящий бум евразийства. О нем говорят и пишут ученые, писатели, журналисты, политики, педагоги. В настоящее время достаточно популярной становится евразийская идея, как современная социально-политическая концепция, позволяющая найти для идеологии государства и его практической деятельности то оптимальное соотношение национальной специфики и иностранного опыта, которое позволит обеспечить политический, экономический и социальный прогресс государства.

– В качестве продолжения развития отдельных концептуальных положений

ний классического евразийства в конце 1980-х годов в России возникло неоевразийство. На современном этапе неоевразийство представлено различными течениями общественно-политического, интеллектуального направлений. Неоевразийство теоретически состоит в возрождении классических принципов этого движения на качественно новом историческом этапе и в превращении этих принципов в основу идеологической, мировоззренческой и политической программы. Наследие евразийской классики было взято как мировоззренческое основание для идейной (политической) борьбы в постсоветский период в Российской Федерации, как духовно-политическая платформа «интегрального патриотизма». Эта идеологическая, мировоззренческая и политическая актуализация принципиально отличает неоевразийство от трудов историков, занимавшихся евразийством как идейным и социально-политическим феноменом прошлого. В других странах евразийского региона евразийское течение не приобрело такого масштаба. Прежде всего, это связано с геополитическим положением, внешнеполитическим курсом этих стран, различными ценностными ориентирами и предпочтениями в интеграционной политике, а также видением своей роли и положения на карте мировой политической расстановки сил.

В своем развитии неоевразийство прошло несколько этапов. Первый этап (1985-1990 гг.) характеризуется как становление евразийских течений преимущественно интеллектуального содержания. Второй этап (1991-1993 гг.) связан с политизацией неоевразийства. Третий этап (1994 по настоящее время) представлен практическим наполнением евразийской интеграции.

В Казахстане неоевразийское течение получило единое направление, основанное на продуманной евразийской инициативе, которую выдвинул Глава государства.

– Современное неоевразийское течение или как мы его называем евразийство казахстанского формата уникально по своему содержанию и задачам. Оно представляет собой самостоятельную политическую, экономическую и культурно-историческую концепцию, отличную от классического евразийства и неоевразийства (преимущественно российского).

Основные различия вытекают из следующего:

– в основе идеи евразийства Президента Н.А. Назарбаева лежит историческое и философское миропонимание через преломление истории Евразии, как единого и неразрывного процесса истории человечества;

– идея евразийства далека от противопоставления Востока Западу, наоборот, Казахстан прилагает все возможное для объединения усилий западных и евразийских стран в решении глобальных проблем, стоящих перед человечеством;

– идея евразийства Н.А. Назарбаева шире восприятия классического евразийства, в качестве своеобразного, особого цивилизационного пути России. Она предполагает широкие историко-географические, экономические и культурные масштабы развития всех евразийских народов и стран;

– казахстанское евразийство не ограничено академическими изыскания-

ми, оно имеет реальные формы и практическое воплощение;

– идея евразийства, которая ассоциировалась преимущественно с российской историей, существенно расширила исследовательское поле, и в новейший исторический период неразрывно связана с Казахстаном. Евразийство сегодня не однонаправленный монолог, а широкий многосторонний диалог;

– идея евразийства Главы Казахстана Н.А. Назарбаева, лишенная антизападнических принципов существенно изменила сложившиеся традиции противостояния западного, евразийского и исламского миров, предложив новый формат по формированию Евразийского пояса безопасности. Известны практические шаги в этом направлении: для обеспечения безопасности в регионе по инициативе нашей страны создано Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии, своеобразный аналог азиатский ОБСЕ. В долгосрочной перспективе СВМДА может рассматриваться в качестве базиса для организации по безопасности в Азии;

– идея евразийства имеет концептуальное значение в формировании современной архитектуры международной безопасности на пространстве Евразии и занимает одно из центральных мест в вопросах мировой политики;

– идея евразийства Н.А. Назарбаева свободна от позиционирования доминанты какой-либо страны или политической силы. В ее основе заложен принцип равнозначности и паритетности всех евразийских стран и их экономических интересов;

– главными принципами идеи евразийства, в качестве историко-культурного потенциала, идеологического и духовного мировоззрения является толерантность и многомерность. Это подтверждает евразийская консолидирующая составляющая в национальной политике, проводимой в республике сегодня.

– в отличие от классического евразийства, выдвигавшего в качестве идеологической опоры на передний план православие, поликонфессиональный, созидательный потенциал евразийской идеи современного Казахстана основан на равноценности всех мировых религий и конфессий. Это нашло подтверждение в деятельности созданных по инициативе Президента страны таких общественных структур, как Ассамблея народов Казахстана и Форум мировых религий. Налаживая различные формы межкультурного, межконфессионального диалога, они способствуют духовному единению евразийских народов, развитию гармоничной полифонии языков, культур и религий.

Существенно, что в новейший период истории Глава государства расширяет контекст евразийства. Теперь евразийская проблематика включает не только страны СНГ, но взаимодействие Европы и Азии в целом. Президент Казахстана заявляет о необходимости «добрососедских, доверительных отношений на всем евроазиатском континенте». И в результате, - Казахстан «не будет находиться на заднем плане мировых событий». Наоборот, Казахстан, «являясь центром Евразии, будет играть роль экономического и культурного связующего звена между тремя быстро растущими регионами – Китаем, Россией и Мусульманским миром» [48].

Предстоящее в 2011 году председательство Казахстана в Организации Исламская Конференция, самой крупной и наиболее влиятельной официальной правительственной мусульманской международной организации (объединяющей 57 стран с населением около 1,2 млрд. человек), как ожидается, также будет направлено на привлечение дополнительного внимания международного сообщества к евразийскому региону.

И что видится принципиально важным – политика Казахстана на протяжении уже почти 20 лет остается последовательной и предсказуемой, не подверженной часто меняющейся внешнеполитической конъюнктуре, что выгодно выделяет Казахстан на фоне внешнеполитических «дерганий» ряда государств постсоветского пространства. Еще в первые годы становления независимости Казахстаном были четко определены и озвучены приоритеты внешней политики – многовекторность и евразийство. Как показывает история с тех пор внешнеполитический курс Казахстана не менялся, что свидетельствует об их огромном потенциале.

Именно в этом заключается, на наш взгляд, суть сбалансированной евразийской геополитики. Не останавливаясь на достигнутом, республика поэтапно и целенаправленно идет к созданию Евразийского Союза. Председательство Казахстана в ОБСЕ в 2010 году открыло уникальные возможности реализации потенциала этой организации в качестве равноправной диалоговой площадки, объединяющей североатлантическое и евразийское пространства, в целях формирования политического, экономического взаимодействия между народами и странами.

Таким образом, развитие идеи евразийства Первого Президента Республики Казахстан в современной истории нашей республики носит динамичный и поступательный характер. Перспективы реализации евразийской инициативы Главы государства масштабны и представляют одно из приоритетных направлений развития республики. Евразийская интеграция доказала, что формирование однотипных национальных моделей не устраняет политической независимости стран, но создает предпосылки для нового типа их отношений, основанных на взаимном партнерстве и применении одинаковых критериев и принципов к экономическому взаимодействию. Примером в этом отношении являются современные казахстано-российские отношения.

Казахстанский лидер Н.А. Назарбаев придал евразийскому теоретическому учению зримое воплощение в реальной жизни, а также внес в евразийское мировоззрение огромный теоретический и практический вклад, сочетав его с новаторским экономическим, социальным, стратегическим подходом, неразрывно связав евразийство с демократией, императивом развития гражданского общества, социальной динамикой. Речь идет не просто об адаптации евразийских идей к конкретным условиям современного Казахстана и евразийского региона, но о развитии универсального содержания этого учения. Благодаря взвешенной и перспективной политике евразийской интеграции Казахстана, евразийство в новейшей истории приобретает общеконтинентальное значение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Назарбаев Н.А. Выступление в МГУ им. Ломоносова // Известия.– 1994.– 6 марта.
- 2 Назарбаев Н. А. В нашей дружбе нет никаких секретов //Российская газета.– 2010.– 2 ноября.
- 3 Назарбаев Н.А. К экономике знаний через инновации и образование: Лекция.– Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2006.
- 4 Трубецкой Н.С. История, культура, язык.– М., 1995; Савицкий П.Н. Континент Евразия.– М., 1997.
- 5 Милюков П.Н. Третий максимализм // Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн».– М.: Ин-т российской истории РАН.– 1997.– С.326-330; Кизеветтер А.А. Евразийство // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн.–М.: Ин-т философии РАН, 1993 – С.266-277; Бердяев Н.А. Евразийцы // Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов.– М.: Ин-т всемирной истории РАН, 1992.–С.28-36.
- 6 Против новейшей критики марксизма // Сб. критических очерков.– М.-Л., 1929.– С. 298.
- 7 Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь.– М., 1989; Гумилев Л.Н. Древние тюрки.– М., 1993; Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли.– М., 1994.– 544 с.; Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии //Наш современник.–1992.- № 10; Гумилев Л.Н. Заметки последнего евразийца//Наше наследие.– М., 1991, № 3;
- 8 Beyerly E. The Europecentric Historiography of Russia.– P., 1973; Boss O. Geopolitical condition of the evolutions of russian nationality II The journal of Modern History.–1930.–Vol. 2; Essay in Russian history.–Hamden, 1964; Halperin Ch. Russia and Golden Horde: the Mongol impact of the medieval Russian.– Bloomington, 1985; Halperin Ch . Russia and Steppe: Vernadsky and eurasianism II Forschungen zur osteuropaschen Geschichte.– Wiesbaden, 1985; Raeff M. Russia abroad: A Cultural history of Russian emigration [1919 - 1939]. N.Y.,1990; Riasanovsky N.V. Asia through Russian Eyes II Russia and Asia.– Stanford, 1972; Riasanovsky N.V. The emergence of Eurasianism II Slavic studies.– California.–1967, №4; Williams R.C. Culture in Exile. Russian Emigres in Germany [1921 -1941]. Cornelle University Press.– Itaca and London, 1972. Raeff M. Russia abroad: A cultural history of the Russian emigration (1919-1939). N.Y.– Oxford, 1990.
- 9 Сулейменов О. Аз и Я: Книга благонамеренного читателя. – Алма-Ата: «Жазушы», 1975.– 303 с.
- 10 Дмитриев Л., Творогов О. «Слово о полку Игореве» в интерпретации О.Сулейменова// Русская литература. –1976.- №1.– С.251-258; Селезнев Ю. Мифы и истины.– М., 1976.- №6.– С.203-210.
- 11 Назарбаев Н.А. Слово о моем друге Олжасе. Из поздравления Главы государства Н. Назарбаева в адрес О. Сулейменова с 70-летним юбилеем.– Астана, 2006.–18 мая.

12 Хоружий С.С. Карсавин и де Местр // Вопросы философии.– 1989.- №3; Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Евразийский искус //Философские науки.– 1991.- № 12.

13 Boss O. Die Lehre der Eurasier: Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des XX Jahrhunderts Wiesbaden.–1961, s.130.

14 Люкс Л. Заметки о «революционно-традиционалистской» модели «евразийцев» //Вопросы философии.– 2003.- №7.– С. 23-34.

15 Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или мысли о величии империи.– М.: Наталис, 2004.

16 Е. Ло Гатто. Очерк о евразийцах в книге «Страницы русской истории и литературы».– М., 2005.

17 Чапинский К., Здзеховский М., Славик И., Римарич-Волынский К. Социокультурные основы в трудах ранних евразийцев.– М., 2005.

18 The Russian Dilemma: A Political and Geopolitical View by Robert G. Wesson, Rutgers University Press, 1974; The Rise of Eurasianism, Former Soviet South Series Papers, No 2 by Milan Hauner, Brookings Inst Pr June, 1997; What Is Asia to Us?: Russia's Asian Heartland Yesterday and Today by Milan Hauner, Taylor & Francis Books Ltd, 1992; Against the Modern World by Mark Sedgwick.- New York: Oxford University Press, 2004.

19 Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории.–М., 2002; Хаусхофер К. О геополитике.– М., 2001; Хантингтон С. Запад уникален, но не универсален //Мировая экономика и международные отношения.–1997- №8; Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геополитические императивы. – М., 1998;

20 Олкотт М.Б. Казахстан: непройденный путь.– М.:Вашингтон, 2003.

21 Каррер д'Анкос Э. Евразийская империя. История Российской империи с 1552 г. до наших дней.– М., 2007.– 368 с.

22 Мадхаван К. Палат. Евразийство – идеология будущего России/ Культурное наследие российской эмиграции: 1917-1940гг.–М.,1994.–С.80-87.

23 Горяев А.Г. Евразийство как явление культуры России: историко-философский аспект: автореф. ... канд. истор. наук.– М., 1993;

24 Гарлик А.И. Идеи евразийства в контексте современного развития России: дисс. канд. полит. наук.– М., 2003;

25 Койшыбаев Г.Т. Концепция Евразии как многоуровневой целостности (философско-методологический аспект): автореф.... канд. философ. наук.– М., 1994;

26 Курамысов О.А. Казахстанско-Российские международные отношения в 90-е годы XX века: состояние и перспективы развития: дис. докт. истор. наук.– М., 2004;

27 Абикенов А.А. Идея Евразийского Союза в контексте интеграции стран СНГ: автореф. ... канд. полит. наук.– Алматы, 1999;

28 Кушкумбаев С.К. Геополитические факторы интеграционных процессов в постсоветской Центральной Азии: дисс. канд. полит. наук.–Алматы, 1999.

- 29 Урханова Р.И. Евразийство как идейно-политическое течение в русской культуре XX века: автореф. ... канд. философ. наук.– М., 1992.
- 30 Назарбаев Н.А. Казахстан: взгляд на мировой порядок, развитие и демократию // Казахстан и мировое сообщество. – 1994.- №1.– С.3-12.
- 31 Назарбаев Н.А. Критическое десятилетие.– Алматы, 2003.– С.240.
- 32 Назарбаев Н.А. В потоке истории.– Алматы, 2003.– С.288.
- 33 Назарбаев Н.А. О создании регионального пояса стабильности // Евразийский союз. Идеи, практика, перспективы 1994-1997.– М., 1997.
- 34 Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. Стратегия вечной дружбы. Казахстана.- М., 2000.
- 35 Назарбаев Н.А. О формировании Евразийского союза государств // Евразийство: от идеи к практике.– Астана, 2004.
- 36 Назарбаев Н.А. Не надо искать того, чего нет [интервью] // Независимая газета.– 1994.– 11 июня.
- 37 Назарбаев Н.А. Евразийское пространство: интеграционный потенциал // Евразийский союз. Идеи, практика, перспективы. 1994-1997.- М., 1997.
- 38 Назарбаев Н.А. Моей задачей была формулировка общей концепции интеграционного процесса // Известия.- 1994.- 28 декабря.
- 39 Назарбаев Н.А. На пороге XXI века.- Алматы, 1996.
- 40 Назарбаев Н.А. Независимость Казахстана: уроки истории и современность. Доклад на торжественном собрании, посвященном 5-летию независимости Республики Казахстан. 16 декабря 1996 // Назарбаев Н.А. Стратегия независимости.–Алматы, 2003.
- 41 Назарбаев Н.А. Идейная консолидация общества как условие прогресса Казахстана // Назарбаев Н.А.Стратегия независимости.– Алматы, 2003.
- 42 Назарбаев Н.А. За мир и согласие в нашем общем доме. Доклад на первой сессии Ассамблеи народов Казахстана // Назарбаев Н.А. Политика мира и согласия.– Астана, 2008.
- 43 Назарбаев Н.А. В каждом сердце – родная страна. Доклад на двенадцатой сессии Ассамблеи народов Казахстана // Назарбаев Н.А. Политика мира и согласия. – Астана, 2008.
- 44 Назарбаев Н.А. Общественное согласие – основа демократического развития Казахстана. Доклад на третьей сессии Ассамблеи народов Казахстана // Назарбаев Н.А. Политика мира и согласия.– Астана, 2008.
- 45 Назарбаев Н.А. Казахстан-2030: Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев. Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана. 10 октября 1997 года // Назарбаев Н.А. Стратегия независимости.– Алматы, 2003.
- 46 Назарбаев Н.А. Верю, что в будущем мы вернемся к идее Евразийского союза // Независимая газета.– 1999.– 26 октября.
- 47 Назарбаев Н.А. В дружбе и согласии в XXI век. Доклад на шестой сессии Ассамблеи народов Казахстана // Назарбаев Н.А. Политика мира и согласия.– Астана, 2008.

48 Назарбаев Н.А. Мы - за многополюсный мир // Независимая газета.– 2000.– 24 февраля.

49 Назарбаев Н.А. Проект Евразийского союза: проблемы и перспективы интеграции // Евразийский университет и мир Евразии.– Астана, 2006.

50 Выступление Президента Республики Казахстан на Международном форуме «Евразийская интеграция: тенденции современного развития и вызовы глобализации». www.akorda.kz.

51 Назарбаев Н.А. Евразийский экономический союз: теория или реальность // Известия.– 2009.– 19 марта.

52 Назарбаев Н.А. В нашей дружбе нет никаких секретов // Российская газета.–2010.– 2 ноября.

53 Назарбаев Н.А. Стратегия трансформации общества и возрождения евразийской цивилизации. Выступление на встрече глав государств Центральной Азии.– Ташкент, 2000.– 21 апреля; М., 2002.– С.387-388.

54 Выступление Президента Республики Казахстан на первом Евразийском медиа-форуме // Казахстанская правда. - 26 апреля 2001.

55 Абдильдин Ж. Собрание сочинений в 5 томах.– Алматы, 2001;

56 Жолдасбеков М. Развитие евразийства в Казахстане: от теории к практике // Тезисы докладов и сообщений Международного Евразийского форума «Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность».– Астана-Омск-Томск, 2003.– С.4-7; Жолдасбеков М. Евразийство и Казахстан //Труды научного форума: «Гумилевские чтения».– Астана, 2003.– Т.1.–С.10; Жолдасбеков М. Казахстан в XXI веке: проблемы евразийства и образования.– Астана: ЕНУ, 2003.– 380 с.;

57 Нысанбаев А.А., Курманбаев Е. Евразийская идея Чокана Валиханова //Евразийское сообщество.–1999, №2; Нысанбаев А., Малинин Г. Н. Назарбаев: Казахстан – территория мира согласия.– Алматы, 2005.– 272 с.; Евразийство в XXI веке: проблемы и перспективы. – Алматы, 2009. –334 с. Под главной редакцией академика НАН РК А.Н. Нысанбаева;

58 Абдыманапов С.А. Исторические судьбы народов Евразии в контексте мировой цивилизации // Мат. науч. конф., посв. 10-летию Евразийской концепции Президента РК Н.А. Назарбаева и Году России в Казахстане.– Астана, 2004.– С.4-7;

59 Арынов Е.М. Перспективы евразийской интеграции. Материалы «круглого стола» ученых и политиков.–М., 1994.– 14 июня;

60 Селиверстов С.В. Казахстан как евразийская страна: географический и историко-цивилизированный аспекты идентичности // Тез. докл. и сообщ. межд. Евразийского форума «Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность».– Астана-Омск-Томск, 2003.–С. 181-187; Селиверстов С.В. Казахстан, Россия, Турция: по страницам евразийских идей XIX – XXI веков. Монография.– Алматы: Баспалар үйі, 2009.– 328 с. (20,5 п.л.); Селиверстов С.В. Международно-региональный контекст и Евразийская интеграция // Нурсултан Назарбаев: идея мира и общественного согласия. Коллективная монография.–Астана:Ақарман-медиа, 2010.–С.126-166;

Селиверстов С.В. Внешнеполитические инициативы Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева. Историко-документальное исследование. Алматы: Қазақ энциклопедиясы.– 2010.– С.13-42, 105-127, 180-202, 262-290; Селиверстов С.В. Евразийский подход как предпосылка толерантного образа «исторического пространства» стран СНГ // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. Научный журнал Института всеобщей истории РАН.– М., 2010.– № 1.– С. 5-13.

61 Дугин А.Г. Евразийство: от философии к политике // Докл. на Учред. съезде ОПОД «Евразия» (21 апреля 2001 г. Москва) // Основы евразийства. – М.: Арктогея-центр, 2002. – С.16-26; Дугин А.Г. Основы геополитики.– М., 1997.

62 Дугин А.Г. Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. – М.: Евразия, 2004.– 288 с.

63 Алеврас Н.Н., Вернадский Г.В., П.Н. Савицкий: Истоки Евразийской концепции// Россия и Восток: проблемы взаимодействия //Тез. докл. и сообщ. к межд. науч. конф.– Челябинск,1991.– Ч.1.– С.121-124;

64 Пащенко В.Я. Идеология евразийства.– М.: Изд-во МГУ, 2000; Ерасов Б.С. Социокультурные и геополитические принципы евразийства // Полис.– 2001.– №5.

65 Ерасов Б.С. Цивилизации. Универсалии и самобытность. М., 2002.

66 Панарин А.С. Евразийский проект в миротехнологическом контексте // Восток.– 1995.– №5.

67 Югай Г.А. Евразийский путь российской цивилизации // Цивилизации и культуры.– М., 1996.– Вып. 3.– С.3-28;

68 Орлова И.Б. Евразийская цивилизация. Социально - историческая ретроспектива и перспектива.– М., 1998.

69 Гиренок Ф.И. Евразийские тропы // Глобальные проблемы и перспективы цивилизации (Феномен евразийства).– М., 1993;

70 Син Бом Синк Идеи «евразийства» и современный российский идейно-политический процесс: автореф. ... канд. полит. наук.– М., 1997;

71 Бе Гю Сонг Концепция евразийства в России: истоки и современность: автореф. ... канд. полит. наук.– М., 1997.

72 О Евразии и евразийцах (библиографический указатель) /Под ред. А.В. Антощенко, А.А. Кожанова.– Петрозаводск, 2000.

73 Каррер д'Анкос Э. Евразиец на пути в Европу //Казахстанская правда.– 2010.– 6 июля.

74 Габриель Арсене. К саммиту ОБСЕ // Казахстанская правда.–2010.–26 мая.

75 Сегийон П-Л. Казахстан – стержень Евразии // Казахстанская правда.– 2010.– 30 октября.

76 Ордвей Д. Казахстан – страна контрастов // Казахстанская правда.– 2010.–6 января; Джонатан Айткен. Нурсултан Назарбаев и созидание Казахстана /Казахстанская правда.–2010.– 17-18 июля.

77 Токаев К.К. Свет и тень.– Астана, 2007.– 576 с.; Токаев К.К. Дипло-

матия Республики Казахстан. –Астана,2001.–552с.;

78 Тажин М.М. Доклад на «круглом» столе «Перспективы евразийской интеграции» в Дип. Академии МИД РФ.– М., 14 июня 1994;

79 Назарбаева Д.Н. Содружество Евразия.– М., 2001;

80 Мансуров Т.А. Казахстанско-Российские отношения в эпоху перемен 1991-2001.–М., 2001;

81 Исингарин Н.К. 10 лет СНГ. Проблемы. Поиски, решения. –Алматы, 2001;

82 Джекшенкулов А. Новые независимые государства Центральной Азии в мировом сообществе.– М., 2000.

83 Савицкий П.Н. Евразийство// Евразийский временник. Сб. 4.– Берлин, 1925.– С.6.

84 Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев.– София, 1921.– С. 3.

85 О Евразии и евразийцах (библиографический указатель) Петрозаводск, 2000.– С. 24.

86 Быстрыков В.Ю. Общественно-политическая и научная деятельность Петра Николаевича Савицкого в годы эмиграции (1920-1938 гг.): дисс. ... канд. истор. наук.– М.– С. 22.

87 Бердяев Н.А. Самопознание.– М., 1997.– С. 39.

88 Флоровский Г.В. Евразийский соблазн // Россия между Европой и Азией...С. 230.

89 Гумилев Л. Этногенез и этносфера // Природа.– 1970.- № 1-2.

90 Флоровская К.И. К.Н.Леонтьев как предшественник Евразийства.– Прага, 1925.– С. 17.

91 Толстой Н. Истоки евразийства// Евразийская перспектива.– М., 1994.– С. 134.

92 Половинкин СМ. Евразийство и русская эмиграция// Трубецкой Н.С. История, культура, язык.– М.,1995.–С.731.

93 Орлова И.Б. Евразийская цивилизация: историческая ретроспектива и перспектива.–М., 1998; Орлова И.Б. Современные цивилизации и Россия. - М., 2000.

94 Вернадский Г.В. Два подвига св. Александра Невского/ Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сборник трудов евразийцев.– М.: «Беловодье»,1997.–С.227-249.

95 Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн.– М., 1993.– С.16.

96 Евразийство. Опыт систематического изложения // Савицкий П. Континент Евразия. – М., 1997.– С. 36.

97 Люкс Л. Евразийство и консервативная революция // Вопросы философии. – 1996, № 3.

98 Пайпс Р. Россия при старом режиме. - Кембридж, 1980. - С. 355.

99 Грицай М., Степанов Д. Евразийство: история и современность.– М., 2008.– С. 45.

- 100 Хоружий С.С. Карсавин, евразийство и ВКП// Вопросы философии. – 1992, № 2; Виленда И.В. Концепция истории России в научном наследии евразийцев: дисс... канд. истор. наук. -М.,1996.
- 101 Письмо Н.С. Трубецкого П.П. Сувчинскому и П.Н. Савицкому от 9 сентября 1925 г. // ЦГАОР, ф. 5783, оп. 1, ед. хр. 390.– С. 26.
- 102 Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». - М., 1997; Герасимов Ю.К. Религиозная позиция евразийства // Русская литература. – 1995.- №1; Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Евразийский искус // Мир России - Евразия. Антология -М., 1995.
- 103 Савицкий П.Н. Идеи и пути евразийской литературы. ГАРФ. Ф. П.Н. Савицкого // Русский узел евразийства. - М., 1997.
- 104 Савицкий П. Континент Евразия. - М. 1997.-С. 39.
- 105 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка//Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология.– М., 1999.– С.532.
- 106 Многогранная глобализация.–М., 2003.- С. 42.
- 107 Хантингтон С. Запад уникален, но не универсален // Международная экономика и международные отношения. –1997.- № 8.- С. 90-91.
- 108 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис.– 1994.- №1.
- 109 Русский интеллектуальный клуб /Под ред. И.М. Ильинского.-М., 2000.– С.192.
- 110 Шпенглер О. Закат Европы.– М,1993.–Т.1,2. с.20
- 111 Мартынов. Степи Евразии. - М., 1984.
- 112 Пиков Г.Г. О «кочевой цивилизации» и «кочевой империи».– Новосибирск, 2007.–С.3.
- 113 Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка. СПб.– 1892.– С.2.
- 114 Евразийская хроника.– Париж, 1926.– Вып. 5.– С.73.
- 115 Евразийство: Декларация. Формулировка. Тезисы.– Прага, 1932.– С.8-9.
- 116 Трубецкой Н.С. Религии Индии и христианство // На путях.– Берлин, 1922. – С.177-229.
- 117 Савицкий П.Н.. О задачах кочевниковедения. (Почему скифы и гунны должны быть интересны для русского?) Опубликовано в Праге в Евразийском книгоиздательстве в 1928 <http://www.kulichki.com/>.
- 118 Крадин Н.Н. Кочевые империи: генезис, расцвет, упадок Восток.– 2001.- №5.–С. 21-32.
- 119 Гумилев Л.Н. От России до России. - М., 2000. - С. 87.
- 120 Доманин А.А. Монгольская империя Чингизидов. Чингизхан и его преемники. - М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. - С.10.
- 121 История Востока.– М., 1999.– Т. 2.– С.60.
- 122 Гумилев Л.Н. Древние тюрки.- М., 1993.– С.132.
- 123 Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. - Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2005.– 346 с.

- 124 Малявкин А. Г. Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования) Отв. ред. Ю.М.Бутин.– Новосибирск, 1982.– С.24.
- 125 Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. – М.: Наука, 1993.–С. 59.
- 126 Савицкий П.Н. Степь и оседлость // Россия между Европой и Азией.– С. 123-124.
- 127 Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации.– С. 191.
- 128 Гумилев Л.Н. В Горбачеве я вижу Августа. //Союз.–1991.- №18.– май.
- 129 Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.– М.-Л., 1954.– С.128.
- 130 Штейн В.М. Вестник Древней истории.– 1961.- № 2; 1962.- № 3.
- 131 Гумилев Л.Н. Из истории Евразии. – М., 1993.– С.18.
- 132 Трубецкой Н.С. Мы и другие. М., 1999.– С.77.
- 133 Бицилли П.Н. «Восток» и «Запад» в истории Старого Света // Россия между Европой и Азией.– С. 31.
- 134 Флоровский Г.В. Евразийский соблазн // Россия между Европой и Азией.– М., 1993.– С. 237.
- 135 Евразийство в XXI веке: проблемы и перспективы.– Алматы,2009.– С.20.
- 136 Кляшторный С. Тюркский мир и Евразийский симбиоз.
- 137 Движение Алаш. Сб. документов и материалов.– Апрель.- 1901 г. – декабрь; 1917; Алматы, 2004.- С. 439, 504.
- 138 Селиверстов С.В. Казахстан, Россия, Турция: по страницам евразийских идей XIX - XX веков.–Алматы, 2009.– С.168.
- 139 По данным переписи населения России 1897 года, из 125 миллионов 600 тысяч ее жителей более 13 миллионов, т. е. почти 11 процентов, составляли народы тюрко-исламской общности: на востоке империи – волжские и сибирские татары, башкиры, казахи, в Средней Азии – узбеки, киргизы, туркмены, на европейском юге – крымские татары, турки, азербайджанцы (впрочем, не всегда отличающиеся русскими чиновниками от турок, а также именуемые кавказскими татарами), ногайцы, горские народы восточной и центральной части Северного Кавказа – кумыки, карачаевцы, балкарцы; в западных губерниях – небольшие группы литовских или польских татар.
- 140 Перед распадом Советского Союза численность тюрко- мусульманского населения уже превысила 47 миллионов. По данным переписи населения 1989 года, в СССР проживало 16 миллионов 698 тысяч узбеков, 8 миллионов 136 тысяч казахов, 6 миллионов 770 тысяч азербайджанцев, 6 миллионов 649 тысяч татар, 2 миллиона 729 тысяч туркмен, 2 миллиона 529 тысяч киргизов, 1 миллион 449 тысяч башкир, 424 тысячи каракалпаков, 282 тысячи кумыков, 272 тысячи крымских татар, 263 тысячи уйгур, 208 тысяч турок, 156 тысяч карачаевцев, 85 тысяч балкарцев, 75 тысяч ногайцев. Далеко не все они могут быть отнесены к категории верующих мусульман
- 141 Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения

ния мусульманина // Исмаил бей Гаспринский (Гаспралы). Из наследия.– Симферополь, 1991.– С.22.

142 Акчура Ю. Три вида политики // Татарстан.– Казань, 1994.- № 9.– С.18.

143 Вернадский Г.В. Монгольское иго в русской истории // Евразийский Временник.– Париж, 1927.– Кн.5.– С.156.

144 Вернадский Г.В. Два подвига Св. Александра Невского // Евразийский Временник.– Берлин, 1925.– Кн.4.– С.326.

145 Бицилли П.М. Два лика евразийства // Современные записки. – Париж, 1927.– Кн.31.– С.421-426.

146 Вернадский Г.В. Начертание русской истории.– М., 2002.– С.31.

147 Вернадский Г.В. Опыт истории Евразии с половины VI века до настоящего времени.– Берлин, 1934.– С. 109.

148 Вернадский Г.В. О движении русских на Восток.// Научный исторический журнал. СПб. 1913 - 1014.– Вып.2.– С.153.

149 Кляшторный С. Россия и тюркские народы: евразийская перспектива // Татарский мир.– № 6.

150 Хара-Даван Э.Д. О кочевом быте / Предисл. П. Н. Савицкого // Тридцатые годы.– Париж, 1931.– С. 83-86.

151 Шемякин Я.Г. Отличительные особенности «пограничных цивилизаций». Латинская Америка и Россия в сравнительно-историческом освещении // ОНС.–2000.- № 3.

152 Оразбаева А.И. Евразийство в контексте теории цивилизации //Евразийское сообщество. –2004.- № 1 (45).– С.157.

153 Капустин Б. Г. «Выбор России в евразийском пространстве» // Российская цивилизация Евразия. Цивилизации и культуры. -М., 1996.- № 3; Кондаков И. В. О менталитете русской культуры.- М., 1993; А. Я. Флиер Об исторической типологии российской цивилизации.- М., 1998; С. В. Лурье Россия: община и государственность.- М., 1995.

154 Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: сборник / А. Дж. Тойнби - М.: Рольф, 2002. - С. 233.

155 Ермаков Д.С. Социально-философские основания евразийской цивилизационной парадигмы: дисс. канд. философ. наук.– Владивосток, 2005.

156 Орлова И.Б. Контуры современной евразийской концепции // Доклады Института социально-политических исследований РАН.– М., 2006.– С. 38.

157 Лян Шу Мин. В чем специфика китайской культуры? /Лян Шумин // Проблемы Дальнего Востока. – 2004.- №4.

158 Тойнби, А. Дж. Постигание истории / А. Дж. Тойнби. – М.: Прогресс, 1991.- С. 140.

159 Сорокин, П. Человек, цивилизация, общество /П. Сорокин. - М., 1992. - С. 480.

160 Сорокин, П. А. Главные тенденции нашего времени / П. А. Сорокин. - М.: Наука, 1997. - С. 11.

161 Яковец Ю. Взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: осевая проблема XXI века / Ю. Яковец //Безопасность Евразии.-2001.- № 1 (январь-март).- С. 281.

162 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка//Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология.– М., 1999.– С.2.

163 Alvin, Toffler H. Creating a New Civilization// The Politics of the Third Wave: Turner Publishing, Inc. - Atlanta, 1995.; Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. - М.: АСТ. 1999. - С. 521-522.

164 Международное обозрение.– М., 1999.-№4..

165 Гумилев Л.Н. Чтобы свеча не погасла: диалог. – Л., 1990. – С. 32.

166 Независимая газета.– М., 1996.– 23 мая.

167 Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии.– М., 1966.

168 Губбыева З.О. Историческая концепция евразийства: дис... канд. филос. наук. - М., 1995; Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». - М., 1997; Виленда И.В. Концепция истории России в научном наследии евразийцев: дис... канд. ист. наук. - М., 1996.

169 Омельченко Н.А. Общественно-политическая мысль российского зарубежья об истоках, значении и историческом опыте революции 1917 года в России: автореф. дисс... ист. наук.- М., 1995.

170 Ключников С. Восточная ориентация русской культуры // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сб. трудов евразийцев.– Беловодье, 1997; Мамонтов С.П. Евразийство, большевизм и современная Россия // Цивилизация и культуры.– М., 1994.– Вып.1; Хачатурян В. Революция и русская культура в концепции евразийства //Европейский альманах. История, традиции, культура. – М.: Наука, 1993.

171 Ищенко Е.Н. Развитие евразийской традиции в трудах Л.Н. Гумилева и современном евразийстве: дис. ... канд истор. наук.– Иркутск, 2004.

172 Королева-Конопляная Г.И. Теория этногенеза Л.Н.Гумилева // Социально-политический журнал. - 1994. - № 7-3; Чемерисская М.И. Гумилев Л.Н. и его научное наследие //Восток. -1993.–№3.

173 Ахраменко Л.П. Биосферная концепция этногенеза Л.Н.Гумилева: дис... канд. филос. наук. - М., 1994; Трубникова Н.В. Концепция этносов Л.Н.Гумилева и опыт ее интерпретации (на примере североамериканского этноса): дис... канд. ист. наук. - Томск, 1998; Загоскин Д.В. Закономерность этногенеза и историческая закономерность в исторической концепции Л.Н. Гумилева. Деп. ИНИОН РАН. - Томск, 1998.

174 Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы. - Нью-Йорк, 1956.-С. 48.

175 Савицкий П.Н. Идеи и пути евразийской литературы / ГАРФ Ф. П.Н.Савицкого Цит. по кн. Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сб. тр. евразийцев. - М.: Беловодье, 1997.- С. 375.

176 Евразийский временник. - Берлин: Евраз. книгоизд-во, 1925. - Кн. 4. -

445 с.

177 Евразийский временник. - Берлин: Евраз. книгоизд-во, 1927. - Кн. 5. - 308 с.

178 Вернадский Г.В. Начертание русской истории - М.: Айрис-пресс, 2002. - 368 с; Толль Н.П. Скифы и гунны. Из истории кочевого мира. - Прага: Евраз. книгоизд-во, 1928. - 80 с; Клипинин Н.А. Святой и благоверный великий князь Александр Невский. - Париж, 1927.

179 Хара-Даван Э. Чингис-Хан как полководец и его наследие. - 2-е изд. - Элиста, 1991.

180 Пушкарев С.Г. Обзор русской истории - СПб.: Издат-во «Лань», 1999. - 432 с.

181 Пушкарев С.Г. О русской эмиграции в Праге // Новый журнал. - 1983. - № 151. - С. 143-144.

182 Статьи П.Н.Савицкого «Степь и оседлость», «Евразийская концепция русской истории», «Континент-океан» и др. // Савицкий П.Н. Континент Евразия. - М.: Аграф, 1997. - 464с.; статья Б.Ширяева Национальное государство на территории Евразии // Евразийская хроника.- Париж: Евраз. книгоизд-во, 1927. - Вып. 7; статьи М.Шахматова.

183 Трубецкой Н.С. Европа и человечество // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. - М.: Аграф, 2000. - 560 с; Карсавин Л.П. Церковь, личность и государство // Карсавин Л.П. Малые сочинения. - СПб.: Алетейя, 1994; Карсавин Л.П. Философия истории. - СПб.: АО Комплект, 1993; Алексеев Н.Н. Евразийцы и государство // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. - М.: Аграф, 1998.

184 Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. - М.: Мысль, 1993. - 781с.

185 Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории.- М.: Экопрос, 1994. - 336 с.

186 Гумилев Л.Н. Князь Святослав Игоревич // Наш современник.-1991. - № 8; Апокрифический диалог // Нева.- 1998.- №3,4; Люди и природа Великой степи // Вопросы истории. - 1987. - №11; Эпоха Куликовской битвы // Огонек.-1980. - № 36; Место исторической географии в востоковедческих исследованиях// Народы Азии и Африки. -1070.-№1; «Меня называют евразийцем...». Интервью // Наш современник. - 1991. - № 1; «Человечность превыше всего». Интервью // Известия. - 1989. - 24 июля; «Мы абсолютно самобытны». Интервью // Невское время. - 1992. - 12 августа; Искать то, что верно. Интервью - 1990. - № 1; «...если Россия будет спасена, то только через евразийство». Интервью // Начала. - 1992.-№4; Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. - М.: Танаис, 1994.-544 с.

187 Вернадский Г.В. Русская библиография. - М., 1998. - С. 343-347.

188 Трубецкой Н.С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана.- С.226.

189 Гумилев Л.Н. Древние тюрки. - М., 1993; Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. - М.: Танаис, 1993; Гумилев Л.Н. Хунны.- М., 1960;

Гумилев Л.Н. Легенда и действительность в древней истории Тибета // Вестник истории мировой культуры. - 1960. - № 3; Гумилев Л.Н. Три исчезнувших народа // Сб. «Страны и народы Востока». - М., 1961. - Вып 2; Гумилев Л.Н. Соседи хазар // Страны и народы Востока. - 1965. - Вып. 4. и др.

190 Вернадский Г.В. Из воспоминаний // Вопросы истории. – 1995. - №3.

191 Гумилев Л.Н., Алексин А.А. Каспий, климат и кочевники Евразии // Труды общ-ва истории, археологии и этнографии. - Казань, 1963. - Т.1.

192 Карсавин Л.П. Философия истории. - СПб.: АО Комплект, 1993. - С.29.

193 Лурье Я.С. Древняя Русь в сочинениях Л.Н.Гумилева. - Звезда.- 1994.- № 4.- С. 176.

194 Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII-XIV вв.).- М.: Аспект пресс, 2001.- С.122.

195 Шахматов М.В. Подвиг власти: опыт по истории древнерусских политических идей // Евразийский временник. - Берлин: Евраз. книгоизд-во, 1923. - Кн. 3; Шахматов М.В. Государство правды: опыт по истории древнерусских политических идей // Евразийский временник. - Берлин: Евраз. книгоизд-во, 1925. - Кн. 4.

196 Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». - М. 1997.-С. 86.

197 Вернадский Г.В. История России.-Тверь: ЛЕАН, 1996.-С. 50-56.

198 Дьяконов И.М. Огненный дьявол //Нева. – 1992.-№4; Клейн Л. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л.Н.Гумилева // Нева, 1992. - №4; Чивилихин В. Память // Наш современник.-1980.- №12.

199 Вернадский Г.В. История России. Монголы и Русь... - Т.3.- С.5.

200 Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства...- С. 388.

201 Пономарева Л. Типология евразийства//Евразийская перспектива. - М., 1994.

202 Алексеев Н.Н. Русский народ и государство // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство.- С.71.

203 Гумилев Л.Н. Горе от иллюзий // Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. - М.; Экопрос, 1993. - С. 187.

204 Гомбожапов А.Д. Кочевые цивилизации Центральной Азии в трудах Л.Н. Гумилева: дис. ...канд. истор. наук.- Улан-Удэ. 2008.

205 Маршак Б.И. Возражения Л.Н. Гумилеву.- М., 1965.

206 Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии.- М., 2000.- С.65.

207 Васильев К.В. Рецензия на книгу Л.Н. Гумилева «Хунну. Срединная Азия в древнее время» // Народы Азии и Африки.- М.,1961.- С.126.

208 Думан Л.И. Рецензия на книгу Л.Н. Гумилева «Хунну. Срединная Азия в древнее время» // Народы Азии и Африки.- М.,1962.- С.199.

209 Воробьев М.И.. Рецензия на книгу Л.Н. Гумилева «Хунну. Срединная Азия в древнее время» // Народы Азии и Африки.- М.,1962.- С.201.

210 Андрианов Б.А. Некоторые замечания по поводу статьи Л.Н. Гумилева «Роль климатических колебаний в истории народов степной Евразии» //

Народы Азии и Африки.- М.,1968.- С.234.

211 Шевченко Ю.Ю. Теория этничности, теория этноса и теория этногенеза, или феномен Льва Николаевича Гумилева // [http www. kulichki. com/gumilev.](http://www.kulichki.com/gumilev)

212 Публикации моих работ блокируются». Кто и почему отвергал Л.Н.Гумилева // Источник. - 1995.-№5.

213 Иванов К.П. Взгляды на этнографию или есть ли в советской науке два учения об этносе // Известия ВГО. - 1985. - Т.117. - Вып.3. - С. 238.

214 Гумилев Л.Н., Иванов К.П. Этносфера и Космос // Материалы Второго Всесоюзного совещания по космической антропозологии. - М., 1984. - С. 211-220.

215 Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли.- М., 1994.- 544 с.

216 Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. - М.: Экопрос, 1993.

217 Бутусов К., Мичурин В. Лев Гумилев: Космос и Человечество // Международный научно-худож. Журнал пограничных знаний «Герминатор». -1995.- № 4/5.

218 Мичурин В.А. Воссоздание Российской государственности // Новая Россия. - 2000. - № 1.

219 Мичурин В.А. Россия после надлома // Дети фельдмаршала.- 2000. - №10.

220 Бондаренко О. Философия выживания этноса. - Бишкек: Илим, 1998.

221 Айзатулин Т.А. Евразийская геоподоснова «особенной стати» России // Интернет-журнал Евразийский вестник. - 2000. - № 2. – [http: // www. e- journal. ru](http://www.e-journal.ru); Айзатулин Т.Л. Судьба России - судьба ноосферы (к естественно-научной теории динамики России в контексте гео- и этнодинамики) // Alma Mater. Вестник высшей школы - 1992. - № 7/9.

222 Айзатулин Т.А. Теория России. Геоподоснова и моделирование. - М., 1999.

223 Айзатулин Т.А., Кара-Мурза С.Г., И.А.Тугаринов Этнокоммунология - наука об общежитии народов. От Тютчева к Гумилеву и далее // Сб. тез. 2-х Гумилевских чтений.- 1998; Кризис в России в свете национальной политики // Интернет-Журнал Евразийский вестник.-2000.- №1.- [http: // www. e- journal. ru.](http://www.e-journal.ru)

224 Шишкин И.С. Внутренний враг // Держава. - 1996.- № 6,7.

225 Шафаревич И.Р. Русофобия / Шафаревич И.Р. Сочинения в 3 т.- М., 1994. - Т. 2.- С.86-172.

226 Махнач В.Л. Россия в 20 столетии (Диагноз историка культуры)/ Иное 3-х тт. - М., 1995.- Т.1.

227 Балашов Д. Памяти учителя // Наш современник.-1993.-№ 8.- С.142,

228 Балашов Д.М. Собрание сочинений. В 6 т. - М.: Худ. лит., 1991.

229 Гумилев Л.Н., Панченко А.М. Чтобы свеча не погасла: Диалог. - Л.: Сов. писатель, 1990.- С.118

230 Лавров С.Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. - М.; Сварог и К., 2000.–

408 с.

231 Linn Jh., Tiomkin D. The New Impetus towards Economic Integration between Europe and Asia. Asia Europe Journal.- Vol. 4, Issue 1 (April 2006).- p.31-41

232 Назарбаев Н.А. Интервью // Россия.- 1995.- октябрь.

233 Дугин А.Г. Евразийство: от философии к политике // Докл. на Учред. съезде ОПОД «Евразия» (21 апреля 2001 г. Москва) // Основы евразийства. – М.: Арктогея- центр, 2002.- С.16-26.

234 Дугин А.Г. Конец пролетарской эры//Советская Литература.-М. 1989.

235 Дугин А. Основы геополитики.- М., 1996.- С.45.

236 Евразийский взгляд. Основные принципы доктринальной евразийской платформы.- М., 2002.- С.13.

237 Евразийство: теория и практика. - М., 2001. - С. 49.

238 Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. - М., 2000. - С. 785.

239 Программа политической партии «Евразия». – М., 2002.

240 Лавров С.Б. Евразийство: современность концепции //Москва соборная.– 1999.- № 10.

241 Назарбаев Н.А. Евразийский союз: идеи, практика, перспективы. 1994-1997. - М., 1997.- 104 с.

242 Селиверстов С.В. Казахстан как евразийская страна: географический и историко-цивилизированный аспекты идентичности // Тез. докл. и сообщ. межд. Евразийского форума «Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность».– Астана-Омск-Томск, 2003–С. 184.

243 Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). - М., 1998.-С.11.

244 Богатуров А., Кременюк В. Американцы сами никогда не остановятся // Независимая газета. - 1996. -28 июня.

245 Геополитика террора (геополитические последствия террористических актов в США 11 сентября 2001 года). - М., 2002. - С. 56-65.

246 Казахстанско-российские отношения 1991-1995. Сборник документов и материалов. - Алматы, Москва: МИД РК, 1999.-С.72-73.

247 Токаев К.К. Внешняя политика Республики Казахстан в период становления нового мирового порядка: дис. ... докт. полит. наук.- М., 2001.- С.53.

248 Назарбаев Н.А. Выступление на международной научно- практической конференции «Евразийское пространство: интеграционный потенциал и его реализация».- Алматы, 1994.- 20 сентября.

249 Назарбаев Н.А. Евразийское соглашение: идеи, практика, перспективы 1994-1997 гг.- М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997.- С.32-38.

250 Казбеков Б.К. Внешнеэкономические отношения государства в переходный период: регулирование, проблемы, перспективы. - Алматы: Ғылым,

1996.- С.207.

251 Сборник документов по международному праву. - Алматы: АО Сак, 1998. - Т.2.- С.250-254.

252 Селиверстов С.В. Возвращение евразийства: некоторые аспекты российской историографии начала 90-х годов XX века // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения. – Омск, 2004.

253 Юров О.В. Предпосылки политической интеграции постсоветского пространства: дис. ... канд. полит. н.- Саратов, 2005.- С.3.

254 Назарбаев Н. Вместе мы можем сопротивляться глобализации / Н.Назарбаев // Независимая газета.- 2001.- 29 апреля.

255 Ермекбаев Ж.А. Евразийство Н.А. Назарбаева как парадигма цивилизации XXI века. Мир Евразии: история, современность, перспектива: Труды пятого Международного научного форума/ Под ред. С.А. Абдыманапова. – Астана: Издательство ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2006. -429 с.

256 Запись на канале «Культура» от 19 февраля 2003 года.

257 Агешин Ю.А. Мир в новом измерении. - М., 2002.- С. 153.

258 Назарбаев Н.А. Стратегия независимости. Алматы: Атамұра. - 2003.- С.139.

259 Гумилев Л.Н. Историко-философские сочинения князя Н.С. Трубецкого (заметки последнего евразийца) //Наше наследие.-1991.-№3.

260 Реальный компонент стабильной жизни // Казахстанская правда.- 2006.- 13сентября.

261 Белошапко А.В. Социокультурная концепция русскооевразийства: зарождение и эволюция доктрины: дис....канд.филос. наук.- М.,2006.- С.95-96.

262 Дугин А. О евразийстве //Савицкий П. Н. Континент-Евразия.- М., 1997.- С. 6-12; Дугин А.Г. Евразийский триумф //Савицкий П. Н. Континент Евразия.- М., 1997.- С. 433-45; Дугин А.Г. Теория Евразийского государства: Предисловие //Алексеев Н. Н. Русский народ и государство.- М., 1998.- С.5-20; Дугин А.Г. Преодоление Запада (Эссе о Николае Сергеевиче Трубецком) //Трубецкой И. С. Наследие Чингисхана.- М., 1999.- С. 5-25.

263 Дугин А. Великая война континентов // День.- 1992.- С.5.

264 Лавров, С.Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи / С.Б. Лавров.-М.: Айрис-пресс, 2003; Шишкин И.С. Учение Л.Н. Гумилева, евразийство и русский вопрос [электрон. ресурс] / И.С.Шишкин // Интернет-журнал Евразийский вестник, 2002.- №14. <http://Gumilevica.net./КМ1/2.html>.

265 См.: Панарин А.С. Евразийство: за и против, вчера и сегодня. Материалы круглого стола// Вопросы философии.- 1995; Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством).- М., 1994; Панарин А.С. Антиевразийство и новое евразийство в канун XXI века // Евразийство: проблемы осмысления.- Уфа: Изд. «Восточный университет», 2002.- С. 15-23.

266 Панарин, А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке / А.С. Панарин.- М.: Алгоритм, 2003; Ерасов, Б.С. Цивилизации: универсалии и само-

бытность / Б.С. Ерасов.- М., 2002.; Гиренок, Ф.М. Евразийские тропы / Ф.М. Гиренок // Глобальные проблемы и перспективы цивилизации: (Феномен евразийства).- М.: ИНИОН РАН, 1993.- С. 162-179; Мадхаван К. Палат. Евразийство - идеология будущего России / К. Палат Мадхаван // Культурное наследие российской эмиграции: 1917 - 1940 гг.- М., 1994.- С. 80-87.; Син Бом Сик. Идеи «евразийства» и современный российский идейно-политический процесс / Сик Син Бом // Автореф. дис. ...канд. полит, наук.- М., 1997.

267 Пащенко В.Я. Евразийству - 80 лет // Вестник МГУ. Философия (Сер.7).- 2001.- №4.- С.3-19; Пащенко В.Я. Идеология евразийства.- М.: Изд-во МГУ, 2000. - 445с; Пащенко В.Я. Европа и человечество- «Катехизис евразийства»// Евразийская идея и современность.- М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2002. - С.72-92; Пащенко В.Я. Монгольский фактор в истории России // Там же. - С.93-97.

268 Алексеев, В.В. Регион-этнос-культура: грани евразийской парадигмы /В.В. Алексеев // Евразийство: историко-культурное наследие и перспективы развития. Докл. межд. научно-практ. конф.- Уфа: Восточный университет, ВЭГУ, ЦЭИ УНЦ РАН, 2000.- С.19-20.

269 Лушников О.В. Предпосылки, формирование и развитие евразийской идеи: история и современность: автореф. ... дис. на соиск. уч. ст. к.и.н.- Ижевск, 2008.- С.22.

270 Хоружий С. С. Карсавин и де Местр//Вопр. философии.- 1989.- №3.- С. 79-92.

271 Дугин А.Г. Конец пролетарской эры//Советская Литература.-М., 1989.

272 Генон Р. Кризис современного мира.- М.: Арктогея, 1992.-160 с.

273 Зюганов Г. За горизонтом: (О новейшей российской геополитике).- Орел: Великие воды, 1995.

274 Элементы, Евразийское Обозрение.- М.: Арктогея, 1993-1998 гг.- №1-9.

275 Камратов Д.Р. Проблемы и перспективы внешнеэкономического сотрудничества Казахстана и России: автореф. ... к.э.н.- М., 2008.- С.9.

276 Казахстанская правда.- 1995.- 16 декабря.

277 Андреев А.А. Россия и Казахстан в 1990-е гг.: опыт сотрудничества: автореф дис... к.и.н.- 2009.- С.3.

278 Лукьянов Р. Е. Военная интеграция стран - участниц СНГ.- М., 1993.- С. 40-41.

279 Декларация о расширении и углублении казахстанско-российского сотрудничества // Казахстанская правда. - 1995. - 21 января.

280 Назарбаев Н.А. Послание народу Казахстана. Стратегия вхождения Казахстана в число 50-ти наиболее конкурентоспособных стран мира. - Астана, 2006.- 1 марта. // <http://www.akorda.kz>.

281 Декларация о расширении и углублении российско-казахстанского сотрудничества; подписанное совместно с Беларусью Соглашение о Таможенном Союзе; Договор о правовом статусе граждан России и Казахстана,

постоянно проживающих на территории друг друга; Соглашение об упрощенном порядке приобретения гражданства при въезде из страны в страну, а также ряд важных соглашений в области военно-технического сотрудничества.

282 Кривохожа В. Россия в новой структуре международных отношений (Наброски концепции национальной безопасности) // Политические исследования. - 1995.- № 3; Колчин С. Россия – ближнее зарубежье: взаимоотношения, интересы, цели политики // Мировая экономика и международные отношения.- 1995.- №4; Назиров Ш.Г. О некоторых вопросах формирования российско-казахстанских межгосударственных отношений // Россия – СНГ – Азия (проблемы и перспективы сотрудничества) .-М., 1993.- С. 61-66; Политология. Курс лекций.- М., 1995.- Гл.2.

283 Видеманн В. Россия: задворки Европы или авангард Евразии? – Императив (Международный политологический информационный бюллетень). – 1996.- № 1.- С. 47-51. Городников С. Историческое предназначение русского национализма. – М., 1994.

284 Загладин Н.В. Национальные, национально-государственные интересы в системе международных отношений // Некоторые вопросы теории международных отношений. – М., 1995.- С. 13; Черников Е.Л. Национальные интересы России: историко-политологический аспект// Власть.- 1996. - № 11.

285 Введение в теорию международного конфликта. Глава 2. – М., 1996.- С. 37-76.

286 Олтеану О.М. Правовой механизм эволюции ЕАС к наднациональным федеративным структурам // Вести Моск. Ун-та. Сер. 11. Право.- 1998.- №1; Соловьев А. Интеграционные механизмы Европейского Союза // Проблемы глобальных и региональных интеграционных процессов. – М., 1996.- С.132-147.

287 Бофинберг П., Флассбек Г., Хоффман Л. Экономика ортодоксальной монетарной стабилизации: пример России, Украины и Казахстана // Вопросы экономики. – 1995.- № 12; Ертлесова Ж., Усманова Ф. Состояние и перспективы экономических отношений Казахстана и России // Казахстан и мировое сообщество. -1995.- № 2 (3); Куликов В. Экономические реформы в Казахстане: перспективы экономического взаимодействия с Россией// Россия и Казахстан – стратегия будущего. – Алматы, 1993.

288 Музапарова Л. Основные перспективные направления казахстанско-российского экономического сотрудничества. / Казахстан в глобальных процессах.- 2008.- №3 (17).- С.75-76.

289 Терещенко С. А. Казахстан: экономика, реформа, рынок.- М., 1993. – С. 126.

290 Гиззатов В. Правовой статус Каспийского моря, проблемы и перспективы сотрудничества прикаспийских государств// Саясат. – 1995.- № 3; Касенов У. Россия, Закавказье Центральная Азия: нефть, трубопроводы и геополитика// Казахстан и мировой сообщество. – 1996.- № 1.

291 Абусейтов К.Х. Республика Казахстан в разоружающемся мире //

Саясат. -1995. - № 3; Касенов У. Надежны ли гарантии «ядерного клуба»? // Мысль. - 1993. - № 7; Известия. - 1996. - 13 сент. Справка: МБР СС-18 «Сатана» (по классификации НАТО) имеет 10 разделяющихся головных частей индивидуального наведения (РГЧ ИН) мощностью более 1 мегатонны каждая. Дальность пуска - 12.000 км.

292 Мигولاتьев А.А. Мировой политический процесс: современные тенденции // Кентавр. - 1994. - № 6. - С. 146.

293 Шевелев Э.Г. Перспективы военно-технического сотрудничества с зарубежными странами в области техники и вооружений военно-морского флота. - М., 2005.

294 Российская Федерация: безопасность и сотрудничество, - М., 1995.- С.121.

295 Внешняя политика России: Сб. документов.-М.,1990-1992;1993; 1994; 1996-2000; 2001-2005; Казахстанско-российские отношения 1991-1995, 1996-2000, 2001-2005 гг. – Сб. документов и материалов и др.

296 Соглашение между Правительством РК и Правительством РФ о сотрудничестве пограничных областей республики Казахстан и Российской Федерации // Казахстанско-российские отношения в 1991-1995 гг. Документы и материалы. - Алматы-Москва, 1996.- С. 236-240.

297 Соглашение об образовании Содружества Независимых Государств // Казахстанско-российские отношения в 1991-1996 г.- Алматы -М., 1996. - С.319-322; Соглашение стран СНГ о международно-правовых гарантиях беспрепятственного и независимого осуществления деятельности Межгосударственной телерадиокомпании «Мир» // Бюллетень международных договоров. - 1994. - № 3 и др.

298 Путин В.В. Об укреплении дружбы и добрососедства. Интервью газете Известия. 26 ноября, 2000

299 Путин В.В. Выступление на церемонии открытия Года России в Казахстане // <http://www.kremlin.ru>.

300 Российская газета.- 2010.- 15 сентября.

301 Бердяев Н.А. Евразийцы //Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов.- М., 1992; Степун Ф.А. Россия между Европой и Азией // Чаемая Россия.- СПб,1999.

302 Панарин А. Западники и евразийцы // Общественные науки и современность. - 1993. - № 6. -С. 61.

303 Панарин А.С. Россия и Евразия: вызовы и ответы // Вест. МГУ. - Сер. 12. - 1994. - № 5.

304 Ерасов Б.С. Социокультурные и геополитические принципы евразийства // Политические исследования. - 2001, - № 5.

305 Ильин М.В. Геохронополитические членения культурно-политического пространства Европы и Евразии: сходства и различия // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. Материалы семинара.- М., 1999.

306 Цымбурский В.Л. Остров Россия: перспективы российской геополитики

тики // Полис.- 1993. - № 5; Цымбурский В.Л. Циклы похищения Европы (Большое примечание к «Острову Россия») // Иное. - Т.2. - М.: Аргус, 1995. С. 207-254; Цымбурский В.Л. Народы между цивилизациями // Pro et Contra. - 1997. - № 3; Цымбурский В. «Европа-Россия»: «третья осень» системы цивилизаций // Полис. - 1997,- №2; Цымбурский В.Л. Геополитика как мировидение и род занятий // Полис. - 1999. - № 4; Цымбурский В.Л. Геополитика для «евразийской Атлантиды» // Pro et Contra. - 1999. - № 4.

307 Цымбурский В.Л. Остров Россия: перспективы российской геополитики // Полис. - 1993. - «№ 5

308 Цымбурский В.Л. Геополитика как мировидение и род занятий // Полис.-1999. - № 4.

309 Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М.: Аспект пресс.- 1995. - С. 473.

310 Кара-Мурза А.А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. - М., 1995; Кара-Мурза А.А. Между Евразией и Азией»/ Иное. - М., Аргус, 1995.

311 Кара-Мурза А.А. Между Евразией и Азией»/Иное... С. 171.

312 Кожин В.В. Победа и беда России. Русская культура как продолжение истории. - М.: Алгоритм, 2000.

313 Кожин В.В. Историософия евразийства // Наш современник. - 1992.- № 2.

314 Титаренко М. Л. Россия лицом к Азии. - М.: Республика, 1998;

315 Пащенко В.Я. Европа и человечество- «Катехизис евразийства» // Евразийская идея и современность. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов.- 2002. - С.72-92.

316 Очирова Т.Н. Евразийская модель культуры // Цивилизации и культуры. – 1994.- Вып. 1.

317 Нарбаев Н.Б. Россия и Евразия: проблемы государственности. Вторая пол. XIX - начало XX века. - М.: Наука, 1997. - 288 с.

318 Исхаков Д.М. Критика новой евразийской идеологии в Татарстане // Евразийство: историко-культурное наследие и перспективы развития.- Уфа, 2000. С. 91-93

319 Червонная С.М. Тюркский мир Кавказа и Крыма в парадигме евразийской идеи // Там же.- С.79-80.

320 Кузеев И.Э. Россия и Турция в Евразии // Там же.- С. 66.

321 «Русский узел»: идеи и прогнозы журнала «Москва».- 1999.

322 Сачко Г. Евразия в мировой политике: ретроспективный и перспективный дискурсы // Евразийство: история, теория, политика.- М., 2001.- № 5.- С. 8.

323 Диалог Евразия. Проект «Жить вместе» // www.da.com.tr.

324 Современное переосмысление евразийства в России и Казахстане. Дискуссионный клуб Политон.- 2005.- 15 марта. [http:// www.club.kz](http://www.club.kz)

325 Айталы А. Выступление на конференции «Противостояние имперской политике: от алашского движения до декабрьских событий».- 2007.- 10

декабря.

326 Россия. – 1995.- 20 октября.